

МИХАИЛ
ДАДАШЕВ

В ПЛЕНУ АПАТЫ

МИХАИЛ
DADASHEV

В ПЛЕНУ АПАТЫ

Дагестанское
книжное издательство
Махачкала 2008

ББК 84.4 (Даг.) – 44
УДК 821. 351

Дадашев М.

Д-14 В плену Апаты: Повесть, роман, рассказы, притчи. – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2008. – 472 с.

Михаил Дадашев – член Союза писателей России, автор ряда романов, повестей, рассказов и пьес на татском и русском языках. Родился в древнем Дербенте, окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, живет и работает в Москве.

Литературная деятельность в семье Дадашевых традиционна: известным поэтом был его дядя Манувах Дадашев, а далекий предок Хизгия-эми Дадашев – первым сказителем своего народа.

В книгах Михаила Дадашева, вышедших в разные годы в центральных и республиканских издательствах («Исповедь», «Судьба», «Два брата» и др.), отражаются нелегкая историческая судьба татского народа, его нравы, быт и обычаи.

В предлагаемый читателю сборник прозаических произведений вошли повесть «В плену Апаты», роман «Маковый след», рассказы и притчи.

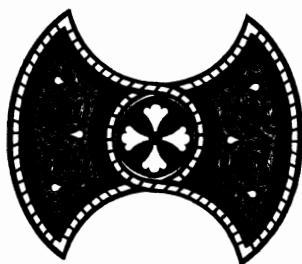
Д $\frac{47021570100 - 102}{М 123-2008}$ 14-2008

© Дадашев М.Б., 2008
© Дагестанское книжное
издательство, 2008

ISBN 978-5-297-01422-8

В ПЛЕНУ АПАТЫ

**ДОКУМЕНТАЛЬНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПОВЕСТЬ**

*Коль обо мне тебе весть принесут,
скажут: «Изменник он! Родину предал!»
– не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.*

*Муса Джалиль
«Не верь!»*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В широком, высоком и довольно длинном коридоре хирургического отделения гастроэнтерологического института, напоминающем строевое помещение старого кадетского корпуса, через каждые несколько метров были установлены лампы дневного света. И казалось, что слева и справа были расположены не ряды больничных палат, операционная, ординаторская и прочие врачебные и сестринские кабинеты, а большие окна, освещаемые ослепительными лучами предвесеннего солнца. И хотя во дворе по-волчьи выла метель и мороз последнего февральского дня, обозлившись на наступающую весну, не на шутку показывал характер, все же внутри этого большого милосердного здания было тепло.

Среднего роста, стройный, не по возрасту седой, пятидесятилетний хирург, в голубом халате и в белом колпаке, остановился у лампы и, держа большим и указательным пальцами правой руки только что сделанный рентгеновский снимок, на ходу рассматривал его на свет. Чуть дальше медбрат, улыбаясь больному, двигал каталку с ним в сторону операционной. Уже в

летах сестра у дежурного столика делала какие-то пометки в предписании врача и раскладывала лекарства. Из реанимационной вышла молоденькая сестра и направилась к ординаторской. Шла обычная рутинная работа медперсонала.

– Мариночка, – заметив проходящую рядом сестру, остановил ее хирург, – как там наш... из реанимации?

– Проснулся, Алексей Сергеевич, просил пить...

– Нет, с этим мы повременим, – ответил хирург, – я сейчас пойду проведу его...

После тяжелой операции по резекции желудка, которая длилась два с половиной часа, больного перевезли в реанимационное отделение. Еще там, за операционным столом, освобождая его от вышедшей из строя значительной части желудка, выдавший виды хирург удивленно произнес:

– Да, батенька, этакое чудо...

Позднее он признается своим коллегам, что, увидев образовавшуюся язву, поразился мужеству этого шестидесятилетнего человека, который около 30 лет, никогда не жалуясь окружающим, мучительно переносил страшные боли в желудке.

Теперь, когда действие наркоза уже прошло и оперированный пришел в себя, хирург заглянул к нему в палату и, улыбаясь, буднично спросил:

– Как себя чувствуете, Мугдаши Яхьяевич?

Худощавый, все еще бледный, с правильными чертами лица, высоким лбом и усеченными у носа треугольными с проседью усами, лежащий на койке больной больше походил не на еврея-сеμίта, а на кавказского горца.

– Как будто нормально, спасибо, – не сразу ответил больной и сделал попытку улыбнуться...

– Вот и хорошо, еще несколько дней будет больно, пить и есть нельзя, будем делать капельницу, – хирург помолчал, словно обдумывал что-то, и неожиданно спросил: – Скажите, Мугдаши Яхьяевич, вас в молодости в живот били?

– Били... – не то подтвердил, не то переспросил больной, невольно уйдя в воспоминания о прошлом...

2

Близ западной окраины города Вязьмы, на двадцатикилометровом квадрате, охватившем и часть железнодорожных путей с прилегавшими к ним лесополосами, началось нечто такое, что казалось, будто наступило светопреставление или этот клочок земли неожиданно стал центром извержения гигантского огнедышащего вулкана, средоточием мирового зла. Свежий осенний воздух наполнился вдруг удушливой гарью, смрадным запахом обожженных человеческих тел, криками ужаса, стонами умирающих, сполохами вспышек и тревожными волнами неестественного тепла.

В этом крошечном аду, вместе с другими отступавшими и обескровленными частями, оказался 15 октября 1941 года и чудом сохранившийся объединенный батальон разгромленного полка 106 мотострелковой дивизии. Он потерял за последние два месяца три четверти своего состава, и теперь командир полка, сохранив свое звание, фактически стал комбатом, вместо погибших командиров всех четырех батальонов. Именно в этот «осколочный», как его называли солдаты, батальон, не долечившись от полученной накануне контузии, как говорится, на марше был направлен комиссаром двадцативосьмилетний Мугдаши Яхьяевич Хизгилов. Отчаявшись найти свой полк, где до ранения служил комиссаром батальона, он уговорил оказавшегося в сентябре в районе Смоленска командира 106 мотострелковой дивизии направить его в одно из своих подразделений.

Несмотря на то, что все части, расположенные в этом квадрате, были осведомлены о наступлении врага, все же отразить его прорыв, поддержанный внезапно оказавшимся в тылу десантом, не удалось. Артилле-

рийская канонада, глухой рокот танков, массированные налеты авиации, стремительность и четкое, размеренное остервенение, с которым противник провел окружение и фактическое уничтожение уступающих в живой силе и техническом оснащении советских частей, – все это вместе взятое решило исход боя.

Вскоре по трассирующим пулям врага стало ясно, что кольцо окружения замыкается.

К полудню комполка и комиссару удалось обойти окопы, в которых занял оборону батальон. Кадровый офицер, участник боев на финской границе, выдавший виды командир, был бледен до неузнаваемости. То, что он увидел: искалеченных, израненных бойцов, истерзанные трупы, смертельный испуг в глазах оставшихся в живых бойцов, – вконец вывело его из себя. Половины и этого, «осколочного», батальона уже не было, будто враг знал расположение оборонявшихся солдат и методично, с точностью до метра, забрасывал их снарядами.

Не сгибаясь, хотя вокруг свистели пули и осколки снарядов, комбат, высокий, широкоплечий, осунувшийся и безвременно поседевший 50-летний богатырь, и юркий, бесстрашный комиссар продолжали путь к блиндажу.

– Пригнитесь, товарищ комполка! – крикнул комиссар, когда рядом с головой комполка, вспоров край окопа, свистнула и пролетела шальная вражеская пуля.

Так и не склонившись, командир лишь выругался и безысходно махнул рукой. Он продолжил свой путь, будто здесь, среди этих вчера еще полных сил молодых бойцов, на еще ни разу не целованных губах которых замерла теперь непонятная улыбка смерти, хотел остаться навсегда.

– Ничего не пойму, – уже в блиндаже растерянno, но без тени испуга, словно спрашивая самого себя, проговорил комполка, – почему нас бьют, почему они сильнее? Ты можешь объяснить все это, комиссар? – дрог-

нувшим голосом неожиданно обратился он к Мугдаши и, не дождавшись ответа, снова спросил: – Где же наши хваленые силы? Обман... с самого начала обман... Вот и катимся назад, оставляя землю-матушку усыпанной телами сынов наших... Вначале гробили своих в мирное время, а теперь – на войне... Кто за это ответит, комиссар?! Чего они хотят там? – он возмущенно показал рукой куда-то наверх и убежденно добавил: – Опять, как всегда, будут искать козла отпущения и непременно найдут... – Он ненадолго задумался, в глазах его тускло мерцали огоньки смертельной усталости, затем взглянул на Мугдаши и продолжил: – Как тебе известно, я не коммунист, но родину свою люблю не меньше... Мы – сибиряки, комиссар. Отец и шестеро моих братьев имели большое, крепкое хозяйство, жили своим трудом, хорошо жили... Это я, самый младший – отколовшаяся щепка от срубленного кедра... На одном из собраний в те годы, когда «раскулачивали» настоящего мужика, что и говорить, подлинного хозяина земли, отец возьми и скажи: «А кто же будет хлеб растить? Лодыри? Нет, люди, неправильно это, обман это...» Так его и двоих моих братьев, заступившихся за отца, когда его забирали, всех, гуртом, расстреляли... – Он снова ненадолго задумался. – И что мы имеем в результате? Пшик. И таких преступлений на совести «вождей» не счесть, комиссар. Не дай тебе господь столкнуться с этим...

Он говорил страшные слова, никогда раньше при Мугдаши так открыто свое разочарование в отношении партии никто не высказывал. Поэтому подобная «антипартийность» вначале его шокировала, однако, поразмыслив, он объяснил ее вчерашним трагическим для комбата известием о гибели единственного сына, которое окончательно, видно, выбило его из седла.

Мугдаши и сам мучительно искал и не находил ответа на поставленные командиром вопросы. Отнести все постигшие их неудачи на счет неопытности, а еще больше – бездарности, скажем, комполка было нельзя,

ибо перед ним был талантливый военачальник, проявлявший заботу о каждом бойце или младшем командире, не сломленный первоначальными поражениями, а, наоборот, в любой ситуации находивший возможность нанести врагу хоть какой-то урон. Нет, нельзя было отнести все это и к малодушию или, что было совершенно маловероятно, к трусости. Командир обладал трезвым умом и невероятным бесстрашием.

– Что тебе сказать, командир, – задумчиво ответил Мугдаши и прямо посмотрел на своего боевого товарища, – и я ничего не пойму... – И с тревогой оглядывая залегших в соседнем окопе бойцов, добавил: – Мы с тобой...

– Не в нас с тобой вина, Мугдаши Яхьяевич, да и не о тебе речь... Ты не трус, в бою видел, – с грустью ответил командир, – виноватых ищи выше, очень высоко! Хотя бы здесь, на войне, перестали врать, мать их!.. – Он ненадолго умолк и неожиданно решительно заявил: – Вот что, комиссар, тебе в плен попадать никак нельзя: ты коммунист, комиссар, хоть и горский, но еврей...

– Как ты узнал?.. – невольно вырвалось у удивленного Мугдаши.

– Я несколько лет служил в Махачкале, у меня друзья были среди твоих соплеменников, впрочем, это и неважно, ты хороший мужик, Мугдаши. Уходи с оставшимися бойцами, любой ценой... – Он короткими фразами давал последние приказания. – Не могу больше, нет сил терпеть этот бесконечный обман! Прощай, комиссар, не осуждай!

Он молниеносно схватил связку гранат, выбежал из блиндажа, поднялся из окопа во весь рост и бросил ее на медленно продвигавшийся вперед танк. Но прежде чем раздался взрыв, разворотивший вражескую машину, из нее застрочил пулемет, изрешетив большое и сильное тело бесстрашного командира.

– Комполка убило! – крикнул ординарец, набросив на пробитое пулями, окровавленное тело плащ-палатку.

Оставшиеся в живых бойцы обратили взоры на комиссара.

– Вот что, товарищи, малыми группами, быстро, бегите к лесополосам. Это единственный путь выбраться из окружения! – приказал Мугдаши и побежал вдоль железнодорожной насыпи.

Отстреливаясь от наседавшего врага, бойцы устремились за комиссаром. Но не успел Мугдаши сделать и ста шагов, как был ранен в пах, выше правой ноги. К счастью, пуля прошла через планшет, набитый топографическими картами и записной книжкой, и уже ослабевшей вонзилась в тело. Брюки вокруг раны намокли от крови. Зажав рану рукой, Мугдаши продолжал двигаться вперед, уводя за собой горстку бойцов.

«Не останавливаться, – беспрестанно, словно в лихорадке, твердил он себе, выбиваясь из сил, – беги, ибо тебе в плену все равно конец, так лучше смерть в бою или жизнь, беги...»

И он бежал из последних сил. Однако судьбе было угодно устроить ему новые, еще более тяжкие испытания: неожиданно острая боль пронзила и левую ногу. Мугдаши упал и потерял сознание. Осколок разорвавшейся неподалеку мины вошел в голень, задев кость. Взрыв оказался настолько мощным, что земля, на которой минуту назад росли деревья, кустарники, по которой бежали люди, превратилась вдруг в взметнувшийся в небо столб из пыли, металлических осколков, бесформенных человеческих и древесных обрубков, окутавший место падения комиссара незримой завесой. Возможно, именно в эти мгновения бойцы потеряли из виду своего комиссара...

Через некоторое время четверо взятых в плен бойцов с военврачом, ведомые группой вооруженных гитлеровцев, стали подбирать раненых. Тяжелораненых фашисты брать не разрешали, добивали очередь из автомата. Однако командиров любых рангов приказывали брать, если они хотя бы мало-мальски подавали признаки жизни.

Двое шедших впереди бойцов остановились у распростертого на земле Мугдаши.

– Кажется, комиссар соседнего батальона, – тихо сказал один из них и нагнулся к груди лежащего.

– Мертв, наверное, – отрешенно заметил другой.

– Да нет, – уверенно заявил первый, – дышит, а вот и рана в паху, нога кровоточит. – Оставим, может, выживет, – предложил он.

– Нет, – сказал подошедший военврач, – берем, постараемся вылечить...

* * *

Очнулся Мугдаши в лагере – лазарете для раненых военнопленных в Рославле. Застрявшую в паху пулю вытащил пленный военврач пинцетом, поскольку других инструментов не было. Таким же образом была «обработана» рана на левой ноге. Ни условий, ни медикаментов, ни обезболивающих средств, – здесь действовал закон естественного отбора: или умрешь – или, если организм выдержит, будешь жить – третьего не дано.

И Мугдаши понял это с первых дней пребывания в так называемом лазарете. По совету того же врача, с которым он подружился сразу, в течение месяца занимался самолечением. Прибегал к помощи пепла, полученного от сожженных шерстяных лоскутов, или паутины, которую также накладывал на рану, и процесс лечения значительно ускорился. Когда кончились бинты из сохранившихся индивидуальных пакетов, в ход пошли ленты, вырезанные из нательного белья.

Немытые, неухоженные, гниющие раненые распространяли невыносимый запах. Это был не лазарет в общепринятом понимании, а ад, царство смрада и всех паразитов вместе взятых. Раненые умирали не столько от неизлечимых ран, сколько от отвратительного злобония и инфекций.

Что же касается пленных, ранение которых было более тяжелым – задеты внутренние органы или раздроблены конечности, требовалась немедленная операция, то в этих случаях врач был вообще бессилён. На мольбы несчастных быстрее лишить их жизни, чтобы избавить от невероятных мучений, врач опускал глаза и тихо произносил:

– Потерпи, дорогой, вот-вот должны подвезти медикаменты. Крепись, у тебя рана несмертельная...

Но через день-два они умирали в муках. Десятками за сутки. Однако лазарет пополнялся все новыми и новыми ранеными.

Пища для раненых доставлялась почти всегда в одно и то же время и была неизменной – крахмальный суп без соли и добавлений. «Ты его в рот, – горько шутили раненые, – а он – изо рта». Суп этот был противен и несъедобен даже для здорового человека. Но все же глотали, нечего было делать.

Здесь, на отшибе, на этом небольшом, оторванном от остального мира кусочке земли, где размещался лазарет, гитлеровцы не считали нужным держать и большую охрану. Трижды за сутки пятеро вооружённых автоматами немцев сменяли друг друга, не ожидая со стороны полуживых и безоружных людей ни побегов, ни тем более нападения. Да и куда они могли бежать!

Сначала Мугдаши никак не мог понять, для чего нужно было гитлеровцам собирать этих несчастных и измученных болью людей в одном большом сарае, чтобы в скором времени вывести и бросить недалеко в большую яму. Казалось, куда легче было пристрелить их прямо на поле боя и избавить себя даже от той ничтожной «заботы», которую они делали вид, что проявляют. Однако именно в эти первые недели войны они ещё играли в «великодушные» к раненому противнику, изображая из себя цивилизованную армию-победительницу. Много позднее Мугдаши узнал, что, поступая так, фашисты преследовали далеко идущие цели.

В конце четвертой недели плена военврач предупредил Мугдаши, что дальше держать его в лазарете

возможности нет и через неделю его отправят вместе с другими «выздоровливающими» в какой-то концлагерь.

– Ты вот что, друг мой, – почти шепотом говорил ему врач во время очередной прогулки, – если хочешь бежать, береги силы, сократи прогулки, не попадайся фрицам на глаза, чтобы я мог продлить твое пребывание здесь...

Однако Мугдаши торопился, он чувствовал, что дело идет к сравнительной поправке. Хотя, если рана кое-как и заживала, то жизнь от постоянного недоедания держалась в нем лишь благодаря его нечеловеческой воле.

Неузнаваемо обросший, Мугдаши, несмотря на все еще продолжающиеся боли в голени, опираясь на палку, совершал ежедневные короткие прогулки. Ему, высохшему от голода, движения эти стоили огромного напряжения. Несколько раз, под смех гитлеровских охранников, которые потехи ради наблюдали за его мучениями, он падал в обморок, потом, придя в себя, преодолевая жгучую боль в ноге, скрипя зубами, заставлял себя подняться.

«Не ныть, не стонать, продолжать ходить! Ты не имеешь права на усталость, – словно молитву, твердил он себе постоянно. – Ты должен набраться сил и бежать. Здесь ты никто: у тебя нет ни имени, ни звания. Никому до тебя нет дела, раненый пленный и все. Нельзя умереть в неизвестности. Если хочешь жить, собери в кулак всю свою волю! Слышишь, Мугдаши, ты не имеешь право упасть и не встать! Ты должен бежать»!

Мысль о побеге стала его путеводной звездой, и он решил на пятый день недели бежать.

Однако... не через неделю, как он ожидал, а неожиданно на четвертый день, его вместе с тридцатью товарищами втолкнули в машину и повезли. Он теперь уже мог более-менее, опираясь на палку, сносно ходить.

Могилевский концентрационный лагерь, куда привезли Мугдаши холодным ноябрьским днем, был рас-

положен на территории бывшего поселка, где до оккупации жили офицеры советской авиационной части с семьями. Квадрат примерно 350 x 350 метров был обнесен колючей проволокой, по углам стояли сторожевые вышки. Нет, не потому, что гитлеровцы беспокоились об охране лагеря: пленные здесь содержались в таких же условиях, как и в Рославле, их физических и моральных сил, по расчетам фашистов, не могло хватить ни на что, кроме безропотного ожидания смерти.

Значительно больше волновали оккупантов вопросы своей безопасности от бушевавших среди пленных тифа и дизентерии. Именно поэтому часть территории, где жили гитлеровцы, равно как и проходы, по которым они передвигались, были тщательно отделены плотной стеной колючей проволоки.

Начался второй этап фильтрации «выздоровливающих». Лишь только после этого решался вопрос об их пригодности в дальнейшем. Фашистам нужны были сильные, выносливые и безропотные рабы.

Ко времени доставки группы, в составе которой находился и Мугдаши, в лагере находилось уже неопределенное количество пленных. Никакого учета и столь характерных для фашистов проверок не велось. Да в них не было и необходимости, ибо почти каждые две-три минуты здесь умирал пленный. А вести учет мертвых было бессмысленно. Тем не менее в этой обители смерти для вящего страха оставшихся в живых регулярно во дворе, на всеобщее обозрение, вешали от одного до трех военнопленных – символы фашистского «милосердия».

Баракы для военнопленных состояли из комнат площадью 12–14 кв. метров, где были установлены в три яруса нары. В каждую такую комнату впихивали по 22 человека. Спали на полу и на каждом ярусе вповалку – один к одному. Первый от стены клал под голову котелок, пилотку или еще что-нибудь. Каждый последующий лежал, уткнувшись в плечо соседа и тесно прижавшись к нему. Это был единственный способ спастись от лютого холода первой военной зимы.

Жильцы этой комнатухи, истощенные, мертвенно-бледные, с нездоровым блеском в глазах, одновременно могли быть в помещении только в том случае, если три четверти из них лежали на нарах. Именно лежали, ибо сидеть можно было только сгорбившись. Подоконник и пол у окна были покрыты сантиметровым слоем льда.

Еще страшнее страдали люди из-за вшей и прочих паразитов. Они обосновались не только в отвыкших от мыла и воды одеждах этих полуживых людей, высасывая из их и без того обескровленных и истощенных голодной жизнью и моральными муками тел каплю за каплей оставшуюся кровь, но и оккупировали все щели нар, проявляя необыкновенную активность по ночам.

Ночь. Мудрая природа предусмотрела это время для сна и отдыха. А искалеченным двадцати двум пленным вечерние сумерки обещали десятичасовую муку. Стон больных товарищей не давал уснуть Мугдаши.

Сон не шел и от безвестности. Из разговоров охранников знавшие немецкий язык пленники узнавали безрадостные новости, что фашисты якобы окружили и взяли Москву. Все это, вместе взятое, давило на и без того больное сознание, делая жизнь пленных бессмысленной и безысходной.

В подобные критические моменты, когда на весах судьбы оказывалась жизнь, проверялось мужество пленных. Именно в эти дни среди них появились, правда единицы, трусы и предатели, подлые доносчики, которые ради живота своего, пряча глаза от вчерашних товарищей, их же предавали врагу. Ради куска хлеба они становились иудами.

А кусок этот был скуден: он состоял из крошечного пайка хлеба весом 150–200 граммов (из смеси древесных опилок, промолотых картофельных очистков, гнилой муки и воды), бурды из мороженой, немытой и неочищенной картошки и брюквы, заправленной 10–15 крупинками пшена и проса вперемешку. От этого варева отвернулась бы любая живая тварь.

Но как доставалась эта «еда»?

В 4 часа утра при лютom морозе тысячная армия пленных выстраивалась в несколько рядов очереди и двигалась к одному единственному окошечку, откуда выдавался этот «паек». Последние в очереди, пока еще крепкие здоровьем и добравшиеся живыми к окошку, получали свою долю только через 3–4 часа. Во все время пребывания в очереди установленный порядок могли нарушить только падающие замертво или потерявшие сознание. Поднимать их или оказывать помощь запрещалось. За всем этим внимательно следил долговязый гитлеровский офицер, который, подойдя к упавшему, бил его тонким и гибким хлыстом, а потом приказывал немедленно убрать его с территории. С несчастных предварительно сдирали одежду, забрасывали на подводу и выбрасывали в не засыпанный на зимний период противотанковый ров. Даже если кое-кто из них приходил потом в сознание, он уже не мог выбраться оттуда.

Некоторых, на кого донес предатель, выгоняли из очереди и лишали пайка. Те же, кто паек получал, съедал его тут же, не дав даже растаять превратившейся в лед влаге. Правда, при этом многие не забывали кусочек размером со спичечную коробку поспешно завернуть в тряпочку и запрятать глубоко в карман. Эта доля предназначалась для больных товарищей, которые не могли выйти в очередь и которым, разумеется, фашисты не давали ничего.

В общем, все в установленных порядках концлагеря было рассчитано на медленное, но полное вымирание людей, оказавшихся в плену.

После трех–четырёхчасового простаивания на морозе комната с обледевшими подоконником и полом у окна казалась раем. Те, кому довелось возвратиться живыми в этот «рай», сразу занимали свои места на нарах. И как можно меньше при этом допускали движений – нужно было беречь энергию. Сомкнув веки или уставившись в доски верхних нар, каждый из узников

думал о чем-то своем. В который уже раз вновь и вновь проносились перед их немигающим взором картины прожитой жизни, лица родных и близких, родные края. И, как ни странно, пленники умудрялись еще мысленно строить планы на будущее.

Сегодня, в очередной раз, пролежав положенные два-три часа молчком и более-менее отогрев озябшее тело, неунывающий лейтенант-артиллерист Николай Артеменко, попавший сюда без сознания от потери крови с пробитым навывлет плечом, подает голос:

– А знаете, хлопцы, что мне сейчас приснилось?.. Будто мой младшенький Иванко проколол стрелой глаз нашему долговязому фашисту, ей-богу...

– Хорошо бы, – заметил его сосед.

После этой реплики кто-то стал толковать сон, другие подтрунивать над Николаем и в конечном итоге завязался оживленный разговор. В который раз заговорили об ошибках командования на фронте, приведших к окружению и плену, потом стали строить догадки о положении на фронтах вообще, а также о том, придется ли когда-нибудь вырваться из этого ада и почувствовать себя человеком.

Большей частью Мугдаши в этих разговорах не участвовал. Почему-то на память ему шли события предвоенного времени: как он по зову партии, имея бронь, оставил пост редактора республиканской газеты и ушел в действующую армию на Карельский перешеек. Как потом через год, в тревожные апрельские дни 1941 года, получил разрешение командира дивизии сопровождать жену и ребенка на родину, в Дербент. Там у него состоялся разговор с тяжело больным братом:

– Тебе завтра возвращаться в часть, Мугдаши. Может, воспользуешься возможностью остаться в редакции газеты, ведь на войне, как ты знаешь, убивают... Тебе это надо?..

Мугдаши не согласился.

– Да, указание ЦК ВКП (б) о демобилизации меня из армии и возвращении на прежнюю работу редак-

тора есть, но я коммунист, брат, должен быть там, где всего труднее, по-другому я не могу...

– А что, здесь легко? Делать газету разве не партийное дело? Да еще неизвестно, как поведут себя ваши партийные руководители, если начнется... – не унимался брат.

– Прекрати, не хочу об этом слышать! – вконец разозлился Мугдаши.

...Потом, через два месяца после начала войны он получил от жены единственное письмо, в котором она сообщала, что какие-то негодяи из военкомата за большие взятки отправляют на фронт больных вместо совершенно здоровых людей. Мол, таким вот образом отправлен на войну и его брат, а известные ему руководители райкома партии все живы-здоровы и ни на какую войну не собираются...

...А еще вспомнился последний разговор с комполка. Только побывав в этом аду, Мугдаши понял, почему тот предпочел смерть плену. Он понимал, что ему – командиру, не раз выступавшему перед бойцами о непобедимости нашей армии, силе и мощи, будет стыдно попасть с этими же бойцами в фашистский плен. Он, как человек гордый, позволить себе этого не мог.

«Да, даже смертью своей, – подумал Мугдаши с горечью, – он преподал мне урок...»

От этих воспоминаний Мугдаши грустно вздохнул. Потом слез с нар и начал снова тренировать больную ногу. Хотя боль в зажившей уже ране все еще нет-нет да продолжала его беспокоить, нога все больше подчинялась его воле и вот уже неделя, как он отказался и от палки.

Будто читая его мысли, заговорил лежавший на нижнем ярусе больной тифом майор (в комнатке всем было известно, что он тоже батальонный комиссар):

– Вы, товарищи, со мной не церемоньтесь, если вдруг в жару начну митинговать, зажмите мне рот.

Опасения его были не напрасны: он продолжал и в

этих невероятных условиях фашистского плена жить жизнью боевого комиссара. Однажды, когда ему стало легче, он обратил внимание, как один из двадцати двух жильцов комнаты стал замыкаться в себе, от товарищей прятал глаза, жадно смотрел даже на те кусочки хлеба, которые остальные приносили больному, а свой кусочек прятал. Комиссар понял, что человек мучается, находится на грани срыва, что его непрочная психика может нарушиться и он в скором времени будет готов к любому поступку: подлости, трусости и даже предательству и измене.

– Сергей Николаевич, – тихо обратился к нему комиссар, – ты людей не чурайся, это счастье быть рядом с людьми, особенно с теми, кто в этой комнате, они все надежные... Изменить, совершить подлость, предать своего товарища и за счет этого получить лишний кусок хлеба или миску похлебки очень легко, но этот хлеб застрянет в горле, ляжет позором на весь род, на детей и внуков, и это грязное пятно навечно...

– Что мне делать, товарищ комиссар, я умираю от голода, я жить хочу?! – плача, говорил несчастный.

– Знаю, Сергей Николаевич, знаю, все мы голодные, и все в равных условиях, – убеждал пленного товарища комиссар, – и тем сильнее наша ненависть к проклятому врагу, тем больше мы должны объединиться.... для побега. Вот посмотри на нашего товарища с раненой ногой, высох весь, одна кожа да кости, но какая воля, без палки ходить стал, вот с кого надо брать пример! Вытри слезы, брат, надо выдерживать, любой ценой, слышишь, наша цель – побег!

– Спасибо, товарищ комиссар, за поддержку, а то я, было, совсем скис, – вытирая глаза, ответил Сергей Николаевич.

Но желанию самого комиссара не суждено было сбыться. Так и не сумев побороть страшную болезнь, непокорный и непокоренный врагом, этот мужественный и умный человек тихо и спокойно сдался смерти.

В лютый январский день 1942 года по приказанию фашистского интенданта пленные были выстроены во дворе лагеря. Осмотр вместе с немецким фельдфебелем производил какой-то близорукий старик-белорус. «Инспектирующих» почему-то интересовало не состояние пленных, а их ноги. Разгадка этой странности открылась лишь через полчаса, когда пленным, у кого были добротные, крепкие солдатские сапоги, приказали разуться. Один из пленных, сапоги которого осматривал инспектор-белорус, попросил последнего:

– Батя, у меня обморожены ноги, скажи, что сапоги негодные...

Каково же было удивление пленных, когда старик на манер фашистов заорал во все горло с явным намерением, чтобы слышали все:

– Молчать! Не видать вашим большевикам Смоленска, сколько бы они ни бились за него!

Удивленный фельдфебель тут же обратился к старичку-переводчику:

– В чем дело?

Получив ответ и одоблив его слова, тот удовлетворенно ответил:

– Рихтиг! Гуд! – и расхохотался.

Однако смех фашистского офицера был заглушен гулом всего строя, который, к счастью старика, был расценен присутствующими гитлеровскими офицерами как возмущение пленных. Но, конечно, это было не возмущение, это был восторг пленных воинов успехами родной армии и мудростью старика-патриота, который так умело сумел опровергнуть лживые утверждения фашистов о том, что Красная Армия перестала существовать и что Москва пала.

Весть о том, что Красная Армия бьется с врагом и находится недалеко от Могилева, облетела весь концлагерь. С этого дня многие пленные преобразились – к ним вернулась надежда на освобождение. Однако были и такие, которые мрачно и безнадежно взирали

на будущее, потеряли веру не только в самих себя, но и в силы своего народа.

– Да не принимайте к сердцу слова старика, – заговорил один из таких на следующий день, – быть того не может, чтобы отдавали обратно то, что взято.

– Это почему же ты так думаешь? – тут же возразил другой. – Разве не брали обратно Ельню?

– Ельня?! Так это же был маневр немецкого командования, рассчитанный на окружение целой армии. Вы что, хотите равнять немецкое командование с нашим? Да у них же потомственные офицеры, а у нас?..

Мугдаши, который оказался рядом с хулителем, сразу понял, что это провокатор, негодяй, который за лишнюю похлебку и другие блага продал Родину, однако решил не вмешиваться пока, а подождать удобного случая. И когда такой случай подвернулся, он и еще несколько пленных набросились на негодяя и окунули его в нечистоты туалета, который находился в том самом месте, где тот в прошлый раз разглагольствовал о фашистских офицерах. На его истошный крик бежались полицейские. Не решаясь подойти близко, они приказали вытащить его из ямы.

Стоило рьяному поклоннику немецкой армии почувствовать под ногами землю, как он завизжал:

– Я вам заявляю, что они все комиссары. Они хотели утопить меня в дерьме потому, что я хорошо отзывался о немцах. А этот черный – сталинское отродье, наверное, особист!

– Эй, кацо! Это ты его окунул в яму? – заулыбавшись, обратился к Мугдаши один из полицейских и, указав на повешенного среди двора пленного, пригрозил: – Смотри, вздернем, как того, кто висит! Ты же знаешь, что эта веревка не любит оставаться без груза...

Они еще раз взглянули на стаскивающего с себя загаженную одежду провокатора и, расхохотавшись, ушли. Поочередно плюнув в сторону продолжавшего очищать себя от нечистот негодяя, ушли и Мугдаши с товарищами. По пути один из них неожиданно сказал:

– Ребята, а полицейские-то вроде ничего...

Вскоре после этого события произошел случай, который утвердил решение Мугдаши бежать. Однажды утром в бывшую ванную комнатку той самой секции, где находился и наш герой, сопровождаемые полицией ворвались гитлеровцы и стали остервенело копать в сохранившемся с мирных времен титане. За несколько дней до этого молодой солдат, электротехник по специальности, умудрился каким-то образом вмонтировать в титан свернутую в спираль проволоку. От этого приспособления титан нагревался и в помещении ванной становилось тепло.

Тревогу у фашистов вызвал факт утечки электроэнергии, и они, видимо, посчитали, что здесь завелась рация. Об этом они говорили между собой, пытаясь выволочь титан из тесной ванной. Но в их разговор неосмотрительно влез один из пленных и сказал несколько слов на немецком языке. Гитлеровцы переполошились:

– Jude, Jude – запестрело в их речи уже известное пленным слово.

– Нет, я узбек, – быстро спохватился пленный.

На несколько секунд в помещении воцарилось молчание, и немцы сверлили глазами пленного. Чтобы разрядить обстановку, Николай Артеменко подскочил к титану и, обхватив этот тяжелый громоздкий предмет, выволок его к выходу. Немцы, удивленно взглянув, посторонились перед Николаем.

Вечером того же дня Мугдаши побеседовал с говорившим на немецком языке пленным и узнал, что тот действительно был из Средней Азии, хотя в его наружности ничего характерного для узбека не было. Своим товарищам по комнате он представлялся рядовым, но по разговору с ним Мугдаши понял, что он офицер.

С того дня они время от времени беседовали, строили планы на побег. Однако судьбе было угодно распорядиться по-своему. Через несколько дней «узбек»

заболел, и тиф немилосердно забрал и его. Перед смертью он несколько раз шепотом сказал Мугдаши:

– Беги, брат, надо бежать, так умирать нелепо...

3

Теперь, после двух месяцев пребывания в концлагере, все свое внимание Мугдаши сосредоточил на сравнительно крепком Николае Артеменко, уроженце Украины. Если вначале Мугдаши перекидывался с ним несколькими ничего не значащими фразами, проявляя особую осторожность, то после событий с титаном, он стал более доверчив. Но все решил сам Николай.

– Ты, комиссар, не тани и не бойся, – оставаясь с ним наедине, заметил как-то Артеменко, – знакомые хлопцы из соседнего барака сказали, что в одном с тобой батальоне были... Вижу, что человек ты осторожный, мне по душе, говори смело.

Мугдаши было замешкался, но в душе обрадовался, что его бойцы живы, и, уже не скрывая своей радости, прямо признался:

– Хочу вам предложить совместный побег...

– Добро, комиссар, – улыбнулся Николай, – я с первого дня подумывал бежать и именно с тобой, крепкий ты мужик, комиссар, – и он от души пожал протянутую ему мускулистую руку.

Желание совершить побег как можно быстрее росло еще потому, что среди пленных участились случаи самоубийства. Они скручивали из нательного белья подобие веревки и, воспользовавшись каким-то моментом в ночи, вешались. Зачастую такие угадывались заранее по их задумчивому и притупленному виду, потому, как они, опустив голову, часами ходили по маленькому пятачку размером в 2–3 шага, охая и ахая, не вмешиваясь ни в какие разговоры. И такое состояние тянулось у них несколько дней, пока в один из утренних часов их не освобождали из петли.

Некоторые избирали другой путь самоубийства. В течение нескольких дней выменивали полученный паек хлеба на 2–3 закрутки махорки и, жадно выкурив одну за другой, побледневшие, закрыв глаза, лежали без движения как наркоманы. Еще 3–4 дня они, пересилив себя, выходили по утрам за пайком и, выменяв его на табак, повторяли тот же процесс. Достаточно было этих нескольких дней, чтобы дойти до полного истощения. С впалыми глазами, посеревшим лицом, забившись в какой-нибудь угол на нарах, они ждали конца, ни у кого ничего не прося и никому ни на какие вопросы не отвечая.

Махорка водилась у некоторых некурящих негодяев, которые обменивали ее на хлеб. Эти подлецы отличались от массы пленных своим ладным видом. Однако тифозная вошь и дизентерийные палочки не обходили и их.

Немало было людей в концлагере, которые, так же как Мугдаши и Николай, вынашивали мысль о побеге, строили планы, сколачивали группы и искали напарников. Когда же дело касалось конкретных сроков осуществления этих планов, то неблагоразумно откладывали их на весну и лето. У одних было слабое здоровье и они надеялись, что с потеплением к ним возвратятся силы. Других пугало само предположение, что в зимних условиях, по следам на снегу, они могут быть пойманы и казнены. Эти суждения были резонны, если не учитывать, что до наступления теплой погоды они могут не избежать смерти.

Мугдаши и Николай посчитали, что главное к побегу – сберечь 3–4 пайка хлеба. На два из них выменять нательное белье больших размеров, чтобы использовать их как маскхалаты, а вторую пару оставить себе на первые два дня побега. Но четыре дня подряд не есть хлеба при их полуголодном состоянии они не могли и потому решили дневной паек делить на две части, оставляя вторую на следующий день.

Второе в этом несложном плане – это занять какой-то инструмент, которым можно было бы пропи-

лить 2–3 ряда колючей проволоки и сделать небольшой подкоп под проволочным ограждением. Друзья нашли единственно верный выход – зазубрили лезвие перочинного ножа, создав подобие пилы. Нашли и заострили старую заржавленную петлю от ворот.

В свои планы на побег они внесли еще некоторые коррективы: вместо предполагаемых 4 пайков хлеба заготовили восемь, четыре из которых отдали на нужное белье, а остальные четыре оставили для еды. Было еще одно обстоятельство: резкое недоедание в эти дни вынудило их больше обычного пролеживать на нарах. Особую нетерпеливость проявлял Николай, он беспрестанно торопил Мугдаши с побегом и накануне спросил:

– Что если съедем верхнюю корочку хлеба?

Получив отрицательный ответ друга, Николай стал размышлять вслух:

– За эти два с небольшим месяца из наших 22 человек половина уже умерли, а их места заняли другие. Вот-вот отдадут душу Сергей и Степан. Выходит, нам всем придется бесславно закончить жизнь от голода, холода и болезней... Когда смотришь, как на этой проклятой подводе ежедневно вывозят в ров трупы наших товарищей, хочется кричать так, чтобы весь мир услышал о зверствах фашистов. Нет, комиссар, не могу я ждать еще два дня. Если бежать, то сегодня же. И какая разница – с одним пайком хлеба или с тремя? Я чувствую, что так или иначе, все равно – смерть. Пусть уж как можно быстрее...

Мугдаши встревожило такое душевное состояние Николая, поскольку они уже почти были готовы к побегу.

– Не то говоришь, Николай, – попытался отвлечь товарища от мрачных раздумий Мугдаши, – мы ведь с тобой собираемся бежать не для того, чтобы умереть. Нет и еще раз нет. Мы должны добыть оружие и отомстить за выброшенных в ров наших боевых товарищей. И еще я хочу, чтобы ты понял, Николай. Мы

бежим первыми, поэтому мы обязаны подготовиться так, чтобы уйти наверняка и тем самым воодушевить и подтолкнуть на это остальных...

– Извини, комиссар, за минутное малодушие, – опустив голову, произнес Николай.

– И дело не только в этом, – взяв друга за плечо, продолжал Мугдаши, – сейчас мы не двигаемся, а значит не теряем энергии. Другое дело, когда мы окажемся за проволокой, нам нужно будет совершать переходы на морозе и в первые 2–3 дня не показываться никому. А при наших силах и пустом желудке это будет очень трудно. – И, заметив состояние Николая, Мугдаши добавил: – Ну, если не можешь стерпеть, съешь немножко хлеба. Ничего, завтра уже привыкнешь и оставишь паек.

– А ты разве не хочешь кушать?

– Хочу. Но терплю, – ответил Мугдаши.

Николай не тронул хлеб, закрыл глаза и забылся.

* * *

Ночью следующего дня, где-то в десятом часу, Мугдаши и Николай поочередно вышли незамеченными из помещения, надели «маскхалаты» и ползком приблизились к проволочному ограждению в заранее намеченном месте. Зарывшись в снег, приступили к делу. Зазубренным лезвием перочинного ножа пропилили у самого столбика три нижних ряда проволоки, на что ушло примерно около 30–40 минут, затем подкопались немного в ширину тела. Падающий снег надежно маскировал их от глаз патруля, который двигался по внешней стороне лагеря на расстоянии пяти–шести шагов от проволочного ограждения.

За все это время патруль из двух солдат показался лишь один раз. Беглецы обратили внимание, что патрульные от снежной метели укутали лица до самых глаз и не смотрят в сторону лагеря.

Все готово. Остается только откинуть проволоку и выползти за пределы лагеря. Они затаились, пока патруль отошел на 100–120 шагов.

– Ну, Николай, ползком вперед, – шепотом командовал Мугдаши и пополз вперед.

Метров сто проползли с такой быстротой, будто и не было нескольких месяцев мучений в фашистском плену.

Поскольку концлагерь был расположен на окраине Могилева, за ним не было никаких строений. Добравшись до небольшой лощины у грунтовой проезжей дороги, беглецы поднялись во весь рост и быстро направились вдоль дороги в противоположную от лагеря сторону. Первый населенный пункт на пути они обошли и снова вышли на дорогу, по которой, судя по следам, недавно прошли сани. Шли уже более двух часов, снег продолжал идти. Николай обнажил голову:

– Жарко и ничуть не устал...

– Дойдем до следующего населенного пункта и сообразим, как и где провести день, – сказал Мугдаши и двинулся к небольшой роще, что была расположена справа вдоль дороги. Углубились в нее и легли на спину у дерева, подняв ноги вдоль ствола, чтобы дать им отдохнуть. Решили съесть по одному кусочку хлеба.

«Господи, мама, твой сын жив и, кажется, на свободе. Ты слышишь, мамочка! – мысленно ликовал Мугдаши. – Трудно поверить, но я вышел из ада! Свободен!» – И все его тело ликовало, впитывая в себя чудесное, могучее, пьянящее ощущение жизни, которое приходит к человеку и захватывает его всякий раз после того, как перенесет он смертельную опасность.

Отдохнув с полчаса и подкрепившись хлебом, встали и, по коре и веткам определив направление своего пути, двинулись вдоль той же дороги, на которой были следы от саней. Когда дошли до какой-то деревни, изрядно замерзли, устали и еле волочили ноги. Приблизившись к хате, которая стояла в стороне от проезжей

дороги, несколько минут лежа наблюдали за деревней. Затем Николай подошел к хате и стал тихонько стучаться в окошко.

Мугдаши видел, как Николай, жестикулируя, что-то объяснял примкнувшему к стеклу человеку. Через минуту дверь отворилась, и Николай вошел в хату. Но вскоре вышел и знаками позвал Мугдаши.

В доме находилась средних лет женщина и кто-то, укрывшись, лежал на печи.

Поздоровались, сняли шинели и головные уборы (пилотки с зашитыми сверху кусками белой материи), размотали нательные рубашки, которыми вместо шарфа укутали уши и шею. Женщина с ужасом смотрела на них и кончиком платка утирала навернувшиеся на глаза слезы.

Перед ней стояли заросшие щетиной два живых скелета: один со смуглым лицом и черной с проседью небритой бородой, другой – рыжебородый и светлолицый. Каждого из них можно было принять за старика, хотя им было всего по 29 лет.

– Господи! Что же эти изверги с вами сделали?! – воскликнула женщина и засуетилась у печки. Сперва подогрела в чугунке воду и предложила умыться. Затем быстро собрала на стол поесть. Положила очищенную вареную картошку, заправленную растопленным салом, молоко и хлеб. Ели неожиданные гости не спеша и молча. Она в это время успела рассказать, что в селе немцев нет и вообще редко когда заезжает какая-нибудь бричка с группой из трех-четырех солдат. В таких случаях они останавливаются у старосты поесть. Староста из местных жителей, и при нем имеются двое полицейских, тоже из местных.

Несмотря на сильный голод беглецы благоразумно поели немного и поблагодарили хозяйку. Она согласна кивнула, мол, правильно, что воздержались много есть, ибо это могло повредить им, лучше вернуться к еде часика через два. Однако начало светать, и гости спросили, не опасно ли для хозяев, если они останутся в хате.

– Куда же вы пойдете, – ответила женщина, – небось, притомились и замерзли. Ничего, оставайтесь, к нам сюда почти никто не наведывается. Мы с сынишкой вдвоем. Муженек мой тоже на войне, может, если жив, тоже, как вы, мытарится где-то...

– Все же, хозяйка, нам лучше где-то во дворе спрятаться, – сказал Мугдаши, не желавший подвергать ее с сыном смертельной опасности.

– Нет, нет, что вы? – воспротивилась женщина. Мы с сыном будем по очереди дежурить. Если кто появится, перейдете в клуню и заховаетесь в сено...

В сенях была дверь, которая вела в помещение для скота. Мысленно не согласившись с хозяйкой, они пошли осматривать это помещение и, когда увидели, что там не так уж холодно, решили сразу перейти туда и завалиться спать в сено. Для такого решения у них была и иная причина, которую они не стали говорить хозяйке – это завшивленность одежды, в которую они были облачены.

Когда они проснулись и вылезли из сена, увидели, что хозяйка доит корову. Она же, заметив их, воскликнула:

– Ой, весь день проспали! Не озябли? Я все время держала дверь в сенях и клуню открытой, чтобы хоть немного тепла из комнаты перешло к вам. К обеду подумала разбудить, но видела, как вы сладко спите, пожалела. Сейчас я подою корову и накормлю вас. Пойдите в сени и умойтесь.

Во время еды они расспросили хозяйку, есть ли поблизости партизаны, много ли в селе мужчин, дошли ли до них слухи, где сейчас идет война.

– Мужчин в селе мало, да и те старики и подростки, – ответила она, – а о партизанах не слышно... В первый месяц войны, как пришли немцы, собрали народ и потребовали сдать огнестрельное оружие... и приказали сообщить, у кого или где скрываются евреи, комиссары и вообще бывшие военные...

Из дальнейшей беседы выяснилось, что фронт прошел стороной от этой деревни, что сильные бои были в Могилеве, Смоленске и дальше... Затем она сказала, куда им лучше направиться, чтобы найти партизан...

– Могли бы вы посоветовать кого-нибудь из надежных людей, к кому можно будет по дороге зайти на один день?

– Таких знакомых, к сожалению, у меня нет, – ответила женщина, – но есть подходящее село, где можно будет укрыться... Неужто откажутся приютить вас? Советские ведь люди...

Поблагодарив эту добрую женщину за столь сердечное внимание, мужчины собрались в путь. Правда, хозяйка, видя, что они еще слабы, стала уговаривать их провести у нее еще один день, малость окрепнуть, но беглецы понимали, что фашисты, спохватившись, непременно организуют за ними погоню и, если их застанут в этом доме, хозяйке с ее сынишкой грозит смертельная опасность. Поэтому, приняв сверток с едой, которую женщина собрала им из своих скудных запасов, еще раз поклонились ей по старому русскому обычаю и вышли в дорогу, чтобы уйти быстрее и подальше от Могилева.

Уже когда отошли от хаты метров двести, Николай вдруг спохватился и быстро побежал назад. Через несколько минут он вернулся и показал большой кухонный нож:

– Это я попросил у хозяйки, будет хоть чем отбиваться, если нападут волки.

Мороз крепчал, но ветра не было. Идти по главной дороге было нельзя, ибо женщина предупредила, что немцы обычно ездят по проселкам. Тем более в последние дни, когда сугробы не позволяют им двигаться вдоль дороги. Поэтому беглецы решили зайти вначале в глубь леса и уже там продвигаться дальше. До указанного им села надо было идти километров пятнадцать. Шли медленно, с трудом выбираясь из сугробов. Нещаден был и холод.

Часа через два у самой опушки наткнулись на одинокую хату и большие, сарайного типа, строения. Беглецы не удивились, ибо хозяйка говорила, что на их пути могут встретиться хуторки и даже одинокие избы. Поэтому Мугдаши и Николай, не заметив вокруг хаты ничего подозрительного, постучались. На стук из хаты вышел старик и пригласил войти. Пришельцы поблагодарили, но от приглашения отказались, лишь попросили старика сказать, правильно ли они идут к нужному им селу.

– Да, идете вы в правильном направлении, затем обязательно доберетесь. Однако будьте осторожны, обходите проселки. Кроме того, в то село, куда вы держите путь, часто навешиваются немцы...

– Спасибо, отец, – снова поблагодарили они старика, а Николай, обратив внимание, что хозяин курит, спросил:

– Не найдется ли у вас немного махорки?

– Да, да, сынок, сейчас, – он вернулся в хату и вынес им кисет махорки и бумагу для закрутки.

Они собрались уже уходить, когда старик остановил их:

– А прикуривать-то чем будете? Спички есть?

Спичек, конечно, у них не было.

– Вот видите. Натек-ка, возьмите, – и он протянул им коробку спичек.

– А вы-то, отец, как будете? – спросил Мугдаши.

– Ничего, в хате печь топится, будет от чего прикурить. Ну, счастливо! – попрощался с ними старик.

Ходить по мягкому насту становилось все труднее, они устали и решили прямо в лесу сделать привал и поесть. Присели у двух близко растущих сосен и снова, по рекомендованному методу, задрали ноги вдоль ствола. Поскольку прошлыми днем и ночью хорошо отоспались, сейчас им совершенно спать не хотелось. Лежали молча, каждый думал о своем.

«О каком обмане все время говорил бесстрашный комполка? – в который раз спрашивал себя Мугдаши, пытаясь найти ответ на этот не дающий ему покоя во-

прос. – То, что с первого до последнего боя их батальон обещанную подмогу в живой силе, а особенно в оружии, так и не получил, – на войне могут быть всякие неожиданности, тем более враг коварно, вероломно бросил на страну огромные силы... Пленные товарищи из других подразделений рассказывали, что такая же участь постигла и их... Да, это верно, но верно и то, что о возможной фашистской агрессии знали за несколько месяцев до нападения. Почему же не укрепили границы, почему войсковые соединения оказались плохо, из рук вон плохо, вооружены? Чего греха таить, он с первого дня войны видел и испытал это на себе, на своей части, до самого последнего боя... Верно и то, что радио и пресса, а за ними и политработники по существу дезинформировали и армию, и народ, что армия наша сильна, непобедима и враг, если он посмеет напасть, будет разбит... А он, этот враг, если верить приютившей нас женщине, уже за Смоленском, а значит, предположительно, недалеко от Москвы... Как же так? Где же наша сила, почему катимся назад? Кто в ответе за тысячи и тысячи убитых, голыми руками воевавших с до зубов вооруженным врагом? Кто ответит за попавших в плен, в этот созданный гитлеровцами ад, где ежедневно умирают от голода, холода и издевательств тысячи? Может быть, комполка именно это считал обманом? Но кто обманул? Кого он перед смертью обвинял в обмане? Командование? Но ведь и он был не рядовым командиром и не плохим командиром?! Нет, он показывал на тех, кто выше. Кроме того, если быть честным до конца, не может боец, командир, командующий воевать без вооружения, тем более, если противник вооружен и безжалостен. Да, на эти вопросы он, воевавший с первого дня и отступавший, теряя большую часть бойцов, сваливать вину на командование не имеет права. Тогда напрашивается вопрос: кто помешал военным укрепиться, чей был недосмотр, чья была недальновидность? – Мугдаши застонал от бушевавших в его голове раздумий, ему не верилось, нет,

он даже не мог думать, что виноватых надо искать... в Кремле. Такой вывод, на что намекал в свое время комполка, не приходил ему в голову, просто такая мысль как-то обходила его, хотя в разговорах пленных она нет-нет да проскальзывала. Вот почему умерший майор-комиссар прятал порой глаза, когда заходил в комнате разговор о причинах наших отступлений, значит он понимал больше других?! – Подобная мысль по сути была кощунственной: это как же, нам говорили одно, а делали другое? Внушали то, во что не верили сами? Неужели комполка знал и видел дальше и говорил именно об этом обмане?..

– Скажи, комиссар, как на духу, – спросил неожиданно Николай, – человек ты честный, порядочный, верю тебе и хочу знать правду. Трудно мне без этого, хоть в петлю лезь... Как могло случиться, что немцы уже за Смоленском? Ты же слышал, о чем говорила женщина? – Он спрашивал, будто в эти минуты они думали об одном и том же, будто Николай читал по лицу Мугдаши о его сокровенных мыслях.

Мугдаши понимал, что он обязан дать ответ на прямой вопрос товарища по побегу, по совместному голоду и холоду, по совместным мукам, которые выпали на их долю, однако тот ответ, который уже созрел в его голове, он дать не мог, вернее, не решался дать. Может случиться, что вывод этот неверен...

– Я много думаю об этом, Николай, – наконец решился Мугдаши, – даже скажу больше, только что об этом думал и размышлял, но честно признаюсь, что ничего не пойму, настолько все неожиданно... Однако скажу вот о чем: сегодня, в огне войны трудно судить, кто прав, кто виноват... Но в одно верю, что народ наш не склонит головы, все равно он победит, разобьет ненавистного врага...

– Твоими бы устами да мед пить...

– Мед не знаю, но поесть надо, – пошутил Мугдаши, развязал узелок с едой и стал выкладывать каравай крестьянского хлеба, кусок завернутого в тряпоч-

ку сала, бутылку молока, вареную картошку, несколько головок лука и соль.

Каждый из них мысленно еще раз поблагодарил добрую женщину. Взяв из еды небольшую часть, завернули остальное опять в узелок. Поели, полежали немного и, поскольку начали замерзать, тронулись в путь.

Следующая деревня появилась неожиданно и в ночной темноте показалась выросшей из снега. Лес оказался в этих местах не сплошным массивом в несколько десятков верст, а лесными лоскутами – рощами, разделенными где хутором, а где и деревенькой. В первую минуту, оказавшись у самой крайней хаты, они остановились, ожидая лая собак, а затем и света ночной лампы, но тишина не нарушилась ничем. Значит их появление не замечено.

В хату, куда они постучались, хозяйка побоялась их принять, но вынесла кое-что из продуктов. Они с извинениями отказались и ушли. Через несколько хат постучались еще в одну, но тут показавшийся у окна пожилой мужчина замахал рукой, отказывая принять их. Поскольку еще не рассвело, они попросили его указать, как быстрее им добраться до следующего населенного пункта. Спросили так, на всякий случай, чтобы отвести мысль о намерении остаться здесь у кого-нибудь другого.

Был сильный мороз.

Вдоль опушки перешли на другой конец села и постучались во вторую от края хату. Дверь открыла старушка и, не спросив ничего, пустила в сени и затворила за ними дверь. Николай объяснил, что, мол, идем из такого-то села, замерзли и хотели бы немного согреться. Видя, что старуха продолжает молчать, он добавил:

– Если невозможно остаться на день, то с рассветом уйдем...

Во время этого разговора в сени вошла молодая женщина в накинутом на плечи платке, окинула их взглядом и предложила:

– Да вы войдите в хату.

Отряхнув снег с одежды, вошли. Сели на предложенные табуретки. Старуха, рассматривая их на свету, сочувственно сказала:

– Куда же вы в такой лютый мороз?! Разве ж мы не люди, чтобы отпускать вас в такую холодину, – и стала осыпать проклятиями войну и немчуру.

Молодая предложила им раздеться и увела старуху в другую комнату. Полагая, что они вышли посоветоваться, беглецы, сняв головные уборы, раздеваться не стали, решили ждать.

Через несколько минут женщины вернулись, неся в руках две пары нижнего нательного белья, мужские брюки и теплые байковые рубашки. Увидев их все еще одетыми, молодая прямо с порога спросила:

– Чего же вы не раздеваетесь? Сейчас растопим печь, нагреем воды и искупаетесь. Думаю, помогать друг другу сможете? Верхнюю одежду вашу постираю, к вечеру подсохнет, а нижнюю – оставьте себе...

Они переглянулись и согласно кивнули. Однако все это время молчавший Мугдаши спросил:

– А это не опасно? Нам бы не хотелось причинить вам...

– Ничего бояться не надо, после вчерашней попойки у старосты фрицы дня два сюда носа не покажут...

Сказав это, она прошла в сени и вернулась с охапкой дров. По одной охапке принесли и они. А старуха в это время очищала печь и задавала им вопросы: откуда, мол, идете, кто вы, откуда родом, куда держите путь и т.д. Слушая ответы, она перестала возиться у печи, повернулась к ним лицом и, сцепив руки на животе, покачивая головой, проговорила:

– Господи, за что же так мучаются люди?! Небось семейные. Дети есть?

Мугдаши ответил, что у него есть жена и сын, а Николай, улыбаясь, сказал:

– Двое хлопцев у меня, маманя, да и жинка есть, ждет, наверное...

Молодая тоже присела и все это время сочувственно смотрела на них и слушала. Потом спохватилась, взглянула внутрь чана, что грелся на печи, растапливая снег, вздохнула и, схватив ведро, снова побежала за снегом. И так она делала несколько раз, пока не набрала полный чан горячей воды. Затем, подав им кусочек хозяйственного мыла, сказала:

– Ну, теперь идите в клуню, я там налила в корыто теплой воды, искупайтесь, а я здесь постираю вашу одежду, потом повешу в клуне...

Искупались от души, надели чистую одежду и по приглашению хозяев сели с ними за обеденный стол. За едой Николай расспросил женщин, где мужчины их семьи, есть ли какие-нибудь известия о партизанах. Оказалось, что в селе есть староста и трое полицейских из своих, деревенских, что фашисты заезжают сюда, чтобы, в основном, нажраться у старосты самогона и сала, потискать поставляемых полицейскими откуда-то со стороны молодых, и довольные оставляют село на несколько дней. В октябре у кладбища были расстреляны пять мужчин и две женщины – жители села, и три раненых командира, которых эти мужчины и женщины прятали и лечили. О своих мужчинах хозяйки рассказали, что сын их до войны учился в Минске, а где он в настоящее время, они не знают. Что же касается отца, то он работал на ферме и в начале войны эвакуировал скот в глубь страны. Что с ним – также не знают.

Словоохотливая старуха рассказала и о том, что председатель колхоза, парторг, а также председатель и секретарь сельсовета ушли из села перед самым приходом немцев. Но говорят, что они не сумели выйти к своим, а, возможно, подались к партизанам. Только где они, партизаны, никто толком не знает.

Послушав этот нехитрый рассказ, беглецы поняли, почему в некоторых хатах их не пожелали принять. Обеспокоенные, они спросили у хозяев, не лучше ли им уйти из села прямо сейчас, на что женщины в один голос запротестовали и предложили хитрый план маскировки:

– Вы будете спать, а мы закроем хату и пойдем к родственникам, в третий от нас дом, будем помогать им прясть лен – мы часто так друг другу помогаем. Нам легче будет оттуда наблюдать, а иногда кто-нибудь из нас забежит проведать вас...

Поскольку у беглецов другого выхода не было, они с благодарностью согласились. И впервые за долгое время мытарств чистые, выкупанные, избавленные от мучивших их паразитов, спали спокойным сном.

День прошел благополучно. Вечером хозяйки, пополнив чем могли их запасы, пожелали им счастливого пути. Так они кочевали из села в село, пытаясь навести справки о партизанах. Шла уже третья неделя их пребывания на свободе, несколько освоились с положением, в котором оказались, смелее стали передвигаться по дорогам, но напасть на след партизан не смогли.

В этих немногочисленных местах не чувствовалось той свирепости оккупантов, которую они ощутили на себе и которую Мугдаши пришлось увидеть впоследствии. Было видно, что положение на фронтах и суровая зима не давала немцам возможности шнырять по селам. Да и само население, как заметили наши беглецы, выжидало, присматривалось, чтобы развернуть потом активную борьбу с оккупантами.

В очередной населенный пункт Мугдаши и Николай прибыли ближе к утру. Сильная пурга вконец выбила их из сил, и они, вдоволь поплутав, сбились с дороги. В хату, куда они попросили их впустить, через некоторое время пришли две женщины, родственницы хозяйки дома – свекровь и невестка. Пожилая женщина спросила беглецов в солдатской форме, не встречался ли им случайно ее сын, назвав при этом его имя, фамилию, приметы и т.д. Невестка же, развернув платочки, показала конверт с обратным адресом полевой почты мужа. Они ничего утешительного им сказать не могли. И когда хозяйка дома вместе с молодой женщиной вышла во двор, свекровь, горестно вздохнув, произнесла:

– Хоть бы узнать, жив ли сын, всего полгода, как поженила его, а тут – война, будь она неладна! Сразу же забрали его – он был трактористом в колхозе, а в армии служит танкистом. Только одно письмо и получили. Вот уже седьмой месяц ничего нет, – она заохала и прослезилась. – Нет у меня никого кроме него. Муж помер, когда хлопцу было 16 лет. Дочка замужем в Витебске. От нее тоже никаких вестей. Ее муж был партийный, наверное, эвакуировались...

Она вытерла слезы, взяла себя в руки и продолжила:

– Невестка часто плачет и все твердит, что погиб ее муж, иначе он дал бы о себе знать. Собирается уходить к родителям. Я водила ее в соседнее село к ворожейке, которая нагадала, что муж ее жив и, как закончится эта проклятая война, вернется домой. После того она притихла было, но через некоторое время опять стала собираться к родителям, видно, те подбивают ее на это. Хотят, наверное, просватать за кого-то. Что же я тогда одна делать буду? Живьем в могилу? А сын вернется, дай Бог, что отвечу ему? Он-то ее очень любит, по любви поженились. Уходя в армию, с мольбой просил меня беречь Пашу...

Слушая женщину и видя, как она плачет и убивается, Мугдаши, под впечатлением ее рассказа о ворожейке, вспомнил, как до войны в кругу своих близких он, строя из себя гипнотизера и волшебника, проделывал номера спиритизма, заставляя обыкновенный стол, то опускаясь, то поднимаясь, как бы давать ответы на поставленные вопросы сидящих за ним людей. Естественно, стол «отвечал» так, как того хотел сам Мугдаши.

Чтобы помочь женщине удержать возле себя невестку и, учитывая, что в памяти невестки и свекрови все еще свежи гадания ворожейки, Мугдаши решил «погадать» с помощью стола. Он знал, что это подействует на них больше, чем что-либо другое. Он сказал женщине, что погадает, жив ли ее сын и когда вернется домой.

Она очень обрадовалась и выбежала во двор позвать невестку, а Николай, вытаращив от удивления глаза, спросил:

– Ты что, комиссар, шутишь или всерьез умеешь гадать?

Мугдаши ответил, что попробует всерьез.

Когда вернулись женщины, Мугдаши попросил хозяйку убрать со стола и нагреть немного воды. Помыв руки теплой водой, он отказался от полотенца, сказав, что нельзя (разумеется, для эффекта!), и стал просушивать руки у печки. Затем усадил всех за стол в следующем порядке: невестку и хозяйку дома за длинную сторону стола, а Николай и свекровь невестки – по бокам. Положив их руки на стол ладонями вниз и попросив не нажимать на стол, а слегка всей ладонью коснуться верха его, стал проделывать кое-что, что обычно делают гипнотизеры над своими ассистентами. Его сосредоточенный и серьезный вид, властные требования смотреть всем поочередно ему в глаза возымели определенное действие на сидящих, и они действительно, как загипнотизированные, смотрели на Мугдаши. Когда же он, встав в двух шагах от стола по свободную его сторону, властно скомандовал: «Стол, поднимись на двух ножках!» – через секунду стол стал медленно подниматься, наклоняясь в сторону сидящих. Все раскрыли рты от удивления и испуганными глазами смотрели на Мугдаши.

Чтобы уверить молодую женщину, что гадание совершенно «правдивое», он вначале заставил стол подниматься и опуститься столько раз, сколько лет ей, ее мужу, отцу, матери, которых он и в глаза не видел и о которых, безусловно, ничего не мог знать. Затем сказал, сколько кур и петухов у хозяйки дома. Все это время они смотрели на «гипнотизера» и каждый раз восклицали: «Ой, правильно!» Но дело не ограничилось этим. Были также произнесены день и месяц призыва

мужа молодой женщины в армию. Только после этого столу было приказано ответить, что ее муж жив и здоров, что в настоящее время он сражается на фронте и он непременно вернется домой.

Дабы не потребовали погадать еще и о том, когда именно вернется и т.д., Мугдаши притворился очень усталым от напряжения и, скомандовав столу опуститься, подошел к лавке у печи, прилег и закрыл глаза.

Ошеломленные, несколько минут все молчали. Первым голос подала хозяйка дома.

– Не цыган ли ваш товарищ? – обратилась она к Николаю.

– Нет, не цыган. Он с Кавказа.

– Стол-то, как живой, ходуном ходил. Я чуть было не упала со страху, – высказалась молодая.

– Жив сыночек мой! – воскликнула мать.

Далее, перебивая друг друга, они комментировали все, о чем гадал Мугдаши, и замолчали только тогда, когда Николай сказал:

– Видимо, большого напряжения нервов стоило ему это гадание. Видите, как он устал...

– Да, – поддержала хозяйка, – он очень нервничал и был бледен...

Когда через некоторое время Мугдаши поднялся и подошел к столу, все, как по команде, встали, уступая ему место. Воцарилось молчание, которое нарушил сам Мугдаши:

– В плену ослабили мы, поэтому немного устал... Только, пожалуйста, не смотрите на меня, как на колдуна, – добавил он, видя все тот же испуг и удивление в их глазах.

В дальнейшем они не раз прибегали к этому трюку и в других населенных пунктах, в расчете расположить к себе сельчан и вселить в них веру в победу Красной Армии. Такая вера нужна была людям, ошеломленным войной и внезапными огромными потерями.

Какую бы форму ни приобретало это желание вернуть упавшим духом жителям оккупированных терри-

торий веру в конечную победу нашего народа, считал Мугдаши, с помощью трюка, гипноза, внушения – не имеет значения, она помогает им жить, переносить невзгоды, бороться с ненавистным врагом. Эта вера становилась живительной каплей воды в сухой, жаркой пустыне несчастий, обрушившихся на их головы. Человеку вера нужна, он без нее не может жить. Тем более, если эта вера в радостное будущее...

В одном из сел их упросили остаться еще на одну ночь, чтобы погадать и другим желающим. Николай, не до конца осознавший значение той работы, которую в довольно своеобразной форме проводил его товарищ, как-то, оставшись с ним наедине, недовольно сказал:

– Ты знаешь, комиссар, мне не нравится твой цыганский метод политработы, этот обман надо прекратить...

Ненадолго задумавшись, Мугдаши посмотрел ему прямо в глаза и ответил:

– Обман, говоришь? Если это внушение дает человеку силы выстоять, не упасть духом, поверить в свой завтрашний день, по-твоему, обман, то этот обман во благо, а не во вред, за такой обман я пойду в огонь и в воду. Я то думал, что ты за внешней мишурой моей затеи видишь дальше, не ожидал... Разве ты не замечаешь, как светлеют лица этих людей, замученных ожиданием вестей от близких, для них мои слова как бальзам на сердце. Сегодня, сейчас им нужно это мое слово. Ты знаешь, что такое слово вообще, как оно может убить и спасти, поднять на невидимые высоты? Как-нибудь расскажу... Ибо в Библии сказано, что вначале было Слово...

Николай слушал этого удивительного, сильного, умного человека и потихоньку начинал осознавать значение того, что он делает.

– Извини, комиссар, ты, как всегда, прав... Но чего тянуть, расскажи о словах сейчас, тебя хочется слушать и слушать, – признался он.

– Не лъсти, я этого не люблю, Николай, – заметил Мугдаши и добавил: – Просишь рассказать, ну что ж, слушай... Бытует в нашем народе притча об одном старике-крестьянине, который пахал свой маленький крестьянский надел на богаре, это значит на участке, который поливается только дождем, сеял хлеб, боронвал, убирал в снопы и относил на ток, там молотил, собирал в мешки, ну и дальше, как полагается. Вот когда приходило время поливов, а дождей долго не было, более сильные не разрешали ему брать воду для полива из общего арыка. Когда хлеб созрел и наступало время уборки, его участок топтали дикие животные, а урожай крали воры и негодяи. В такой страшный момент в жизни старика, когда ему грозила голодная смерть, из лесу вышел царь зверей – лев и, подойдя к нему, произнес:

– О чем грустишь, старец?

Старик вначале испугался, чуть не свалился с пенька, на котором сидел, а потом, решив, что ему все равно конец, удрученно ответил:

– Что говорить, царь зверей... Год работал, не зная отдыха, вырастил скудный хлеб, думал, будут и семена и хлеб насущный, а теперь то полить не дают, то посевы топчут, да еще повадились воры... Боюсь, что зерна не хватит даже на семена, хоть бы это оставили, изверги...

– Да, дела твои неважные, – посочувствовал ему царь зверей и неожиданно предложил: – А давай я тебе помогу...

– Как это? – не понял старик

– А так, – ответил царь зверей, – с этой минуты я всю ночь буду охранять твой хлеб до утра, днем запрягай меня вместо лошади – будем молотить, а очищенный хлеб в мешках я помогу тебе отвезти домой. Что же касается посева в следующем году, и здесь я тебе помощник: пахать, брать воду из арыка, охранять от диких животных и воров... Только, чур, старик, ставлю условие – урожай делим поровну, по-братски.

Старик-крестьянин тут же согласился, и они заключили договор. С этого дня старику повезло: собранного урожая ему теперь хватало не только для заготовки семенного материала и хлеба насущного, но и на продажу. Он купил лошадь, потом еще одну для поездки на участок. Завел корову, несколько овец, стал себя лучше чувствовать, вошел, как говорится, в силу. Ну, в общем, дела крестьянина пошли в гору. Братские отношения со львом укреплялись год от года.

Однажды крестьянин пригласил льва к себе в гости.

– Это как же? – удивился царь зверей. – Ты же живешь среди людей, они набросятся на меня...

– Во-первых, я живу на окраине села, во-вторых, под вечер твой приход никто не увидит, – ответил старик.

– Хорошо, – сказал царь зверей, – приду.

И пришел. Старик же ради гостя дорогого накрыл царский стол. Ели, пили, а потом довольный лев и спрашивает старика, мол, доволен ли он дружбой с ним.

– О! – отвечает старик восторженно. – О чем ты спрашиваешь? Благодаря тебе я почувствовал себя человеком, спасибо тебе, друг мой! Покуда жив буду, никогда обо всем этом не забуду!

– Ну, а сам я тебе нравлюсь? – снова спрашивает царь зверей. – Только честно, без обиняков...

– Конечно, нравишься, – сразу ответил старик, а потом, не подумав, добавил: – Только вот лицо твое малость собачье...

Обиделся царь зверей за такое оскорбительное сравнение, вскочил и, схватив топор, что лежал у порога, воскликнул:

– На, старик, держи! – и, распрямив грудь, приказал: – Бей!

– Нет! – ответил старик, испугавшись. – Я не могу тебя ударить!

– Бей, тебе говорят! – вскричал царь зверей. – Иначе я тебя растерзаю и брошу тем самым собакам на съедение.

Долго сопротивлялся несчастный старик, пока не понял свою безысходность. Ему ничего другого не оставалось...

– И он ударил? – удивился Николай.

– Да, – ответил Мугдаши, – ударил прямо в грудь...

Зажал царь зверей место раны своей огромной лапой и, шатаясь, ушел от старика, оставляя на земле кровавый след.

Прошло несколько лет, дела старика снова пошли под гору: не давали для полива воду, топтали и крали урожай. Короче, жизнь старика закатывалась. И вот, когда он был в крайне удрученном состоянии, из леса вышел тот самый царь зверей и направился к нему.

– О чем грустишь, старец? – весело, словно ничего и не было, спросил он. – Или дела плохие?

– Э... э... – махнул устало рукой старик, – хуже быть не может...

– А ты помнишь, куда тогда меня ударил топором? – неожиданно спросил царь зверей.

Испугался старик.

– Да, помню...

Царь зверей подошел к нему ближе и сказал:

– Не бойся, я тебя не трону, – и, раздвинув шерсть на груди, показал старику место удара. – Посмотри, ты видишь там след топора?

Старик долго копался, удивленно раздвигал шерсть на груди, прощупал пальцами кожу, но следа от топора не нашел. Кожа была чиста, словно на ней никогда не было кровавой раны.

– Нет, ничего не видно, – ответил старик.

– Вот видишь, – сказал царь зверей и добавил: – След от удара твоего топора исчез, словно его и не было, а от оскорбительного слова, которое ты мне тогда сказал, по сей день кровоточит мое сердце...

Мугдаши умолк, словно это не льва, а его ударили топором по сердцу. Потом сказал:

– Вот что значит Слово, Николай...

Николай слез с нар, подошел к Мугдаши и крепко, по-братски обнял его:

– Мудрый ты человек, комиссар, спасибо за урок...

Потом вышел во двор, помог хозяйке наколоть дров, убрать в хлеву...

– Спасибо тебе, сынок, – поблагодарила его хозяйка, – видно, хорошие вы люди. А ваш черненький так вообще большой души человек, дай вам Бог счастья!..

Когда они в очередной раз собрались в дорогу, хозяева дали им из своих скудных запасов немного продуктов и, увидев, как они неуклюже укладывают их в рванный мешок, спохватились:

– Ой, знаете, у нас тут залежалась пара вещевых мешков, – женщина поспешила в чулан и принесла их, – вот, возьмите, нам они ни к чему, а вам в дороге пригодятся...

Они отказывались принять такие дорогие подарки, но хозяйка настаивала. Отблагодарив ее за щедрую доброту и внимание, они покинули этот гостеприимный дом. Вещевые мешки на самом деле были весьма кстати, ибо в них можно было уместить продуктов питания на несколько дней.

Прошло более месяца, как беглецы оказались на свободе, однако выйти к партизанам им так и не удалось. Надо полагать, что в начальный период войны, если они и имелись в этих районах, то до поры до времени не проявляли активности, соблюдали конспирацию. Вполне могло быть, что именно по этой причине местное население ничего о них не знало.

В одной деревне предприимчивая крестьянка без обиняков предложила беглецам обосноваться у нее для работы по хозяйству. Мугдаши и Николай посмотрели друг на друга, внутренне посмеялись, но предложение отвергли ввиду того, что Мугдаши с его внешностью и кудрявой черной шевелюрой никак не мог сойти за ее родственника или местного жителя. Однако за это время добрые люди помогли им отстирать и обновить одежду. Теперь они всегда были побриты и подстрижены. Заметно поправились, посвежели и выглядели так,

что нельзя было даже подумать, что они перенесли сто дней фашистского плена.

Поскольку о партизанах им так и не удалось ничего здесь узнать, а пробираться к линии фронта было опасно, они решили двигаться на родину Николая, в Ново-Липовский район Украины, там попытаться вступить в партизанский отряд. Тем более, что они уже находились на территории Украины.

Не показываясь на большаках, двигались, главным образом, по проселочным дорогам. А на случай встречи с немцами или полицейскими придумали объяснение, что, мол, были в окружении в районе Ельни, все это время работали у крестьян и сейчас двигаются на родину Артеменко. Во время одного из переходов у Мугдаши сильно разболелась раненая нога. С трудом, поддерживаемый Николаем, опираясь на палку, добрались до села. Всю ночь от ноющей боли Мугдаши не сомкнул глаз, а утром вообще не сумел подняться на ноги – распухло колено выше раны. Пришлось ему трое суток пролежать в той же хате, куда они попросились переночевать. Кроме хозяйки с тремя малолетними детьми в этом доме проживал и ее отец, седобородый старец, по совету которого Мугдаши сделали растирание приготовленной самим стариком мазью и колено его обмотали овечьей шкурой.

Было очевидно, что они доставили хозяевам лишних хлопот, но к чести последних следует сказать, что независимо от этого, они продолжали относиться к ним душевно и заботливо. И, наконец, на четвертые сутки, поблагодарив хозяев, беглецы сердечно распрощались с ними и ушли дальше.

Как-то к одной деревне они приблизились днем, и на дороге их обогнал средних лет мужчина на санях. Остановив лошадь, он ответил на их вопросы: какая это деревня и есть ли здесь немцы, потом предложил им сесть на сани и привез к себе в хату, расспрашивая по дороге, кто они и откуда. Выразив беглецам сочувствие, поскольку те ответили ему по придуманной ими легенде, возница вдруг заявил:

– Наша деревня, хлопцы, большая и самая богатая в округе. Если по-людски приложить руку к хозяйству, то запросто и быстро можно разбогатеть. Я смогу вам помочь обосноваться здесь. Бог ведает, когда эта война закончится и кто ее переживет. К чему вам так мытарить и попрошайничать. Чего доброго еще и прикончат на дорогах, немцы на это горазды. А тут любое хозяйство с наступлением весны будет вам радо. Там, гляди, и подцепите еще какую-нибудь богатую молодуху. Хлопцев-то наших подчистую большевики угнали...

Излагал он все это бойко, с удальцей, по-хозяйски, однако последнее слово «большевики» невольно насторожило пришельцев. Они сделали заинтересованный вид и так же бойко ответили:

– Коли это возможно, так и поступим...

А про себя решили, как только наступит ночь и хозяин заснет, незаметно покинуть это село. Задачу эту облегчил сам хозяин, который вечером на радостях налакался самогонки, отчего сразу мертвецки заснул. Учитывая, что, проснувшись, хозяин может обнаружить с их стороны обман и организовать за ними погоню, они решили вернуться туда, откуда прибыли.

Шел пятидесятый день их пребывания на воле, но они никак не могли избавиться от состояния преследуемых беглецов. Ограниченный контакт с населением – в каждом селе они могли беседовать с одним или двумя взрослыми жителями, которые о положении на фронтах или не знали вообще, или сведения их были основаны на слухах и предположениях. Кроме того, люди, увидев их военную форму, не всегда откровенничали, а заменить ее не имелось возможности. Не располагала к откровенности и явно отличавшаяся от местных жителей внешность Мугдаши.

Ко всему этому следовало добавить, что они не имели никакого представления о формах и методах партизанской борьбы. Будь у них хотя бы какие-то познания в этой области, они бы не совершали подобные опасные переходы, не приняли бы решения двигаться

на родину Артеменко, проделывая рискованный, полный лишениями путь в 800–1000 км, в надежде найти сформированный партизанский отряд и вступить в него, а попытались бы раздобыть оружие и сформировать такой отряд сами. К сожалению, ни такого опыта, ни встречи с небольшим кругом людей, беседы с которыми всегда заканчивались надеждой, что фашистам недолго осталось здесь командовать, что их скоро погонят из родной земли, не приводили их к радикальным выводам. Тем более ходили слухи об успехах Красной Армии в зимней кампании. К тому же большая часть тех людей, с которыми они виделись, были женщины, горюющие и оплакивающие погибших или пропавших без вести близких.

Понимание всего этого пришло к Мугдаши гораздо позднее. Этому предшествовала целая череда физических и нравственных страданий, титанических усилий и терпения.

Оказавшись на территории Украины, Мугдаши и Николай поняли, что здесь полицейских из местных жителей гораздо больше, чем в Белоруссии, и без немецкого персонала не была оставлена ни одна большая деревня. И, естественно, они стали напряженнее чувствовать себя. Правда, помогала национальная принадлежность Артеменко и его умение разжалобить слушателей разговорами о своей несчастной судьбе. А когда в беседах с ним местные жители интересовались, кто такой Мугдаши, то он представлял его как своего спасителя от верной смерти во время ранения на фронте, естественно, умалчивая о побеге из концлагеря.

Они понимали, что попадись они в ходе передвижений немцам или полицейским, то в лучшем случае их ждал новый концлагерь. Да и то, если немцы проявят к ним снисхождение, как к окруженцам, избежавшим плена. Это была надежда, но не уверенность, что им будет дарована жизнь. Тем не менее все, что касалось придуманной им легенды, они не раз подробно обговаривали и согласовывали между собой, на случай, если их будут допрашивать врозь.

Обстоятельства сложились так, что Мугдаши еще несколько раз выполнял неприятную роль гадальщика, чтобы получить рекомендательные письма к родственникам Николая или знакомым, у кого они намеревались остановиться.

Однако вернемся к тому моменту, когда, спешно бежав от «доброго» мужика, наши мученики весь следующий день провели в лесу на морозе. Нарубив веток хвой, они соорудили из них настил, выбрали безветренное место и, хитро укрывшись той же хвоей, устроились на отдых. Несмотря на сильный холод, они воздержались от костра, дабы не подвергать себя опасности. И правильно сделали, ибо в тот же день они увидели того самого «доброго» мужичка, который в сопровождении двух полицаев прошел в тридцати метрах от них, громко разговаривая. Да, они шли по их следу. Вечером наши беглецы двинулись в путь, снова изменив направление на юго-запад.

Хотя уже был март, холода еще держались, и потому они были вынуждены проситься к кому-нибудь на ночлег. Даже несмотря на то, что Артеменко говорил на своем родном украинском языке, все же жители, из опасения доноса или облавы полицейских, не всегда соглашались принять их в дом. Хотя справедливости ради стоит сказать, что в еде и в пополнении ее запасов им не отказывали. Проведенный на снегу день привел их к печальному выводу, что долго в лесу им не выдержать.

Когда однажды их все же на несколько часов пустили в тепло, накормили и дали с собой пару армейских одеял, старый полушубок и кое-что из тряпья для подстилки, они от всего сердца поблагодарили хозяев и, дабы не причинить им вреда, спешно покинули гостеприимный дом. Из полушубка Николай выкроил и сшил две пары удлиненных меховых чулок, которые впоследствии хорошо послужили им. Правда, из-за одеял и тряпок их вещевые мешки стали малость трудно подъемными, что заставляло их делать частые привалы, все же они радовались своему снаряжению.

В один из последних дней марта, продвигаясь по протоптанной саями и подводами грунтовой дороге, ибо ходить по насту под тяжестью своих вещевых мешков уже не могли, неожиданно, лицом к лицу, они столкнулись с конным разъездом полицейских. Не заметили еще и по той причине, что поворот дороги в этом месте был загорожен молодым лесочком из хвойных деревьев. Конников было человек восемь. Обыскав беглецов и покопавшись в их мешках, не обнаружив ничего подозрительного, кроме кухонного ножа, они выслушали рассказанную Николаем на украинском языке легенду и предложили им пойти с ними.

Шестеро взобрались на коней, а двое повели лошадей на поводу, расспрашивая о чем-то Николая. Мугдаши шел следом за шестеркой всадников. Шли часа два и подошли к небольшому населенному пункту у железной дороги. Рядом с железнодорожным вокзалом стоял небольшой кирпичный дом, в котором размещалась комендатура. Мугдаши и Николай были представлены прохаживающемуся у дома унтер-офицеру. Видимо, на этой станции он был самым старшим чином, так как один из полицейских, докладывая, обратился к нему со словами: «Герр комендант!».

Измерив арестованных суровым взглядом, «герр комендант» громко спросил:

– Комиссар!?

Тот же полицейский, который докладывал, стал на ломаном немецком языке объяснять ему, что это несчастные, оказавшиеся в окружении раненые солдаты, что вылечили их крестьяне, на которых они потом работали, в общем все по легенде, которую ему рассказал Николай. Выслушав, комендант переспросил: «Были ранены, говорит?» Получив утвердительный ответ полицейского, он повернулся и пошел в обход здания, приказав всем следовать за ним. Выйдя на противоположную сторону дома, им приказали войти в комнату, где за столом сидел за какими-то бумагами ефрейтор – немец. Открыв одну из двух дверей, которая вела в

соседнюю большую комнату, унтер-офицер предложил Николаю и Мугдаши войти туда и приказал ефрейтору принести еды из кухни. Тем временем он потребовал показать ему место ранения на теле. Оставшись удовлетворенным показом, он одобрительно кивнул вернувшемуся с едой ефрейтору и ушел.

Вдоль длинной стены помещения был сделан шириной в рост человека настил из выструганных досок, который мог быть использован как ложе для сна. Из того, что окна в комнате не были зарешечены, арестованные сделали вывод, что помещение это предназначалось для отдыха транзитных или командированных солдат.

Еду им принесли в алюминиевых мисках: густую перловую кашу с мясом и суррогатный кофе в солдатском котелке. Естественно, арестованные, побывавшие в фашистском аду, были удивлены таким обхождением. Потом заходил тот же ефрейтор и предложил несколько сигарет. Им все еще не верилось, что снова попали к немцам, но совсем к другим, не к живодерам, которые орудовали в могилевском концлагере. Правда, арестованным удалось уловить одну различительную деталь: кокарды на головных уборах могилевских немцев были «украшены» дополнительной эмблемой – черепом со скрещенными костями.

Неожиданно дверь отворилась, и тот же полицейский, который докладывал о них коменданту, позвал:

– Микола, выходи!

Николай вышел и отсутствовал более часа. Возвратившись, он присел на настил и задумчиво смотрел на Мугдаши. Почувствовав неладное, тот спросил:

– Что-нибудь случилось, Николай?

– Вновь расспрашивали, у кого и где так долго мы работали, как могли не заметить нас немцы и полицейские. Когда же, как мне казалось, я убедил их, неожиданно заявили, что меня могут отпустить домой, как украинца. А тебя... сказали, что непременно отправят в какой-нибудь пленный лагерь. Не знаю, как и

быть. Я просил, умолял их разрешить и тебе следовать со мною, так как я обязан тебе жизнью, что мы почти побратимы. Куда там. В конце разошлись и сказали: «Если так, то выбирай: или обоим в пленный лагерь или одному».

Мугдаши задумался. Ему представились позабытые было ужасы концлагеря. Удастся ли и на этот раз выйти живым из этого ада, куда ему предстояло еще вернуться. Разве что одно утешение – за это время очистился от грязи, избавился от вшей, поправил немного здоровье и, видимо, по прибытии в новый лагерь не так трудно будет бежать, как в первый раз. Зачем же нужно Николаю лезть снова в петлю и разделять с ним невзгоды плена, если представляется возможность избежать их? И без того видно, как мужик мучается из-за него, готов даже отказаться от отправки домой. Нет, этого допустить нельзя. Что же касается его самого, видно, судьба.

Во время этого молчаливого размышления друга, Николай продолжал сидеть, сгорбившись и опустив голову.

Легенда легендой, но они действительно привязались друг к другу и не могли допустить даже в мыслях, что судьба вот так может разлучить их, дав счастье одному, а горе другому. Мугдаши вдруг пришел на память случай, когда на комсомольском диспуте о роли судьбы в жизни человека, он – комсомольский вожак большого завода, встал и, вопреки утверждению главного инженера, – человека немолодого, но мудрого, утверждавшего, что иногда судьба играет человеком, громко сказал:

– Я не верю в так называемую судьбу. У каждого человека его судьба в его руках. Надо уметь управлять судьбой и не дать ей играть тобой!...

– Ну, ну, – глядя ему в глаза, сказал тогда главный инженер. – Дай-то Бог...

«Вот тебе еще один урок, Мугдаши, – заключил он с грустью. – Никогда не торопись, – учил отец, а судьба, которую я отрицал, снова напомнила о себе...»

Мугдаши прервал тягостное молчание и, как мог, спокойно сказал:

– Нечего терзаться, Николай. Если представляется возможность, непременно надо вернуться домой и включиться в борьбу с врагом. Уверен, что ты, с твоим характером, не будешь сидеть сложа руки и ждать возвращения наших, а примешь активное участие в отрядах сопротивления. Что касается меня, друг мой, если не пошлют к праотцам, а действительно возвратят в лагерь, я долго не засижусь, использую наш горький опыт и, пока не ослаб здоровьем, организую побег...

– Нет, – горячо возразил Николай. – Мы вместе пойдем в концлагерь.

– Этого ни в коем случае делать не следует, – прервал его Мугдаши не допускающим возражения тоном, – чего доброго истолкуют все по-иному и станут подозревать, что мы обманули их. Нельзя давать им повода усомниться в нашей легенде.

– На что же будет похоже, если я обрадуюсь свободе, тогда как моего товарища обратно отправят за колючую проволоку? – не соглашался Николай.

– А ты не показывай свою радость, – в свою очередь парировал Мугдаши. – Мы попрощаемся с тобой душевно, как побратимы. Мы не должны показывать и виду, что имеем какое-то представление о концлагере и, стало быть, не должны так мрачно воспринимать их решение. Чему быть, того не миновать. Я молю Бога лишь о том, чтобы это был пленный лагерь, а не нечто худшее. В конце концов, сами виноваты, что так глупо попались – слишком беспечно вели себя в последние дни... Вот так и решим, Николай. А не говорили они тебе, когда и куда отправят меня?

– Нет, они ничего не сказали, да и я не спрашивал...

Вскоре им разрешили выйти и прогуляться у здания. Там увидели четверых полицейских, которые вошли у оседланных лошадей. Завидев арестованных, они подозвали их к себе.

– Ну как, вояки, накормили вас?

Они согласно кивнули и поблагодарили.

– Завтра, наверное, мы вас разъединим. Николай поедет к себе домой, а ты в пленный лагерь...

– Как было бы хорошо, если бы мы оба поехали к нам домой, – высказался на украинском языке Николай.

Полицейские недовольно взглянули на него, но промолчали.

В свою очередь закинул камешек и Мугдаши:

– Запорожец за Дунаем в турка «перевернувся», а я хотел было в украинца, окажись на родине Николая. За неимением родной сестры Николай предлагал просватать мне двоюродную сестру...

Полицейских шутка Мугдаши развеселила:

– Если Бог сохранит тебе жизнь, то мы не будем возражать против того, чтобы ты после войны «перевернувся» в украинца, – ответили они в тон Мугдаши.

Потом все четверо вскочили на лошадей и ускакали.

Походив с полчаса, вернулись в дом и друзья. Тут же один из полицейских принес им граммов 200 ливерной колбасы, несколько кусочков хлеба и горячий кофе. И пока они ели, полицейский сидел молча и курил. Когда же перестали есть, он обратился к Мугдаши с вопросами, мол, кто по национальности, откуда родом, гражданская специальность, в каких войсках был на фронте, когда и где был ранен... Хотя эти вопросы задавались уже во второй раз, Мугдаши счел нужным ответить, что по национальности он азербайджанец, родом из Махачкалы, гражданская специальность – техник-технолог консервной промышленности, на фронте с июля месяца прошлого года, служил в мотострелковой дивизии, ранен под Ельней в октябре месяце. Не дожидаясь любопытства полицейского, Мугдаши снял брюки и показал рану на ноге и животе.

– Да, здорово садануло тебя, – взглянув на раны, проговорил он. – Оба ранения получил сразу?

– Нет, – ответил Мугдаши. – В живот – днем, а в ногу – к вечеру в тот же день.

Затем, попросив его перевести на азербайджанский язык несколько слов и фраз, полицейский попрощался и ушел.

Следующий день в жизнь Николая и Мугдаши никаких изменений не принес. Им в день три раза приносили еду, были приветливы и настроены шутливо. Независимо от этого, Николай переложил в вещмешок Мугдаши все съестное, что было при них, оба одеяла, запасную пару белья, портянки. Затем завязал мешок и оставил его в углу на нарах.

В полночь полицейский и ефрейтор разбудили Мугдаши и приказали собираться. Проснулся и Николай. Быстро надев сапоги и одев шинель, Мугдаши направился за вещевым мешком. Николай бросился к другу, по-братски обнялись и попрощались.

На станции стоял состав товарных вагонов. Мугдаши подвели к пассажирскому вагону, который находился в середине состава. Немец-ефрейтор доложил о нем стоявшему у вагона унтер-офицеру. Тот испытующе взглянул на Мугдаши, что-то тихо спросил у ефрейтора, который ответил: «Яволь!». Затем солдат с автоматом подвел его к товарному вагону, раскрутил проволоку, откинул замок и, немного отодвинув дверь, предложил ему подняться. Задвинули и закрыли дверь...

4

На полу вагона вповалку, прижавшись друг к другу, лежали пленные. Свободным оставался лишь маленький пятачок у двери – по другую сторону от небольшой кадки, прикрытой деревянной крышкой. Пол вокруг кадки-параши был покрыт слоем льда. Он присел возле дверей и, заложив за спину вещевой мешок, прислонился к нему. В маленькие оконца, зарешеченные колючей проволокой, проникал дневной свет, и

ему вдруг представилась жуткая картина. Вагон был набит до отказа. Более тридцати пленных: кто лежал навзничь – раненый или больной, кто, согнувшись, прижался грудью к спине товарища. Их шинели запорошил снег, заметенный через дверные и оконные щели. Изможденные, обросшие щетиной, бледные лица, впалые глаза. Живые трупы.

Мугдаши содрогнулся и закрыл глаза. Его жизнь совершила обратный ход, колесо фортуны покатилося вспять. В детстве, в пятилетнем возрасте, он, по желанию родителей, посещал платную духовную школу и в восемь лет мог свободно читать и переводить священное писание, и в кругу семьи было твердо решено сделать из него раввина. Однако Мугдаши не стал религиозным человеком. Судьбе было угодно свести его с соседским русским мальчиком – учеником реального училища и тем самым определить ход его жизни совершенно в другую сторону. В нем неожиданно проявились способности к арифметике и русскому языку, и он был сразу зачислен в четвертый класс общеобразовательной школы, а в 14 лет успешно окончил семилетку. Он никогда не верил в судьбу, а она снова сыграла с ним злую шутку – вначале дала свободу, а потом отобрала.

Теперь Мугдаши, не замечая за собой этой перемены, нет-нет да и вспоминал имя Бога (Худо) и в минуты отчаяния и поиска справедливости обращался к нему:

«Господи! За какие грехи? За что ты бьешь этих несчастных, в чем их вина? Не они, а на них напали звери в человеческом облике, не они, а их мирную жизнь нарушили фашисты, не они, а их, ни в чем не повинных, мучают и убивают, матерей лишают детей и наоборот. Они благоговейно взывают к тебе, Боже, ждут твоей помощи, а ты глух и нем. Так в чем дело? Почему ты не протер свою длань и не поверг мучителей? Неужто снова, в который раз, перехитрил тебя дьявол? Неужто заболели твои всевидящие глаза и ты ослеп? Где же твоя справедливость? Если это по-твоему справедливо, то как выглядит несправедливость?».

Неожиданно ход его спора с Богом был прерван. Лежавшие рядом пленные зашевелились, стали приподниматься. Кто-то удивленно смотрел на Мугдаши, другие, не обращая на него внимания, тут же привычно достали из-за борта шинели малюсенькие сверточки и, развернув, извлекли корочки хлеба и стали грызть. Сидевший справа пожилого возраста пленный тихо обратился к Мугдаши:

– Я слышал на рассвете, когда тебя впустили к нам...

Затем, оглядев его оценивающим взглядом, спросил:

– Видать, недавно попал в плен? Но где, неужто наши так близки?

– Если бы не были близки, то зачем фашисту нами транспорт занимать? Дали бы помирать на Витебщине – противотанковых рвов там достаточно, – ответил сидевший рядом с пожилым.

Мугдаши, начав свое повествование по легенде, передвинул из-за спины вещевой мешок, развязал его и, не прерывая рассказ, стал извлекать содержимое. При виде сала, хлеба, лука все вытянули шеи и жадно смотрели на разложенные продукты. Мугдаши предложил им самим произвести дележ.

– Кто сможет разделить это, чтобы досталось всем поровну? – обратился он ко всем, но задержал взгляд на сидевшем справа товарище.

– Дайте старшему, – сказал тот и указал на пожилого, который первым заговорил с Мугдаши.

Приняв продукты, он достал вырезанное из куска жести подобие ножа и приступил к делу. Разложив порции по числу людей, первым преподнес одну долю Мугдаши, которая была чуть больше других. Все остальные получили свою долю несколько необычным образом: один из пленных стал спиной к разложенным продуктам и, когда старший клал руку на одну какую-нибудь долю и спрашивал «кому?», – называл фамилию или имя кого-либо, который немедля с радостью брал в обе руки свою порцию.

Мугдаши есть не стал, бережно положив в вещмешок свою долю, сел на прежнее место у двери и обратил внимание, как с улыбкой на губах, довольные, пленные разглядывают полученную порцию сала. Каждому досталось по 40–50 граммов сала, половинка луковицы и грамм 150–200 хлеба. Луком слегка натирали хлеб и не спеша ели с салом. Когда Мугдаши увидел, как некоторые таким же образом натерев хлеб луком, ели только один хлеб, а сало с непередаваемым наслаждением облизывали языком, у него собрался в горле комок и на вернулись на глаза слезы. Картины Могилевского концлагеря снова мелькнули перед ним. «Нет! – подумал он, возвращаясь к мысли, высказанной накануне разлуки с Николаем. – Чем так жить, лучше быть убитым при побеге. Бежать! Во что бы то ни стало бежать и как можно скорее...»

Состав снова, проехав несколько минут, надолго остановился. Те, которые дотянулись до окон вагона, сообщили, что по обе стороны железнодорожного полотна простираются заснеженные поля без каких-либо строений. Стояла звенящая тишина, словно кругом не было никакой войны.

Поев понемногу из того, что досталось от нового товарища, пленные, стараясь сохранить тепло, снова прижались друг к другу. Говорить никто не хотел: лежали, укутавшись в шинель, некоторые стали засыпать, другие же думали свою тревожную думу. Никто не знал, даже выдавший виды Мугдаши, что ждет его в ближайшее время. Куда их везут, какая будет их жизнь в лагере? Смертельную тревогу вызывало и отсутствие вестей с фронта, а также о тех, кого они оставили дома. Белорусы и украинцы, среди них были и такие, знали, что их жены, дети, старики оказались на оккупированной фашистами территории, и этот факт мучил их больше собственной участи.

К восьми часам утра открылась дверь вагона, и раздался лающий окрик немца. Четверо пленных быстро подошли к кадке-параше, подвинули ее к двери и, спрыгнув на землю, сняли с вагона и понесли в поле,

конвоируемые двумя вооруженными солдатами. Двое других солдат тут же закрыли дверь. Минут через пять пленные возвратились в вагон с опорожненной парашей. Они сообщили, что стоят в тупике, в 200 метрах от станции.

Вскоре снова открыли вагон, и военнопленные разносчики с мешками за спиной, сопровождаемые солдатами, передали в вагон положенное количество буханок хлеба и кипяток в ведрах. Хлеб разрезал тот же старший, и дележ производили с тем же вопросом «кому?».

Примерно через час поезд тронулся.

Уже к вечеру на одной из станций в вагон подали три ведра густого супа, приготовленного из брюквы, неочищенной картошки и пшена. Один из поваров-военнопленных, наливавший в котелки или миски (у кого что было) суп, по секрету сказал старшему, что ехать им осталось недолго. И действительно, к утру следующего дня они прибыли в Молодечно. Под конвоем многочисленных солдат и нескольких овчарок пленным приказали покинуть вагоны и строем привели в молодечненский концлагерь.

В расположении лагеря их некоторое время задержали на обособленно отгороженном колючей проволокой плацу. Здесь перед ними держал речь комендант лагеря, которую переводил русский пленный с белой повязкой на рукаве. Прежде всего от них потребовали, чтобы евреи, комиссары и коммунисты на три шага вышли вперед. Затем, когда с места никто не тронулся, комендант заговорил вновь:

– В течение лета этого года война будет закончена, победоносная армия фюрера освободит от большевиков остальные территории, и вы все будете отправлены по домам.

Кто-то из военнопленных из задних рядов выкрикнул:

– А х... не хочешь?

– Что там сказали? – заорал комендант на переводчика.

– Они благодарят фюрера за заботу, господин комендант, – нашелся переводчик, не выдав смысла русского ругательства.

Далее следовали сообщения и предупреждения о всяких запретах, несоблюдение которых влечет за собой расстрел.

«Вот и ягодки последовали, – подумал Мугдаши, – то ли еще будет, все повторяется...».

Затем всем, кто имеет офицерское звание, приказали выйти вперед. Из общей массы пленных, примерно в тысячу человек, вперед вышли тридцать. Среди них был и Мугдаши. Эту группу отвели в сторону от остальных. Здесь, впервые за все время пребывания в плену, немцы официально регистрировали фамилии, имена и воинские звания пленных. Записи в журналах делал пленный с повязкой на руке.

Нелегкая цепь злоключений за последние месяцы научила осмотрительности и поэтому, когда заносили в журнал фамилии офицеров, он назвался Абдуллатиевым Мигдаром Яхьяевичем, жителем Азербайджана, в звании капитана. Так молниеносно сработавшая фантазия во многом определила дальнейшие события его жизни. В первые дни он постоянно чувствовал себя в напряжении, так как не сразу привык к чужой фамилии, однако благодаря умению сосредоточить волю и разум на главном, она постепенно словно приросла к нему.

Это все было потом, а пока пленные строем шагали к своим баракам. Офицерский барак, куда повели Мугдаши, был обведен дополнительной колючей проволокой и таким образом изолирован от других барачных, где размещались рядовые и младшие командиры.

Как только их привели в эту зону, им навстречу вышли все старожилы из барака. Каждому хотелось встретить среди вновь прибывших знакомого, однополчанина или, может быть, даже родственника. Внезапно Мугдаши почувствовал на себе пристальный взгляд одного офицера, явно кавказского типа. При-

близившись, они узнали друг друга и обнялись. Это был Магомедов Мирзахан, старший лейтенант, азербайджанец, с которым они были знакомы, когда держали в сентябре-октябре 1941 года оборону под Ельней. Он был тогда офицером связи соседнего полка. Обрадовавшись неожиданной встрече, Мирзахан тут же шепнул ему на ухо: «Как ты назвал себя?» Также шепотом Мугдаши ответил ему: «Абдуллалиев Мигдар, капитан».

Для Мугдаши было особенно важно, что он встретил человека, которому мог полностью доверять. Дело в том, что в молодеженский лагерь Мирзахан попал несколько раньше и знал здесь уже, как говорится, все ходы и выходы. Пленные любили этого тридцатилетнего парня с ладной фигурой, шевелюрой темно-каштановых волос над светлокожим лицом и звонким высоким голосом, которым тот то и дело напевал азербайджанские и русские песни. Мирзахан подробно ввел своего старого приятеля в курс лагерной жизни, познакомил с товарищами, которым можно было доверять.

Имея за плечами горький опыт лагерной жизни, Мугдаши невольно сравнивал условия, в которых оказался он в Молодечно, с теми, которые были в Могилевском лагере. Сравнение это приводило к довольно значительным выводам. Если концлагерь в Могилеве оккупанты рассматривали как перевалочный пункт на пути пленных в вечность, рассчитывая, что война со дня на день закончится, то здесь, получив урок под Москвой и испытав невзгоды русской зимы, они несколько поостыли и стали мыслить более реально. Кроме того, они решили, что гораздо выгоднее использовать пленных для работ в промышленности и сельском хозяйстве. Дошло даже до того, что фашистское командование стало подумывать о привлечении их для борьбы на стороне гитлеровцев. Соответственно, и отношение к пленным стало иным. И хотя спали они также вповалку, без постельных принадлежностей, все же

кормили здесь чуточку лучше, а эпидемии, как только они возникали, немедленно прекращались вторжением медицинского персонала. В лазарете, созданном при концлагере, можно было получить минимально необходимую помощь.

Чтобы привлечь офицерский состав на свою сторону, гитлеровцы создали им сравнительно неплохие условия. Однако за все время пребывания в этом лагере Мугдаши убедился, что ни одного офицера, за самым редким исключением, им привлечь на свою сторону не удалось.

Мирзахан рассказал Мугдаши, что в лагере действует подпольный комитет, который имеет связь с антифашистами в Молодечно, и в тот же день познакомил его с членами этого комитета: полковником Карпенко и вторым, фамилию которого он не запомнил. Был он в звании капитана, но Магомедов сказал, что это маскировка, на самом деле он – батальонный комиссар.

Приглядываясь к пленным офицерам, вслушиваясь в их разговоры, Мугдаши с удовлетворением пришел к выводу, что здесь, в Молодечно, несмотря на полуголодное существование, большие житейские неудобства, изолированность и прочее, все же они выглядели не совсем униженными, не опасались высказывать свои чувства и настроения. Бывали и споры на темы довоенных арестов, разбирались пережитые боевые операции и слухи о победе Красной Армии под Москвой. Правда, в определенной степени соблюдалось чиновничество, но что было самое отрадное – это то, что в обращениях друг к другу они могли употреблять близкое и родное слово «товарищ».

Хорошими и добрыми складывались отношения пленных офицеров с рабочими группами. Иногда от рядовых рабочих им выпадало кое-что из съестного и табак. Как-то стихийно, видимо, по складу характера или каким-то другим качествам, офицеры сгруппировались по 8–10 человек и, если одному что-то выпадало, делилось на всю группу. Больной или недомогаю-

щий в группе становился объектом внимания и заботы всей группы. Составы групп, как правило, были интернациональны.

Конечно, во всем этом была «рука» подпольного комитета. Своей осторожной, продуманной и целенаправленной деятельностью он спланировал пленных для достижения поставленной цели. Кроме этого, комитет подготавливал и осуществлял в лагере побеги военнопленных. Правда, как-то не обошлось без срыва, но не за счет комитета. Двое пленных не выдержали издевательств гитлеровского солдата, без ведома комитета тайком напали на него, задушили, взяли его автомат и кинулись к колючей проволоке бежать. Но были сражены пулеметной очередью охраны. Это событие вызвало в лагере большой переполох, все пленные были поставлены в строй, и комендант приказал расстрелять каждого пятого из барака, где жили эти двое бежавших.

– Если подобные случаи повторятся, то за одного солдата фюрера будет расстрелян каждый второй пленный, – заключил свою речь комендант.

На нарах Мугдаши выделили место рядом с Мирзаханом. В группе Мирзахана был еще один азербайджанец – Гаджи Сафаров, лейтенант. Остальные были русские и один украинец. Мирзахан и Сафаров прибыли в Молодечно из одного пересыльного пункта, куда собирали попадавших в плен из групп окруженцев. Мирзахан сообщил, что был ранен в левую руку навывлет и с небольшой группой солдат и офицеров продвигался к линии фронта во время Вяземского окружения. Однако, нарвавшись на немецкую засаду, они были взяты в плен. Шел пятый месяц его пребывания в Молодечненском лагере.

В первые три-четыре месяца Мирзахан с товарищами испытали здесь то же, что и Мугдаши в Могилеве, с одной разницей, если там трупы ежедневно вывозились и сбрасывались в ров за лагерем, то здесь из-за отсутствия готового рва трупы сваливались в одну кучу

на свободной от бараков территории лагеря и, если в те дни или недели не выпадал снег, оставались обнаженными, представляя собой на общем фоне ужасной лагерной жизни еще более ужасающую картину. Только по истечении 10–15 дней пленные нагружали подводы окоченевшими скелетами, вместо лошадей впрягались сами и вывозили их под усиленным конвоем на расстояние в 300–500 метров от лагеря, где взрывали большие ямы и сбрасывали туда трупы.

Но число людей от этого в лагере не уменьшалось, почти каждую неделю подвозили или пригоняли новые тысячи, как все равно, скот на бойне...

– Так нам и надо! – однажды в сердцах сказал Сафаров. – Это расплата за то, что не дрались с врагом, пока руки держали оружие и билось сердце. Видел, как эти слизняки и хамелеоны робко подходили к какому-нибудь немецкому солдату и в протянутой руке с подобострастной улыбкой на морде показывали «листовки-пропуски». И что получили взамен? Увесистый пинок кованым сапогом или дулом винтовки в грудь. А то – и короткую автоматную очередь.

– Ты зря, Гаджи, всех оказавшихся в плену под одну гребенку чешешь, – остановил Магомедов бичующую тираду Сафарова, – большинство сюда попали ранеными, да и ты, как мне известно, не по собственной воле попал в плен...

– Не о нас с тобой речь, Мирзахан, – несколько спокойнее согласился Сафаров. – С раненых никакого спроса нет. Наоборот, они сами имеют право спрашивать, почему свои не подобрали и не вынесли с поля боя, бросили на растерзание врагу. Я говорю о других, которые составляют немалую часть пленных... Ты посмотри, как они льстят фашистам, лижут им... одно место...

– Их же единицы, – снова не согласился Мирзахан, – знаешь, в семье не без урода и по ним судить всех – это не только неправильно, но и несправедливо. И как тебе известно, решением комитета лагеря, двоих таких мы убрали, будь уверен и остальных уберем. Кроме

того, наши товарищи в этих нечеловеческих условиях не уронили своего достоинства и даже здесь продолжают борьбу с врагом.

– Я тоже согласен с Мирзаханом, – вступил в разговор стоявший рядом офицер из их группы, – в жизни человека бывают минуты слабости, они естественны, ибо они люди, но если при этом они не встали на колени, не стали предателями, иудами, это еще не значит, что они сдались, нет...

– И тому мы свидетели, – добавил Мирзахан.

Чтобы изменить тему разговора и избавить Сафарова от самобичевания, Мугдаши спросил:

– А в связи с чем фашисты смягчили обращение с пленными?

– Основную причину не знаю, они ведь не докладывают об этом нашему брату, – ответил Мирзахан. – Но мне кажется, немалую роль сыграли в этом деле такие факты, как расправа над полицейскими, участвовавшие побеги, кстати, некоторые из беглецов были пойманы, приведены обратно и повешены. Кроме того, о зверствах фашистов и бесчеловечном обращении с пленными стало известно местному населению. Члены комитета говорили, что в Молодечно не раз расклеивали листовки об этом.

– Ты упомянул о какой-то расправе над полицейскими, – напомнил Мугдаши.

– Да, это было, кажется, во второй половине января, – начал свой рассказ Мирзахан. – Один фельдфебель в сопровождении двух солдат с автоматами подошел утром к стоящим в очереди за хлебом пленным, без всякого повода достал пистолет и выпустил всю обойму в головы находившихся рядом пленных. Мы ожидали, что за пистолетными выстрелами последуют очереди из автоматов, поскольку и солдаты взвели автоматы и приняли стойку для стрельбы. Но этого не произошло. А фельдфебель, пролаяв целую тираду проклятий в адрес «русских свиней», повернулся и, крикнув солдатам «Ком!», ушел. Позже нам удалось узнать, что у

этого ублюдка погиб на Восточном фронте брат – офицер и, таким образом, он решил отомстить за гибель своего родича. С этого все и началось. Что же касается полицейских, то дело обстояло так. В лагере особо отличались своей свирепостью и садизмом двое полицейских, которые были неразлучны и могли по поводу и без повода отхлестать до смерти пленного. Надо же было, чтобы в тот же день, когда фельдфебель разрядил свой пистолет в ни в чем неповинных пленных, эти полицейские, подвыпившие, с раскрасневшимися мордами, ворвались в один из бараков и стали почему-то лупить пленных. Кто-то зычно подал команду, и большая группа пленных набросилась на полицейских и через двадцать минут их изуродованные трупы были выброшены у колючей проволоки напротив барака.

Не прошло и часа, как немцы вывели из барака всех пленных, выстроили перед трупами полицейских и, взяв в полукольцо автоматчиками и пулеметами, потребовали назвать лиц, которые убили полицейских. Видя, что никто не отзывается, вывели из строя каждого десятого и объявили: «Если не будут названы убийцы, то расстреляем всех пленных». Но и тут никто никого не выдал. Тогда комендант приказал вывести людей из всех бараков. Когда все пленные были выстроены на территории, стоявшая напротив заложников группа автоматчиков дала длинную очередь из всех автоматов и 36 человек повалились в снег. Трупы полицейских убрали сразу после экзекуции, а расстрелянные пленные остались лежать в течение трех суток на алом от крови снегу.

– Да... – задумчиво протянул Мугдаши, – это даже покруче, чем в Могилеве...

– Вскоре после этого случая, – продолжил Мирзахан, – немцы отделили офицеров от рядовых и разместили, как ты видишь, в изолированном колючей проволокой бараке. Разумеется, многие офицеры, по разным соображениям скрывшие свою принадлеж-

ность к офицерскому составу, остались среди рядовых. На офицеров был заведен персональный учет. Тебя, конечно, интересует, что изменилось в жизни офицеров после этого? Во-первых, офицерский барак и территория стали обходиться без полицейских и последним категорически было запрещено появляться здесь. Во-вторых, они стали еду получать первыми и несколько лучшего качества, во всяком случае, без добавления холодной воды, если в конце раздачи «супу» не хватало. В-третьих, им не приходилось часами простаивать в очереди на морозе. Но зато офицеры лишились возможности быть вовлеченными в рабочие команды, а значит, лишились дополнительного источника продуктов питания, которые иногда перепадали им от местного населения на пути следования к работе. Это же обстоятельство лишало их возможности общаться с населением, получать от них некоторую информацию о положении на фронтах.

К этому следует добавить, что теперь офицеры не могли выйти за пределы лагеря на работу, что лишало некоторых из них надежды быть выкупленным какой-нибудь женщиной, с которыми удавалось договориться на этот счет. Процедура осуществления выкупа в немецкой комендатуре лагеря заключалась в следующем: женщина, обговорившая этот вопрос с кем-нибудь из пленных и узнавшая его реквизиты, обращалась в комендатуру лагеря с письменным прошением отпустить на волю ее сына, брата или мужа, который по полученным ею данным от такого-то (она называла фамилию ранее получившего свободу), пребывает в таком-то пленном лагере, и к этому прошению, естественно, добавлялась какая-нибудь ценная вещь...

Из дальнейшего рассказа Мирзахана следовало, что, получив таким образом разрешение, просительница допускалась на территорию лагеря и становилась в стороне рядом с заинтересованным немецким офицером, всматриваясь в лица пленных во время их

шествия за очередной порцией баланды. Увидев «своего» пленного, она, вскрикнув: «Ой, родненький!», бросалась на шею пленному, осыпала его поцелуями и тащила его за руки из строя пленных. Остановив своего избранника в нескольких шагах от офицера, который стоял и наблюдал за происходящим, подбегала и падала перед последним на колени, умоляя отпустить на волю «родича». Поскольку офицер заранее был вознагражден, без особых церемоний выдавал пленному бумажку о том, что он выпущен немецкими властями на свободу.

Бывали случаи, когда процедура получения разрешения затягивалась и просительница из-за смерти или болезни пленного не могла его обнаружить в строю, тогда она поступала таким же образом с совершенно незнакомым ей пленным, которого избрала по каким-то только ей известным причинам. Правда, получивших свободу подобным образом было не так уж много. Вероятно, слишком дорого запрашивали немцы за дачу воли кому-нибудь из пленных. Но каждый такой случай использовался подпольным комитетом для налаживания необходимой связи с внешним миром.

* * *

В первый же день прибытия в молодецненский концлагерь Мугдаши благодаря Магомедову Мирзахану и Сафарову Гаджи узнал о подпольном комитете и о его связях с подпольными организациями города. Подобное доверие ему оказывалось потому, что руководителю комитета полковнику Карпенко стало известно, что он бывший батальонный комиссар, что уже однажды бежал из могилевского концлагеря, еврей по национальности, что будучи дважды ранен, нашел в себе и силы и волю не сломаться. Таких людей руководители комитета ценили особо. От него не скрыли, что побег офицеров из лагеря планируются комитетом и в целом осуществляются с его ведома. О времени по-

бега, численности совершающих его комитет заранее уведомляет молодежненские подпольные организации, чтобы те могли встретить и определить бежавших. Две группы из трех и пяти человек каждая уже вышли за колючую проволоку, и никто из них не угодил на лагерную виселицу. Значит, патриоты из Молодечно вовремя обнаружили их и обеспечили безопасность.

Поинтересовавшись у Мугдаши подробностями его побега и продвижениями по тылам, полковник заключил:

– Это хорошо, что вы уже имеете кое-какой опыт в этой части, он нам пригодится...

– Я в вашем распоряжении, – ответил Мугдаши.

– Однако хочу предупредить вас, – добавил Карпенко, – если встретите в лагере еще кого-нибудь, кто знает о том, какой вы национальности или кем были в армии, немедленно через Магомедова сообщите нам...

В последующие дни Магомедов, а затем и член комитета старший лейтенант Сергей сообщили Мугдаши, что в мае готовится побег группы офицеров и, возможно, в эту группу войдет и он. Было предложено с этой целью побольше ходить, ежедневно делать гимнастику, бросить или довести до минимума курение. Курили, кстати, больше смешанную с листьями деревьев махорку, а то и просто растертые листья деревьев и вату. «Польза» от курения была лишь в том, что оно в некоторой степени заглушало голод.

Шел май. Комитет получил очередную информацию о военных действиях на фронтах и от одного к другому распространил ее по лагерю. С нетерпением ждали, когда комитет сообщит о назначенном дне побега. Но неожиданно комендант лагеря приказал выстроить пленных офицеров. В бараке офицеров заподозрили неладное: «Неужели появился предатель?» Особенно неловко чувствовал себя Мугдаши, ибо среди трех новоприбывших был и он. Однако все разрешилось быстро. Комендант, осматривая строй пленных офицеров, неожиданно приказал всем кавказцам выйти

на два шага вперед. Вышло 18 человек. Когда остальных возвратили в барак, сопровождавший коменданта офицер опросил каждого кавказца, записал фамилию, имя, год рождения, воинское звание, национальность. Потом всех попросил поднять обе руки вверх и сделать приседания.

При этом пленные офицеры обратили внимание на то, что фашисты вели себя почти вежливо. Обычные выражения «проклятый человек», «свинская морда» не употреблялись ими, и более того, из уст фашиста впервые вылетело слово «битте».

Когда распустили строй, всех мучил единственный вопрос: к чему все это?

Один из недавно прибывших офицеров своими антисоветскими высказываниями раздражал жителей барака с первого дня. Он всегда сомневался в успехах Советских войск и, наоборот, утверждал, что немцы имеют крупные успехи на фронтах. Вот и на этот раз он со злорадством прокаркал: «Освободили, наверное, ваш Кавказ от большевиков, теперь вас пошлют домой».

Это стало пределом терпению Гаджи Сафарова и он, схватив того за ворот, толкнул с такой силой, а главное – с такой ненавистью, что тот ударился затылком о что-то твердое и, не издав ни звука, замертво упал на пол. Присутствовавшие при этом Мирзахан, Мугдаши и Сергей стали его приводить в чувство, подняли и положили на койку, однако ничем ему помочь не смогли, тот был мертв. Поскольку на теле умершего никаких следов насилия обнаружено не было, решили вызвать фельдшера и тот, осмотрев мертвеца и увидев взволнованность присутствующих, без всяких проволок констатировал: смерть от болезни сердца.

Конечно, каким бы негодяем ни был этот пленный, никто из присутствующих смерти ему не желал, но, как заметили впоследствии выслушавшие эту историю члены комитета, он так или иначе был потенциальным предателем и его смерть – «Божья кара». Несмотря на

эту шутку, Сафаров имел серьезный разговор с товарищами, которые осудили его и потребовали большей сдержанности в беседе с товарищами.

– Смотри, Гаджи, несмотря ни на что, ты – убийца, – вынес свой вердикт Мирзахан.

– Нет, не в такой форме, – вмешался Сергей, – виноват, да, но убил-то он по сути врага, очистил наш барак от потенциального предателя...

– Простите меня, друзья, – опустив голову, произнес Гаджи.

На следующий день отобранных офицеров повели на медосмотр. Врачи – гитлеровцы, хотя и очень брезгливо, все же тщательно подвергли их осмотру. Одному из дождавшихся вызова к врачу удалось узнать у стоявшего на часах в коридоре ефрейтора, что из них собираются сделать «дойче солдат».

По возвращении в барак о сообщении ефрейтора было доложено членам подпольного комитета. Естественно, в связи с этим просьбы Мугдаши и Мирзахана о побеге стали настойчивыми, однако Карпенко, выслушав их, после недолгих раздумий, ответил:

– Если только то, что вам сообщил ефрейтор, правда, то с побегом спешить не надо. Выходит, фашисты сами выпустят вас на волю, да еще оденут, обуют и вооружат. Я считаю возможным для вас использовать этот представившийся случай. Получив все на руки, вы сможете сколотить группу и повернуть оружие против тех, кто выдал вам его. Но предупреждаю, что нужно будет действовать предусмотрительно и осторожно.

Мугдаши стал возражать, заметив кстати, что он на самом деле не азербайджанец и, если он окажется среди большой группы лиц из Кавказа, может случиться, что кто-либо из предателей, узнав его, донесет о нем фашистам. Однако эти доводы не были приняты во внимание. Мало того, ему было предложено возглавить группу...

Через два дня после медосмотра все 18 офицеров – кавказцев снова были выстроены и решением врачебной комиссии из них были отобраны лишь один-

надцать офицеров. В их числе оказался и Мугдаши, а также его товарищи, члены подпольного комитета Магомедов Мирзахан и Сафаров Гаджи. Теперь их перевели в другой, изолированный от общего лагеря барак.

В течение последующих трех дней в этот же барак группами были переведены около 200 рядовых и младших командиров разных кавказских национальностей. Хотя условия в бараке оставались те же, что в общем лагере, все же кормить здесь стали значительно лучше. Была увеличена норма хлеба, вместо баланды выдавали густой суп или кашу, по утрам – порцию маргарина и 15–20 граммов сахарного песка.

Небольшая часть пленных не сразу разобралась в происходящем. Фашистские подачки ими принимались с восторгом. Они не стали задумываться над причинами подобного отношения немцев к ним и начали видеть свое будущее в розовых красках. Особенно их радовало, что дважды в течение недели немцы сводили их в баню и затем продезинфицировали их одежду. Потом в распоряжении барака стали частенько появляться немецкие младшие чины и солдаты. Их поведение было необычно. Они улыбались, мягко обращались с пленными, называя их вежливо «комрад»... И все это возымело действие. Некоторые наши оболваненные простаки стали воспринимать «заботу» немцев как великое благо и, казалось, напрочь стерли из памяти все то зло, что творили эти же фашисты еще вчера.

Память, ах память! Она помнит все, но она же и забывает!

Но была и другая, значительно большая часть людей, которая ничего не забыла. На их лицах сохранялись угрюмость и озабоченность: они не могли пока понять той злонамеренной хитрой игры, в которую фашисты в очередной раз хотели их втянуть. Мугдаши, Мирзахан и Гаджи в течение всего дня прохаживались по прилегавшей к бараку территории и, останавливаясь то у одной, то у другой группы, прислушивались к их разговорам и суждениям. Они не хотели пока

вмешиваться в эти разговоры, однако одна фраза, брошенная кем-то из пленных, неожиданно вывела Мирзахана из себя, его покинуло самообладание, взыграла кавказская кровь. Он не мог стерпеть, видя, как его соплеменник, солдат лет 30, намазывая маргарин на хлеб, расплываясь в улыбке, со вкусом говорил:

– Ай, леззет¹!

– Ну что, земляк, дожили, что хлеб с маслом едим? – обратился Мирзахан к нему.

– Курбан олум Махаммедин гюмметина²! – восторженно ответил тот.

– Курбан ол! Курбан ол, эшег! – вскипел Мирзахан и возмущенно добавил: – Сабах элюве силахде вережелер, гедиб е атани, е де гардаши улдюрежегсен³!

Пленный солдат вскочил на ноги и уже готов был броситься на Мирзахана, как находившийся рядом с ним товарищ удержал его за руку, приговаривая:

– Сакит ол. У дюз диир⁴.

Поскольку немцы собрали здесь одних азербайджанцев, Мугдаши подошел к обиженному и спокойно произнес на его родном языке:

– Офицер немного погорячился, прости ему. Если ты вдумаешься в то, что он сказал, поймешь, что он не хотел тебя обидеть.

Мугдаши сказал эти слова нарочито громко, чтобы все присутствующие могли их услышать. И они были услышаны. Гаджи, Мирзахан и Гаджи наблюдали, как эта группа пленных, собравшись в круг, долго о чем-то оживленно спорила.

После этого инцидента было решено ни в коем случае открыто не высказываться о своем отношении к проводимому немцами мероприятию, а изучать настрояние пленных, выявлять из их среды людей, пре-

¹ Ай, вкусно!

² Пусть я буду жертвой веры Магомета!

³ Будь жертвой, осел! Завтра еще дадут тебе в руки оружие, пойдешь убивать отца или брата.

⁴ Успокойся. Он говорит правду.

вия были приближенные к армейским: вместо нар – железные кровати в два яруса с набитыми соломой матрацами и подушками. Кормили тоже неплохо, – вероятно, они были взяты на общеармейское довольствие. По утрам – обязательная для всех гимнастика, а в течение дня – дважды по одному часу строевые занятия. В общем, все было организовано таким образом, чтобы люди пришли в себя после истощения в плену.

В июле месяце тем же порядком их вывезли в польский город Едлинь. Первые дни пребывания в Едлине Мугдаши, Магомедов и Сафаров искали по всему лагерю знакомых, чтобы собрать группу для побега. Симулируя зубную боль, Мугдаши обвязал щеку широкой повязкой и ходил по всем подразделениям, всматриваясь в лица военнопленных, в поисках знакомых, надежных людей.

В батальоне, который был уже сформирован и вооружен, Магомедов нашел двух знакомых офицеров, с одним из которых – старшим лейтенантом Гусейновым Имраном – он мог общаться вполне доверительно. И они решили собраться вчетвером в уединенном месте и поговорить. В ходе беседы Гусейнов сообщил, что в батальоне есть еще шесть офицеров и достаточное число младшего комсостава и рядовых, которые готовы по первому зову вооружиться и стрелять в фашистов. Перед ним поставили задачу – захватить и вынести за пределы лагеря необходимое оружие, чтобы вооружить 30–40 человек, готовых к побегу, и все это сделать с таким расчетом, чтобы в промежуточном лагере на границе Польши организовать партизанский отряд. Но Имран стал возражать, сказал, что этот вопрос его друзьями обсужден всесторонне и они пришли к выводу, что на территории Польши, где они не знают ни людей, ни языка, ни местности, отряду будет трудно ориентироваться. Намного лучше, вступив на оккупированную фашистами советскую территорию, к чему стремятся гитлеровцы, уничтожить сопровождающих немецких офицеров и солдат и присоединиться к како-

му-нибудь партизанскому отряду или же действовать самостоятельно.

Обдумав этот вариант, Мугдаши и Мирзахан, с молчаливого согласия Гаджи, нашли его разумным и решили следовать ему. Попросили Гусейнова познакомить их с офицерами формируемого второго батальона, за которых тот может поручиться. Их оказалось двое: лейтенант Мирзоев Юсуп и младший лейтенант Шамиль Юсупов. От них узнали, что командный состав второго батальона в основном состоит из офицеров-самозванцев, которые в Красной Армии были, в лучшем случае, младшими командирами, но зато служат фашистам рьяно и никакая пропагандистская работа с ними, кроме вреда, ничего не даст.

– Все говорит за то, что они, в конечном итоге, станут отъявленными предателями, – заключил Шамиль Юсупов. – Но среди рядового состава есть немало хороших людей, которые ищут выхода из создавшегося положения.

Подумав над этим, Мугдаши с друзьями приняли следующее решение: дискредитировать лжеофицеров перед лицом немецкого командования лагеря; оказывать помощь патриотически настроенным солдатам и, таким образом, перетянуть их на свою сторону. С этой целью было решено уговорить одного из рядовых, чтобы он вместе с Сафаровым доложил немецкому офицеру, что один из особенно усердствующих «офицеров» является самозванцем, на самом деле он сержант Красной Армии и они его знают. Так и сделали. Фашисты вначале были удивлены, но потом, при проверке, убедились, что это действительно так. Затем с помощью опять же Мугдаши, Мирзахана, Гаджи и Шамиля удалось дискредитировать еще трех лжеофицеров, людей подлых и продажных, которые при проверке показали свое истинное лицо. Фашисты посчитали друзей Мугдаши самыми честными и лояльными и поручили им подобрать офицеров и для второго батальона. Таким образом, им удалось без особого труда разместить на

командных должностях своих людей, а те, что рвались в бой за фюрера, были разжалованы и направлены в так называемые «рабочие батальоны».

А вскоре руководство лагеря оказало друзьям очередное «доверие»: предложило им принять командование карантинными ротами. Надо ли говорить, что теперь их положение стало весьма двойственным: во-первых, уже ничто им не угрожало, и они могли действовать более свободно, а, во-вторых, это означало, что теперь они в ЕдLINE надолго и ни о каком переходе линии фронта или к партизанам речи быть не может. Но была в этом предложении еще третья сторона, самая привлекательная: теперь представлялась возможность иметь дело с пленными сразу после их пересылки сюда из концлагеря, у которых издевательства фашистов были еще свежи в памяти. Задача состояла в том, чтобы отобрать среди них наиболее надежных и смекалистых.

Это была опасная, сложная и кропотливая работа. Кто заглянет в чужую душу? Кто может с уверенностью сказать, что человек, с которым ты сейчас говоришь, доверяешься ему, не предаст, пряча глаза, не совершит подлости ради собственного благополучия? Задавая себе эти вопросы, друзья старались первое время быть в стороне от прибывающих новичков. Однако по их поручению рекомендованные ими командиры взводов и отделений ежедневно информировали их о настроениях людей, их поведении и высказываниях. И уже достаточно изученных и проверенных из них кто-либо из друзей приглашал на беседу и, дав ему соответствующий инструктаж, направлял в подразделение. Конечно, подобное «сито» давало свои положительные результаты и за все время пребывания в карантинной роте срывов не было.

Вообще, среди этого человеческого материала были всякие люди: робкие, немногословные, но в отношении товарищей честные и преданные; были и бойкие, изворотливые, постоянно ищущие, как бы лучше и легче

устроить свою жизнь, правда, не за счет предательства и доноительства, а, так сказать, за счет своей находчивости и хитрости; попадались и отъявленные мерзавцы, которые были способны на все, и, как правило, они «пропадали без вести»...

Но был среди этого разнообразного контингента один человек, не похожий на всех остальных. Черная с проседью борода, высокий лоб и притягательные добрые карие глаза, небольшой с горбинкой нос выдавали в нем умную, целеустремленную и благородную личность. Все знали, что он офицер, он и не скрывал этого ни от своих, ни от немцев, его никогда не видели заискивающим перед фашистами или что-нибудь просящим. Прихрамывая от полученной раны, он ходил перед ними всегда с высоко поднятой головой. При этом, как ни парадоксально, он не скрывал и своей яркой ненависти к большевикам. Многим такая противоречивость в этом человеке казалась непонятной.

Как-то, выбрав тихий час, Мугдаши разговорился с ним.

– При всей вашей любви и моей ненависти к власти так называемых коммунистов, мы оба любим свою Родину, только по-разному... Вы можете это понять?

– Понять? Честно говоря, нет, но нечто созвучное вашим словам мне пришлось услышать недавно в полковом блиндаже и, кажется, от совершенно не похожего на вас человека, – ответил Мугдаши.

– Когда-нибудь, капитан, вы многое узнаете и поймете, что «диктатура пролетариата» – великое зло, схожее по-существу с фашизмом...

– Что вы говорите? – возмутился было Мугдаши, но потом, успокоившись, добавил: – Вы ошибаетесь и говорите несурзное...

– Нет, капитан, это вы живете в неведении, но сейчас дело не в вас, а во мне. – Он собрался с мыслями и продолжил: – Я не кадровый военный, а ученый, которого тоже ждал лагерь, только наш. Так вот, под лозунгом диктатуры пролетариата за эти годы господства большевиков уничтожены тысячи и тысячи инакомыс-

лящих, не врагов нашей с вами Родины, нет, капитан, а патриотов, не согласных с этим лозунгом, с этим самым несправедливым, унижающим достоинство человека лозунгом, не согласных, что в обществе должен быть чей-то диктат над кем-то, вздумайтесь в это...

Он неожиданно оживился, встал со своей скамьи и, приблизившись к Мугдаши вплотную, тихо сказал:

– Среди этих людей, – он показал рукой на солдат и офицеров обеих рот, – есть двое, которые желают победы немцев в этой войне, готовы даже помогать им... Не потому, что они воспылали любовью к гитлеровцам, совсем не поэтому, а потому что они ненавидят власть большевиков. Как вы думаете, почему? А потому, капитан, что у одного из них большевики, под видом борьбы с так называемым кулачеством, экспроприировали все потом и горбом его домочадцев нажитое состояние. А поскольку те посчитали это несправедливым и доказывали, что они никого не эксплуатировали, а сеяли, пахали, жали и убирали хлеб своей большой семьей, всех их сослали в Сибирь и там сгноили. А у другого – большевики за такое же несогласие отправили в тюрьму отца, крупного ученого, врача с мировым именем. Обозвав его «врагом народа», они лишили семью кормильца, оставив ее без средств к существованию. Поверьте, они не были врагами ни народа, ни своей Родины. Просто они не были согласны с бандитской политикой большевиков – только в этом и была их вина. По большому счету есть ли разница между большевиками и фашистами? А твои люди, капитан, готовы этих двоих разорвать на куски...

– Но они же в самом деле предатели, вы же сами сказали, – убежденно ответил Мугдаши, – что же вы хотите, чтобы мы позволили им пачкать Родину?..

– Они, конечно, обозлены на власть большевиков, – согласился его собеседник, – и злость эта захлестнула их. Пока обида сидит в них глубоко и они все еще не до конца осознали разницу между властью и народом. Но

скоро поймут, им надо в этом помочь, а не смотреть на них волком...

– В вопросах экспроприации с вами согласиться принципиально не могу, – категорически заявил Мугдаши. – Расскажу вам случай из моей личной жизни. У моего отца был небольшой, соток на десять, плодово-виноградный сад. Я совсем молодым человеком тогда был. Времена были голодные, трудные, и мне, как комсомольцу, сказали, что не гоже, когда у одного есть частная собственность, а у другого нет ничего, и посоветовали уговорить отца сдать сад государству. Ничего с нами не произошло, никто, слава богу, с голоду не помер и никакой такой злобы на власть мы не испытали.

Собеседник Мугдаши снова оживился.

– Ваш отец эксплуатировал чужой труд? – неожиданно спросил он.

– Нет, – мои братья и я постоянно помогали ему.

– Без этого сада вы стали лучше жить или хуже? – снова спросил собеседник.

– Малость труднее, – нехотя согласился Мугдаши, но не признался, что отец тогда сильно обозлился.

– Вот вам ответ, – по-профессорски, взмахнув рукой, сказал собеседник. – Кому мешал этот сад, где ваш отец от зари до заката гнул спину и кормил свою семью? Ну и что с того, если он своим и трудом своих сыновей создавал своей семье блага? Вот в этом и заключается дикость большевизма. Почему все должны голодать: и лентяи, лодыри, босяки и трудолюбивые? Потому что этого хочет «диктатура босяков»! Это лживая идея, как и все идеи большевиков, которыми они дурманят головы своему народу, – сплошной обман, мифотворчество... Кстати, вы слышали миф о древнегреческой богине Апате? Она была богиней обмана и, естественно, покровительствовала лжецам и распространяла ложь. Даже задурила голову самому Зевсу, за что в конце концов поплатилась – была низвергнута им с Олимпа. Думаю, что и у вашей коммунистической Апаты век не долог.

Мугдаши в очередной раз задумался – второй человек за короткий промежуток времени пытался нарушить его непоколебимую веру в идеалы, на которых была построена вся его жизнь, говорил такое, что он не должен был даже слушать, а должен был встать и дать ему пощечину. Однако он не сделал этого. Выслушав своего нового знакомого, Мугдаши сказал:

– Вы, конечно, ученый человек и многое знаете. Но то, что вы называете мифом, для других – святая правда, это тоже надо знать. А что касается тех двоих, «пострадавших», о которых мы говорили, выходит, мы будем заниматься их перевоспитанием, а они нас предадут?

Мужчина мгновенно отпарировал, словно был готов к его словам.

– Когда дерево хорошо подкармливают и вовремя поливают, оно буйно цветет и плодоносит. Так же и человек: подойдите к нему с добротой и вы обязательно увидите результаты своей доброты...

– В этом вы, возможно, и правы, – признался Мугдаши, – хотя с некоторыми вашими суждениями я не согласен. В момент катаклизмов, больших революционных событий могут быть ошибки и просчеты...

– Вот-вот, лес рубят – щепки летят, – возмущенно подхватил собеседник. – Не повторяйте этих глупостей, капитан, они не для таких, как вы. Люди – не щепки, каждый из них – неизведанный мир и никому не дано право разрушать этот мир. Сторонники философии щепок, воюя со своим народом, отобрали у него самое великое достояние человечества – любовь, милосердие и благородство, превратили людей в варваров, и понадобится немало сил и времени, чтобы вернуть все на круги своя.

Вдруг на лице его появилось выражение боли, он нагнулся к своей раненой ноге, стал массировать и заметил:

– Нет-нет, да напоминает о себе ранение. Я, между прочим, его в честном бою получил... за Родину, за ко-

торую мне и жизни не жалко... Готов с вами быть рядом, капитан, по мере сил буду помогать. Нам надо объединить усилия для борьбы, не правда ли?..

– Конечно, нам такие люди, как вы, нужны. Только в условиях, где мы с вами находимся, на мой взгляд, не обязательно, чтобы о наших разногласиях знали все, – заметил Мугдаши.

Вот так, неожиданно-негаданно жизнь преподнесла ему еще один сюрприз. Мугдаши радовался, что в их ряды влился такой мужественный и умный человек, настоящий борец. Обрадовались этому и друзья Мугдаши. Между собой они стали называть нового товарища «ученым».

* * *

Поскольку некоторым младшим командирам в отдельных случаях Мугдаши и его друзья были уполномочены присваивать офицерские звания, нужно было позаботиться и о том, чтобы дать им кое-какие военные знания. С этой целью они установили на плацу ящик с песком и там проводили тактические занятия. Во время проведения одного из таких занятий мимо проходили начальник легиона майор Ридер в сопровождении нескольких офицеров. Он остановился и с заметным интересом наблюдал за учениями. Затем подошел к Мугдаши и похвалил за «ценное начинание». Очевидно, он по-своему расценил эту инициативу.

В эти дни друзья поручили одному из своих людей завести знакомство с ординарцем Ридера, который почти неотлучно находился рядом с майором и был в курсе всех его дел и разговоров. Этот ординарец в то же время давал майору уроки азербайджанского языка.

Начальнику легиона майору Ридеру было лет пятьдесят. Высокого роста, подтянутый, с постоянной улыбкой на лице, весьма корректный в обращении, он имел ко всем этим достоинствам еще ученую степень доктора наук, каких именно установить не удалось. В

комнате, где он проживал, было много иллюстрированных японских журналов. Как-то Мугдаши, будучи у него, обратил на них внимание и хозяин, заметив это, сказал, что хорошо знает и любит Японию.

Впоследствии, много лет спустя после войны, когда раскрылись факты биографии советского разведчика Рихарда Зорге и были обнародованы некоторые материалы, касающиеся его деятельности, Мугдаши обратил внимание на упоминавшуюся в документах фамилию Ридер – сотрудника германского посольства в Японии. Нельзя было не предположить, что речь шла о том же майоре – докторе Ридере, знатоке и поклоннике всего японского, весь облик которого свидетельствовал о причастности к дипломатической деятельности.

...Итак, об ординарце. Приставленному человеку удалось полностью войти к нему в доверие, и Мугдаши с друзьями стали получать записи передач из Москвы. Правда, сводки Информбюро пока не удавалось слушать, но некоторые экстренные сообщения об изменениях на фронте, передаваемые Московским радио, все же к ним попадали. После этого, ординарец проверялся на выдержку еще два-три раза, и только когда убедились в его лояльности и патриотизме, решили поручить его Сафарову, который теперь напрямую давал ему задания и получал необходимую информацию.

Немецкие офицеры, собираясь у майора, откровенно высказывались по событиям на фронтах, внутреннему положению Германии. Часто они обсуждали того или иного азербайджанского офицера. В частности, ординарец однажды сообщил друзьям высказывания майора Ридера о том, что гауптман Абдуллатипов очень просто ведет себя с солдатами, собирает их вокруг себя и ведет с ними довольно веселые разговоры, что никогда солдат не наказывает и что, хотя военные знания у него и хорошие, все же на кадрового офицера он не похож. Послушав это сообщение, Мирзахан даже пошутил с Мугдаши:

– Не стали ли они подозревать о твоём комиссарском происхождении?

«Шутки-шутками, – решил Мугдаши, – а сигнал говорит о том, что надо что-то предпринять...». Предупредили ординарца через своего связного, что за невнимательность к старшему по званию ему дадут пощечину.

Через несколько дней Мугдаши стоял вблизи штаба, а ординарец проходил мимо и «забыл» поприветствовать Мугдаши. На вопрос гауптмана, почему он не приветствует его, тот виновато ответил, что «не заметил». Гауптман, выслушав такой ответ, дал тому пощечину, о которой ординарец разнес по всему лагерю и пожаловался майору Ридеру.

Все это получилось настолько естественно, что при встрече с майором Ридером, Мугдаши получил замечание, что так жестоко обращаться с солдатом не следует.

– Я даже вначале не поверил, – заметил он, – что это вы ударили его. У нас сложилось о вас мнение, как о высококультурном офицере...

В общем, этого случая оказалось достаточно, чтобы в дальнейшем о гауптмане Абдуллатиеве у немецких офицеров сложилось другое мнение.

В эти дни в медпункт легиона был направлен новый врач по фамилии Абдуллаев. И уже через пару недель пребывания его в легионе стало понятно, что он ищет знакомства с Мугдаши и Мирзаханом. Завидя их даже издали, он почти бежал им навстречу, чтобы обменяться рукопожатием. И каждый раз после вопроса: «Как ваше здоровье?», – следовало предложение: «Готов всегда к вашим услугам!» Естественно, у друзей вызывало подозрение это подобострастие, и они решили его проверить. Симулируя боль в пояснице, Мугдаши зашел однажды в кабинет Абдуллаева. Расспросив о «болезни», врач приступил к растиранию его какой-то мазью и походя спросил:

– Господин капитан, вас, кажется, зовут Мигдар?
– Да, – ответил Мугдаши.
– Отец и дед у вас, наверное, были духовными лицами?

– Нет, – ответил Мугдаши, – они были садоводами.
– Скажите да, – сказал он шепотом, хотя кроме их двоих в кабинете никого не было.

Лежа на кушетке спиной к врачу, Мугдаши обернулся и в упор взглянул на врача. Абдуллаев улыбнулся и поспешил его успокоить:

– Молодежь нынче в значениях имен не разбирается, а вот если поинтересуются пожилые, то вы попадете впросак, тогда либо надо объяснить это незнанием арабской письменности, что, мол, малолетним ушел от родителей, либо надо ответить «да».

Притворно смеясь, Мугдаши оделся и ушел.

В течение всего дня друзья установили за Абдуллаевым слежку, а вечером Юсупов пригласил его поиграть в нарды. Когда явился Абдуллаев, группа была в сборе. Вместо нард Юсупов поставил на стол бутылку шнапса и, шутя, бросил в сторону Абдуллаева: «Каждую рюмку, выпитую вами, отоварите бутылкой спирта».

Первую рюмку Мирзахан сопровождал тостом:

– За здоровье Мигдара – сына, внука и правнука выдающихся мусульманских алимов!

Абдуллаев потупил взор и, ни на кого не взглянув, выпил. Мирзахан, морщась после выпитого, без обидных вопросов задал вопрос Абдуллаеву:

– Доктор, если меня зовут Мирзаханом, то следует ли из этого, что мои отец и дед были ханами?

– Необязательно. Дело в том, что Мирза – слово персидское, значит – царевич, повелитель. В употреблении имеет такое же значение, как слово ага – господин. Если слово Мирза поставить после имени, скажем Гаджимирза, – оно будет принадлежать повелителю, если же перед именем, скажем, Мирзагаджи, – то всякому гражданскому чиновнику, даже министру. Но имя Мигдар дается в том только случае, если отец и дед – ученые люди, духовные лица.

Дальнейший разговор с Абдуллаевым свелся к тому, что якобы он догадывался о наличии организованной группы в легионе и очень хотел примкнуть к ней, что своим участием он может во многом помочь этой группе. Он также рассказал, что до легиона был около 5 месяцев врачом в каком-то пересыльном пункте. В результате длительных расспросов в конце концов Абдуллаев был принят в группу и стал одним из активных ее членов.

Расспрашивая людей в карантинных подразделениях об их армейских и гражданских специальностях, друзья обнаружили несколько человек оружейных мастеров и одного пиротехника. Решено было попытаться устроить их в оружейные мастерские, где до этого работали только немцы. С этой целью было поручено Сафарову и Юсупову сообщить об этих мастерах обер-лейтенанту Ротай в надежде, что тот доложит о них майору. В тот же день майор, посещая подразделения, спросил Мугдаши о них. Он ответил, что они выдают себя за квалифицированных мастеров в своем деле. Если, мол, они нужны, то их можно проверить. В результате два оружейных мастера и пиротехник были устроены в мастерские.

В последующем стало известно, что в мастерских строгий учет ведется пистолетам и деталям к ним, а из прочего оружия, если что и не окажется на месте, то никто на это не обратит внимания. Но как вынести оружие? Это было трудно разрешимым вопросом. Однако со временем нашли ответ и к нему: приловчились таким образом, что мелкие детали выносились в мешочках, привязанных к поясу и спущенных в половинки брюк, а стволы и деревянные части выносили и бросали в траву на площадке у мастерских. Во время перерывов устраивали игры на площадке и, улучив подходящий момент, выбрасывали далеко за проводочную ограду мастерских то ствол винтовки, то приклад. Таким образом, им удалось вынести и спрятать в лесу некоторое количество винтовок.

Прошло около двух месяцев с тех пор, как Мугдаши-Мигдар Абдуллатипов и его верные друзья оказались в созданном немцами «азербайджанском легионе». Однако наладить связи с польскими антифашистами, о существовании которых их не раз предупреждали при выходе в город, им никак не удавалось. Объяснялось это тем, что польское население очень враждебно относилось не только к фашистам, но и к тем, кто носил немецкий мундир. Эту враждебность чувствовали и одетые в немецкую форму legionеры, в частности, Мугдаши и Мирзахан, поэтому они опасались обратиться к кому-либо из местных с предложением о сотрудничестве.

Помог случай. Однажды на исходе дня Мугдаши, Юсупов, Магомедов и Сафаров, прогуливаясь по окраине Едлина, повстречались с двумя переодетыми в гражданскую одежду жандармами, арестовавшими молодого поляка. Приблизившись к ним, legionеры спросили жандармов, кого они ведут. Один из них ответил, что они поймали бандита. Мирзахан засмеялся и высказал сомнение: мол, какой же бандит из этого молокососа. Жандарм, задетый замечанием Мирзахана, крикнул: «Вон, проклятый человек!».

Юсупов Шамиль не вытерпел, схватил за рукав жандарма и, повысив голос, спросил, по какому праву тот ругается. Взбешенный жандарм оттолкнул Юсупова и полез в карман за пистолетом. Однако Шамиль был начеку, он схватил руку врага, словно в клещи, не дав тому вытащить ее из кармана. Второй жандарм, стараясь помочь своему напарнику, выпустил задержанного поляка, который тут же пустился наутек. Спohватившись, жандарм собрался было выстрелить в бежавшего, как Мугдаши вонзил ему в горло нож. Другого жандарма таким же образом отправил к праотцам Мирзахан.

Друзья хотели скорее скрыться, однако заметили нескольких поляков, которые в десяти метрах от них

наблюдали эту трагическую сцену. Legionеры подошли к ним и предупредили под угрозой смерти их не выдавать. Поляки закивали головами, и один из них успокоил legionеров:

– Не опасайтесь, панове, если нас найдут и спросят, то мы скажем, что видели только то, что немцы, заспорив с двумя штатскими, убили последних. И все.

Тот же поляк, который высказался подобным образом, поднял правую руку в знак приветствия и помахав ею, не задерживаясь, уехал.

После этого случая, прибыв в расположение legionа, они вначале решили было захватить оружие и уйти, но потом, узнав, что никто из немцев не спрашивал о них и не знал об их отсутствии в legionе, успокоились.

К их счастью, случай убийства двух жандармов вообще в legionе не обсуждался. Но они стали замечать, что некоторые поляки, когда они в последующем появлялись в ЕдLINE, снимали при встрече фуражки как «перед немцами» и при этом улыбались как «своим». Это дало им повод спустя какое-то время, когда они снова оказались в городе, обратиться к одному из местных жителей:

– Нельзя ли как-нибудь посидеть в кругу порядочной польской семьи и побеседовать?

– Почему нельзя? – тут же услышали они в ответ, – порядочные россияне всегда могут быть желанными гостями у поляков.

– Когда же? – спросил Мугдаши.

– Если завтра когда стемнеет, будете здесь, – поляк указал на место рядом, то будете иметь шансы выпить чашечку настоящего кофе.

На следующий день они были в семье поляка, который представился Любомиром. Уже в дверях они увидели накрытый посреди комнаты стол с закусками и двумя графинчиками черничной самогонки. Когда же они вошли, были удивлены, увидев здесь еще четырех нарядившихся и накрашенных молодых женщин. Дру-

зья переглянулись и посмотрели на Любомира. Тот, в свою очередь, сделав наивное лицо, спросил:

– Что, не хотите? Все они хорошенькие паненки.
– И заметив замешательство гостей, улыбнувшись, добавил: – Не пугайтесь дам, они для маскировки и мешать беседе порядочных россиян и поляков не будут.
– Он проводил женщин в соседнюю комнату.

Оказалось, что Любомир был одним из тех, кто видел, как legionеры расправились с жандармами. Он был восхищен их смелым поступком и поблагодарил за то, что они освободили польского патриота, который являлся активным членом польского антифашистского движения. Друзья, в свою очередь, откровенно рассказали гостеприимному хозяину о том, как фашисты против воли заставляют пленных служить в легионе и надевать эту ненавистную форму. Говорили и о Советской власти и жизни в Советском Союзе, о Кавказе, откуда они родом, и его богатствах, и о самом главном, – о необходимости совместной борьбы с ненавистным общим врагом.

Дальнейшие встречи с местными жителями привели к еще большему взаимодоверию, и польские товарищи из Едлиня свели и познакомили Мугдаши и Мирзахана с одним из представителей польского антифашистского движения – господином Глинским из города Радома. Теперь добываемое legionерами оружие из мастерских и медикаменты от Абдуллаева попадали к польским товарищам через Глинского, с которым Мугдаши или Мирзахан периодически виделись в установленных местах.

Прошло три месяца пребывания legionеров в Едлине. Под предлогом того, что «заимели паненок» и пойдут к ним повеселиться, они иногда уходили из легиона и в безлюдных местах устраивали охоту на зазевавшихся фашистов и профашистов из числа legionеров.

Атлетически сложенный Юсупов Шамиль, произведенный друзьями из старшего сержанта в лейтенанты, приловчился одним ударом гири, которую по пути об-

ратно в легион прятали в укромном месте, расшибить череп так, что жертва, не издав звука, падала на землю замертво. Прodelывал он это следующим образом: двое из друзей занимали фашиста разговором, проверяя у него документы. Шамиль заходил сзади, ладонью левой руки зажимал ему рот и придавливал голову к своей груди, а правой рукой молниеносно наносил смертельный удар по верху головного убора и, отскочив в сторону, бросал жертву на землю. Затем наносился и «гарантийный» удар уже по лежащему. На следующий день после каждого такого случая командование легиона сообщало во время обеда в столовой об очередной вылазке «польских бандитов» и предупреждало, чтобы легионеры в одиночку вечером никуда не ходили.

Ординарцу майора как-то удалось подслушать разговор фашистов о том, что какие-то батальоны перешли на сторону «врага». В эти же дни до легионеров дошли слухи о том, что в армянском легионе хотели поднять восстание, но в результате предательства руководители патриотов были арестованы и казнены. Надо было узнать, в чем дело, что произошло в легионе армян? Армяне – народ осторожный, они принадлежат к числу людей, которые «семь раз отмерят, лишь один раз отрежут». Значит, внутри сотен соплеменников сидел один, «свой», доморощенный предатель. Было, над чем подумать. Ведь не исключена такая возможность и в азербайджанском легионе. Решили «получить» разъяснение у обер-лейтенанта Ротая. Друзья организовали хорошее угощение и пригласили Ротая, который очень любил выпить и хорошо закусить. Когда тот был доведен до полупьяного состояния, друзья стали «поносить» армян: какие, мол, они «неблагодарные», что пошли против фюрера и т.д. Ротай подтвердил, что это так и добавил еще кое-что вроде того, что армяне те же евреи и что все они большевики.

– Если бы я был фюрером, а не Гитлер, – заявил в заключение Ротай, – то заодно с евреями и поляками перебил бы всех армян.

Опорожнив еще одну рюмку, вконец захмелевший «фюрер» произнес такое, ради чего стоило устроить этот балаган.

– Азербайджанцы тоже нехорошие, ничуть не лучше армян. Как говорят русские: «Сколько волка не корми, он все равно в лес смотрит». Пустая трата времени со всеми этими легионами. Ваши тоже изменили фюреру.

Легионеры сделали вид, что приняли его слова за шутку и громко засмеялись. А Ротай стукнул кулаком по столу и закричал:

– Молчать! Второй и третий батальоны не только перешли на сторону врага, но и перебили весь немецкий персонал батальона. – Потом, спохватившись, сделал попытку поправиться. – Это еще не точно, может быть, эти батальоны тоже армянские... В общем, это пока выясняется.

После ухода Ротая некоторые высказали мысль, что это хорошая зацепка, чтобы пойти к майору Ридеру и выяснить, правду ли сказал Ротай. Но Мугдаши категорически отговорил их, разъяснив, что прежде всего пострадает сам Ротай, а такая болтливая курица им еще нужна. Кроме того, замкнут рты и остальные немецкие офицеры. Так что вреда от этого будет больше, чем пользы.

– Чего выяснять еще? – добавил он. – И так понятно: Ротай высказал общее мнение фашистских офицеров о том, что «возня» со всеми этими легионами – пустая трата времени.

Об этом можно было догадаться и по поведению немецкого персонала легиона, по их хмурым лицам и нежеланию лишний раз поговорить с легионерами. Однако несколько разговорчивым стал майор Ридер. Теперь в неоднократных беседах или за рюмкой ликера он все чаще расспрашивал Мугдаши, что представляет из себя «большевистский» порядок в России, как чувствовали себя кавказцы, знает ли он что-нибудь о методах работы ГПУ–НКВД и многое другое. Мугда-

ши старался давать правдивые ответы – что все национальности в Советском Союзе имеют равные права, много внимания уделяется воспитанию молодежи в духе преданности Советской власти, учатся и лечатся все бесплатно... Однако, отметил он, и среди кавказцев, и среди других народов есть как довольные, так и недовольные властью. Недовольны те, кто лишился недвижимого имущества. Мол, это коснулось и его самого, у его отца отобрали два дома и сад на большой площади. А по поводу ГПУ–НКВД – ничего не может сказать, так как не приходилось с ними встречаться.

В феврале 1943 года майор собрал весь офицерский состав и сообщил:

– Господа, не могу скрыть от вас, что в результате ошибки нескольких генералов большая группировка немецких войск окружена и уничтожена под Сталинградом. Немецкие солдаты сражались мужественно и стойко. В Германии объявлен трехдневный траур. Фюрер приказал провести тотальную мобилизацию.

Мугдаши и Мирзахан переглянулись и не смогли удержать еле заметную улыбку, что было, разумеется, непростительной ошибкой, ибо именно в этот момент майор Ридер взглянул в их сторону и, возможно, даже уловил выражение их лиц. Понизив голос, он добавил:

– Да, военное счастье временно перешло к большевикам. Только временно. Фюрером принимаются меры по мобилизации сил и возвращению нашим войскам былой славы. Теперь уже враг будет разбит окончательно.

Уже в следующие дни Мугдаши интуитивно почувствовал, что над ним собираются тучи, что надо быть осторожным, лишний раз не «высовываться», но остановиться не мог, мельница жизни продолжала крутить свои колеса уже по инерции.

К вечеру Магомедов сообщил ему, что в легион прибыл майор Киясбеков Гаджи, азербайджанец из лагеря пленных в городе Ченстохове, что он знает Киясбекова с хорошей стороны. Однако друзья, наученные опытом, когда люди, оказавшиеся в критических

условиях, меняются на 180 градусов, решили пока не раскрываться ему, а сначала изучить его настроение. Киясбеков же, не таясь, рассказал им о некоторых офицерах-азербайджанцах, которые находятся еще в пленном лагере, где он и сам находился недавно, что, в большинстве своем, они скрывают свои офицерские звания. В их числе он назвал и старшего лейтенанта Аскерова.

Выяснился еще немаловажный факт, что один из офицеров четвертого батальона – старший лейтенант Аскеров, в прошлом важный партийный работник в Кировабаде, тоже оказался среди новоприбывших. Учитывая прошлое этого человека, Мугдаши неосмотрительно решил побеседовать с ним сам и, пригласив его в свою комнату, завел такой разговор:

– Вы на самом деле были старшим лейтенантом в армии?

– Да, – ответил он коротко.

– Значит скоро на фронт – воевать с большевиками?

– Раз посылают, что же остается делать?

– А хотелось бы избежать этого? – спросил Мугдаши и пристально посмотрел на Аскерова.

– Каким образом? – насторожился он.

– Я хочу провести здесь кое-какую работу с народом, но до сего времени не мог подобрать надежного человека в помощь. Вот, узнав случайно о вашей прошлой службе, решил поговорить с вами. Как вы смотрите на такую перспективу?

– Первое, о какой-то моей прошлой службе вы узнали? И второе, все же важно знать, каким образом вы сумеете оставить меня в легионе?

Мугдаши сообщил ему о полученных сведениях по его прошлой работе и добавил:

– Что касается второго вопроса, это можно устроить, симулируя какую-нибудь болезнь.

Аскеров ответил, что подумает, и распрощался.

Стоп. Здесь бы остановиться и подумать: почему Аскеров, все узнав, на сближение не пошел, почему на

открытые, доверительные вопросы ни на один не ответил? В любом случае об этом надо было бы поразмыслить и спросить совета товарищей, но ни того, ни другого Мугдаши не сделал, словно этот человек загнил и парализовал его. Очевидно, удача последнего времени лишила его бдительности. И последствия вскоре сказались.

На следующий день Мугдаши вызвал к себе начальника штаба легиона и сообщил, что по приказанию майора Ридера он вместе с зондер-фюрером Миллером должен выехать в некоторые лагеря, чтобы проверить условия жизни азербайджанцев в них и по возвращении написать об этом рапорт.

Получив проездные документы, они выехали. Зондер-фюрер Миллер был человеком лет 55, с густой копной седых волос, выше среднего роста, хорошо образованный, прекрасно владел помимо немецкого польским, французским и русским языками. В беседах с Мугдаши во время поездки Миллер то и дело старался вызвать первого на откровенные разговоры о политике фашизма, жестокостях немецких войск по отношению к русским, полякам, евреям, о том, как он, Мигдар Абдуллатиев, представляет себе мир после войны, кто победит в этой войне и т.д. Необычность вопросов и форма их постановки насторожили Мугдаши. Он не мог понять, что все это означает. Проверка его лояльности? А может быть, выбивалось наружу накопившееся у самого Миллера в результате последних поражений гитлеровской армии? Мугдаши понимал, что Миллер волен высказываться в его присутствии, не задумываясь над выбором выражений, ибо его самого Миллер мог не опасаться – если, мол, и донесет, то не поверят. Тем более не поверят, если это проверка. Как бы ни был велик соблазн поговорить на предлагаемые Миллером темы, Мугдаши старался глушить это желание. Конечно, он мог дать этому напыщенному индюку исчерпывающие и убедительные ответы на все поставленные им вопросы. Очень хотелось привести ему вертевшу-

юся в мозгу мудрую восточную пословицу: «Если кто с помощью насилия создает что-либо, то непременно кончит жизнь под его обломками». Это в том случае, если Миллер не хитрит и не притворяется. Если же... Нет, по возможности надо отмалчиваться или же от делаться ничего не значащими фразами.

В остальном Миллер вел себя весело, непринужденно и располагающе.

Во второй половине дня они прибыли в Варшаву. Устроившись в гостинице и приведя себя в порядок после дороги, они вышли ознакомиться с городом. Руины польской столицы располагали к мрачным раздумьям. Все еще продолжали дымить развалины незадолго до этого снесенного с лица земли варшавского гетто, территорию которого не прекращали контролировать посты войск СС, так как некоторые оставшиеся в живых узники гетто засели в лабиринтах канализационных проходов. Миллер, видимо, ранее не раз бывавший в Варшаве, рассказывал о городе, сопровождая свои пояснения колкими и недружелюбными замечаниями в адрес поляков. Услышав, как он обращается к прохожим на улице на чистейшем польском языке, Мугдаши спросил, когда он научился так хорошо говорить по-польски, на что Миллер коротко ответил:

– До войны мне пришлось несколько лет жить в Варшаве.

Вечером, после ужина, Миллер предложил сходить в кино. Показывали выступление Геббельса об объявленной фюрером тотальной мобилизации. Сама кинокартина была посвящена «героическим операциям» группы фашистских подводных лодок. Не досмотрев до конца и последовав примеру некоторых других военных, они покинули зал и направились к гостинице.

По предложенной Миллером программе у них была еще почти половина следующего дня для отдыха и прогулок по городу. «Надо полагать, – подумал Мугдаши, – Миллер не особенно торопится в Ченстохову. Почему? Что он еще намерен сделать?»

На следующий день, часам к 10 утра, они вместе зашли в кафе позавтракать. Миллер, окинув взглядом зал, направился в ту часть, где за одним столом сидели две женщины, которые оказались немками. Поздоровавшись и пожелав им приятного аппетита, Миллер предложил Мугдаши занять соседний с ними стол. Он спросил у женщин, что они порекомендовали бы им на завтрак, если только они не впервые тут и знакомы с кухней этого кафе. Получив ответ и посоветовавшись с Мугдаши, он заказал официанту. Что же касается женщин, они с неприличным любопытством разглядывали Мугдаши. Одна из них слегка нагнулась к Миллеру и что-то спросила. Он заулыбался и чуть ли не торжественно объявил:

– Вы видите перед собой отпрыска влиятельных кавказских князей!

Та же женщина, некоторое время спустя, опять нагнувшись к Миллеру и полуприкрыв губы ладонью, что-то опять сказала.

Миллер в театральной манере громко сообщил Мугдаши:

– Дамы приглашают нас к себе на чашку кофе. Ну как, отложим на завтра поездку в Ченстохову?

«Что это, опять проверка? – подумал Мугдаши. – Для каких целей задумана эта поездка? Знает ли Миллер о ее цели, если да, то играет он свою роль великолепно, если же нет, тогда с чем были связаны его вопросы в начале поездки?» – Эти мысли не давали Мугдаши покоя. Предчувствие подсказывало ему, что эта командировка непростая, что он и его друзья немало «наследили», а для таких опытных офицеров, как Ридер, это не могло остаться незамеченным. Тогда почему не взяли сразу?.. – думал он. Однако ответил в этот момент совсем другое:

– Стоит ли откладывать дело? Вы ведь сообщили в Ченстохову, что к вечеру будем там.

– Да, вы правы, – согласился Миллер полушепотом, а дамам ответил: – Наш принц связан словом, на вечер назначена деловая встреча. Он и я благодарим вас за

приглашение. При вашем согласии мы с удовольствием воспользуемся вашей любезностью при удобном случае, если будет оставлен нам адрес.

Одна из женщин достала из сумки визитку и с улыбкой вручила Миллеру.

Они поклонились дамам и вышли из кафе.

На улице Миллер сообщил Мугдаши:

– Вы произвели на них впечатление.

– Еще бы, – шутливо ответил Мугдаши, – как-никак, отпрыск влиятельных князей Кавказа. Хорошо, что вы не представили меня принцем, тогда мы, наверное, не выехали бы сегодня из Варшавы.

Прямо из кафе, не заходя в гостиницу, они направились на вокзал и выехали в Ченстохову, куда их поезд прибыл к вечеру. Выйдя из вагона, они увидели перед собой состав из товарных вагонов, который усиленно охранялся солдатами войск СС. Чтобы выйти к вокзалу и в город, надо было обойти этот поезд. И в тот самый момент, когда они шли вдоль состава, из вагонов, из всех зарешеченных окон раздались душераздирающие женские крики, плач и мольбы: «Воды! Дайте хотя бы детям воды!».

По телу Мугдаши прошла дрожь возмущения, волосы встали дыбом. Выдержать такое не мог даже человек из камня.

– Почему вы им не даете воды? – как можно спокойно спросил Мугдаши одного из охранников.

Солдат с почтением, как и подобает говорить с офицером, ответил:

– Зачем им вода, они едут в пекло.

Несколько лет спустя, из рассказов очевидцев той страшной трагедии, Мугдаши узнал, что «пекло» это называлось Освенцим.

Все это видел и слышал Миллер, но он ничего не сказал. Только тогда, когда они покинули территорию вокзала, он вымолвил одно единственное слово: «Проклятие». Шли молча. Не было сил говорить. Закурили и стали ждать вызванную Миллером машину. После не-

долгого молчания Миллер, словно продолжая давний разговор, вслух сказал: «Очень много неоправданных жертв. Не так ли, гауптман?». Мугдаши посмотрел на него отсутствующим взглядом, хотел было ответить, но промолчал. Так молча, они доехали до Ченстоховского лагеря пленных.

Театр продолжался и здесь. Комендант лагеря встретил их чуть ли не как высокопоставленных лиц, хотя они были ниже его чином. Представив прибывших собравшимся у комендатуры немецким офицерам, он повел гостей по лагерю. Для Мугдаши этот поход по лагерю был крайне опасен. Во-первых, он вместе с Миллером в сопровождении коменданта должны были пройти перед строем пленных, среди которых могли быть люди, его знающие. Во-вторых, никто из этих людей не знал и не мог знать, что нарядился Мугдаши в форму гауптмана не по собственному желанию, не потому что предал Родину и изменил своему долгу, а по заданию подпольного комитета лагеря, с единственной целью – быть полезным своему народу даже в трагических условиях плена, расстраивать коварные планы врага, наносить ему урон. Что он, рискуя жизнью, делал это каждый день. И может быть, его деятельность уже раскрыта и именно поэтому он сегодня здесь, что каждую минуту его ждет арест, жестокие пытки и смерть. Но свою роль надо играть до конца.

Во время этого опасного шествия Мугдаши, как мог, старался меньше показывать свое лицо стоящим в строю пленным, то и дело поворачивал голову в сторону Миллера, который шел от него справа, комментируя лагерный порядок и внешний вид пленных. Когда же они обошли весь строй и никто его не окликнул, Мугдаши облегченно вздохнул.

На самом деле все обстояло иначе.

В строю пленных были трое, которые его узнали. Вначале они стояли в первой шеренге, а узнав его и с трудом скрыв удивление, решили на всякий случай затеряться в задних рядах. Зная Мугдаши по работе в

Дербенте, не поверили, что он пошел служить фашистам по доброй воле, но все же, перестраховавшись, не решились ему показываться.

Вечером комендант устроил у себя вроде званого обеда, на который были приглашены все немецкие офицеры. Миллер и тут, при случае, представлял Мугдаши кавказским князем. Какую преследовал Миллер цель, представляя его титулованным лицом Кавказа, для Мугдаши так и осталось загадкой.

Возвратившись из командировки, Мугдаши задержался на вокзале Едлина, чтобы побриться, а Миллер ушел один. Успокоенный, не ожидавший никаких неприятностей, побрившись и приведя себя в порядок, он шел к себе, как вдруг его встретил один из товарищей, который скороговоркой произнес:

– Ординарец передал, что вас должны немедленно арестовать. Возвращайтесь к польским товарищам, вам в легион нельзя...

Мугдаши тут же сообразил, что если дело обстоит так, то за каждым его шагом уже установлено наблюдение. Поэтому, чтобы не заподозрили товарища, предупредившего его, улыбнулся тому в ответ и, не останавливаясь, посоветовал идти в том же направлении, как шел, а сам направился в легион. И действительно, через несколько минут в его комнату вошел майор. Он молча подошел к вешалке, на которой висел ремень с кобурой, извлек оттуда пистолет и вложил себе в карман шинели. После этого, презрительно взглянув на него, объявил:

– Вы арестованы, капитан. Сейчас вас переведут в изолированное помещение. Не смейте сопротивляться.

– Могу ли узнать, за что меня арестовываете? – спросил Мугдаши, изобразив на лице удивление.

– Об этом вам скажут в гестапо, – был ответ майора, короткий и пренебрежительный. – Там вы кичиться не станете!

В тот же день Мугдаши был доставлен в город Демблин, который гитлеровцы использовали как центр гестаповской службы, поскольку там была крепость.

«Вот и конец, – подумал Мугдаши, оказавшись в одиночной камере, в которой не было ни нар, ни стола, ни табуретки. При нем осталась начатая пачка сигарет, и он весь вечер и ночь провел, бодрствуя и покуривая. Ни пищи, ни воды ему не дали. Он вспомнил своих самых родных людей, маму... «Мамочка, твоему сыну не раз удавалось выходить из невероятно трудного положения: выжить после тяжелого ранения без медикаментов и в антисанитарии, когда рядом умирали сотни и сотни, не умер с голоду, когда голод немилосердно косил многих моих товарищей; чудом бежал из плена, чтобы снова в него попасть; не склонил головы, даже в условиях плена наносил врагу удар за ударом, расстраивал его планы и за все это теперь... надо отвечать. Нет, мама, я ни о чем не жалею. Правда, теперь отсюда, из логова гестапо бежать не удастся. Ты помнишь, мамочка, каким был добрым твой сын Мугдаши? Ты часто говорила, что по доброте своей я непременно схлопочу неприятности. А здесь бы ты меня не узнала. Здесь, мамочка, я видел матерей, у которых прямо на руках, от голода и отсутствия воды умирали дети, а сколько маленьких детей, плача над мертвыми телами своих матерей, оставались там же, так как не знали, куда бежать. Я видел, мама, такое горе, такое великое горе, что мое некогда доброе сердце наполнилось великой ненавистью, и я сам стал убивать этих гитлеровских палачей или помогать тем, кто горел такой же ненавистью к фашистам...

Ты помнишь, мамочка, отец всегда говорил, что к выбору друзей надо подходить осторожно, что настоящего друга найти в жизни очень трудно. А мне здесь повезло, я нашел таких друзей, которые не раз рискуя собственной жизнью, спасали меня из рук смерти. Еще вчера один из них, рискуя быть разоблаченным, шел предупредить меня, что мне грозит опасность. Я не мог бежать, мама, тогда я предал бы его. Только здесь, в критических условиях жизни, можно оценить друга и дружбу. Я счастлив, что за свои тридцать лет приобрел таких друзей!

Да, дорогая Сипро, жена моя, не забыл я тебя. Я всегда любил тебя, но никогда не говорил об этом. Ты же знаешь, у нас не принято было об этом говорить. Прости меня, береги сына!

Нет, перед лицом грозящей мне смерти я не унижил своего достоинства, не предал, хотя мне сулили все блага земли. Благодарю Бога, что он дал мне силы для этого... Скоро мне предстоят пытки. Бог мой, дай мне еще силы...»

Утром открыли камеру, и молодой верзила ефрейтор повел Мугдаши на допрос. В кабинете, куда его ввели, за столом сидел гестаповец и рядом – кавказского типа человек в штатском.

Ефрейтор, щелкнув каблуками, повернулся и вышел.

Вытянувшись, словно по команде смирно, Мугдаши встал у стола. Гестаповец с минуту сверлил его глазами, а затем, обменявшись взглядом со штатским, кивнул ему головой.

– Подойди и садись напротив меня, – предложил человек в штатском на азербайджанском языке.

Выговор и акцент его говорили о том, что он из эмигрантов, видимо, длительное время проживал в Турции, так как в его азербайджанской речи проскальзывали турецкие слова. Усадив Мугдаши рядом с собой, он спросил: как звали отца, деда, прадеда; то же самое по родословной матери; имена сестер и братьев; обучался ли у муллы; занятия отца и деда, верит ли в Аллаха. По заученной легенде он отвечал, что отец и дед были садоводами, к мулле ходил 1,5–2 года и по сей день помнит только алфавит (этому его учил в плену Мирзахан).

Человек в штатском предложил ему кое-что написать по-арабски, что Мугдаши с большим трудом сделал, но признался, что он не верующий.

После этого его увели в камеру.

На третий день его снова привели на допрос. На этот раз в кабинете были тот же гестаповский офицер

и переводчик – немец. Допрос состоял из следующих вопросов.

Вопрос. – С кем вы близко дружили в легионе?

Ответ. – Близкой дружбы у меня не было ни с кем.

Вопрос. – Почему, отправляя на фронт группы легионеров, сами от отправки увиливали?

Ответ. – Я не увиливал. Мне поручили командовать карантинной ротой и не переводили в фельд-батальон.

Вопрос. – Чем вы занимались в легионе?

Ответ. – Тем, что мне было поручено командованием.

Вопрос. – Советским командованием?

Ответ. – Нет, командованием легиона, конечно.

Вопрос. – Сколько человек на вербовали для работы против немецких войск?

Ответ. – Ни одного человека.

Вопрос. – Сколько немцев убили из-за угла в Ед-лине?

Ответ. – Никого не убивал.

Вопрос. – Кого из поляков вы хорошо знаете?

Ответ. – Никого.

Вопрос. – Как зовут и где живет ваша возлюбленная полячка?

Ответ. – Нет у меня возлюбленной.

Создавалось впечатление, что гестаповский офицер соглашался с его ответами. Мугдаши увели, но через два часа снова привели на допрос. На этот раз рядом с гестаповцем вразвалку сидел небезызвестный Аскеров.

Мугдаши бросил на него ничего не значащий взгляд, как, скажем, смотрят на все прочие предметы при случайном осмотре. Гестаповец, который не отводил взгляда с его лица, не получил ожидаемого эффекта и был несколько обескуражен. Но, взяв себя в руки и выдержав паузу, неожиданно спросил:

– Ну как, вы и сейчас намерены так лаконично отвечать на мои вопросы?

– Мне кажется, что я исчерпывающе отвечал на ваши вопросы.

– Этого офицера вы хорошо знаете?

Мугдаши еще раз посмотрел на Аскерова, сделал вид, что хочет припомнить, где все-таки его видел, и спокойно ответил:

– Не могу сказать, что знаю его хорошо, но как-то видел его в легионе.

– Только и всего! – вскочив со своего стула, вскричал Аскеров. – А кто вербовал меня в «помощники для работы с народом»?

– Это провокация, господин следователь, – спокойно обратился Мугдаши к гестаповцу. – Я его не знаю и ни разу с ним не говорил. По-моему, он что-то путает, с каким это «народом» я должен работать?

Гестаповец вскочил со своего места, заорал на Мугдаши и пообещал допрашивать его совсем по-другому, если тот не будет прямо отвечать на вопросы. Он нажал кнопку звонка, и в кабинет вошел верзила ефрейтор. Указав на ефрейтора, гестаповец сказал:

– Посмотрите на него хорошенько. Если не перестанете упорствовать, то он обязательно развяжет вам язык.

Ефрейтора он отослал обратно.

– Сейчас вас отведут в камеру. Подумайте и взвесьте, стоит ли вам препираться и играть в свои игры. Не вздумайте вилать и приготовьте ответы на все вопросы, которые я задавал три часа назад. Это ваш последний шанс.

На следующий день его опять привели в знакомый кабинет.

– Рассказывайте! – коротко сказал гестаповец.

– Мне не о чем рассказывать, – ответил Мугдаши. – Разве только о том, как добросовестно служил фюреру.

Несколько минут гестаповец говорил о том, как они жалуют-милуют тех, кто честно признается в содеянном, что они «не винят» его за подпольную работу против немцев. Это, мол, естественно.

– Ведь большевики всю жизнь отравляли вам мозги, и немецкое командование было бы удивлено, если бы так легко и быстро нам удалось перевоспитать вас всех, – заключил он свою «пылкую» речь.

Мугдаши продолжал молчать.

Когда же гестаповец убедился, что его «нравовучения» не возымели действия и допрашиваемый не оправдал его надежд, он вызвал ефрейтора и приказал:

– Накормите-ка его!

Мугдаши понял, что час, который должен был наступить еще три дня назад, настал. Он весь напрягся, собрал свою волю и последовал за конвоиром. Его втолкнули в огромный пустой зал, в котором были разные приспособления для пыток, даже нечто похожее на четырехопорный турник, о предназначении которого Мугдаши не догадывался. Тот самый ефрейтор, внушительными бицепсами которого его накануне устрашал гестаповец, схватил его за отворот рубашки, хотел силой усадить на стул, но неожиданно на русском, с небольшим украинским акцентом, сурово сказал:

– Если назовешь своих сообщников, будешь жить, а нет, я на тебе живого места не оставлю!

– У меня нет сообщников, иуда! – громко ответил Мугдаши, уже готовый к самому худшему.

– Ах, ты так, – заорал палач и со всей силы ударил Мугдаши в живот.

Удар был такой невероятной силы, будто ему выбили печень, отчего у арестованного помутилось в глазах. Несколько секунд Мугдаши, пошатываясь, все еще стоял, но потом рухнул на пол. Однако палач поднял его за волосы и сурово спросил:

– Ну что, скотина, говорить будешь?

Мугдаши, осознав, что пришел его смертный час, молчал.

Ефрейтор, оскалив зубы, криво улыбнулся и еще раз, уже с другой стороны, нанес ему страшной силы удар в живот, чуть выше паха.

И снова Мугдаши, не издав ни звука, кулем упал на пол. Однако сознания не потерял. Собрав последние силы, он тихо, но внятно сказал:

– Бить человека, у которого завязаны руки, легко, палач. А ты попробуй развяжи мне их...

«Пусть только развяжет, – подумал Мугдаши, – наброшусь и придушу, гада. Если же не хватит сил, пусть лучше погибну в борьбе...»

– Ха-ха-ха, – заржал ефрейтор и ударил Мугдаши по животу так, что тот отскочил назад, ударился о турник, повредив лицо, и замертво упал снова. – Вот я и развязал тебя, ха-ха-ха, чтобы скоро повесить...

Полуживого и окровавленного Мугдаши оставили лежать на полу этого зала, где каждый сантиметр дышал кровью и столами замученных советских патриотов, где даже воздух был пропитан их криками от адских болей и страданий. После того, как он несколько часов провалился на полу, его привели в чувство и снова повели к ефрейтору. Так продолжалось еще четыре дня. Потом отвели в помещение тюрьмы и бросили в камеру, где уже находились трое заключенных-смертников.

Самым говорливым из сокамерников оказался Ибрагим Мамедов, старший лейтенант, 40 лет, азербайджанец. В плен попал в первые дни войны раненым двумя осколками в спину под правую лопатку. Истинную причину ареста почему-то скрывал. Объяснил просто: будучи пьяным, не к месту болтал лишнее. В легионе (Едлинском) был командиром взвода и арестован перед самым отправлением батальона на фронт. На допросах ему приписывали всякую всячину и, добиваясь признания, один раз даже избили.

Каждый раз, когда удавалось на прогулках узнать, что какую-то группу заключенных снова увели рано утром, Ибрагим твердил о необходимости найти какую-то возможность бежать. И всегда, когда он хотел напомнить сокамерникам об этом, начинал разговор мрачным повествованием:

– Я уверен, что сюда немцы свозят только тех, кому уже не доверяют и кто больше не нужен. А если им кто-либо уже не нужен, они его долго не кормят. Никак не пойму, почему они уводят их небольшими группами? И уводят – только рано утром. На расстрел. Мне как-то говорили, что немцы своих расстреливают только по утрам, до восхода солнца. Стало быть, и нас они считают в некотором роде своими, поскольку мы носили их лягушачьего цвета форму...

Мугдаши понимал, что за этим многословием Ибрагим прятал свой страх перед неизбежным. У каждого человека это чувство проявляется по-разному: одни замыкаются в себе, обдумывают пройденное, мысленно прощаются с близкими, становятся угрюмыми, другие же, как вот Ибрагим Мамедов, много говорят, третьи – громко восклицают проклятья в адрес фашистов и Гитлера.

Вторым сокамерником Мугдаши был грузин Григорий Гогебашвили, старший лейтенант, 28 лет, родом из Кутаиси. Он был выше среднего роста, стройный, с правильными чертами лица и небольшой лысиной надо лбом. О своей довоенной работе, не расшифровывая, он коротко сказал: «Ответственный работник». В плен попал в составе большой группы окруженных войск. Был легко контужен, ранений не имел. В легион его не зачислили, он был арестован в промежуточном лагере по доносу за антилегионную пропаганду, которую на допросах отрицал.

Третьим был Мирза Алиев, лейтенант, азербайджанец, 23 лет, родом из Баку. Ладно сложенный, невысокого роста красавец. Часто и очень задушевно распевал азербайджанские песни. На первый взгляд казался по-детски беспечным и веселым, на самом деле четко контролировал свою речь и был всегда, как говорится, себе на уме. Постоянно спорил с Григорием по принципу: если один скажет «белый», то второй, вопреки всякой логике, называет то же самое «черным». Но ничего злобного в этих спорах и разногласиях у них

не было. Только подтрунивали друг над другом и все. Особенно задевали Мирзу постоянные несколько преувеличенные рассказы Григория о прелестях грузинской природы, непревзойденной кухне Грузии, букете «Цинандали» и его омолаживающих свойствах. Мирза, в свою очередь, не менее красочно говорил обо всем азербайджанском, превознося свое и охаивая сказанное Григорием. Однажды, когда, казалось, Григорию удалось более убедительно доказать преимущества грузинского, Мирза с некоторым ехидством заявил:

– Да ты перестал бы, наконец, хвалиться. Даже Гитлер и тот чихать не хочет на твое «Цинандали», а вот на азербайджанскую нефть у него постоянно текут слюнки...

После этих слов Мирзы Григорий вначале оторопел, несколько секунд не знал, что сказать в ответ, потом, увидев на лице друзей улыбку, засмеялся, и на этом спор закончился.

Когда же затевался серьезный разговор, то чувствовалось, как Мирза остро переживал факт плена, что вовремя не сбежал из легиона, а ждал, пока получит оружие. Он никак не мог скрыть своего презрения к профашистски настроенным legionерам и однажды бросился на одного из них и нанес ему в ходе драки две ножевые раны. За это его хотели даже сразу расстрелять, но затем изменили решение и направили в Демблин.

Вот и сегодня, рано утром из крепости увели группу арестованных, которые более уже не возвращались. Ибрагим в который раз заговорил о побеге. Они все понимали, что тянуть с этим – смерти подобно: но как, что предпринять, какой найти выход, кого позвать на помощь? Неожиданно Мугдаши увидел польского рабочего, который производил в расположении двора ремонтные работы и пристально посмотрел на него. Приглядевшись, Мугдаши узнал молодого поляка, которого он вместе с друзьями спас недавно из рук жандармов. Оказалось, что молодой поляк тоже узнал Мугдаши. Он незаметным жестом указал на место, где

оставил что-то завернутое в тряпочку. Это были ножницы и кусок поломанной ножовочной пилы.

Мирза Алиев, обутий, как все другие, в деревянные колодки, резвился во дворе и, будто играя камушком, к чему надзиратели привыкли и не очень строго относились, подошел к указанному месту и, став на корточки, поднял и положил за пазуху оставленные инструменты. Надзиратель – чех по национальности, за которым Мугдаши и его сокамерники с напряжением следили, ничего не заметил.

Таким образом, инструменты были доставлены в камеру и спрятаны. Естественно, в бездействии им недолго пришлось быть, ибо узники понимали, что вот-вот дойдет и их черед, следующее утро для них может стать последним.

Демблинская крепость – тюрьма, в которой содержались арестанты, с трех сторон была окружена крепостной стеной, а четвертая – имела свободный выход к реке. Вдобавок к этому, здание было обнесено колючей проволокой в три ряда. Между вторым и третьим рядами ограды были навешаны всякие побрякушки. В 20 метрах от этой основной ограды была еще одна, обнесенная также колючей проволокой в один ряд. Территория между этими оградами была вспахана и тщательно заборонена. За первой оградой, вплотную к третьему ряду проволоки, были поставлены сторожевые вышки с обзором на все стороны. Часовой был снабжен винтовкой и ручным пулеметом. Вышки эти были поставлены по всей линии вокруг здания на расстоянии 20–25 метров друг от друга. На вышках были установлены два прожектора, свет которых был направлен вдоль ограды в обе стороны. По протоптанной узкой дорожке, за первой оградой, время от времени ходил вооруженный патруль из двух солдат.

Арестанты после долгих обсуждений решили, прежде всего, сделать лаз под самой вышкой. Такое решение было принято потому, что часовой на вышке обычно смотрит под углом вперед по направлению света от прожекторов и крайне редко или вообще не

смотрит себе под ноги. Кроме того, было изучено еще одно обстоятельство: в ночь побега на облюбованной ими вышке часовым должен был дежурить солдат в очках. Поэтому время побега было приурочено именно к периоду его пребывания на посту. Плохое зрение часового в некоторой степени увеличивало шансы быть не замеченными.

Второй проблемой в деле осуществления побега арестанты считали обувь. Все заключенные были обуты в деревянные колодки, ходить в которых можно было только осторожно, передвигая ноги медленным шагом. Разумеется, о побеге в этих колодках, которые по существу были равноценны кандалам, не могло быть и речи. Также нельзя было допустить и в мыслях бежать босиком – далеко не убежишь. Следовательно, необходимо было придумать такую обувь, чтобы ее можно было изготовить из подручного материала и, самое главное, она должна была быть легкой. В решении этого вопроса свою смекалку, житейскую изобретательность показал Ибрагим. Он предложил спороть с брюк Мугдаши нашитую в лучшие времена кожаную накладку для верховой езды. Из этой мягкой кожи он изготовил по нужным размерам четыре пары сандалий. А в день побега вырезал из одного одеяла стельки и пришил к сандалиям с внутренней стороны. В итоге получилась очень легкая, удобная и бесшумная обувь. Каждый, примерив свои сандалии, выражал Ибрагиму свою благодарность. Правда, «гарантийный срок» их носки мог быть равен от силы одним или двум суткам. Это, последнее, их не очень заботило – лишь бы вырваться на волю.

6

В один из весенних дней 1943 года жители Демблина, превращенного фашистами в гнездо гестаповцев, были очевидцами необычной суеты всегда до этого самоуверенных и наглых молодчиков Гиммлера. Насе-

лению под угрозой смерти было запрещено выходить за пределы города. Во все направления от города снаряжались и мчались машины, мотоциклы, велосипеды и двигались многочисленные отряды пеших солдат и офицеров войск СС. Были задействованы группы собаководов, которые с трудом удерживали откормленных и свирепых овчарок.

По усиленной ночной стрельбе горожане уже догадывались о причине этого переполоха, а через несколько часов по городу распространилась весть о побеге из крепости трех «большевиков-смертников». Так, благодаря польским антифашистам неприступная крепость пала перед волей и желанием свободолюбивых советских людей.

Как им это удалось?

Пропилив решетку окна, в полночь, когда часовым на вышке стал очкарик-солдат, четверо заключенных переобулись в свою бесшумную обувь, тихо подошли к вышке и по заранее установленной схеме сделали под ней лаз. Ловко орудуя ножницами, выполнить эту работу им удалось сравнительно легко и быстро. Затем, преодолевая каждое препятствие, они поочередно, с интервалом в три-пять минут шли к последней проволочной изгороди. Первым шел Григорий, вторым – Мугдаши, третьим – Мирза, замыкал группу Ибрагим. И вдруг, когда первые трое уже преодолели последний ряд проволочных заграждений, тишину ночи нарушили навешанные на них побрякушки. Это Ибрагим, к своему несчастью, по неосторожности зацепил одеждой колючую проволоку, вызвав неожиданный шум, чем привлек внимание часового на вышке. Тот немедленно дал очередь из пулемета. Пули вспороли большое исхудавшее тело Ибрагима, навсегда оборвав его мечту о свободе. Друзья уже ничем не могли ему помочь, да и останавливаться было нельзя, и они бегом направились к Висле...

Двое суток труп Ибрагима оставили лежать на том же месте: то ли для устрашения узников, то ли в ожи-

дании результата погони, которая была прекращена лишь на третьей сутки.

Все заключенные крепости – и офицерской тюрьмы, и барачных, в которых содержались рядовые, – в течение этого времени были оставлены совершенно без пищи и прогулок. Охрана была намного усилена. Бывший узник крепости – житель древнего Дербента, Сосунов, после войны рассказывал, что руководство гитлеровской канцелярии было взбешено беспрецедентным фактом побега: комендант был разжалован в рядовые и отправлен на фронт, ремонтные польские рабочие были подвергнуты допросу с пристрастием и выдворены из крепости. Польские друзья остались до конца верны общей борьбе с ненавистным врагом.

Что же касается беглецов, то они бросились в реку и, запутывая следы, обошли город с южной стороны, остановились в молодом ельнике. Подсушили одежду и обувь, по очереди и понемногу вздремнули, а к вечеру решили двинуться к селу, которое было расположено примерно в двух верстах от места их дневки. Часа за два до наступления сумерек залегли на опушке леса и стали вести наблюдение. Это было сделано по предложению Мугдаши, у которого был кое-какой опыт по первому бегству из лагеря. Кроме того, необходимо было узнать, имеются ли в селе фашистские подразделения или полицейские.

Когда начало темнеть, они заметили, как из села вышел по-городскому одетый мужчина с маленьким чемоданом в руке и направился в сторону города. Он шел по дороге, у которой они, вооруженные дубинами и ножницами, залегли, продрогшие, в сырой одежде, с кровотокающими от ссадин ногами. Когда путник поравнялся с ними, все трое одновременно выскочили из кустов и окружили его. На вопрос «кто вы?» мужчина, ничуть не растерявшись, с улыбкой ответил:

– Я поляк, уважаемые товарищи из Демблина.

– Предъявите документы! – потребовали беглецы.

Он все с той же приятной улыбкой поднял левой рукой полу пиджака, и они увидели две висящие на ремне брюк лимонки, а правой рукой он достал из кармана пистолет:

– Вот еще!

Беглецы переглянулись, как бы спрашивая друг у друга, можно ли считать, что «документы» в порядке.

– На дороге стоять нельзя, – сказал поляк и, взяв двоих за руки, увлек за собой в кусты.

– Откуда вы знаете, что мы из Демблина? – спросил Мугдаши.

– Вы, видимо, не подозреваете, что за вами двойная погоня? Швабы ищут вас в лесах и рощах по обе стороны Вислы, овчарки тянут их только к реке, а некоторые из офицеров считают даже, что вы утонули. А мы искали вас в этом направлении, потому что примерно угадали ваш маневр. Иначе и не могло быть, оказавшийся в Демблинской крепости и сумевший совершить оттуда побег непременно должен кое-что знать и в части того, как все устроить, чтобы обратно не оказаться в пасти зверя. Значит, мы не ошиблись, – заключил он, все так же улыбаясь.

Молча отошли метров на пятьсот в глубь рощи. Беглецы испытывали легкую тревогу: они не знали, кто этот человек, который тянет их в лес, и что ждать от него. «Если он фашистский сыщик, – думал Мугдаши, – то ему не уйти от наших дубинок, как бы он ни был вооружен и куда бы нас ни завел. А пока надо бдительно следить за ним».

– Сейчас будет железная дорога, – нарушил молчание попутчик, – необходимо проверить, ходят ли патрули. Присядьте, панове.

Он открыл чемоданчик, достал оттуда четверть краюхи крестьянского хлеба и литровую бутылку с еще теплым молоком:

– Возьмите, подкрепитесь. Я пойду погляжу на дорогу.

– Лучше бы вы нам дали ваш пистолет и лимонки, – попросил Мугдаши.

– Всему свое время, – ответил поляк и направился к железнодорожному полотну.

Как только он отошел от них, следом за ним, тайком, соблюдая дистанцию в десять шагов, последовал и Мугдаши. Подойдя к опушке, поляк залег. Невдалеке от него лег и Мугдаши, не выпуская его из поля зрения. Минут десять они находились в таком положении. Затем поляк поднялся и быстро повернулся назад. Увидев Мугдаши, он воскликнул:

– О, это очень хорошо, но вы напрасно не доверяете. Я – Ветчик. Слышали о таком? Так вот, на дороге спокойно. Нужно быстренько перейти ее.

Дорогу перешли и углубились в большой лес. Шли впотьмах часа три, но видно было, что Ветчик ориентируется здесь хорошо. Пересекли небольшую прогалину и остановились. Ветчик, на манер певчих птиц, дважды свистнул. Через минуту тот же сигнал повторил, и в ответ раздался такой же свист. Сделав еще несколько десятков шагов, встретили группу людей.

– Примите пополнение, панове, – предложил Ветчик, обменявшись рукопожатием с каждым из членов группы.

Подошли к шалашу, сооруженному под вековой елью из веток хвойных деревьев. У входа в него стояли шестеро его обитателей, лишь четверо из которых были вооружены двумя австрийскими винтовками и двумя обрезами. Познакомились. Оказалось, что это бывшие военнопленные. Четыре месяца назад фашисты привезли их из лагерей в так называемый армянский легион. Воспользовавшись случаем, эти шестеро легионеров убили охранника-немца и ушли в лес. Люди Ветчика нашли их и спрятали от погони. Старшим по званию среди них был, бывший политрук Красной Армии Сафарьян Константин.

Ветчик на рассвете ушел, пообещав дня через три навестись. Оставшиеся стали обсуждать создавшееся положение и невольно перешли к планам на будущее:

– Теперь нас, Константин, девять человек, а оружие, если можно то, что имеем, считать оружием, – только у четвертых. Необходимо подготовить и сделать хотя бы вылазку с таким расчетом, чтобы вооружить всех и добыть немного еды, – предложил Мугдаши.

– Через три дня, как вы знаете, Ветчик обещал быть у нас. Посоветуемся...

Такой ответ не вполне устроил Мугдаши.

– А вы сами-то знаете здесь какие-нибудь, небольшие полицейские или войсковые посты? – спросил он.

– Да, лесопилку, ее охраняют два немца и пять полицейских. Но чтобы выйти к ним, надо будет идти в обход, чтобы подойти со стороны леса.

– А далеко от леса расположена лесопилка?

– Примерно в ста пятидесяти шагах.

– Это очень удобно. Что если мы сегодня же выйдем туда двоих на разведку?

– Очень хорошо. Миша туда дорогу знает.

– А Мирза пусть составит ему компанию, – согласился Константин.

– Решено. Каспаров и Алиев ночью уходят с тем, чтобы на рассвете тщательно замаскироваться и в течение дня вести наблюдение за изменениями в составе охраны. А утром мы снимаемся, оставив двоих здесь, и до вечера лесом двигаемся туда же. Только с Каспаровым надо будет условиться о месте встречи. С наступлением темноты делаем бросок. На силу наших обрезов полагаться нельзя, так что будем брать внезапностью и шумом.

– Так, вы думаете совершить нападение, не посоветовавшись с Ветчиком? – встревожился Константин.

– Да. Если проведем удачно, то это будет неплохой, на первых порах, сюрприз для Ветчика.

– Нет, нельзя этого делать, – категорически запротестовал Константин. – Ветчик нас строго-настрого предупреждал не делать никаких вылазок без его разрешения.

Мугдаши был немало озадачен такой категоричностью, даже с оттенком испуга, в словах Константи-

на. О Ветчике и смелых вылазках его людей ему не раз рассказывали польские друзья. Но те факты никак не соответствовали действиям и запретам, которыми руководствовался Ветчик нынешний, держа полувооруженными и в бездействии эту группу людей. Было непонятно: жалел он их или берег для того, чтобы на их базе сформировать новый отряд из ежедневно совершающих побеги из лагерей и тюрем советских граждан? Так или иначе, в ходе дальнейшего разговора с Константином выяснилось, что за весь трехмесячный период их нахождения в лесу лишь трижды они участвовали вместе с людьми Ветчика в обстреле поездов с немецкими войсками. В этих боевых операциях двое из людей Константина погибли, так как были вооружены плохо. А воевавшие вместе с ними поляки были вооружены автоматами. И однажды, когда в результате операции Константин попросил Ветчика «подкинуть» им подходящее оружие, тот ответил, что «в излишке его нет, а то, что на руках у людей, принадлежит им». Значит, подумал Мугдаши, Ветчик почему-то не хотел вооружать этих людей. В связи с этим у него невольно зародилось подозрение: «Ветчик ли он на самом деле?» Естественно, эти соображения требовали выяснения.

Помимо этого, у Мугдаши не укладывалось в голове, что такой убежденный патриот, коммунист и политработник, как Сафарьян Константин, которого фашисты не смогли подчинить себе и заставить служить им, смог теперь безропотно смириться с той пассивной ролью, навязанной ему Ветчиком. В дальнейшем, узнав Константина ближе, Мугдаши исключил всякую мысль, что это было продиктовано чувством самосохранения, желанием понаблюдать со стороны за тем, что происходит вокруг, и только потом решиться на что-то. Нет, Константин таким не был. Он просто слепо поверил Ветчику и согласился с его доводами, не задумываясь, потому что считал себя обязанным ему за спасение, за то, что тот избавил его и товарищей от возврата в ле-

гион. Если даже и приходило порой прозрение, то он глушил его, не желая перечить своему благодетелю.

К тому же он понимал, что ему недостает опыта партизанской борьбы, и поэтому не был уверен в себе и в том, что без помощи Ветчика его малочисленная группа сможет действовать самостоятельно на территории чужой страны и осуществлять какие-либо акции против врага.

Мугдаши в первый же день встречи заговорил с группой Константина о необходимости нападения на пост лесопилки, прежде всего с целью захвата оружия, и большинство товарищей, вопреки опасениям вызвать недовольство Ветчика, полностью согласились с этим решением.

Несмотря на протесты Константина, задуманное нападение было совершено на следующий день. Немецкому унтер-офицеру и двум полицейским удалось, отстреливаясь, сбежать. А остальные четверо были уложены на месте. Четыре винтовки, один багнет, одежда и обувь на четверых – таковы были трофеи первого боя с врагом.

Саму лесопилку и имеющийся вокруг лесоматериал в нескольких местах подожгли и, не задерживаясь, ушли. Ушли, унося с собой убитого Николая Миеропянца – одного из друзей Константина. Убегающий унтер напоследок успел выпустить в него очередь из автомата.

Пропетляв по лесу, маленький отряд к утру вернулся к своей стоянке. Через несколько часов, во всяком случае, раньше установленного срока в сопровождении двух мужчин пришел Ветчик. Увидев, что все заняты чисткой новых немецких винтовок и своего старого оружия, они многозначительно переглянулись. Ветчик протянул Мугдаши руку и полушутя, все с той же неизменно подкупающей улыбкой, произнес:

– Не зря выходит швабы так усердно искали вас двое суток. Могу уверенно предсказать, что если они

скоро не выловят вас, то хлопот не оберутся... Ну как, теперь-то убедились, пан Стефан, – обратился он тут же к одному из сопровождавших его, – по чьей вине сегодня швабы будут хоронить четырех своих людей?

Потом, осмотрев винтовки-трофеи, Ветчик, извинившись перед остальными членами группы, взял Мугдаши под руку и увлек в сторону. С ним вместе отошли и сопровождавшие его Стефан и второй мужчина.

– Садитесь, пан капитан, поговорим немного. Я тогда не сказал вам наши условия, потому что никак не мог подумать, что вы так сходу, даже не дав отдохнуть своим ушибленным ногам, приступите к делу. Вот вы вчера напали на пост лесопилки, убили четверых фашистских солдат и полицейских. Однако и потеряли одного своего. А могло быть гораздо хуже. Думаю, вам повезло – вернулись только без одного товарища, ведь у вас четыре калеки-винтовки. Допустим, что вылазка была сделана, чтобы заиметь оружие. Но какая была необходимость пускать «красного петуха» на лесопилке? Решившись на все это, нам кажется, вы не подумали о последствиях. А они могут быть следующими: швабы теперь начнут вас искать. Вполне возможно, что быстро найдут, если им возьмется помогать те, которых вы лишили работы и заработка, уничтожив лесопилку. А если они нападут на ваш след, то не представит большого труда уничтожить вас. Только таких ответных действий и следует ждать от швабов. Стоило ли из-за четырех винтовок вот так ставить все на карту? Когда наступит время, вы будете вооружены автоматическим оружием и скучать не придется. Бейте тогда швабов, где хотите и когда хотите.

– Когда же это время наступит, пан Ветчик? – спросил Мугдаши, внимательно выслушав его.

– Когда ваши доблестные войска подойдут к границам Польши.

– Тогда, пожалуй, не бить, а только добивать нужно будет. А это с наименьшим успехом сделают те, которые погонят их до границ Польши. Однако, пан Ветчик, на западе Польши поляки бьют немцев, хотя и находятся

намного дальше вас от фронта. Насколько мне известно, и те поляки действуют под началом пана Ветчика. Прошу извинить, немного непонятно, что все это означает: там можно бить, а здесь нет. Может быть там, на западе, действует другой Ветчик?

– Нет двух Ветчиков, пан капитан. А есть один Ветчик, который по приказу пана Сикорского организует Войско польское, которое в решительную минуту покажет врагам Польши свою силу. Каждый, кто действует под его началом, именуется Ветчиком. И я сейчас передаю вам приказ самого Ветчика: ждать, пока наступит час!

– В таком случае просим вас вооружить хотя бы двоих или троих из нас автоматическим оружием, чтобы мы избавились от этих «калек-винтовок» и увереннее чувствовали себя в ожидании, пока «наступит час».

Слова эти не понравились пану Ветчику, и он, недобро посмотрев на Мугдаши, сказал:

– Я вам уже говорил, когда наступит час, получите оружие. А сейчас я хочу от вас слова, что будете выполнять приказ.

– К великому сожалению, пан Ветчик, я должен вас огорчить. Мы – коммунисты и советские граждане выполняем только один приказ – бить фашистов, где бы они ни находились, не откладывая это ни на час. На мой взгляд, не иначе мыслят и поляки, по-настоящему желающие приблизить час освобождения своей родины! – ответил Мугдаши спокойно.

Ветчик как ужаленный вскочил с места и, прекратив беседу, вернулся к остальной группе. В это время Константин распределял патроны. Пан Ветчик взял один патрон, нервными движениями раскачал пулю и вытащил ее из патрона. Порох высыпал на ладонь и несколько секунд ворошил его большим пальцем той же руки, можно было подумать, что он искал там что-то, сосредоточенно думая. Потом отшвырнул в сторону порох и пустой патрон и, козырнув, произнес:

– Честь, пан капитан! Честь, панове! – и, не подав никому руки, повернувшись, ушел со своими сопровождающими.

Все оставшиеся, теперь уже восемь человек, были удивлены такой непонятной реакцией Ветчика и его товарищей на их действия. Мугдаши был уверен, что смерть Миеропянца была причиной озабоченности и недовольства Ветчика. Ведь потери врага были в четыре раза выше. Да и четыре винтовки с комплектами патронов не валялись где-то. Не нашлось же их у Ветчика, чтобы в свое время вооружить людей Константина. То, что они имели, – два обреза, из которых нельзя было вести прицельный огонь, и две допотопные, слишком длинные австрийские винтовки с запасом патронов по четыре штуки на каждую, – никак не могло считаться сколько-нибудь достаточным оружием, чтобы оказать сопротивление врагу, если бы пришлось столкнуться с ним. Ветчик в ходе беседы сказал: «Если швабы нападут на ваш след, то им не представит большого труда уничтожить вас». Значит, он ясно представлял себе беспомощность группы на случай стычки с врагом. «Какая была необходимость пускать «красного петуха» на лесопилке?» – был еще высказан Ветчиком упрек в адрес группы. Можно подумать, что лесопилка работала не на немцев, а на нужды польского сопротивления.

Анализируя беседу с Ветчиком, Мугдаши не мог понять, на чем основывались его упреки: не увязывались они с задачами антифашистского движения. Было ясно одно, что такими, какими ребята себя показали вчера, Ветчик их видеть не хотел и боевой настрой группы его не устраивал. Отсюда следовал еще один вывод: их цели и задачи глубоко расходятся, вернее сказать, они несовместимы.

Недовольство Ветчика проявленной группой самостоятельностью было так велико, что он не счел нужным скрыть это перед своим уходом. Поэтому группа не знала, что будет предпринято им в дальнейшем: пре-

рвет с ними отношения и оставит без своего внимания, или же... Так или иначе, все равно пахло недобрым.

Настроение в группе совсем испортилось, когда Мугдаши рассказал товарищам о содержании своей беседы с Ветчиком. Почти все впали в задумчивость. Через несколько минут, нарушив тягостное молчание, подал голос Константин:

– Нехорошо получилось. За все время мы ни разу не видели Ветчика таким расстроенным. Что же будет дальше?

– Пусть справляет траур по убитым фашистам! – с недовольством выкрикнул Мирза.

– Давайте разберемся, что же мы сделали плохого, что наши польские друзья так нами недовольны? По-моему, мы поступили правильно и должны действовать в дальнейшем так же, – высказался Гогебашвили. – В конце концов, мы – солдаты своего отечества...

– На мой взгляд, нам нужно сменить место и уйти на восток, поближе к советской границе, – заметил Мирза.

– Я, например, согласен с Мирзой, – заявил Миша, один из людей Константина, который за короткое время подружился с Мирзой, – конечно, спасибо Ветчику, что в первое время он нам помог, но оставить нас без оружия на произвол судьбы, это неправильно. Мы же не марионетки, чтобы нас дергать за веревочки и заставлять делать только то, что нужно кому-то.

– Вот-вот, то же самое уже битый час говорит капитан и, по-моему, говорит правильно, – горячо поддерживал Гогебашвили.

Мугдаши решил высказаться до конца.

– Друзья мои, не думайте, что мы неблагодарные, забыли заботу, проявленную Ветчиком и его людьми. Нет, мы не принадлежим к тем, кто не помнит добро. Мы еще раз говорим им за это спасибо. Но, спрятав нас от преследования фашистов, они в то же время оставили нас невооруженными, в положении иждивенцев и в постоянной опасности быть обнаруженными и уничтоженными.

– Чего же тогда хочет Ветчик? – спросил словоохотливый Миша в недоумении.

– Из разговора с ним я понял одно, – сразу же ответил Мугдаши, словно ждал этого вопроса, – он хочет собрать из бежавших из плена или из окруженцев отряд и, когда наша Красная Армия подойдет к польским границам, вооружить нас и в составе Польской армии пустить в бой...

– Что нам делать до этого, он не сказал? – спросил Константин и добавил: – Как я понимаю, наша армия еще не скоро придет сюда...

– Вот обэтом я и говорю, – подхватил его Мугдаши, – сидеть и ждать сложа руки нам никак нельзя. Во всяком случае мое сердце с этим мириться не хочет, ибо я видел руины Варшавы – столицы целого государства, стертого с лица земли, мы видели трупы тысяч и тысяч наших товарищей – выброшенные в ямы скелеты, даже не накрытые землей, мы знаем, что такое ад под названием концлагерь. Я видел поезда, в вагонах которых были заперты умирающие без воды и пищи женщины и дети. Мы лицом к лицу столкнулись с самой бесчеловечной, сумасшедшей идеей ненависти ко всем, кого фашисты не считают людьми. Так вот, я спрашиваю вас, друзья, имеем ли мы право ждать, когда другие сражаются, добывают для нас с вами победу. Нет, я лично с этим не согласен. В этом мы принципиально расходимся с Ветчиком. Мы не имеем права ждать, мы должны ежедневно, ежечасно мстить ненавистному врагу. Вначале, может быть, малыми силами, но, объединяясь с такими же, как и мы, нас станет больше, и мы будем убивать фашистов, добывать себе оружие и не давать покоя проклятому врагу, чтобы везде и всегда у них под ногами горела земля... Да, при этом может случиться, что мы погибнем, но рядом с нами встанут другие, такие же, как и мы...

Мугдаши умолк, взглянул на притихших товарищей и тихо добавил:

– Я предлагаю назвать нашу группу партизанским отрядом и поддерживаю предложение Мирзы двигаться на восток.

По имевшейся у Константина топографической карте местности разработали маршрут движения отряда. В течение двух ночей, почти без отдыха отряд совершил длительный переход и отошел от места своего первоначального пребывания на расстояние 60–70 км.

На второй день выставленные дозоры обнаружили у дороги на опушке леса двух вооруженных топорами бежавших из плена советских граждан. На вопрос, почему они залегли у самой дороги, они ответили, что рано утром по этой дороге отправились на фургоне трое вооруженных винтовками полицейских.

– Мы сторожили их возвращения, чтобы по возможности напасть и захватить оружие, – заключили они свое объяснение.

Мугдаши, поскольку его избрали командиром отряда, дал указание, разделив людей на две группы по пять человек, немедленно направиться к дороге, залечь на расстоянии 100 шагов одна от другой и ждать возвращения полицейских. Ждать пришлось долго, около трех часов. Наконец, когда фургон оказался между группами, с двух сторон выскочили партизаны и с криками «ура» набросились на полицейских. Ошеломленные, те посчитали самым лучшим соскочить с фургона, бросить винтовки, стать на колени и поднять руки вверх.

Оказалось, что полицейские – поляки, обслуживающие почтовое отделение местечка. Утром они возили на городскую почту посылки и письма. У всех троих в карманах были тысяча с лишним злотых и удостоверения. Они охотно дали сведения о расположении в окрестных местностях гарнизонов, полицейских участков и постов. Рассказали и о том, что многие польские помещики просят немецкое командование выделить им охрану в имения, мол, боятся партизан. Это сообщение очень обрадовало Мугдаши и его това-

рищей, так как служило лишним доказательством близости других партизан.

В присутствии полицейских Мугдаши дал «указание» Константину написать и выслать «командиру отряда» донесение о расположении гарнизонов и постов врага. Когда наступил вечер, полицейских раздели почти догола и, сообщив, что сохранили им жизнь только потому, что они не оказали сопротивления, чтобы в будущем и другие учли это, отпустили, как говорится, в чем мать родила.

В итоге: все в отряде получили оружие и один обреза оставался в резерве. Первая и основная проблема – вооружение людей – была разрешена. Трех партизан полностью обмундировали, и они могли быть всегда при необходимости выставлены как полицейские.

В тот же вечер, сделав обратный от основного маршрута ход, отряд незаметно подошел к небольшому гарнизону, о котором получили сведения от полицейских. Обстреляли его и, предав огню деревянный пост на шоссейной дороге, повернули обратно. Во время продвижения по установленному маршруту в некоторых населенных пунктах они стали выставлять впереди своих «полицейских». И в одном большом селе обратили внимание на то, что у одного дома стоит сторож. На вопрос «полицейских», что он охраняет, тот ответил:

– Обменный пункт, панове.

На следующий вопрос, мол, что это за обменный пункт, сторож, удивившись неосведомленности «панов-полицейских», все же рассказал, что здесь производится обмен сахара, кофе, иглол, ниток, шпилек и многих других предметов на масло, сало, яйца и прочее и что всем этим заведует приказчик пан Валевский.

Мугдаши тут же сообразил, что этот обменный пункт как раз то, что им нужно и решил без шума, как говорится, убить сразу двух зайцев. При помощи сторожа и двух «полицейских» они вызвали пана Валевского в пункт, и здесь при свете лампы приказчик, угадав, кто на самом деле эти люди, вначале мертвенно

побледнел от страха, а потом, потеряв сознание, упал на пол. Партизаны набили вещевые мешки и карманы сахаром, салом и предметами обихода, потом привели в чувство пана приказчика, который тут же нашелся и попросил партизан дать ему расписку об изъятых у него продуктах и других вещах, мол, это он покажет немцам. Наматулин Хасан, один из «топорников», удовлетворяя просьбу находчивого приказчика, написал расписку следующего содержания:

«Нами, бойцами советского партизанского отряда, забрано и разгромлено имущество фашистского пункта в селе... Приказчик и сторож не могли ничего предпринять для охраны имущества, поскольку были вынуждены подчиняться силе оружия многочисленного отряда».

В конце расписки, приписав «Начальник штаба отряда», Наматулин аккуратно вывел свою подпись с многочисленными завитушками.

Однако партизаны этим не ограничились: прежде всего связали приказчика и сторожа, вложив в рот каждому из них по кляпу, а потом, кроме взятого ими на личные нужды, все содержимое пункта было вынесено и разбросано по дворам и селу. «Пусть население без обмена удовлетворит свои нужды», – решили они и покинули село.

В дальнейшем отряду не раз приходилось повторять подобные «экономические операции», и что было удивительно, каждый раз сторожа или приказчики просили дать им расписку, а иные умоляли вдобавок произвести еще пару выстрелов, мол, вместо «печати» для скрепления расписки. Когда же удивленные партизаны спрашивали, чему помогают эти расписки, те отвечали:

– Сами швабы прежде всего требуют расписку. Мол, если взяли партизаны, то где папиер? И если не дашь им «папиер», то бьют и сажают в тюрьму...

– Что же, – отвечали партизаны, – получайте ваши расписки, только без печати – патроны надо беречь.

В течение двух месяцев партизанский отряд вел подвижный образ жизни: ночь – в движении, а день – на отдыхе в лесу. На активные действия пока не решались – все же людей было маловато. Однако несмотря на малочисленность не было случая, чтобы они проходили мимо небольших гарнизонов или постов, не обстреляв их. Всегда и во всех случаях преследовалась одна цель – лишить фашистов покоя, пусть их постоянно преследует мысль, что за ними по пятам ходят и действуют партизаны.

Однажды во время ночного перехода на одном из хуторов отряд расположился на отдых у гостеприимного крестьянина. В ходе завязавшейся беседы партизаны обратили внимание на маленькую телочку, которая, вынюхивая им руки, ходила от одного из них к другому. Мугдаши ласково взял ее за уши и почувствовал под пальцем прикрепленный к уху животного кусочек жести.

– Что это вы серьги повесили телке? – шутливо спросил он у хозяина.

Крестьянин вздохнул и с грустью ответил:

– Это швабы таким манером кольцуют скот и берут на учет. Ни продать, ни поменять, ни резать нельзя. Мы должны откармливать и, когда наступит назначенное время, отдавать им.

– Кольцуют только крупный рогатый скот? – спросил снова Мугдаши.

– И крупный, и мелкий. Даже свиней берут на учет.

Расспросив крестьянина и узнав, каким образом фашисты перегоняют реквизированный у населения скот, партизаны решили проследить за этим и во что бы то ни стало отбить и раздать скот обратно населению. По этой причине было решено в ближайшие дни свои дневки проводить вблизи больших дорог. Ждать пришлось недолго, через неделю после беседы с хозяином хутора выставленные дозорные сообщили, что на опушке леса у дороги обнаружили перегон большого стада скота. Впереди гурта преспокойно шагали

два солдата с автоматами, за ними, подгоняя скот, шли человек двадцать взрослых крестьян и подростков. А метров в двадцати за гуртом шестивие замыкала бричка, на которой восседали трое гитлеровских солдат с винтовками на коленях.

Партизаны быстро распределились. Четверо лесом вышли вперед, с тем чтобы залечь в ожидании, а потом быстрым наскоком убрать головных фашистов. Остальные дожидались, пока поравняется бричка. По одному выстрелу оказалось достаточно, чтобы уложить фашистов на месте. Пастухи и пастушки разбежались моментально. Скот разбрелся по лесу, а часть стада, которая заметалась на дороге, партизаны погнали вперед, направляя к населенным пунктам.

Это была удача. Теперь партизаны имели два автомата и по две винтовки – одна за спиной, вторая – на ремне. Решено было второй обрез и австрийские винтовки с вооружения снять. Они были обернуты и закопаны в приметном месте.

К исходу дня, когда отряд находился уже на солидном расстоянии от места расправы над фашистами, до партизан дошли звуки беспорядочной стрельбы. Они догадались, что немцы прочесывали в том районе лес.

По истечении нескольких дней Константин и Михаил, делая утренний обход по лесу в районе своей стоянки, обнаружили группу спящих вповалку... немцев, без какой-либо охраны. Это было невероятно!

Выслушав Константина, Мугдаши велел разбудить партизан и выяснить, кто эти немцы и как они здесь оказались. Соблюдая все меры предосторожности, последовали за Константином.

Четырнадцать немцев, свернувшись калачиком, обняв винтовки, спали, прижавшись друг к другу. Вглядевшись, Мугдаши обратил внимание на то, что обмундированы они в немецкую форму, но без погон. Не вздумали ли господа фашисты партизанить? Как бы то ни было, отсутствие погон несколько успокаивало, но все же требовалось выяснить все до конца и очень

осторожно. Мугдаши подошел к лежавшему с краю и, толкнув дулом винтовки, разбудил его. Не раскрыв еще глаза, он пробурчал:

– Ну, что ты тычешь?

Услышав русскую речь, несколько партизан подошли ближе к спящим. А проснувшийся парень присел, протер глаза и уставился на подошедших партизан.

– Кто вы? – спросил у него Мугдаши.

– Вася! Нашли партизан! – неожиданно заорал тот во все горло и бросился обнимать партизан...

Его крик разбудил всех и, конечно, Васю. Им оказался белобрысый толстяк, у которого и брови, и ресницы были буквально белыми, – таких поляки шутя называют «свинским блондином». Он протянул Мугдаши руку и доложил:

– Командир партизанской группы – Василий Шевчук!

Представился и Мугдаши, но тут же сделал ему замечание на недопустимую беспечность – спать, не выставив охрану.

Выяснилось, что группа Шевчука была в составе немецкой полевой жандармерии и с первых дней вынашивала идею перейти к партизанам. Когда они узнали, что где-то вблизи действует «крупный» партизанский отряд, решили уйти от немцев. Сколотил и возглавил группу Шевчук, который был на должности фельдфебеля и пользовался, благодаря своей внешности, особым расположением фашистов. Иногда немцы, подшучивая над ним, говорили, что «твой отец есть пруссак»!

Более двух недель Шевчук со своими людьми шли по пятам отряда, предполагая его многочисленность, но никак не могли найти.

– Вот теперь-то мы нашли вас! – улыбаясь, закончил свой рассказ Шевчук. – Ну, что же мы стоим? Пошли в отряд.

– Прежде всего, – уточнил Мугдаши, – не вы нас нашли, а мы вас. Ваше счастье, что мы не обнаружили

у вас погоны, иначе бы перебили спящих. И последнее – весь отряд здесь.

Последнее открытие несколько разочаровало Васю.

– Вот эти – и все? Выходит, эти десять человек и напустили такого страху на немцев? Здорово!

– Если товарищ Шевчук не возражает, – ответил Мугдаши, – нас теперь будет 24 человека и соответственно можно увеличить дозу страха для фашистов.

– А как же иначе? Мы просим принять нас в ваш отряд, – решительно заявил Шевчук, скользя взглядом по лицам своих ребят, как бы ища возражающего.

Люди Шевчука были рослыми, сильными и здоровыми ребятами. Именно в силу этих качеств фашисты, не спрашивая у них согласия, отобрали их из числа пленных и зачислили в свою полевую жандармерию. Долго и осторожно изучал Шевчук людей, пока ни отобрал из их среды самых преданных, которые без страха могли повернуть оружие против гитлеровцев. Он ставил перед собой задачу сколотить отряд из 30–40 человек, вооружить их должным образом, кроме винтовок захватить еще 2–3 пулемета и гранаты, затем уничтожить немецкий персонал и уйти в лес партизанить. Но дошедшие до него слухи о появлении в этих местах «большого отряда советских бандитов» заставили его ускорить события. Ночью того же дня он, собрав людей, которых успел подготовить, ушел с ними, захватив закрепленное за ними оружие. Однако Шевчук предусмотрительно приказал им сохранить и погоны, которые в нужный момент могли быть использованы. У них были винтовки и сорок штук патронов с багнетами. Одежда, включая шинель и обувь, была вполне исправна.

Когда все вместе перешли на место дислокации отряда Мугдаши, Шевчук предложил отметить слияние «чарочкой польского бимбера» (самогонки), который еще сохранился в их флягах. Несколько человек из отряда Мугдаши с радостью восприняли это предложе-

ние. Они так просяще взглянули на командира, что в первую секунду он сам был готов согласиться, но встретив осуждающий взгляд Константина, тут же отбросил прочь эту мысль.

– Константин, соберите все фляги с самогонкой! – приказал Мугдаши.

Когда все фляги были уложены возле командира, он, не глядя ни на кого, стал откручивать с них колпачки и выливать содержимое на землю. Абсолютная тишина. Можно было подумать, что хоронили близкого сердцу человека. Только когда командир отшвырнул последнюю порожнюю флягу, подал голос Мирза Алиев:

– Прощай, милый бимбер!

– Да, Мирза, именно прощай «милый бимбер»! По крайней мере, прощай до тех пор, пока мы находимся в этих необычных условиях, в окружении врага, – ответил Мугдаши.

– Товарищи! Капитан поступил абсолютно правильно, – вступил в разговор Константин. – Мы не только находимся в окружении врага, но и на территории чужой страны, народ которой долгие годы настраивали против нашего советского строя, называя нас невежественными и невоспитанными. Поэтому мы обязаны своим поведением быть примером для польских граждан, чтобы привлечь их к нашей борьбе с фашистами. Вообще-то, друзья, нам не следует забывать, что мы советские люди и должны быть едиными во всем. Ведь именно единство, сплоченность и дружба наших народов делают нас сильными.

– Правильно говоришь, политрук, – начал свое слово Наматулин. – Нельзя нам забывать отечество свое и наше прошлое. Вот в нашем отряде представители разных народов, все мы, как родные братья, и готовы отдать свою жизнь за Родину и друг за друга. Пусть все видят и знают, что наша советская страна строит свою политику именно на дружбе народов. Разве кто-нибудь из нас не знает известной истины о том, что выпивший

человек опасен не только для окружающих, но и для самого себя? Потому я предлагаю: если кто будет пить эту отраву – бимбер ли, водку ли, – наказывать.

– Кто еще хочет высказаться, товарищи? – обратился Мугдаши к партизанам и невольно мысленно вернулся к временам довоенных комсомольских и партийных собраний, когда так же, как сейчас, коллективно обсуждались важнейшие вопросы жизни и труда.

Однако, заметив молчание собравшихся, повернулся к белобрысому толстяку Василию Шевчуку.

– Что понурил голову, товарищ Шевчук? Неужто объявил траур по бимберу?

– Нет, товарищ капитан, не жалею я самогонки. Вот слушал я друзей наших и так на душе стало светло и радостно. Какая же правильная жизнь была у нас. Нарушили ее гады проклятые! А по части водки, вот что скажу: не пить ее никогда и баста! А если кто нарушит клятву – расстрел. Вот мое предложение.

Высказались еще несколько партизан и вынесли решение: каждый случай выпивки, мародерства и насилия – строжайше наказывать, вплоть до расстрела.

Партизаны высказали еще одно пожелание, при первой возможности сообщить родным и близким о себе, послать им долгожданную весточку.

Ночь провели на том же месте, где встретились с Шевчуком и его группой, где партизанский отряд стал полнокровной боевой единицей.

7

Утро следующего дня началось с происшествия – дозорные отряда задержали в лесу крестьянина, который подозрительно, словно искал кого-то, ходил с одного места на другое, ведя на поводу бычка. Как потом выяснилось, жители ближайшего села знали о пребывании в лесу партизан, и этот крестьянин, рискуя жизнью, искал их, чтобы предупредить о грозящей опасности.

– Очень много швабов понаехало в села вокруг леса, – сообщил он взволнованно. – У них есть даже минометы и, говорят, что придут танки тоже. Уходите отсюда, панове!

Бычка тянул он за собой на случай, если придется объяснять немцам причину своего ухода в лес – удрал, мол, бычок, и еле нашел его в лесу.

Партизаны поблагодарили крестьянина за проявленное беспокойство и, когда он ушел, все же решили проверить правдивость его сообщения. Направленные вслед за ним разведчики вскоре вернулись, подтвердив о значительном скоплении войск врага в двух соседних селах.

Долго раздумывать времени не было. Необходимо было немедленно уйти, дабы фашисты не окружили лес и не начали военные действия. Разделив людей на три группы и наметив маршрут и пункт сбора, разошлись в разные стороны. Опасения были не напрасны: в течение всего продвижения отряда в большом лесном массиве им нигде не повстречались даже пастушки, которые обычно выгоняли на лесные поляны скот. Значит немцы под угрозой смерти запретили им выходить в лес.

На рассвете следующего дня все три группы, прошагав более сорока верст никем не замеченные, перешли в другой лесной массив и встретились вблизи условленного пункта. Решили в течение нескольких дней не двигаться и всякого заметившего их задерживать. Однако невыносимый голод все же заставил их посетить лесничего и, щедро заплатив ему, взять у него имеющийся в наличии хлеб. Когда же посыльные партизан попросили его испечь им к следующему утру еще десяток буханок хлеба, лесничий вытаращил было глаза от удивления, но, увидев положенную на стол пачку ассигнаций злотых, выражение страха совершенно сошло с его лица, и он до того раздобрился, что сбегал в кладовую и принес объемистый горшок со смальцем и штук двадцать луковиц.

Уходя, партизаны недвусмысленно предупредили лесничего, чтобы он никуда без их разрешения не отлучался.

– Добже, панове, разумеет! – ответил он.

Но несмотря на это «добже», все же партизаны установили за домом лесничего постоянное наблюдение.

Вечером следующего дня с запасом хлеба в вещевых мешках отряд тронулся в путь, взяв курс на северо-восток, в направлении так называемых «графских лесов». Во время этих переходов несколько человек сильно натерли ноги и изрядно устали. Выбрав удобную стоянку недалеко от речушки и установив дозорных, решили пару дней посвятить санитарно-бытовым делам – мылись, стирали, чинили, штопали и прочее.

Возвращаясь с речки, группа партизан задержала в лесу средних лет человека с осунувшимся, болезненным лицом. В кармане у него обнаружили немецкий «парабеллум» с запасной обоймой патронов. Никаких документов. На вопросы партизан он отвечал, что является жителем ближайшего села, а «парабеллум» якобы нашел в лесу. Партизаны, которые вели задержанного, все были одеты в немецкую и полицейскую формы, что, видимо, сбilo задержанного с толку. Когда его привели на стоянку и он увидел разношерстных одетых людей, занятых починкой обуви и латанием одежды, он несколько успокоился.

Получив из рук партизан изъятый «парабеллум» и запасную обойму, Мугдаши спросил у задержанного:

– Откуда он у вас?

– Нашел в лесу, – повторил он прежний ответ.

– Вместе с запасной обоймой?

– Валялись вместе.

– Валялись в лесу и никаких следов ржавчины.

Удивительно, но и недавние проливные дожди его как будто не коснулись.

– Фашистский лазутчик он, товарищ капитан! – вмешался в разговор Шевчук.

Только этого словно и ждал задержанный. Он весь засиял и улыбнулся во весь рот:

– Товарищи партизаны?!

– Ну, а дальше? – сохраняя строгость, снова спросил Мугдаши.

– А дальше? Я представитель организации компартии Польши. – Он расстегнул рубашку, раскрыл правую ее полу и, потянув ниточку, распорол шов, затем, вытянув оттуда свернутый в трубочку клочок бумаги, дал ее командиру. – Можете звать меня товарищ Василий.

– Ну, здравствуй, тезка, – протянул ему руку Шевчук.

После того, как товарищ Василий обменялся рукопожатием со всеми партизанами, он еще раз подошел к Шевчуку и, положив руку ему на плечо, сказал:

– Ох, и похож же ты на шваба, друже! Пожалуйста, переоденьте его, товарищ капитан! – не то в шутку, не то всерьез попросил он.

Все от души посмеялись.

Товарищ Василий, пригласив присесть вокруг себя остальных, спросил:

– Сколько вас человек?

– Двадцать четыре, – ответил Мугдаши.

– Все вооружены?

– Есть и запасные винтовки.

– Хорошо, очень хорошо. Когда же вы прибыли в эти леса?

– Позавчера.

– С запада или востока?

– Из Демблина.

– По остальным вопросам поговорим позже. А сейчас меня ждут. Товарищ капитан, возьмите с собой, кого вы считаете нужным, и пойдемте, у меня есть сюрприз для вас.

Вместе с Мугдаши пошли Сафарьян и Гогебашвили. Примерно на расстоянии двух километров от места дислокации отряда находилась группа партизан, кото-

рая была в постоянной связи с товарищем Василием. Возглавлял группу старший лейтенант Николай Холодов, который одновременно исполнял обязанности уполномоченного партизан по Надбужью. Встреча с партизанами группы Холодова очень обрадовала партизан отряда и тогда же была достигнута договоренность об объединении.

На следующий день товарищ Василий привел с собой другого товарища, который был представлен Мугдаши как член руководящего органа местной подпольной парторганизации, звали его Соколом. Договоренность группы Холодова и отряда Мугдаши нашла поддержку и у вновь прибывшего товарища Сокола. Таким образом, была получена официальная санкция на объединение. При этом все были предупреждены о скоплении вокруг места дислокации отряда войск врага, и прибывшие товарищи порекомендовали партизанам на некоторое время прекратить всякие действия. Снабжение отряда продуктами питания взялись осуществлять люди товарища Василия.

На четвертый день отряд посетили товарищи Василий и Сокол, захватив с собой бланки удостоверений для каждого партизана. На общем собрании партизан было одобрено решение подпольного комитета компартии об организации партизанского отряда под названием «Народные мстители» и командиром отряда голосованием был избран и утвержден Мугдаши. Всем партизанам были выданы удостоверения, на которых вместо фотографий ставился отпечаток большого пальца каждого.

Товарищ Сокол проинформировал всех о сводке Совинформбюро за последние несколько дней.

В дни, когда уже объединенный отряд «Народные мстители» был вынужден безотлучно находиться в лесу, товарищу Василию приходилось большую часть времени проводить в селах для организации продовольственного снабжения отряда. Однажды, возвратившись из рейда, он сообщил, что в большие имения

помещиков завозятся фашистами уборочные и молотильные машины, а крестьянам из соседних селений и хуторов приказали явиться в распоряжение помещиков для уборки урожая.

– Надо думать, – закончил товарищ Василий, – весь урожай будут вывозить в Германию.

Решено было воспрепятствовать вывозу хлеба фашистами. Осуществление этого диверсионного акта в имениях, расположенных в районе отряда, происходило следующим образом.

Товарищ Василий выяснил границы помещичьих имений и привлек несколько доверенных крестьян в качестве путеводителей.

Он же установил пункты сосредоточения сельскохозяйственной техники.

Отряд разделился на две группы: одна – под командованием Холодова, вторая – под командованием Мугдаши. Каждая из них к вечеру условленного дня одновременно напала на пункты сосредоточения уборочных машин и уничтожила их. После этого, зайдя с подветренной стороны, в нескольких местах по длине и ширине массивов хлеб подожгли.

Операция была проведена без единого выстрела. Две берданки и одну «централку» без всякого сопротивления и шума сторожа, охранявшие уборочные машины, сдали партизанам. При этом они попросили связать их крепкими веревками, дабы помещики и их немецкие хозяева, увидев их в таком виде, поняли, что они были принуждены внезапно напавшими партизанами.

Пожары, как в ясный день, осветили всю окрестность. Фашисты, засевшие в своих гарнизонах и постах, не сразу разобравшись, в чем дело, почти до утра вели бесцельную «психологическую» стрельбу, создавая обстановку «боя» с крупными силами противника, тогда как эта стрельба лишь прокладывала партизанам «зеленую улицу» и они легко и незаметно уходили от огня.

Товарищ Василий, принимавший участие в составе группы Мугдаши, был очень доволен результатами операции и произведенным эффектом, о чем он доложил руководству по установившейся связи, после того, как группы соединились на месте дислокации.

Однако в последующие дни фашисты, дезориентированные вначале внезапностью нападения партизан, пришли в себя и стали принимать всевозможные меры по ликвидации партизанской, как они считали, группировки: повсеместно увеличивалась не только численность постов и гарнизонов, но и их оснащенность. Все они обводились проволочными ограждениями, на окна натягивались металлические сетки, чтобы в них нельзя было бросить гранату. Строились даже дзоты.

Наконец, показали свое подлинное лицо и «Сикорчаки» – представители так называемого «освободительного движения», которых почему-то не устраивали активные действия партизан. Выставленные отрядом дозорные дважды докладывали о том, что они, трусливо прячась, стреляли из засад в партизан во время их ночных переходов. Это вызвало особое беспокойство отряда, ибо подобное предательство могло стать причиной серьезной опасности для партизан.

В связи с этим организация компартии предложила отряду держаться ближе к реке Буг, чтобы на случай каких-либо неожиданностей можно было форсировать ее и перейти на советскую территорию.

В последних числах августа над лесом, где гитлеровцы предполагали местонахождение партизан, стали кружиться две фашистские рамы, стараясь засечь партизанские стоянки. Это вынудило отряд тщательно замаскироваться. Кроме того, по сообщению товарища Василия, который на несколько дней отлучался из отряда, стало известно о том, что фашисты готовят крупную карательную операцию по лесам Надбужья. И в этой связи, поскольку в этом регионе крупных лесных массивов не было, организация компартии посчитала, что отряд находится под угрозой и предложила парти-

знам перейти через Буг и обосноваться на советской территории.

Предложение компартии было обсуждено на отрядном собрании и принято решение подготовить переправу через Буг. Поскольку река эта охранялась фашистами как граница и обладала к тому же бурным течением, партизаны при помощи товарища Василия и его связных три дня вели разведку всех возможных пунктов переправы. Решили организовать ее южнее местечка Шацк – на территории Западной Украины, где некоторую опасность представляли националистические группы бандеровцев.

Среди ночи, в безлунное время, партизаны, соблюдая все меры предосторожности, подошли к Бугу. Вначале на другой берег отправили на разведку двоих, чтобы узнать там обстановку. И только после того, как дозоры отряда осмотрели прилегающую территорию у берега реки и дали условленный сигнал, партизаны, оставив троих в охране, цепочкой вошли в реку и тихо поплыли к впередсмотрящим.

Неожиданно, в то время как партизаны находились почти на противоположном берегу, фашистский дозор с одного поста выпустил осветительную ракету и дал несколько коротких очередей из пулемета трассирующими пулями. Однако по тому, что эти очереди были направлены в обе стороны вдоль реки и быстро прекратились, партизаны поняли, что их не обнаружили и выстрелы эти являются «дежурными».

День провели в глубине леса. Вечером, еще засветло, двинулись на северо-восток, взяв курс на территорию Белоруссии. Как назло, начался проливной дождь. Одежда и обувь размокли, идти стало тяжело. Прошел час, другой – дождь не прекращался. Превозмогая усталость, они шли дальше, ибо останавливаться было опасно – еще днем, при входе в чащу леса, дозорные сообщили, что партизан заметили, и Мугдаши решил увести отряд как можно дальше от возможных преследователей. Лишь к утру решили остановиться. Дождь

перестал, в лесу пахло сыростью, тучами вились комары. Не привыкшие к длинным переходам, люди валились с ног и засыпали тут же, на мокрой земле. Однако, памятуя о преследовании, Мугдаши направил в разные стороны разведчиков, которым было поручено выяснить, не идут ли следом каратели, какова обстановка в деревнях и нельзя ли где-нибудь достать продуктов.

Хотя леса здесь и раскинулись на десятки километров, все же сплошных массивов было мало, через каждые шесть–восемь километров попадались хутора и деревеньки, затем – поле, а потом опять лес.

В середине дня один из разведчиков доложил, что в соседнем селе местные жители обещали продуктов на весь отряд и нужны люди, чтобы принести их к стоянке. Мугдаши, удивившись такой щедрости, отправил с разведчиком еще десять партизан из группы Шевчука, но строго предупредил их быть предельно осторожными. И не напрасно. Едва они, крадучись, вышли к опушке леса, у края села, как лицом к лицу столкнулись с группой из шести человек, вооруженных автоматами и винтовками. Это были местные бандеровцы. Увидев партизан, они начали было принимать положение к бою, но партизаны опередили их и, не дав им снять оружие с ремней, приставили к их груди дула винтовок и предложили сдаться. Разоружили моментально: два автомата ППД и четыре винтовки оказались в руках партизан.

Однако поведение бандеровцев показалось всем странным. Во время допроса они все время оглядывались по сторонам, отвечали пространно, не проявляя особого беспокойства. Партизаны заключили, что они ждут подхода остальных бандитов, и приняли решение возвратиться обратно, не заходя в село. Изменив маршрут, они двинулись другим путем, оставив пленных в лесу связанными и с кляпом во рту. Село, в которое они хотели попасть вначале, обошли с востока и зашли в попавшийся на пути хутор напиться воды и устроить короткий привал.

Воспользовавшись привалом, партизаны обсуждали подробности разоружения бандеровцев, а Мугдаши обратился с вопросом к хозяину хутора, который выносил из кладовой продукты и молча прислушивался к разговору партизан.

– Товарищ, не скажете ли вы, есть ли в Шацке немцы?

– Скажу, товарищ, – ответил он. – Есть в Шацке немцы и очень много их. Вам лучше всего обойти Шацк с востока, прямо лесом выйдете на шоссе, – затем, подумав немного, добавил: – Как я слышу, вы, значит, столкнулись с «бульбовцами». Видно, хлопцы, сам бог заставил вас выйти из леса засветло, иначе они бы вас побили начисто из засады. То село, где вам обещали продукты, – их база, сельчане, видно, приняли вас за «бульбовцев» и хотели дать вам продуктов.

Этот крестьянин явно не был сторонником националистической идеи борьбы за «Великую самостийную Украину», которая была в то время распространена на этой территории. Националисты избрали своей эмблемой «трезуб» бесславного Петлюры и восприняли у фашистов манеру приветствовать друг друга вытягиванием вперед правой руки. Хуторянин рассказал партизанам о нескольких случаях, когда эти, как он их называл, «бульбовцы», узнав через своих связных о переправе через Буг партизан, выслеживали их, чтобы беспощадно расправиться с ними.

После услышанного Мугдаши долго не мог простить себе упущенную возможность уменьшить число этих отщепенцев хотя бы на те шесть человек, которые им встретились в лесу. Единственным утешением была мысль, что они оставили их связанными и с кляпом во рту в том лесу, возможно, навсегда.

Форсированным маршем партизаны двинулись по указанному крестьянином пути с тем, чтобы до рассвета перейти через шоссе, и уже утром следующего дня отряд отдыхал на белорусской земле. Затем двинулись дальше, чтобы в каком-нибудь насе-

ленном пункте получить необходимые сведения о расположении врага. Жители села Радеж Малоритского района Брестской области, куда отряд вступил, выйдя из леса, приняли их как родных и, собрав по хатам что возможно было из съестного, накормили партизан. Через несколько минут, после того как люди Мугдаши поели, подкатила тачанка с тремя партизанами. Одного из них, который был одет в кожаную тужурку с автоматом на груди и пышными усами, все величали «товарищем командиром». Правда, некоторые из стариков позволяли себе называть его просто Потеем.

В беседе с жителями села Мугдаши удалось узнать, что Потей вступил в члены коммунистической партии еще до воссоединения Западной Белоруссии. В годы Советской власти был избран председателем сельского Совета. Когда фашисты вероломно напали на Советский Союз и вступили на его землю, товарищ Потей ушел в лес во главе малочисленной группы таких же, как он, патриотов и этим положил начало партизанщине в этом районе. Большой лесной массив, отдаленность пунктов (Малорито и Домачево) расположения фашистских оккупационных властей и гарнизонов охраны позволяли обеспечивать безопасность партизанам, которые были, в основном, выходцами из тех же мест. Со временем к этой группе постепенно примыкали советские воины, оказавшиеся в окружении и блуждавшие в лесах, бежавшие из плена. В июне 1943 года товарищу Потее, в связи с малограмотностью и отсутствием военных знаний, пришлось уступить пост командира отряда капитану Каткову Виктору Владимировичу.

Однако население сохранило за Потеем должность почетного командира, и он только и делал, что неутомимо разъезжал по селам, решал спорные вопросы сельчан, собирал собрания и произносил речи о положении на фронтах, о зверствах фашистов, о роли партизан, а значит и всего народа, в борьбе с ненавистным врагом – по существу продолжал осуществлять обязанности представителя Советской власти.

На следующий день Мугдаши со своим отрядом в сопровождении товарища Потя прибыли в партизанский лагерь отряда им. Жукова, бригады им. Ленина, Брестского соединения. Это было 23 августа 1943 года. Тогда еще отряд им. Жукова был немногочисленным. Вооружение тоже оставляло желать лучшего – его огневая мощь состояла из двух ручных и одного станкового пулеметов, трех или четырех автоматов, остальное – винтовки. Помимо капитана Каткова в отряде находился еще один офицер – молодой лейтенант Болдырев Стах. Короче говоря, отряд был еще в стадии формирования, и слияние двух отрядов несколько ускорило этот процесс.

Приказом по соединению Мугдаши Яхьяевич Хизгилов был назначен заместителем командира отряда. Другие офицеры были назначены командирами рот и взводов.

В течение первой недели пребывания уже в новом отряде Катков и Мугдаши объединили его зону влияния, побывав во всех селах и хуторах. Эта поездка убедила Мугдаши, что численность отряда не ограничивалась теми, кто находился под ружьем в лесу. Смело можно было назвать партизанами все население района, – так тесно оно было связано с отрядом и оказывало ему всяческую помощь. Очень многие из молодежи настойчиво просили командира зачислить их в отряд. Но не все просьбы их удовлетворялись из-за недостатка оружия.

В то время, пока командиры были заняты знакомством с зоной, в отряд были доставлены из штаба бригады мины и толовые шашки для совершения диверсий на железных дорогах. Каткова и Мугдаши вызвали в штаб бригады, где им были поставлены первоочередные задачи. В последних числах сентября 150 партизан, снабженных толовыми шашками и спичками или зажигалками, вышли на железную дорогу Брест – Ковель. Руководил ими Мугдаши Хизгилов. Ночью вдоль дороги по обе стороны выставили по десять человек,

остальные 130 встали по одному человеку у каждого рельса одной и той же линии дороги. По сигналу подожгли фитили и спустились с полотна в укрытие. Через пару минут открылась такая канонада взрывов, что земля задрожала. Проверка показала, что из 125 подложенных шашек взорвались 123, оторвав от каждого рельса куски по 30–50 сантиметров в более чем 100 местах. Железная дорога на несколько недель была выведена из строя.

Вскоре после того, как фашистские рабочие батальоны отремонтировали дорогу и фашисты, успокоившись, доложили своему командованию об этом, отряд повторил эту операцию с меньшим успехом, чем привел начальника гитлеровского гарнизона в бешенство.

В течение всего октября командиры усиленно обучали и комплектовали диверсионные группы из пяти–семи человек, снабдив их минами, отправляли на железные и шоссейные дороги. Поезда с воинскими эшелонами и автомашины на шоссейных дорогах летели под откос и в воздух одни за другими. Когда же в отряде стали изготавливать настоящие мины – нашлись способные пиротехники, успешно их изготавливающие из взрывчатки неразорвавшихся бомб, – фашистам вообще не стало покоя, в прямом смысле у них под ногами горела земля. Правда, такого рода самодельными минами приходилось подрывать, сидя в засаде вблизи от места взрыва, дерганием протянутого от мины шнура, что было не совсем безопасно для подрывников. Очень часто на диверсантов летели осколки. Кроме того, они подвергались обстрелу со стороны выпавших из неповрежденных вагонов фашистов. Но приходилось мириться с этим, поскольку другого выбора пока не было.

На шоссейных дорогах диверсии принимали и другие формы: усеивали дорогу специально изготовленными гвоздями, от которых лопались автопокрышки, и машины вынуждены были останавливаться в

этом месте на длительное время, становясь мишенями для обстрела партизан.

Активные наступательные действия партизан в тылу вызывали в стане фашистов страх, и они были вынуждены принять, в свою очередь, оборонительные меры:

- стали вырубать лес на 50–70 метров по обе стороны дорог;

- усилили охрану дорог многочисленными группами патрулей;

- впереди эшелонов пускали паровоз с двумя–тремя порожними вагонами;

- продвигались на минимальных скоростях.

На эти меры предосторожности гитлеровцев, партизаны нашли новые, еще более изощренные формы борьбы:

- без шума и выстрелов снимали патрулей, переодевались в их форму и, занимая положение за тридцать–пятьдесят метров от заложенных мин, приветствовали колонну немцев. Те проезжали и взрывались, а партизаны добивали оставшихся в живых;

- пропускали передний паровоз с пустыми вагонами, потом уже дергали за шнур, взрывая эшелон. Через некоторое время взрывали и первый поезд, оставляя фашистам лишь разбитые паровозы и вагоны.

Командование партизанского соединения, оценив активную диверсионную деятельность отряда им. Жукова, приказало основательно «оседлать» железную и шоссейную дороги Брест – Ковель. Такое же задание получил и соседний отряд им. Ворошилова.

В довершение всего были взорваны и уничтожены мосты. Пока фашисты, мобилизовав для своей безопасности огромные силы, восстанавливали мосты, партизаны, не теряя времени, рыли во многих местах дороги, котлованы и траншеи, обстреливали команды саперов врага, создавая невыносимые условия для их работы. В результате этого фашисты уже в ноябре месяце отказались от эксплуатации шоссейной дороги и до минимума свели перевозки по железной дороге,

потеряв за короткое время большое количество живой силы и техники.

Приказ командования был в основном выполнен.

Теперь предстояло решение другой, не менее важной задачи – создание резерва оружия и увеличение численности отряда, поскольку предстояли новые, еще более масштабные бои с врагом. В третьей декаде октября «жуковцы» совместно с «ворошиловцами» начали подготовку для нападения на железнодорожную станцию Домачево. При помощи связных отряда были тщательно изучены наиболее верные подступы к станции и постам охраны. Для осуществления этой операции отобрали 70 партизан и ночью 29 октября 1943 года одновременно со всех сторон окружили и уничтожили несколько десятков фашистских солдат и офицеров, немецкий персонал служащих, которые также были вооружены. Составы поездов и станция горели. В результате этой операции вооружение отряда пополнилось тремя скорострельными пулеметами, четырьмя автоматами и несколькими десятками винтовок и пистолетов.

На этот раз фашисты поняли, что в войну с ними вступили не разрозненные группы вооруженных винтовками людей, а соединение партизан, готовое дать им настоящий бой. И они в очередной раз бросили на партизан огромные силы: авиацию, танки, минометы и полк вооруженных автоматами солдат. Однако все попытки найти и уничтожить народных мстителей им не удалось. Постреляли, побомбили, успокоили души и вернулись ни с чем. Они и предположить не могли, что в скором времени их ждут еще большие потери.

В ноябре 1943 года, через месяц после разгрома станции Домачево, партизаны сформировали специальный разведзвод для изучения возможности нападения на гарнизон Шацка и в скором времени получили следующие разведданные:

– численность гарнизона составляет не менее 600 человек, а иногда за счет транзитных войск доходит до одной тысячи и более;

– подступы охраняются постами, размещенными в бункерах;

– казармы, в которых размещаются солдаты и офицеры, расположены по обе стороны от шоссе, по которой ночью ходят патрули;

– при гарнизоне есть склады оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия, до ста верховых лошадей, 30–40 войсковых пароконных фургонов и около 10 автомашин.

По полученным данным была составлена точная карта расположения объектов гарнизона, которая до самого дня начала операции систематически уточнялась.

Отряд, подсчитав свои возможности, мог выставить на эту операцию не более 300 человек, из которых необходимо было 60 человек выделить для заслонов по обеим сторонам дороги от Шацка, на случай, если понадобится задержать возможный подход подкрепления фашистам. Этим же засадам ставилась задача – не дать возможности отступления войск гарнизона.

Нападение на гарнизон было намечено совершить в ночь на 30 ноября 1943 года.

К каждому посту были высланы по пять человек, которые должны были незамеченными подползти к бункерам, если окажется возможным, убрать охрану без шума, а если нет, взять на прицел и открыть огонь только после того, как основная нападающая группа завяжет перестрелку или будет обнаружена врагом. Кроме того, были выделены специальные группы по захвату складов, выносу и погрузке трофеев на фуруны. После установленного для отбоя сигнала ракеты эти же группы должны были поджечь помещения складов.

Капитан Катков во главе 50 человек должен был захватить участок расположения конюшен и подготовить транспорт для подачи его к складам, одновременно уничтожив парк автомашин.

На Мугдаши же было возложено командование ударной группой и группами захвата складов, числен-

ность которых в общей сложности составляла 170 человек. Они должны были ползком просочиться между бункерами в расположении гарнизона и осуществить нападение внезапно.

Главное отделение отряда совершенно незамеченным вошло в Шацк и достигло было расположения казарм гарнизона, когда неожиданно столкнулось лицом к лицу с вышедшим из-за одного дома патрулем врага. Несколько преждевременно завязалась перестрелка. Оценив обстановку, Мугдаши приказал силами двух пулеметов подвергнуть непрерывному обстрелу центральную дорогу между казармами. Партизаны, по заранее обговоренному порядку, ворвались в расположение казарм. Бой продолжался несколько часов. Появившаяся на автомашинах со стороны города Влодова помощь гарнизону была рассеяна внезапным обстрелом группы заслона. Дважды в этих боевых операциях жизнь Мугдаши висела на волоске: в первый раз он чуть не был убит выскочившим из казармы в одних подштанниках фрицем, а второй раз в него готов был выстрелить гитлеровец-толстяк, выбежавший из горевшего дома. Не успел тот прицелиться из своей винтовки, как был убит очередью из автомата оказавшимся здесь Мирзой.

Группы хорошо справились со своими заданиями. Итоги этой операции были следующими:

- убито 200 фашистских солдат и офицеров, не считая потерь нарвавшегося на засаду партизан подкрепления гитлеровцев;

- 102 солдата и офицеров взято в плен;

- количество раненых подсчитать не удалось;

- захвачено тридцать немецких фургонов, нагруженных оружием (минометами, пулеметами, винтовками, автоматами), боеприпасами, обмундированием, продовольствием, а также восемьдесят верховых лошадей с совершенно новыми седлами и сбруей;

- подожжены и уничтожены склады (оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия), служеб-

ные помещения, казармы, конюшни, четыре автомашины.

Собрав своих раненых и убитых, партизаны примерно за час до рассвета вышли из Шацка и более чем километровой вереницей двинулись к своей зоне. На обратном пути бандеровцы попытались было обстрелять головную колонну партизан из засады, однако, получив отпор боевого охранения отряда, трусливо разбежались, оставив своих раненых и убитых.

В последующие три-четыре дня фашистские самолеты, в отместку за разгром Шацкого гарнизона, подвергли бомбардировке леса и села в зоне отряда, но принятыми мерами удалось избежать жертв.

Теперь наличие достаточного количества оружия позволило удовлетворить просьбу большого числа желавших вступить в отряд жителей из многих сел. Численность отряда превышала уже шестьсот человек.

Поскольку немцы вынуждены были отказаться от эксплуатации шоссейной дороги и ограничить перевозки по железной линии Брест – Ковель, до полутора десятка сел вышли из сферы влияния фашистов и считались партизанскими. Стала задача обеспечения их должной властью, дабы не допустить там анархии. Поэтому командованием партизанского соединения было принято решение учредить в каждом таком населенном пункте комендатуру в составе трех партизан, которые не только исполняли обязанности партизанских постов, но и осуществляли функции сельских советов. Для этого комендатуры комплектовались из числа наиболее грамотных и умеющих самостоятельно принимать решение партизан, а чтобы они чувствовали себя в безопасности в закрепленных за ними селах, вблизи всех пунктов «жуковцы» выставили заслоны, особенно там, где дислоцировались вражеские гарнизоны. Эти же заслоны держали под своим неослабным контролем все дороги, ведущие в партизанскую зону. Таким образом, между заслонами и лагерем отряда при помощи конных связных поддерживалась ежедневная связь.

В течение декабря месяца фашисты, обеспокоенные потерей своего влияния, дважды делали попытки пройти через территорию отряда, но встреченные мощным огнем партизан, неся большие потери, возвращались восвояси.

Отрядом была также налажена связь с населенными пунктами, где существовали вражеские гарнизоны. Из этих пунктов постоянно поступали сведения о передвижениях, скоплениях, а иногда даже о намерениях фашистов. Диверсионные группы ни на день не прекращали боевые действия, нанося чувствительные удары по врагу.

Во второй декаде декабря партизанам отряда стало известно, что фашисты специальным поездом под охраной 30 солдат и офицеров, помещенных в особо укрепленном вагоне, везут сюда, в Шацк, рабочих для разработки и вывоза леса.

– Только этого не хватало! Вывозить лес из-под нашего носа! – возмутились партизаны, узнав об этом. Решили отбить охоту у фашистов грабить чужое добро.

Во главе 50 хорошо вооруженных партизан и одной диверсионной группы Мугдаши был направлен в наиболее удобный для засады район дороги. Диверсанты подложили мину, протянули шнур от мины до окопчика в кустах и замаскировали все ветками. День выдался на редкость холодный, а до подхода поезда оставалось еще более часа времени. Партизаны, продрогшие на морозе, попросили разрешения побегать малость, чтобы согреться. И вдруг – взрыв! В результате неосторожности один из «гревшихся» партизан задел ногой протянутый от мины шнур и взорвал его. Большой кусок рельса был оторван от линии и далеко выброшен, а территорию вокруг подорванного места дороги в радиусе 30–40 метров было не узнать – вместо белого снежного покрова вокруг была черная вывороченная земля.

«Неужели сорвалась спецоперация? – со страхом подумал Мугдаши. – Нет! Нельзя допустить этого». До

появления поезда еще оставалось достаточно времени. Мугдаши приказал всем снять шинели и полушубки и таскать в них из леса снег, чтобы посыпать поврежденный взрывом участок дороги. Через пятнадцать минут место взрыва было замаскировано так, что даже пеший не заметил бы повреждение дороги, не говоря уже о пассажирах проходящего поезда. Теперь уже несколько ближе по ходу поезда была подложена вторая мина, и партизаны заняли свои места. Расчету крупнокалиберного пулемета, недавно снятого партизанами со сбитого фашистского самолета, было приказано после первой очереди по паровозу перенести огонь на укрепленный вагон с амбразурами.

Вот и поезд. Впереди паровоза две платформы, на первой установлен пулемет, дулом направленный по ходу поезда, и рядом три немца. К тендеру паровоза прицеплены два крытых товарных вагона – для рабочих, затем вагон с амбразурами – для охранников. Взрыв мины сбил с дороги переднюю часть паровоза, из которого с шипением и свистом вырывался наружу пар, а из тендера били струи воды – следы бронебойных пуль крупнокалиберного пулемета. В течение пяти минут партизаны сосредоточили огонь на вагоне с фашистами, из которого успели дать только две пулеметные очереди. Подошедшие к вагону партизаны начали было открывать дверь, как из глубины вагона застрочил автомат. Брошенная вовнутрь вагона граната «успокоила» и автоматчика.

Были убиты 24 солдата, два унтер-офицера и три офицера. Последние, видимо, совершали увеселительную поездку со своими «куколками», которые и мертвые были румяны, поскольку наложили на свои крахмальные лица всякой косметики.

Трофеи: три пулемета, два автомата, девятнадцать винтовок и пять пистолетов.

Один солдат был взят в плен. Его случайно обнаружили живым среди убитых фашистов. Он лежал ничком на обочине и, когда один из партизан хотел снять с

него новые сапоги, вдруг приподнял голову и, выпучив глаза, уставился на партизана. Последний выпустил из рук его ногу и воскликнул:

– Живой! А ну-ка вставай, фашист!

Его обалделый вид до того рассмешил партизан, что решено было взять его в «пленный лагерь» отряда.

Собрали всех рабочих, из которых, к сожалению и огорчению партизан, один был убит и четверо ранены и, наказав им более не работать на фашистов, отпустили, посоветовав устроиться до окончания войны в соседних селах.

Изуродовав паровоз и уничтожив вагоны, партизаны к вечеру направились на свою базу. Уходить надо было немедленно, так как вызванное фашистами подкрепление могло появиться в любую минуту и тогда группе пришлось бы туго. Шли гуськом, ступая точно след в след, оставляя за собой одну-единственную дорожку, по которой даже опытному следопыту трудно было бы определить, сколько прошло здесь людей. Осторожность и внимательность – первейшие заповеди партизан.

Шли молча, слух напряжен, хотя дозорные ушли вперед и охраняют движение группы. Кроме того, колонну замыкают трое бойцов, маскирующих следы таким образом, чтобы складывалось впечатление о продвижении здесь стаи волков. По тому, как побагровев, засветились головы сосен и устремленные в небо шпили елей, стало ясно, что солнце уходит за горизонт и ночь обещает быть ясной и морозной.

Темнело. Остро и холодно засверкали первые звезды. Заметно исчезали во тьме деревья. По их вершинам прошелся свежий ветер, отчего лес неожиданно ожил и зашумел.

Где-то, теперь уже вдалеке, явственно слышались звуки выстрелов и грохот взрывающихся снарядов – это подоспевшие каратели, боясь вступить в лес, обстреливали его вдоль всей железнодорожной колеи, где мертвенно застыли, словно огромные чудовища, тела паровоза и вагонов.

Гитлеровское командование, крайне обеспокоенное, с одной стороны, провалом многих операций на фронтах и вынужденным отступлением с захваченных территорий, с другой стороны, было весьма встревожено действиями партизан в тылу, в невидимой и самой болезненной части фашистского организма. Неожиданные удары партизан – уничтожение постов и гарнизонов, рельсовая война, в результате чего под откос шли поезда с живой силой и техникой, продовольствием, хлебом и скотом, наносили серьезный урон гитлеровской Германии. На этот раз фашисты решили изменить формы и методы борьбы, так сказать, стали действовать «по-партизански».

Однажды зимой 1943 года в зону отряда пришла красивой внешности женщина. Она говорила, что является крестьянкой, но ее речь и весь облик выдавали в ней городскую женщину. Обращало на себя внимание, что, попав в лагерь совершенно случайно, якобы заблудившись в лесу, она тут же стала кокетничать с допрашивавшими ее командиром отряда и начальником особого отдела. Как раз в эти дни в отряд поступило из штаба соединения сообщение о том, что в Бресте фашистами подготовлена группа девушек, зараженных венерическими болезнями, для засылки в партизанские отряды. Задача их была несколько необычной – вызвать в отрядах заболевание и таким образом деморализовать партизан. Естественно, неожиданно явившаяся гостья вызвала подозрение командования отряда. Во время допроса она очень скоро запуталась и давала весьма противоречивые показания. Тем не менее пыталась нахально отрицать, что имеет специальное задание фашистов. Командование отряда решило не рисковать, и подозрительная гостья была обезврежена.

Бывали и такие случаи: местные жители «находили» в местах прошедших боев ящики – жестяные

оцинкованные коробки с патронами для винтовок советского образца. Выяснилось, что эти патроны были изготовлены со специальными пулями, которые при выстреле застревали в канале ствола винтовки и пороховые газы отдавали назад, выбивая затвор в направлении стреляющего. При этом выходили из строя не только винтовки или пулемет, но создавалась угроза жизни стрелка. Этот сюрприз был подготовлен гитлеровцами специально для партизан. Поэтому партизанам приходилось проявлять максимум осторожности – проверять каждый ящик с патронами, которые поступали от местного населения или же находили сами в местах сражений 1941 года. К счастью, в отряд им. Жукова эти коварные боеприпасы не попадали.

Партизаны, в свою очередь, тоже не оставались в долгу, они были горазды на всякие выдумки. Участвовавшие диверсии на железных дорогах заставили оккупантов принимать всевозможные меры для обеспечения безопасности движения поездов. Одна из них заключалась в том, что на дорогах постоянно патрулировали с некоторым интервалом группы вооруженных солдат, в обязанность которых входила не только охрана дороги, но и обнаружение подложенных партизанских мин и обезвреживание их. Частенько это им удавалось. В результате шли насмарку не только сопряженные с большим риском усилия партизанских диверсантов, но и мины, которые были у партизан на вес золота.

Один из партизан – большой мастер на всякие выдумки, нашел выход: подложив мину на дороге, он затем «обкладывал» ее, отправив свои естественные надобности поверх мины, и только после этого маскировал щебнем и гравием. Другие его напарники проделявали то же самое в нескольких местах по ту и другую сторону от мины.

Фашисты, обнаружив подозрительное место на дороге, приступали к разминированию, соблюдая при этом все необходимые меры предосторожности, раз-

гребая наброшенный сверху гравий, их пальцы попадали в какую-то «кашицу». Разобравшись, что это за «кашица», брезгливо отдергивали руку, воскликнув «Шайзе!», и, оставив место без дальнейшей проверки, под хохот остальных своих сослуживцев уходили дальше. Однако очередной состав поезда все же шел под откос именно на том месте. Партизаны же, радуясь своей выдумке, приговаривали: «Пусть думают, что все партизанское взрывается».

В начале зимы из-за Буга в отряд прибыла группа партизан численностью свыше 20 человек. Командир группы сообщил, что в городе Гжехове (Польша) фашистами организован концлагерь, где сосредотачиваются «неблагонадежные» граждане из оккупированных фашистами западных стран. Подступы для нападения на лагерь благоприятны и можно быстро разгромить охрану и распустить узников.

Была составлена схема расположения концлагеря, постов охраны и путей подхода. Детально изучив обстановку и наилучшие варианты нападения, решили сделать попытку освободить пленных людей. С этой целью были отобраны 200 хорошо вооруженных партизан во главе с командиром роты лейтенантом Артавасом Аракелянцем. Дополнительно ему были даны следующие указания:

1. Освобожденных с собой не брать, а все трофейное оружие передать им для ведения, при желании, партизанской борьбы.

2. Все строения и сооружения концлагеря уничтожить.

3. На обратном пути заглянуть в помещичьи имения и все, что приготовлено ими для войск рейха, погрузить на реквизированный у них транспорт и доставить в отряд, воспользовавшись тем, что река Буг замерзла.

Лейтенант Аракелянц блестяще справился с этой задачей. Были уничтожены до 40 фашистов охраны лагеря и освобождены его узники. Им выдали винтовки и продовольствие. Сам лагерь подожгли.

Командование отряда понимало, что необходимо серьезно заняться решением продовольственной проблемы не только для личного состава, но и для населения зоны. Фашистские бомбардировки сел не только лишали крестьян крова, но и без того скудного запаса продовольствия. Их дети были до того истощены, раздеты и разуты, что у партизан сердца сжимались, глядя на них.

Женщины сутками сидели в наспех вырытых и сырых землянках и при тусклом свете лучины ткали из льна полотно, чтобы прикрыть свою и детей наготу. Каждый из партизан на всю жизнь вынес в своих сердцах героический образ женщины партизанского подполья, матери, что растила детей в нечеловеческих условиях.

Мужчины же, в основном старики и подростки, от зари до сумерек не выпускали из рук лопату, переворачивая постную песчаную почву – авось она вознаградит чем-нибудь за усердное внимание человека к ней. Ведь удобрять-то ее было нечем. Скот или угнан в первые месяцы оккупации, или побит фашистскими бомбами. Бывало, посещая какую-нибудь землянку, партизаны не могли воздержаться, чтобы не спросить:

– Трудно, наверное?..

– Что поделаешь, товарищ, война же, всем трудно. Ничего, потерпим, будут кости – нарастет и мясо, – отвечали люди.

Ропот и жалобы на судьбу в эти суровые дни были чужды мужественному и честному белорусскому народу, который, как один, встал на защиту отечества от фашистских извергов.

Священник Олтушского прихода при появлении фашистов вблизи села взял за руку свою «матушку» и, бросив все свое состояние и «божий дом», ушел в лагерь к партизанам, увлекая за собой и своих прихожан. Таким образом, он спас от разбоя гитлеровцев детей, женщин и стариков своего села.

А его проповеди! Это были призывы к священной борьбе с ненавистным врагом!

Видя эту стойкость и мужество белорусского народа, партизаны отряда словно заряжались от них и становились вдвойне сильнее.

Итак, для решения продовольственной задачи партизаны были вынуждены избрать три источника:

1. Прежде всего, реквизировать все, что предназначалось фашистам.

2. Практиковать рейды за Буг в помещичьи имения, где все бережется и откармливается для гитлеровских войск.

3. Практиковать рейды в националистические районы Украины, которые вдоволь награбили имущества у истребленного ими же русского, польского, белорусского и еврейского населения этих районов и к которым гитлеровцы благоволили, как к своим братьям, не облагая их никакими контрибуциями.

Использование бандеровцев против партизан – одно из звеньев в цепи хитроумной программы гитлеровцев – бить врага чужими руками. Поэтому первый «визит» к бандеровцам партизанами был нанесен в январе 1944 года всем боеспособным составом отряда – до 700 человек. Партизанам, повидавшим горе и муки польского и белорусского народов, представилась картина поразительного благополучия, словно кругом не было никакой войны: в селах, где все хаты были целенькими и ухоженными, в каждой мирно паслись по три–четыре коровы, по несколько голов овец, откармливались тяжеловесные кабаны, кладовые набиты салом, крупами, мукой, пшеницей, рожью, всевозможными овощами. Было видно, что фашисты милуют «ясновельможных» панов-бандеровцев. И неслучайно, ибо много у бандеровцев заслуг перед гитлеровцами: кого бьет фашист, того не щадит и бандеровец. А раз так, то и их щадить не надо, решило командование партизан.

Два больших села, куда неожиданно пришли партизаны отряда им. Жукова, совершенно без ущерба для своих хозяйств «дали» партизанам до сорока под-

вод продовольствия, свыше ста дойных коров, много свиней и овец. Значительно больше половины этого «дара» было отдано «жуковцами» беднейшим хозяйствам крестьян партизанской зоны.

Положение населения партизанского района заставляло отряд еще дважды «навесить» разные села бандеровцев.

В хитроумный план гитлеровцев – бить партизан чужими руками – входило еще использование подразделения мадьярских войск. В первой половине февраля 1944 года мадьярские подразделения численностью от пятидесяти до ста человек стали часто и безнаказанно грабить села, расположенные вблизи города Малорита. Естественно, партизаны отряда не могли остаться в стороне, делать вид, будто ничего не происходит. Терпеливо в течение нескольких дней подряд партизаны проводили в засадах, выжидая повторного появления мадьяр. Наконец, ожидания партизан были вознаграждены. Как будто чувствуя беду, мадьяры, не доходя шагов двести до партизанской засады, свернули с дороги и пошли полем. Упускать их было нельзя, и партизаны открыли огонь. Сообразив в чем дело, мадьяры залегли и открыли ответный ожесточенный огонь. Поняв, что таким образом врага не взять, партизаны пошли на хитрость: всех партизан, одетых в немецкую форму, человек тридцать пять, отделили и во главе с Шевчуком направили обходным путем в расположенную на правом фланге мадьяр рощу, где до их боевой группы было метров 500. Шевчуку была поставлена задача, достигнув позиции мадьяр, подвергнуть ложному обстрелу позицию партизан и таким образом заманить врагов в ловушку. И если мадьяры клонут на этот маневр, подпустить их как можно ближе, а затем обстрелять.

Маневр удался как нельзя лучше. Мадьяры, испытав силу огня партизан, были, видимо, чрезвычайно рады появлению помощи со стороны немцев и, не долго думая, стали короткими перебежками идти на со-

единение с «немцами». А люди Шевчука, подпустив их на 40–50 шагов открыли по ним убийственный огонь. Из 80 защитников фашистов в живых остались только 17, среди которых было два офицера. Все они подняли руки и сдались.

После допроса пленных в штабе отряда было решено одного из них, раненного в руку, отпустить обратно с наущением не чинить в дальнейшем местному населению вреда, ибо, в противном случае, всех будет ждать жестокая кара партизан.

С каждым днем численность, огневая мощь и активность партизанских отрядов возрастала. Оккупантам полностью принадлежали лишь Брест, Малорита и Домачево, в которых они вынуждены были держать крупные гарнизоны и укрепиться по-фронтовому. Каждая их попытка, пусть даже крупными силами, проникнуть в партизанские села, наталкивалась на умело организованное сопротивление партизанских отрядов им. Жукова и им. Ворошилова, и фашистам приходилось убираться восвояси, неся большие потери.

Не давали им желаемых результатов и периодически проводимые в течение нескольких суток блокады – облавы в лесных массивах, с привлечением целых войсковых соединений почти всех родов (пехота, артиллерия, танки и авиация). Партизаны, осведомленные через своих связных о намечаемых карательных акциях врага, были всегда готовы к ним и умело проведенными маневрами избегали столкновения с во много раз превосходящими силами противника.

Как правило, итогом этих тщательно «подготовленных» генералами операций бывало только то, что фашисты, бесцельно израсходовав огромное количество боеприпасов и горючего, убегали из леса. Но неизменно после каждой такой операции объявлялось в печати, что «сталинские бандиты» на треугольнике Брест – Малорита – Домачево полностью уничтожены. При этом приводились «точные цифры уничтоженных бандитов». Однако через пару дней после экстренного

сообщения в печати немецкими властями об «уничтожении бандитов», последние «оживали» и с удвоенной силой активизировали свои действия.

Неизгладимой в памяти Мугдаши осталась встреча с легендарным партизанским командиром Медведевым. Случилось это в начале 1944 года при довольно неожиданных, даже чрезвычайных обстоятельствах. Дело в том, что отряд особого назначения «медведевцев» действовал в зоне отряда им. Жукова. Одновременно с отрядом Медведева в эту же зону проникла группа советских военнослужащих, которой командовал генерал-майор Семен Захарович Барановский. Группа эта имела особое задание – ее бойцы, одетые в венгерскую форму и владевшие венгерским языком, выдавали себя за часть хортистских войск, воевавших на стороне Германии. Их задача была вести разлагающую работу среди венгерских частей, сосредоточенных на этом участке. Сам Барановский некогда был советским военным атташе в Венгрии и не только в совершенстве знал венгерский язык, но и как истинный мадьяр щеголял знаниями обычаев этой страны.

Группа Барановского была малочисленной и поэтому расположилась на территории отряда им. Жукова, и партизаны обеспечивали ее безопасность. Сам Семен Захарович, бывая в командирской землянке, рассказывал партизанам о своей деятельности до войны и сложной, опасной работе, которую выполняет вот уже почти два года в глубоком тылу у врага, перебрасываясь с места на место по мере продвижения вперед советских войск. Во время одного из таких посещений Мугдаши попросил у Барановского батареи питания к рациям. В отряде они были уже на исходе и связь с Москвой и штабом соединения могла в любой момент нарушиться. Между тем, отряд почти ежедневно передавал в центр важные разведывательные данные. Семен Захарович пообещал прислать нужные отряду батареи для раций. Но возвратившись в отряд после одной отлучки, связанной с выполнением очередной операции,

Мугдаши узнал, что Барановский со своей группой, не уведомив командиров, вдруг совершенно исчез, так и не исполнив своего обещания. А у партизан было свято принято: дал слово – сдержи. Когда Мугдаши узнал новое место дислокации группы Барановского, он сгоряча позволил себе написать ему достаточно резкое письмо и отправил его нарочным. Через несколько дней Мугдаши получил неожиданное приглашение к Медведеву. Вместе с комиссаром отряда В.Лапекой и еще несколькими партизанами они отправились к Медведеву.

Медведев и начальник штаба его отряда В.Лукин радушно встретили их, пригласили к столу, расспрашивали о житье-бытье. Во время этой беседы в комнату вошел генерал Барановский, который по неизвестным причинам перебрался со своей группой к Медведеву. Ни с кем не здороваясь, он недовольно обратился к Мугдаши:

– Ты что это такой дерзкий?

– Не надо было обещать, товарищ генерал. В наших условиях обещаниями недопустимо разбрасываться, – ответил Мугдаши спокойно.

В последовавшей за этим ленивой перебранке Барановский пытался внушить Мугдаши, что никакие обстоятельства не могут оправдать нарушения субординации. Возражая ему, Мугдаши ответил, что помимо необходимости передачи добываемой информации важного характера в центр отряд лишился возможности слушать сообщения из Москвы и, кроме всего этого, в отряде много раненых, которых может потребоваться отправить на Большую землю. Без рации и этого сделать не удастся. Медведев, молчаливо слушавший этот разговор, тихо сказал:

– Каждым человеком надо дорожить, Семен Захарович.

Эта фраза как-то естественно закончила ненужный разговор. Дальше Мугдаши поделился партизанскими новостями, планами на будущее. После почти пятича-

сового пребывания в штабе Медведева они поехали к себе, доставляя в отряд подаренные Медведевым батареи питания для рации.

В эти дни командование Красной Армии готовилось к весенне-летнему наступлению. Разведуправлением Генерального штаба армии были посланы в отряд две группы радистов для передачи необходимых разведданных в Генштаб и штаб Первого Белорусского фронта.

Перед отрядом была поставлена задача:

1. Собрать точные сведения об оборонительных мероприятиях фашистского командования на реке Буг.

2. Обеспечить проникновение партизанских разведгрупп на территорию Польши и представить информацию о характере сооружаемых промежуточных рубежей на территории между Бугом и Вислой и на самой Висле.

3. Выявлять и информировать о скоплениях группировок войск врага на южной и юго-западной частях территории Брестской области.

4. Проследить продвижение войск врага по Брестскому железнодорожному узлу, сообщая номера или опознавательные знаки войсковых соединений, перевозимых как на восток, так и на запад.

Ответственным руководителем по организации и проведению этой работы был назначен Мугдаши. Были сформированы несколько разведгрупп из числа наиболее смелых и имеющих военное образование партизан. Некоторым из них удалось даже выйти в район реки Висла и вернуться со схемой оборонительных сооружений на отдельных участках этой реки. Что же касается реки Буг, то каждый метр ее течения был изучен и подробный план был передан в разведуправление штаба армии.

В городе Брест была создана целая сеть связных, которые сообщали не только номера или опознавательные знаки пропускаемых через железнодорожный узел войсковых соединений врага, но и количество ва-

гонов с живой силой, платформ с техникой в каждом эшелоне в отдельности.

Радисты, очень довольные обилием и ценностью информации, по два или три раза в течение суток разворачивали свои рации, чтобы успеть передать шифровки.

Включительно по апрель 1944 года эти радисты с Большой земли были гостями отряда, а накануне майского праздника самолет поднял их в воздух для переброски на другой участок.

В апреле 1944 года Мугдаши был вызван в штаб соединения. В просторной землянке за широким, сбитым из досок и отшлифованным фуганком столом, сидели четыре уже немолодых человека. Ни фамилий, ни своих званий они не назвали, но приняли Мугдаши тепло и пригласили за стол.

– Вот что, Мугдаши Яхьяевич, – сказал один из них, видно, командир соединения, – долго тянуть не будем, ляды точить времени нет. Из района, знакомого вам по Польше, Бело-Подлязка, к вам в отряд будут доставлены трое членов коммунистического подполья Польши для дальнейшей переправки на самолете в Москву. Вам поручается обеспечить их безопасность до самого взлета. Надеюсь, вы понимаете, что задание это высочайшей ответственности.

– Все будет сделано, товарищ командир! – ответил Мугдаши, вставая.

– Вот и хорошо, – сказал командир, и все сидевшие за столом встали и пожали Мугдаши руку. – В скором времени ждите гостей, подготовьте им место до прибытия самолета. С богом!

Задание в очередной раз было выполнено безупречно. Несколько дней погода не способствовала взлету, а потому польские товарищи были гостями командования отряда и не раз высказывали свое восхищение деятельностью, мужеством и высокой воинской дисциплиной партизан в глубоком тылу врага.

Какое положение в польском подполье занимали эти товарищи, никто не знал, но по тому, какая была

в радиограмме из центра возложена ответственность на командование отряда за обеспечение безопасности этим товарищам, было ясно, что они играют важную роль в организации сопротивления польского народа фашистским оккупантам.

Перед их уходом из зоны отряда, когда они сердечно прощались с партизанами, один из них обратился к Мугдаши, который все дни их пребывания в отряде был предельно внимателен к ним и ни на секунду не оставлял их без своей заботы.

— Не желаете ли передать что-нибудь в Москву? Может, письмо какое родным хотите написать? Я с удовольствием выполню вашу просьбу.

Мугдаши поблагодарил его и, подумав, решил воспользоваться представившейся возможностью. Найдя листочек бумаги, тут же набросал короткое письмо домой. Конверта под рукой не оказалось и адрес, куда надо было переслать письмо, он написал на другом таком же листочке и отдал ему.

После войны, когда Мугдаши вернулся домой, ему показали это письмо. Оно было получено родными в мае 1944 года и несколько смягчило их горе, так как они заодно с погибшим под Ленинградом младшим братом оплакивали и его, поскольку уже более двух лет от него не было никаких известий.

То было после войны, а тогда, в конце марта 1944 года, когда гитлеровцы все еще не хотели уходить с оккупированных территорий, все еще лелеяли надежду подавить сопротивление партизан, командир одного из заслонов сообщил в отряд, что войско численностью до 600 человек с пушками и минометами вышло из города Бреста и движется в направлении зоны отряда. Посоветовавшись с руководством соединения, командование отряда решило, захватив свои минометы, выйти навстречу фашистам. Уточнив их маршрут, партизаны в районе села Чапелки заняли позицию.

Подошедшая колонна врага была встречена массированным огнем. Завязался почти четырехчасовой

ожесточенный бой, и на исходе дня ошеломленные фашисты, оставив на поле боя свыше 150 своих солдат и офицеров, повернули назад, в бегстве покидая свои позиции.

Допрос взятых в плен фашистов показал, что рейд был совершен фашистами с целью угона в Германию молодежи из сел партизанской зоны.

Взбешенный подобной дерзостью, командир брестского гарнизона гитлеровцев самонадеянный генерал решил жестоко наказать партизан. На этот раз, сосредоточив крупные силы с танками и бронемашинами в предполагаемой зоне отряда, фашисты начали наступление. Огрызаясь выставленными засадами, отряд хорошо задуманным маневром вышел в тыл фашистской группировке и начал, что называется, потрошить его обоз. Бесцельно обстреляв в течение двух суток леса, гитлеровцы ушли, видимо, посчитав, что партизаны в очередной раз «уничтожены».

Несмотря на активные репрессивные и карательные меры фашистов в последние месяцы, партизаны, осведомленные о предстоящем летнем наступлении Красной Армии, развернули небывалую дотоле диверсионную деятельность. Они понимали, что скоро партизанской войне придет конец – враг будет вынужден уйти с захваченной территории.

Однако в первых числах мая фашисты, обеспокоенные за свой тыл, в связи с активными действиями партизан, начали систематическую бомбардировку лесов с воздуха в предполагаемых местах их дислокации. Кроме того, вокруг партизанской зоны стали сосредотачиваться крупные войсковые соединения. Для отряда создавалось очень невыгодное положение.

После долгих раздумий партизаны решили попытаться обмануть бдительность фашистского командования. С этой целью разделили отряд на две части. Одна часть, куда входили и раненые бойцы, должна была оставаться на месте. Ее возглавлял капитан Катков. Вторая часть, возглавляемая Мугдаши, с обозом

и тяжелым оружием отряда должна была перейти через шоссе и дорогу и направиться в Шацкие леса, создавая видимость, что отряд целиком уходит со своей базы. Если фашисты клюнут на эту удочку, думали Катков и Мугдаши, и устремятся за возглавляемой Мугдаши частью отряда, то можно было считать, что маневр удался.

В ночь на 10 мая Мугдаши с частью отряда начал переход. Заметившие это фашистские посты выстрелами из ракет указали свободный отрезок на шоссе на дороге, видимо, таким образом выражая свою радость по поводу того, что «лесные дьяволы», наконец, уходят с «треугольника» – территории между Брестом, Влодзкой и Домачево. Фашисты, считая, что напали на хвост отряда, вызвали авиацию и стали бомбить район предполагаемого продвижения отряда, однако люди Мугдаши, оказавшись в лесу, бесследно исчезли.

Пройдя по Шацким лесам, они обнаружили здесь огромное количество вооруженных людей. Оказалось, что здесь находилась целая дивизия польских войск и партизанское соединение товарища Иванова, которые держали путь на восток. Однако, получив от своих разведок сведения о скоплении на своем пути войск врага, решили остановиться и переждать. Потом разобрались, что это были гитлеровские части, которые блокировали отряд Мугдаши.

Мугдаши рассказал товарищу Иванову и командиру польской дивизии о создавшемся положении отряда на «треугольнике», в котором в настоящее время большое количество раненых, и цели перехода другой части отряда сюда, в Шацкие леса. Те невесело улыбнулись и успокоили Мугдаши:

– Хороший выход нашли вы из положения. Можете считать, что маневр ваш удался, раненые ваши будут в безопасности. Но сами того не желая, вы на своем хвосте привели сюда фашистов... Надо срочно принимать меры.

Тут же они собрали всех командиров полков и отрядов и, обсудив положение, приказали занять круго-

вую оборону на большой территории леса, выставив вперед авангардные подразделения. На один из участков поставили отряд Мугдаши.

В тот же день фашистское командование, решив расправиться с небольшим отрядом Мугдаши и не предполагая, что в этих лесах сосредоточены большие силы партизан, перебросило войско в район Шацких лесов и начало готовиться к карательным операциям. Блокировав крупными силами всю окрестность леса, немцы 12 мая приступили к бомбардировке предполагаемого отряда с воздуха. Заранее предвидя подобные действия со стороны гитлеровцев, товарищ Иванов приказал в 3–4 местах дымовыми шашками имитировать дым от партизанских костров, на которые фашисты направили свои бомбардировщики. На следующий день начали действовать наземные войска и в течение двух дней продолжались ожесточенные бои. Фашистское командование ежедневно бросало в бой все новые силы. К вечеру 15 мая партизаны прорвались через позиции врага и в течение четырех суток, сделав большой обход, вышли в район лесов, близлежащих к Корбину.

В последних числах мая группа Мугдаши перебралась в свою зону и соединилась со второй частью отряда. А уже через две недели, когда численность двух партизанских отрядов – им. Жукова и им. Ворошилова достигла почти двух тысяч человек, командование соединения, в целях увеличения маневренности отрядов и охвата ими еще большей территории, решило сформировать третий отряд, разделив общую численность двух функционирующих отрядов на три части. Вновь сформированному отряду было присвоено имя Зеленина – первого командира партизанской бригады, павшего смертью героя в 1943 году. Мугдаши был назначен заместителем командира и начальником штаба вновь сформированного отряда.

Как раз в эти дни партизаны ожидали начала наступательных операций Красной Армии в направлении Брестской области. Партизанские отряды «треугольника» Брест – Малорита – Домачево составляли

планы совместных действий. Готовились специальные партизанские подразделения к совместным действиям с войсковыми частями Красной Армии по форсированию реки Буг.

Фашисты лихорадочно усиливали оборону занимаемых ими рубежей. Все главные дороги были запружены их автотранспортом, но на железные дороги им пути были заказаны. Партизанские подрывники могли пустить под откос любой их состав.

Когда же началось наступление советских войск, неосведомленное начальство обозных подразделений фронтовых частей гитлеровцев пускало свой транспорт по дорогам партизанской зоны и, естественно, он натывался на засады партизан. В результате отступающие фашистские войска обгоняли свои обозы, которым волею партизан суждено было остаться по эту сторону реки Буг.

С юга от города Брест наступала 76-я Черниговская гвардейская дивизия. Партизаны всех отрядов соединения, основательно изучившие каждый метр реки Буг, без задержки переправили через нее войска этой дивизии и приняли участие в боевых действиях в направлении Рагозна – Медна – Добромысль – Капытув. Брестское окружение большой группировки войск врага было завершено в течение нескольких дней. Командование дивизии объявило личному составу партизанского соединения благодарность за оказанную активную помощь в переправе войсковых частей через реку Буг и участие в боях по окружению войск врага.

И в те дни, когда народные мстители заменили красную партизанскую ленту на головных уборах на пятиконечную звездочку, Мугдаши Яхьяевич Хизгилов-Мигдар Абдуллаев доложил в особый отдел дивизии о том, что был у фашистов в плену...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В просторном кабинете руководителя следственного отдела Брестского управления МГБ на стуле, предназначенном для подсудимых, сидел Мугдаши. Мирная жизнь для него началась с допросов. Седовласый полковник с умными, усталыми глазами, оглядев его оценивающим взглядом, сказал:

– Я внимательно ознакомился с вашими документами, Мугдаши Яхьяевич. Должен признаться, что с таким послужным списком вас не судить надо, а награждать. И если все это, – он взял в руку стопку бумаг, – подтвердится, обещаю, что уедете домой вопреки всяким там приказам и прочее... Поэтому я поручу следователю проверить все, как говорится, по свежим следам и доложить комиссии. А вас попрошу, не торопясь, – лучше месяц здесь, чем годы в лагере, – подробно указать имена, фамилии, звания людей, с которыми встречались в плену, в подпольном комитете, в среде польских антифашистов, в партизанских отрядах и прочее. Вспоминайте все, даже фашистских офицеров: возможно, они окажутся у нас в плену. Ваше алиби в ваших руках, Мугдаши Яхьяевич. Понятно?

– Так точно, то... полковник... Я прошу учесть, что никогда не переставал быть коммунистом: ни тогда, когда был редактором областной газеты, ни тогда, когда добровольцем ушел на финскую войну политработником, ни тогда, когда попал в плен и сменил форму. Я всегда оставался верным партии и своему народу.

– Вот и хорошо. – Полковник снял трубку телефона и произнес: – Зайдите ко мне, майор.

Отворилась массивная дверь кабинета, в комнату вошел молодцеватый офицер лет 30 и по команде смирно встал у края стола.

– Дело Мутдаши Яхьяевича Хизгилова-Мигдара Абдуллатипова будете вести вы, товарищ майор. Подследственного не торопите, но все, на что он укажет в своем заявлении, тщательно проверьте и докладывайте по мере продвижения следствия к завершению.

– Есть, товарищ полковник! Разрешите идти?

– Да, уведите и подследственного. Идите, Мутдаши Яхьяевич...

Мутдаши встал и в сопровождении майора вышел из кабинета.

На период предварительного следствия Мутдаши поместили в отдельную камеру, где он за маленьким приставным столиком, за которым ел доставляемую ему еду, не торопясь, обстоятельно, вспоминая все подробности прошедшей военной жизни, писал главное заявление – объяснение своей жизни. И когда заявление это, которое нашлось впоследствии в архиве Особого совещания при НКВД СССР, было завершено и передано молодцеватому майору, начались долгие дни и месяцы ожидания. Правильно говорят в народе, что нет ничего страшнее, чем ждать и догонять!

Молодцеватый майор оказался крайне подозрительным и с весьма недоверчивым характером. Во всех плененных фашистами людях, независимо от обстоятельств их пленения, он видел изменников, предателей, в лучшем случае – слабовольных людей. Да иначе и быть не могло, ибо пороха он не нюхал и войны, хотя она шла к завершению, не видел.

Вместе с тем он был очень дотошным в своем деле, обладал способностями умелого сыщика и целеустремленно приступил к поискам свидетелей, на которых указал Мутдаши в своем заявлении. Начал с члена подпольного комитета концлагеря и подпольной антифашистской организации в городе Молодечно полковника Карпенко. Зная о его тяжелом ранении в ногу, о

том, что он продолжал болеть и в концлагере, майор-следователь стал искать его в госпиталях войсковых частей, поскольку наступающими частями Красной Армии пленные были освобождены, а сам концлагерь уничтожен. «Если, – решил он про себя, – полковник все же найдется, и главный аргумент подследственного не подтвердится, то версия эта лопнет, как мыльный пузырь, в чем я уверен на все сто, и дальнейшие поиски «свидетелей» можно прекратить, быстро составить определение и отправить предателя на Колыму и, как говорится, с глаз долой. Если же выяснится, что полковник был, но умер, скажем, в госпитале, или его вообще нет и не было, то у меня будет основание не поверить подследственному вообще».

Отсутствие веры к своим подследственным стало патологической чертой характера этого работника МГБ. Кто знает, его ли одного?..

Однако надеждам майора не суждено было сбыться – полковник Алексей Степанович Карпенко, бывший узник Молодечненского концлагеря, нашелся. После ампутации ноги выше коленной чашки, он, ценой огромного труда хирурга и персонала госпиталя, был спасен от застарелой гангрены и долечивался, все еще продолжая бороться за жизнь. Узнав о цели визита молодцеватого майора, он весьма оживился и, ничуть не смущаясь своего пленения, подробно ответил на все его вопросы. Автору удалось найти в архиве протокол этого допроса-опроса, здесь публикуется в сокращенном виде. Протокол заверен собственноручной подписью допрашиваемого.

Вопрос. – Ваша фамилия, имя, отчество и воинское звание.

Ответ. – Полковник Красной Армии Карпенко Алексей Степанович.

Вопрос. – Были ли вы в плену в Молодечненском концлагере?

Ответ. – Да, был доставлен туда в бессознательном состоянии, осколком снаряда у меня была раздроблена голенная кость правой ноги.

Вопрос. – Был ли в концлагере подпольный комитет и, если был, то какую роль выполняли в нем вы?

Ответ. – Да, в Молодечненском концлагере на самом деле действовал подпольный комитет и я был одним из членов этого комитета, который, в свою очередь, поддерживал связь с городской подпольной антифашистской организацией. Кроме меня в комитет входили Сергей Иванович Копылов (Сергей), погибший при освобождении концлагеря Красной Армией, Магомедов Мирзахан и Мигдар Абдуллаев, он же – Мугдаши Хизгилов. Последние оба по заданию подпольного комитета концлагеря вступили в созданный фашистами «азербайджанский легион» и надели, надо полагать, форму легионера. Членом комитета был и батальонный комиссар Петр Иванович Хвостунов, умерший в лагере от тифа.

Вопрос. – Каким образом поддерживалась вами связь с городской антифашистской организацией?

Ответ. – Помог случай. В первые дни пленения офицеры и солдаты жили в бараках вместе и от случая к случаю использовались фашистами на работах в городе. В таких случаях местное население, заведя пленных, незаметно для конвоиров, совало им в руки продукты или же табак. Однажды одна из женщин, видимо по заданию антифашистов города, передала Сергею (у него не было кисти левой руки) клочок бумаги, который он передал мне. В записке указывалось знакомое пленным место, где следовало оставить ответ. Боясь провокации, мы не сразу откликнулись, но потом, поверив, наладили связь. Таким образом мы передавали на волю данные о побегах из лагеря пленных, которых антифашисты встречали и прятали от гитлеровцев.

Вопрос. – Есть ли доказательства существования подпольного комитета в концлагере, если из пяти членов комитета, которых вы указали, двое погибли, а двое оказались в фашистском легионе?

Ответ. – Доказательства? Доказательство – это я. Протоколов «заседаний» комитета по известным вам

причинам мы не вели. Есть еще десятки и сотни освобожденных пленных, которые хорошо знали о существовании комитета. Фамилий их я не помню, да многие и не называли своих подлинных имен, фамилий и воинских званий.

Вопрос. – О своем пребывании в плену и «азербайджанском легионе» сразу после освобождения Белоруссии Красной Армией Мигдар Абдуллалиев – Мугдаши Хизгилов заявил в органы государственной безопасности. Что вы можете о нем сказать?

Ответ. – Значит жив комиссар? Это меня радует. Могу сказать лишь одно – это человек железной воли, пример стойкости и мужества. Патриот, верный сын Родины и партии. Накануне комитетом готовился побег группы пленных, в нее входил и Мигдар Абдуллалиев. Однако стало известно, что фашисты набирают людей в «азербайджанский легион», из коих, предполагали мы, они намеревались сделать изменников, путем обучения их шпионскому делу, а потом забросить к нам в тыл. Мы знали, что до плена коммунист Мигдар Абдуллалиев был комиссаром батальона, поэтому, зная об его умении убеждать людей, повести за собой, комитет поручил ему и Мирзахану Магомедову вступить в этот легион и путем осторожных бесед с legionерами расстроить планы фашистов таким образом, чтобы legionеры не только не воевали против своего народа, а сразу же после переброски их в тыл, доложили о себе в соответствующие органы и снова стали солдатами и офицерами Красной Армии. Надеюсь, так оно и происходило.

Вопрос. – Почему Мугдаши Яхьяевич Хизгилов в плену стал Мигдаром Абдуллалиевым?

Ответ. – Воспользовавшись знанием азербайджанского языка и обычаев этого народа, он скрыл от гитлеровцев, что является коммунистом, батальонным комиссаром и горским евреем.

Вопрос. – Как горским евреем?

Ответ. – Очень просто, но мы – члены комитета об этом знали, от нас он этого не скрыл.

Молодцеватый майор этим известием был немало удивлен, и его подозрительность к подследственному почему-то переросла теперь в неприязнь. Он, конечно, умом понимал, что его подследственный – человек незаурядный, мужественный и много испытывавший в жизни. Да и держится он хорошо: просто, но с достоинством. Смотрит прямо в глаза, как человек с чистой совестью. И при этом он – еврей. Нет, не вязалось все это с теми стереотипами, которые сложились у майора за последние годы под влиянием довлеющей в обществе идеологии. Посредственные люди обычно крайне критичны к другим. Не способные сделать что-то достойное сами, даже простое из возможного, и, не зная, как это сделать, они ждут от других немыслимых поступков.

Не верилось майору в кристальную чистоту и непорочность подследственного. И это неверие родило стереотип, под который теперь он стал искать все новые и новые факты. За ними он и отправился в Едлине.

В освобожденном Едлине, куда он приехал, польский народ начал строить новую жизнь. Развалины домов, выжженная земля свидетельствовали о том, что здесь еще совсем недавно шли бои. На месте, где был размещен легион, были теперь одни развалины, где сновали дети и старушки. Майор остановился перед пожилой женщиной и спросил:

– Скажите, пожалуйста, здесь, в Едлине, жил некий Любомир, вам что-нибудь о нем известно?

Женщина оценивающим взглядом посмотрела на молодцеватого майора, малость подумала и ответила:

– Любомир, говорите? Кто же его не знает, панове, это наш национальный герой. Только зовут его не Любомир, а Зденек Ковальский, из рода известных кузнецов... Живет он вон в том полуразрушенном доме, – и она показала рукой на какие-то развалины.

Зденек Ковальский оказался дома и принял майора весьма приветливо. Узнав о причине, по которой майор оказался в Едлине, он охотно рассказал ему, что во время оккупации фашистами Польши под вымышлен-

ным именем Любомир, по заданию подпольной коммунистической партии он организовал в городе антифашистскую группу, которая наносила врагу ощутимый вред. А когда майор показал ему фотографию Мигдара Абдуллатиева и попросил рассказать о нем, если он того знает, Любомир улыбнулся и ответил:

– Я, панове, очень хорошо знал гауптмана Мигдара и его друзей Мирзахана и богатыря Юсупа. Гауптман Мигдар был бесстрашным человеком, он и его друзья доставали нам оружие, медикаменты, освобождали из рук жандармов наших товарищей, сами убивали фашистов, когда в этом появлялась надобность. Помощь этих людей, надевших по заданию их подпольного комитета гитлеровскую форму, для нас была бесценной и мы имена этих героев будем помнить всегда.

– Скажите, пан Ковальский, не могли они подобными действиями скрывать свое предательство Родине? – пропустив мимо ушей о геройствах Мигдара, спросил майор в надежде услышать хотя бы тень сомнения в ответе Любомира.

Тот вначале не понял смысл вопроса, но потом, отрицательно покачав головой, решительно и с осуждением в адрес следователя, ответил:

– Нет, пан майор, мы – не дети, мы видели их ненависть к фашистам, сочувствовали им, когда они говорили, что вынуждены носить эту проклятую форму. Нет, нет, пан майор, можете в этом не сомневаться. К тому же, – оживился вдруг Любомир, – Мигдара Абдуллатиева за антифашистскую работу в легионе арестовали, подвергли пыткам в Демблине и должны были повесить, и знаете, кто его спас?..

– Кто же?

– Марек Полянский – член всепольской подпольной организации, самый молодой коммунист в нашем движении, которого от неминуемой смерти, из рук двух жандармов, арестовавших его, освободили в Едлине Мигдар и его друзья. Да, это был подвиг.

– И как же пан Марек спас Мигдара?

– По заданию организации Марек устроился рабочим в Демблинскую тюрьму и как-то в одном из арестованных узнал Мигдара. А на следующий день пан Марек подбросил заключенным ножовку и ножницы, и это помогло Мигдару и его сокамерникам бежать. Правда, рабочих тюрьмы после подвергли жестоким допросам, но их виновность доказана не была и их просто выдворили из крепости.

Неутомимый майор, не добившись желаемого результата в Едлине, решил отправиться в Варшаву – к Мареку Полянскому. Адрес его он получил от Любомира. Марек проживал в одном из уцелевших домов польской столицы и помогал новой власти с помощью советской комендатуры устраивать новую жизнь.

Майор представился и заявил о цели своего визита. В первую минуту пан Марек не понял, о ком идет речь, но через минуту, когда майор показал фотокарточку Мигдара Абдуллатиева, лицо молодого человека расплылось в улыбке и он, не скрывая своей радости, заявил:

– О, пан гауптман Мигдар Абдуллатиев! Да, я знаю этого человека, ему я обязан жизнью... Его в Едлине знают почти все поляки!

– Каким образом? – спросил майор.

– Я вам объясню, пан майор. Садитесь, – Марек усадил майора напротив себя и начал рассказывать. – Тогда, два года назад, я жил в городе Едлине с родителями, – он вдруг осекся, лицо его по-взрослому посуровело, видно это воспоминание причинило ему боль. Но, преодолев минутную слабость, пан Марек продолжил: – Рядом располагалась городская жандармерия. Иногда жандармы, повесив на дверь замок, забывали закрыть окно, вот я и решил забраться в помещение жандармерии и выкрасть чистые бланки на право передвижения по городу в ночное время. Нам это очень было нужно. И только я нашел их в шкафу и заложил увесистую пачку за пазуху рубашки, как открылись настежь двери и в комнату влетели два дюжих

жандарма, скрутили мне руки и повели в комендатуру, в гестапо... Ну, думаю, все, попался, найдут бланки и расстреляют... По дороге один жандарм спрашивает, зачем, мол, я залез в здание жандармерии. Я делаю вид, что плачу, что, мол, голодаю, забрался за продуктами. Жандарм бьет меня в лицо, и в этот момент перед жандармами останавливаются трое в гитлеровской форме. Один смуглый, в форме гауптмана, а двое других тоже в форме, но званий их я не запомнил. Между этими тремя и двумя схватившими меня жандармами началась перепалка. Они стали разговаривать на повышенных тонах, один из «гитлеровцев» схватил жандарма за рукав и, не долго думая, вонзил ему сзади нож в горло. Та же участь постигла второго жандарма. Я же, почувствовав свободу, убежал. Позднее, через Любомира я узнал, что гауптмана зовут Мигдар Абдуллалиев, что он из созданного фашистами «кавказского легиона», что форму носит для маскировки, что он тоже антифашист. Любомир же рассказал нам, что группа Мигдара Абдуллалиева помогает нашей подпольной организации оружием, медикаментами, уничтожает, где может, некоторых фашистов и прочее.

– Вы после этого случая встречались с Мигдаром Абдуллалиевым?

– Нет, пан майор, мне подпольный комитет не разрешил больше с ним встречаться, поскольку я был направлен рабочим в Демблинскую тюрьму, в логово гестапо. Вот здесь, совершенно случайно, я увидел на плацу связанного моего спасителя. Знаете, вначале своим глазам не поверил, но потом, приглядевшись, и, обменявшись незаметным для окружающих приветственным кивком, я окончательно убедился, что передо мной гауптман Мигдар Абдуллалиев и что ему угрожает смертельная опасность. На следующий день я в тележке занес на территорию тюрьмы завернутые в тряпку ножницы и ножовку и оставил все это на месте своей работы, дав ему знать об этом. Через день он и его сокамерники сбежали. Я был счастлив, что помог ему и его товарищам спастись.

– Вы хотите сказать, что добровольно подвергали себя смертельной опасности?

– В тот момент я об этом не думал, пан майор, – улыбнувшись, ответил Марек Полянский, – а вот, когда эти бесстрашные люди сбежали и фашисты стали всех нас – рабочих чуть ли не пытаться, вот тогда стало малость не по себе... Но все прошло, слава богу...

– Да, все прошло, – с сочувствием или с сожалением, словно эхо, отозвался следователь, потом дал Полянскому подписать протокол, попрощался и собрался было уже уходить, но Марек остановил его:

– Скажите, пан майор, вы так заинтересованно расспрашивали о Мигдаре Абдуллатиеве, что с ним?

– За то, что был в плену, сейчас под следствием, – нехотя ответил майор.

– Слышал я, пан майор, что у вас пленных не милуют, извините меня за откровенность, – сказал Полянский и добавил: – Но такие люди, как Мигдар Абдуллатиев, предателями не бывают, во всяком случае, польский народ их будет считать героями, вот увидите...

– Это уже ваши проблемы, – сухо ответил майор и вернулся к машине, которая должна была отвезти его к вокзалу.

Шел уже год, как он скрупулезно занимался делом Мугдаши Хизилова. Он добросовестно записывал в протоколы допросов и бесед все, что о нем рассказывали очевидцы, но сам того не замечая, все искал и искал хотя бы что-нибудь, что могло скомпрометировать подследственного. В Ново-Липовском районе Украины он нашел работающего свиноматом бывшего лейтенанта-артиллериста Николая Артеменко. Его тоже не миновало клеймо «пленного», и в связи с этим он тоже натерпелся достаточно от партийных органов и МГБ. Николай, выслушав вопросы облеченного властью майора, хотел было вначале послать того ко всем чертям, но потом, поразмыслив, что может таким образом навредить другу, сказал:

– Да, мы были с ним в плену сперва в лазарете в Рославле, потом в концлагере в Молодечно. Оба попали ранеными, без сознания. С первого дня пленения хотели бежать. Фамилии его не помню, но назвался он Мигдаром. Знал я, что он был батальонным комиссаром, в плену о нем говорили добрые слова те, с кем он служил в одном батальоне. Со своим ранением он боролся, как с врагом. Это был кремень, а не человек. Сильный духом, с железной волей – Мигдар был примером для всех нас. Если он жив, то благодарю Бога.

– Он жив, находится под следствием, – ответил майор. «Но, по всему виду, ускользнет от заслуженной кары, – подумал он про себя. – Хитер, всех обвел вокруг пальца. Герой! Я ему дам «героя»! Когда другие стояли насмерть, не щадили жизни своей, эти под видом ранения – царапины на ноге, сдались в плен, попрятались, ушли с поля боя, предали Родину!»

Здравый рассудок вроде и подсказывал ему, что все факты говорят в пользу Мугдаши.

И все же, все же... Он помнил слова генерала на совещании работников МГБ, что есть приказ, хоть его никто не видел и не читал: «Все пленные – предатели и их всех надо сослать в Сибирь, на Колыму, никого не щадить!» «Значит, надо что-то найти, – убеждал себя майор. – Ишь, «герой» выискался! Я тут месяцами пока не знаю, делаю все по обеспечению безопасности Родины от изменников, предателей и других врагов Отечества, но меня никто героем не считает, а его, видите ли, сперва пленного, а потом партизана – таковым считают... Не мог он быть чистеньким. В том аду, где он побывал, чистеньким он быть не мог... Ищи и найдешь!...»

Так все это время, пока он беседовал с Николаем Артеменко, в нем шла борьба: честный, справедливый, нормальный человек, которым он все еще оставался, боролся с посредственным, завистливым и тщеславным. Ибо известно, что за знаменем зависти шагают

ненависть и интрига. Завистливый человек всегда обвиняет и судит других, не имея на то никакого морального права. Он душит в себе справедливость и умножает недостатки других. Зависть набрасывается на достоинство и щадит посредственность. Майор вспомнил вдруг подследственного, его гордый, с достоинством взгляд и ехидно улыбнулся...

Казалось, откуда взяться зависти к этому уставшему от жизненных невзгод и страданий человеку? Если даже по чистоте душевной он смотрит, не пряча взгляда, достойно, как человек, не уронивший чести? Что в этом плохого? Но, оказывается, не жалуют зачастую подобных, мало того, ненавидят...

Артеменко, уже имевший опыт всяких «бесед» с работниками органов, очевидно, уловил настроение майора.

– Значит и его не минула сия чаша, – горько заключил Николай, – но ни он, ни я никогда не предавали Родину, не были изменниками. Через три месяца плена бежали, как только почувствовали в себе силы, хотя умирали от голода и холода. Чтобы это понять, товарищ майор, надо все это испытать. Около двух месяцев плутали по Белоруссии, а потом по Украине. Здесь наткнулись на конный разъезд украинских полицаев. Меня, как земляка, пожалели и отправили домой, а Мигдара – снова в концлагерь. Ему не помогла придуманная нами легенда.

– Какая легенда? – тут же спросил майор.

– Это мы придумали на случай, если нас найдут гитлеровцы, – ответил Николай, не подозревая, что его собеседник готов уцепиться за любую соломинку, сколько-нибудь порочащую его подследственного. – Мол, мы были ранены, благодаря Мигдару, который меня спас, вышли из окружения, попали к сердобольным хозяевам, там нас вылечили, некоторое время за это работали на хозяина, а потом решили податься ко мне домой, в Украину.

– А почему на Украину? – снова спросил майор.

– Мы так построили свою легенду на случай, если нарвемся на фашистов, – терпеливо повторил Николай, – но шли мы в надежде встретить партизан. Долго, блуждая и снова находя нужное направление, шли, как нам казалось, на восток. Не у каждого ведь спросишь, куда идти. Вот и наткнулись, как я уже говорил, на украинских полицаев, остальное вам известно.

Майор несколько минут обдумывал сказанное Николаем и снова, в который раз, не нашел ничего, за что можно было зацепиться. Мигдар словно ускользал от него, казалось, какая-то божественная сила помогала ему в этом, не оставляя следователю никаких надежд. Отчаявшись, майор собрал свои записи, дал Артеменко подписать протокол и, не попрощавшись, покинул лейтенанта от артиллерии, «дослужившего» по воле таких, как он, до «звания» свинаря. Бежать от плена фашистов, чтобы попасть в немилость к своим, – такая была участь тысяч таких, как Николай.

Но и сам майор не знал покоя, он ходил и ездил по руинам Белоруссии, Польши, Украины, по освобожденным от оккупации городам и селам, спал в неустроенных гостиницах или хатах, куда определяли его уполномоченные на это органы. Не щадил никого, кто должен был ему помогать в поисках нужного человека. Его сумка наполнилась многочисленными документами, протоколами допроса, фотографиями, найденными у опрошенных, однако он все не успокаивался. Не верил майор, не принимало его сознание, что человек еврейской национальности, который, как он считал, по принадлежности к этой народности должен был быть тихим, покладистым, терпеливым, уступчивым, в действительности был таким дерзким, смелым, воинственным – настоящим героем. Не верил и все тут.

А потому он ехал теперь на встречу с командиром крупного партизанского объединения, полковником Дмитрием Николаевичем Медведевым. Тот, узнав о цели визита майора, принял его несколько сдержанно, можно сказать, даже холодно. Взглянув на фотографию

Мигдара, ненадолго задумался, вспомнил его и, улыбаясь, ответил:

– Помню, конечно. Среднего роста, смуглый, похожий на цыгана, с дерзким и острым таким взглядом смелого и честного человека. Он такую порку устроил генералу Барановскому, что пришлось за него заступиться...

– Какую порку? – тут же ухватился майор за это слово.

– Генерал со своими людьми некоторое время находились в расположении отряда, в котором этот Мигдар был, кажется, командиром. Пообещал отряду питание на рацию, а сам, перебравшись к нам, забыл об обещании. Вот этот человек и напомнил генералу заповедь партизан, если, мол, дал слово, надобно его держать. И правильно сделал, не побоялся генерала, хотя субординацию, конечно, нарушил. Питанием на рацию мы им тогда помогли. Вот таким он мне и запомнился.

– А ведь он дважды был в плену, Дмитрий Николаевич, – напомнил майор.

– Ну и что же? Половина партизан были из тех, кто бежали из плена и героически сражались с фашистами. Слышал я о негласном приказе о пленных и хочу сказать вам, майор, что нельзя всех шерстить под одну гребенку. Это самая большая глупость из всех, что мне пришлось слышать в последнее время. Что же касается этого Мигдара, то я убежден, а я в людях разбираюсь, что такие люди предателями не бывают. В партизанских отрядах командирами избирают не каждого. Человека, склонного к предательству, узнают в первом же бою. Поверьте моему опыту. Кроме того, отряд послал тогда на встречу к нам самого доверенного, самого уважаемого из своей среды. И Мигдар Абдуллатипов... Так вы называли его? – Майор согласно кивнул. – Был действительно таким, – закончил Медведев и повернулся к майору спиной, дав ему понять, что далее говорить не о чем.

В Брест майор возвращался уставшим и недовольным собой и сложившимися обстоятельствами. Про-

движение по службе ему не светило, ибо не удалось подвести подследственного под «статью», а это значит, что жертвой обстоятельств, стал он сам, так как не сумел выполнить негласный приказ с самого верха. Но в его голове созрел другой план, согласно которому у него было оправдание за столь долгое следствие: ведь прошло почти 17 месяцев, как Мугдаши находился в камере предварительного следствия.

Сегодня он вызвал Мигдара Абдуллатиева-Хизгилова Мугдаши Яхьяевича на последний двадцатый допрос. И на этот раз происходило то же самое. Мугдаши опять отвечал на одни и те же вопросы, от которых у него уже гудела голова.

А следователь опять придирчиво допрашивал его, перебивая и начиная снова выяснять то, о чем подследственный написал уже гору объяснений.

У обоих терпение было на исходе. Первым взорвался майор и, как волк, набросился на свою жертву:

– Бросьте врать, капитан. Изменили Родине, имейте смелость сознаться в этом!

Не выдержал и Мугдаши Яхьяевич, кровь ударила в голову, забыл об отцовском наказе, что «терпение – лекарство от всех болезней и жизненных невзгод», выхватил из-под себя табурет и запустил в этого самодовольного хищника. Хотел разmozжить голову, а попал в плечо. Не нюхавший пороха чинуша сперва взвыл от боли, потом стал лихорадочно расстегивать кобуру пистолета. Не миновать бы беды, если бы в этот момент в кабинет следователя не вошел начальник следственного управления, седовласый полковник. Заметив бешеный взгляд своего подчиненного, выхватившего, наконец, из кобуры пистолет, тот жестко приказал:

– Прекратите истерику, майор! – И спокойно обратился к подследственному: – Что случилось, капитан?

Выслушав Мугдаши, строго спросил следователя:

– У вас есть основания для обвинения?

Тот, как затравленный зверь, опустил голову и тихо выдавил:

– Извините, товарищ полковник. Я хотел было... для проверки, а он... табуреткой...

В усталом выражении глаз полковника незаметно блеснули лукавые огоньки. «И поделом тебе», – словно говорили они. Однако блеск этот тут же погас и полковник, строго посмотрев на подчиненного, сказал:

– Я ознакомился с материалами дела, думаю, надо его закрыть, а Мугдаши Яхьяевича отправить домой. Не тяните! – И вышел из кабинета.

Через несколько дней Мугдаши Яхьяевичу разрешили уехать домой. После столь долгих дней ожидания и всего происшедшего с ним, известие это так обрадовало его, что он не придавал тогда должного значения мучившей его в последние дни неосознанной тревоге. «Отпустили, – успокаивал он себя, – значит убедились, что чист я перед Родиной и людьми. Ну а то, что не ознакомили с выводами следствия, видно, так положено...»

Не мог он тогда предположить, что во всей его дальнейшей судьбе этот случай с майором окажется чуть ли не роковым. Не простил ему этот слабохарактерный и коварный человек своего позора и не только не простил, а люто возненавидел и тихо, исподтишка, подло состряпал нелепое обвинение, за которое, мол, и просидел Хизгилов в тюрьме 17 месяцев. Не ознакомив его с этим обвинением, сдал дело в архив.

Мугдаши догадывался, что майор затаил злобу, и где-то в глубине души ожидал подвоха, какой-нибудь каверзы, но что человеческая подлость может дойти до таких границ, никак не предполагал.

2

Возвращение домой было бесконечно радостным и счастливым: он целовал выцветшие от слез глаза страдавшей матери, крепко прижимал к груди подросшего за войну сынишку, а когда тот, обвинив тонкими

ручками его шею, тихо прошептал ему на ухо: «Папочка, ты наконец приехал!..», чуть не заплакал...

Вначале вроде бы все шло как нельзя лучше: устроился прорабом на строительство пивзавода и до решения своего партийного вопроса решил никому своими просьбами не докучать. Ходил в гости и сам приглашал друзей, которых за годы войны стало чуть ли не вдвое меньше. Спало напряжение всех этих долгих лет страданий и мук. Легко и свободно шагал по бесконечно дорогим улицам родного города, смотрел людям в глаза и видел радость во встречном взгляде. Сознание выполненного долга придавало силы.

Между тем, словно снег в майский день, нагрянула беда – с молниеносной быстротой городок облетела лихая молва, что Мугдаши Хизгилов не тот, за кого себя выдает, был в плену и, надев мундир немецкого офицера, работал на фашистов, мол, изменил Родине Мугдаши...

Кто-то бросил колючее слово, а оно, словно семя, проросло на благодатной почве людской слабости и родило горькую и глухую молву. Те, кто близко знали его – недавнего комсомольского вожака на первом промышленном предприятии города, редактора областной газеты «Красная звезда», воина-добровольца, не верили этой молве, считали ее нелепицей, ибо не вязалась она с логикой жизни Мугдаши Хизгилова.

Жители города знали и другое – в середине сорок четвертого года какие-то высокопоставленные люди из Москвы с нарочным передали семье Хизгиловых письмо, в котором Мугдаши собственноручно сообщал, что жив и воюет в партизанах. Для близких и родных, оплакивавших в те дни его младшего семнадцатилетнего брата, погибшего в боях под Ленинградом, эта весточка была большой радостью, которой они делились со всеми друзьями, соседями, знакомыми.

Впоследствии Мугдаши узнает, что «польские товарищи», которых особым правительственным заданием командования их партизанского отряда было приказа-

но переправить из района Бело-Подлязка (Польша) через зону отряда в Москву, были не кто иные, как вожди польского сопротивления Болеслав Берут и Марианн Спыхальский. Это они, оказавшись в Москве, переслали его письмо родным.

Понимали люди и другое, что окажись Мугдаши предателем, о чем гудела немилосердная молва, не оставили бы без внимания такого человека и особые органы. Не могло быть такого, чтобы они ничего не знали. Они, если хотели, порой знали даже то, чего о себе не знали сами обвиняемые...

Но все же, если молва обходила стороной самого Мугдаши, словно боялась встречи с ним, не обходила она близких и родных, назойливо лезла к друзьям – их она не щадила. И не выдержал однажды один из них, в компании, невзначай, словно продолжая давно начатый разговор, будто и нет среди них самого Мугдаши, бросил:

– До чего дошло! В городе объявился какой-то «очевидец», который якобы видел Мугдаши в одном из концлагерей в сопровождении немецких офицеров...

– Мало того, – вмешался другой, – будто Мугдаши работал на фашистов и в форме гитлеровского офицера разъезжал по концлагерям, отбирал лиц кавказской национальности, а потом, чтобы скрыть следы, расстреливал их...

– Это уж слишком! – возмутился дядя Мугдаши – брат матери. – Надо бы в это дело внести ясность.

– Да не надо из мухи делать слона, наверное, недоброжелатель какой-то, – вставил другой.

– Однако не пора ли найти этого мерзавца, – горячо говорил тот, кто затеял этот разговор, – и заставить замолчать, а еще лучше осудить его за клевету!

Да, «очевидцы» были, их было трое, все они были соплеменниками Мугдаши. Тем не менее тайком от родных и близких двое из них после многих борений с самими собой все же написали в МГБ заявление, а

потом и сами не раз приходили с рассказами в комитет. Да, они видели однажды Мугдаши Хизгилова в концлагере, в котором находились сами до самого дня освобождения. Мугдаши был в сопровождении немецкого майора и отбирал среди пленных каких-то людей. Вот и все, больше они о нем ничего не знают.

Третий же оказался человеком коварным, завистливым и расчетливым. В отличие от тех двоих, которые не скрыли от органов, что видели Мугдаши в концлагере в сопровождении гитлеровских офицеров, в то время как они сами голодали, мерзли и чудом остались живы в фашистском аду, этот до поры, до времени никуда писать не стал. Будучи собаководом и отцом большой семьи, скромная зарплата которого едва обеспечивала «прожиточный минимум», он решил восполнить этот «недостаток» путем шантажа. О том, что двое других уже сообщили в МГБ о Мугдаши, он не знал. Поэтому он приехал к нему на работу и сначала в туманной форме дал понять, что знает о его «предательстве», видел, мол, в концлагере в форме гауптмана, а затем намекнул, что мог бы скрыть этот факт от органов, если тот, так сказать...

Мугдаши был наслышан о «способностях» этого человека и хотел было дать тому от ворот поворот, но решил проявить терпение и выслушать его до конца.

– И что от меня требуется? – Мугдаши прикинулся, словно не понял его намеков.

– Я думаю, вы человек умный, сами понимаете, чем вам все это грозит, если откроется, – начал шантажист, – Терять такую доходную работу вы не захотите, вот я и думаю, лучше поделиться частью этих доходов, чем потерять все и отправиться в Сибирь...

– А если ничего не дам? – в упор спросил Мугдаши. – Вымогательством занимаешься?

– Зачем же так грубо? – улыбнувшись, ответил негодяй. – Я ведь еще никуда не обращался, а вот если начну, то до конца...

Удар Мугдаши пришелся в самый центр мясистого носа шантажиста, отчего тот не удержался и, схватив кровоточащий нос правой рукой, упал на пол кабинета.

Не сказав ни слова, он поднялся на ноги, платком закрыл лицо, направился к двери и, повернувшись к своему обидчику вполоборота, с угрозой произнес:

– Ты даже не знаешь, какой ад тебя ждет в будущем... – И ушел.

Теперь Мугдаши понял, откуда шли слухи, и решил действовать.

В адрес ЦК ВКП(б) он отправил заявление о восстановлении в партии. Еще раньше, сразу после возвращения, он обратился в Дербентский отдел МГБ с подробным заявлением, в котором написал о причинах своего пленения; о двух побегах; о решении подпольного комитета концлагеря внедриться в «азербайджанский легион» под вымышленным именем Мигдара Абдуллагиева; о деятельности в партизанском отряде, о семнадцатимесячной проверке особого совещания при НКВД СССР и об освобождении из-под стражи. Тогда же заместитель начальника Дербентского городского отдела МГБ А.Зинченко дал ему расписку о том, что у него изъяты:

1. Справка от уполномоченного организации партизан по Надбужью – одна.

2. Удостоверение личности, выданное подпольной организацией компартии Польши, – одно.

3. Справка от Белорусского штаба партизанского движения – одна.

4. Удостоверение от штаба партизанской бригады им. Ленина Брестской области – одно.

5. Справка, выданная тюремным Управлением (из тюрьмы № 23, где он просидел 17 месяцев в период проверки на лояльность), – одна.

6. Характеристика, выданная партизанской бригадой им. Ленина, – одна.

7. Боевой счет (записи), выданный командованием бригады им. Ленина, – один.

«Указанные выше документы находятся в Дербентском гор. отд. МГБ. 17/VII-46 г.», – отмечено в расписке.

Тогда же, в 1946 г., обращаясь в высший орган партии и городской отдел МГБ, Мугдаши надеялся, что Партия разберется в хитросплетениях его судьбы, ибо, считал он, не может быть по-иному, его доброе имя останется незапятнанным. Да и как иначе – он отдал Партии жизнь без остатка, служил ей верой и правдой. Однако он никак не предполагал, что пройдет год, второй, ...десятый, а ответа все не будет. «Видно, не до меня сейчас, – успокаивал он себя, – не до моей болячки, когда боль миллионов, потревоженных и искалеченных войной, неизмеримо тяжелее...».

И он ждал.

И по мере того, как житейские будни ставили перед ним все новые и новые задачи, а их решение во многом зависело от ответа молчавших верхов, ожидание это становилось невыносимым. Не принимало его сознание, что по чьей-то безответственности и безразличию, а может быть и злему умыслу, о нем забыли. И даже при этих обстоятельствах его вера в Партию не была поколеблена.

Тем временем «собаковод» не дремал. В адрес всех существующих административно-партийно-контрольных органов летели его заявления об «изменнике Родины», который ввел в заблуждение одних и подкупил других, дабы скрыть от правосудия свою преступную деятельность в плену.

«Да, я был в плену, в концлагере, – писал он, – и своими глазами видел Мугдаши Хизгилова в фашистской форме гауптмана. Он отбирал среди пленных знакомых ему людей, а потом они исчезали. Я тогда спрятался за спинами своих пленных товарищей, иначе бы он и меня уничтожил. Таким предателям нет места среди тех, кто с оружием в руках защищали Родину...».

Злые люди походят на паразитов, которые ползают по человеческим телам и почему-то находят и останавли-

ливаются непременно на их язвах. Завистник кричит во все горло и взывает к справедливости не потому, что его постигло несчастье, а потому, что кому-то другому, а не ему, повезло больше. Злой и завистливый шантажист готов был на все, лишь бы уничтожить Мугдаши. Он развил бурную деятельность, будто дал обет – довести до каждого местного жителя якобы известную ему великую «тайну» и разоблачить Мугдаши Хизгилова.

Беседа с заместителем начальника городского отдела МГБ А.Зинченко удовлетворения «собаководу» не принесла. Ибо последний в течение часа в довольно доступной форме объяснял, что запрошенный по его заявлению из Бреста протокол Особого совещания при НКВД СССР, рассматривавший действия Мугдаши в плену, а также представленные им самим документы не подтверждают доводов заявителя о предательстве Хизгилова, а наоборот говорят о его патриотической деятельности. «А по сему, – резюмировал он в заключение, – советую вам заявлений на Хизгилова больше не писать, ибо они все собраны у меня, – он показал «искателю справедливости» объемистую пачку, – и не надо порочить доброе имя человека. Чего доброго, – добавил он напоследок, – Хизгилов подаст заявление, и за клевету вас осудят...»

Может быть, шантажист и понимал тщетность своих устремлений, а в некоторой степени чувствовал их опасность для себя, однако остановиться уже не мог. «Если даже и не предатель, – думал он, – но форму немецкую носил, в концлагере вместе с немцами бывал, это точно. А то, что он выполнял задание подпольной организации, я не знал... Это на случай, если он решится со мной судиться...».

Если вначале его действия носили целеустремленный характер, то теперь все шло как бы по инерции. И в этом водовороте страстей, которые кипели на виду горожан, для одних он становился чуть ли не героем, другие же смотрели на него с осуждением.

Среди людей, с которыми в этот период Мугдаши встречался по поводу распространяемой на него клеветы, невольно восхищает один – заместитель начальника Дербентского отдела МГБ вышеупомянутый А.Зинченко. Обремененный строгими приказами свыше в отношении таких людей, как Мугдаши, неисполнение которых грозило ему самому большими неприятностями, этот бесстрашный человек, с отзывчивым и благородным сердцем, замечательный представитель русского офицерства, не дал ополчившемуся на Мугдаши негодяю и вымогателю добиться поставленной перед собой гнусной цели. Этот мудрый человек, в отличие от сотен других из его ведомства, разобрался в невинности Мугдаши и алчности мерзавца.

Да, поистине, земля изредка родит драгоценные камни.

Однажды, беседуя с Мугдаши о хитросплетениях его судьбы, он заметил:

– Вы знаете, Мугдаши Яхьяевич, не нравится мне это определение Особого совещания при НКВД, мол, вас не обвинили «за недоказанностью». Мало того, в деле нет многих имен, о которых вы мне рассказывали, а только оперуполномоченный партизанского отдела Лаптев и партизан Арзуманян. Если бы не Гогебашвили, с которым вы бежали из Демблина, так о ваших действиях в пресловутом легионе и сказать нечего. Такое определение мог написать либо человек безграмотный, либо который хотел вам навредить, но не мог. Поверьте, найди он хоть крупинку против вас, не сдобровать вам тогда, давно были бы на Колыме. Не находите?

– Честно говоря, и мне непонятно, Алексей Степанович, – признался Мугдаши, – тот майор-следователь, который почти полтора года вел мое дело, сам говорил, что допрашивал польских товарищей – участников Сопротивления, полковника Карпенко, о котором я вам говорил, и других. Куда девались эти протоколы?

– Вот и я о том же, – согласился Алексей Степанович, – не оставьте этого без внимания, Мугдаши Яхьяевич.

– Выходит, этот майор все же отомстил мне за брошенную в него табуретку, – задумчиво сказал Мугдаши.

– Это еще вам повезло, Мугдаши Яхьяевич. Видно, тот полковник из Брестского МГБ вам тогда здорово помог, – заключил Зинченко, – должны быть еще документы...

Много лет спустя эти документы были найдены. Хитроумный майор не приобщил их тогда к материалам дела, а выделил в другую папку, лишь сделав пометку сверху о их принадлежности к делу Хизгилова-Абдуллатиева. Да это и понятно, вложи он все эти протоколы в общее дело, в которых речь шла о патриотической, можно сказать, геройской деятельности подследственного как в плену, так и в партизанах, он должен был нести ответственность за содержание его в течение почти полутора лет в одиночной камере в условиях, невыносимых для нормального человека. Короче, он рассчитался с Мугдаши за табуретку сполна. И много лет спустя его жестокость продолжала наносить обидчику удар за ударом, ибо для низких натур нет ничего приятнее, как мстить за свое ничтожество.

Однажды пущенная с «горы» клевета теперь катилась по наклонной как бы самостоятельно, и имя клеветника постепенно ушло в тень, словно его и не было. Органы МГБ стали называться КГБ и в этом обличии они ничуть не стали справедливее и милосерднее. Крутые зигзаги общественного бытия вновь и вновь проходили по судьбе Мугдаши бульдозером, оставляя на ней свои следы. За это время Мугдаши Яхьяевич побывал и в подлых предателях, и изредка, в период «оттепели», в национальных героях. На его судьбе, как и на судьбах тысяч других, оставила свой тяжелый след жестокая пора сталинщины, когда одни творили историю, а другие в угоду кому-то или чему-то ее сотворяли.

Его дело о восстановлении в партийных рядах с мертвой точки не сдвинулось. Будучи оптимистом от при-

роды, он иногда вспоминал запрещенный в те времена анекдот, как в колхоз приехал лектор и читал лекцию о развитом социализме. Лектор возьми и скажи, что, мол, мы уже одной ногой стоим в развитом социалистическом обществе. А старик-колхозник, сельский балагур, поднимает руку из задних рядов и спрашивает:

– А скажи, мил человек, и до каких пор мы так в раскорячку будем стоять?

«Вот и мои дела стоят в раскорячку: я и не партийный и не исключенный...», – с горечью отмечал про себя Мугдаши.

И он решил, что больше медлить нельзя, надо прежде всего решить вопрос об отмене определения Особого совещания при НКВД СССР 1945 года, а значит – обратиться в военную прокуратуру страны. Так он и сделал, уехав с объемистым заявлением в Москву. Здесь, к чести военных прокуроров следует сказать, дело с рассмотрением его заявления под сукно не положили, а сразу же передали в производство. И 18 марта 1958 года Военный трибунал Белорусского военного округа, после многодневного и кропотливого разбирательства, с приглашением оставшихся в живых свидетелей, вынес следующее:

Определение № 404/382

Военный трибунал Белорусского военного округа в составе: председательствующего – полковника юстиции Кондратьева и членов: полковника юстиции Морозова, подполковника юстиции Марченко, – рассмотрев в заседании от 18 марта 1958 г. протест Главного военного прокурора на постановление Особого совещания при НКВД СССР от 3 ноября 1945 года, которым заместитель командира и начальник штаба партизанского отряда им. Зеленина, бригады им. Ленина – Хизгилов (Хизгимов) – Абдуллатипов Мигдар (Мугдаши) Яхьяевич, 1912 года рождения, уроженец гор. Дербент Дагестанской АССР, арестованный 16 августа 1944 года, лишен свободы сроком на 1 год 3 месяца.

Заслушав доклад полковника юстиции Морозова и заключение помощника военного прокурора округа – полковника юстиции Плюта, поддержавшего протест, Военный трибунал округа установил:

Согласно обвинительному заключению Хизгимов обвинялся в том, что, попав в октябре 1941 года раненым в плен, в июле 1942 года вступил в созданный немцами азербайджанский национальный легион, в котором в должности командира роты вел подготовку легионеров для борьбы с Красной Армией.

В протесте ставится вопрос об отмене вышеназванного постановления и прекращении дела на Хизгимова за недоказанность обвинения.

В протесте указывается, что Хизгимов на следствии виновным себя не признал и показал, что в плену он оказался, попав в окружение и будучи раненым, что в созданный немцами азербайджанский легион он вступил, опасаясь ареста за партизанскую деятельность в лагере военнопленных.

В легионе Хизгимов вошел в патриотическую группу, которая вела агитацию за переход на сторону советских войск и помогала польским партизанам. В январе 1943 г. Хизгимов был предан, арестован и заключен в Демблинскую тюрьму, откуда в мае 1943 г. бежал, организовал партизанскую группу, слившуюся затем с партизанскими отрядами, действовавшими в Брестской области.

Хизгимов с августа 1943 г. до соединения с частями Советской Армии являлся заместителем командира и начальником штаба партизанского отряда и лично принимал участие в крупных боях с немцами.

Эти обстоятельства подтверждены материалами дела и представленными Хизгимовым копиями соответствующих документов.

При этом из дела видно, что допрошенный на следствии бывший оперуполномоченный партизанского отряда Лаптев и партизан Арзуманян отзывались о Хизгимове положительно, а командир роты партизан-

ского отряда Гогешашвили подтвердил, что Хизгимов вместе с ним бежал из фашистской тюрьмы, где «себя вел серьезно».

Таким образом, в деле отсутствуют какие-либо данные, свидетельствующие о том, что действия Хизгимова носили изменнический характер.

Вступление его в немецкое специальное формирование – азербайджанский легион, как видно из дела, имело цель патриотическую, что подтверждается его последующей деятельностью в борьбе с немецкими оккупантами в составе легиона и партизанских отрядах.

Учитывая изложенное, военный трибунал округа находит, что дело в отношении Хизгимова (Хизгилова) подлежит прекращению не за недоказанностью обвинения, как это ставится в протесте, а за отсутствием состава преступления, поэтому определил:

Постановление Особого совещания НКВД СССР от 3 ноября 1945 года в отношении Хизгилова (Хизгимова) Абдуллалиева Мигдара (Мугдаши) Яхьяевича отменить и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Подлинное за надлежащими подписями верно:

Член военного трибунала БВО
подполковник юстиции
В.Трикоза

Печать Подпись

С этим в высшей степени важным документом Мугдаши Яхьяевич поехал на прием в ЦК партии, в Москву, куда месяц назад направил еще одно заявление. И, наконец, его настойчивость была вознаграждена.

– Садитесь, Мугдаши Яхьяевич, – пригласил его за стол мужчина лет 45–50, выше среднего роста, с зачесанными назад посеребренными волосами, с широкими чертами лица, большим, мясистым носом. – Должен вам признаться, что мы не сразу разобрались в глубинных корнях вашего дела. После вашего последне-

го заявления мы запросили из Военной прокуратуры Определение военного трибунала Брестского военного округа и другие следственные документы. Мы рады признаться, что вы действительно чисты перед партией и народом. Партийным органам Дагестана дано указание о восстановлении вас в рядах партии со дня прерванного стажа...

– Спасибо, – ответил Мугдаши, встав со своего стула.

– Садитесь, пожалуйста, – остановив жестом Мугдаши, с довольной улыбкой сказал работник ЦК и продолжил: – Дано указание использовать вас на более высоких должностях, ибо с вашим опытом партийной и организационной работы держать вас на прежней – нецелесообразно. Что бы вы хотели, Мугдаши Яхьяевич?

– Я – солдат Партии, как решите, так я и поступлю, – четко ответил Мугдаши и снова встал.

– Вот и хорошо, – ответил представитель ЦК и, неожиданно встав со своего места, подошел ближе к Мугдаши и отечески спросил: – У вас есть еще какие просьбы?

– Нет, спасибо, – удовлетворенно ответил Мугдаши, поняв, что аудиенция окончена.

– В канцелярии вам выдадут соответствующие документы, а остальные отправят в Дагестан. Желаю вам успехов. – Представитель ЦК пожал ему руку и проводил до дверей.

Ехал Мугдаши домой окрыленный тем, что, наконец, во всем разобрались и теперь его оставят в покое. И действительно, в скором времени ему выдали новый партийный билет и назначили директором вновь строящейся ковровой фабрики.

Фабрика, которая вобрала в себя все школы ковроделия Дагестана, была построена за рекордно короткий срок. Благодаря блестящим организаторским способностям директора она за несколько лет стала одним из лучших промышленных предприятий республики.

Ее продукцию – ковры ручной работы стали импортировать в 48 стран мира. Поскольку у фабрики своего общежития для приглашенных из разных горных сел мастериц не было, здесь же при фабрике была открыта школа по обучению ковровому делу. И уже в скором времени предприятие первым в республике получило модное в то время звание «коммунистического труда».

Покидая вечер, посвященный вручению фабрике в очередной раз Красного Знамени, министр местной промышленности республики неожиданно, дружески задержав протянутую руку довольного успехами фабрики директора, спросил:

– Как настроение, Мугдаши Яхьяевич?

– Настроение? – осторожно переспросил Мугдаши и буднично, словно вопрос этот был для него не новым, ответил: – В целом, нормально. Но вас же интересует не только это? За много лет работы с вами я научился понимать ваши вопросы несколько глубже, а потому отвечаю как на духу. Прошло уже немало времени и сегодня я похож на человека, который волей судьбы был брошен в ледяную реку и непременно должен был погибнуть. Так бы и случилось. Но какая-то божественная сила временами выхватывала меня, почти превращенного в бесчувственное тело, поднимала над смертельной пучиной, держала в таком состоянии, словно ей не хватало сил удержать, а может быть испытывала на прочность, и выпускала снова. Однако, в конце концов, она меня из этого ада вытащила... Потом меня подняла и повела Партия, и сегодня я спокоен, удовлетворен работой, жизнь течет своим размеренным шагом, преподнося мне, как и каждому, свои радости и огорчения...

– Вот и хорошо, Мугдаши Яхьяевич, желаю успехов, – и министр крепко пожал ему руку.

Казалось, для спокойствия Мугдаши Яхьяевича были все основания. И не только за свое будущее, но и за честно прожитое прошлое. Определение Военного трибунала не только стерло с его имени позорное

клеймо предателя, но и высветило через печать, радио и телевидение лицо патриота, человека, беззаветно преданного своей Родине. Фигуры на шахматной доске его жизни ходили и действовали по строго установленным правилам. Однако неожиданно одна фигура повела себя несколько странно.

Для того, чтобы понять действия «фигур» начала 60-х годов, надо вспомнить, что это было время режима крутых перемен: с одной стороны, охаивался сталинский режим с его репрессиями в отношении «врагов народа», «врачей-убийц» и т.д., а с другой – нечто похожее на «оттепель», слабые попытки расшатать существующий режим «диктатуры насилия», сказать о нем правду. Последняя заслуга принадлежала небольшой группе бесстрашных «диссидентов», благодаря которым в обществе появилась «запрещенная» литература, о существовании которой раньше лишь догадывались. Сказав «а», партийные органы дальше не пошли, свято хранили свои привилегии, незыблемость своей власти. Представители этой власти вкупе с сотрудниками КГБ, теперь уже не открыто, не бесцеремонно, как прежде, а с соблюдением некоторых «субординаций», по-прежнему делали все, что хотели, давили и не щадили неугодных людей – зло продолжало торжествовать.

В небольшом городе фигура секретаря горкома партии, естественно, была облечена некоторой властью. И вот, накануне 20-й годовщины Победы над фашизмом этот облеченный властью секретарь позвонил в редакцию городской газеты и дал указание снять с полосы праздничного номера набранную и сверстанную статью о подвиге Мугдаши Хизгилова во время его пребывания в плену и побеге из Демблинской крепости.

Работники газеты и типографии, хорошо знавшие Мугдаши Яхьяевича и бывшие под впечатлением опубликованного несколько дней назад в республиканской газете «Дагестанская правда» очерка о нем, были удивлены подобной командой секретаря горкома. В

не меньшей степени был удивлен и сам Мугдаши. Не знаящий компромисса в вопросах чести, за что был нередко бит, Мугдаши позвонил в горком партии:

– Скажите, пожалуйста, по какой причине с полосы городской газеты снят материал обо мне? Хотя его публикация для меня принципиально не важна.

– В горком партии поступил сигнал о том, что вы, Мугдаши Яхьяевич, во время войны работали на немцев, вот мы и решили проверить этот сигнал...

– Проверять не надо, товарищ секретарь, не тратьте на это ваше драгоценное время. Ответ в моем личном деле...

– Как?

– Ответ на этот вопрос в Определении Военного трибунала Белорусского военного округа 1958 года. Кроме того, в моем личном деле есть еще другие документы, которые дают исчерпывающий ответ на подобные «сигналы» в прошлом и настоящем.

– Горком разберется и решит.

– Это что, мнение бюро горкома? – засомневался Мугдаши.

– И бюро горкома разберется! – был бесцеремонный ответ, и трубку повесили.

Тридцатипятилетний «избранник» горкома, самоуверенный выскочка, не терпящий людей с собственным мнением, наверное, тут же, согласно предварительной договоренности, позвонил своим партнерам по «игре в жертву», в которой Мугдаши Хизгилову в очередной раз выпала, как говорится, крапленая карта.

Дело в том, что живущему не по средствам «руководящему составу» в последние несколько лет все труднее было добывать «легкие деньги», беспрепятственно, без огласки убирать честных людей с директорских кресел и продавая их, как это делалось в недавнем прошлом. Впрочем, вседозволенность и незаконие сохранились и поныне, теперь уже в «демократической» одежде, ибо остановить этот процесс было некому.

Итак, власти предрежающие особы задумали чудовищную по своему коварству интригу, целью которой было – вначале вновь распространить забытую было клевету о пресловутом «предательстве» и таким образом опозорить Мугдаши Яхьяевича вселюдно, а потом вынудить его покинуть директорскую должность. Тем более, что за это они никакой ответственности по тем временам не несли.

Можно только догадываться, почему в «черный» список «ликвидируемых» попал Мугдаши Хизгилов. Не за работу, ибо блестящие успехи фабрики были у всех на виду. Оставалась сама фабрика, ковры которой скупались и внутри страны, и за ее пределами. «Партнеры» ожидали сорвать за это кресло хороший «куш». Кроме того, у Мугдаши Хизгилова не было защитной «спины», которая бы оградила его от возможных напастей. Горско-еврейская община города в те времена тоже не могла встать на его защиту, ибо за годы советской власти таких прецедентов не было. Да и страх прошлых лет крепко сидел в ней и ожидать подобной инициативы не приходилось.

Правда, некоторые горожане утверждали, что поступили с Хизгиловым подобным образом по его национальной принадлежности, мол, горских евреев считают «пришлыми», «не своими», «иноверцами», что, мол, им нельзя давать «высовываться», даже если они семи пядей во лбу, и прочее. Другие же все это отрицали на том основании, что горские евреи в Дагестане считаются коренной народностью, что этот факт закреплен конституционно, что мнение отдельных конъюнктурщиков, юдофобов прямо противоположно политической платформе правительства республики. И последним доводом ко всему этому служил тот факт, что подобным подлым образом поступали не только с горскими евреями, но, зачастую, и с представителями других национальностей города.

Итак, за звонком секретаря горкома партии через день последовал звонок из городского отдела КГБ.

– Мугдаши Яхьяевич, здравствуйте! – раздался жесткий голос начальника отдела. – Зайдите, пожалуйста, к нам, так сказать на огонек, есть о чем поговорить...

– А в чем дело? – грубо, не скрывая своего недовольства, спросил Мугдаши.

– Видно, ваши старые друзья не унимаются, говорят о доказательных фактах, – не обращая внимания на тон Хизгилова, ответил кагэбэшник.

Мугдаши понял, что «собачник», если это он, начал новый виток провокаций, как видно, не успокоился... «А этим, – подумал он о работниках КГБ, – только того и надо, хлебом не корми...».

Встреча состоялась на следующий день в кабинете пухленького, низкорослого начальника городского отдела КГБ.

– Как поживаете, Мугдаши Яхьяевич? – будто только об этом и хотел узнать, спросил начальник.

– Не лучше ли сразу по существу, товарищ подполковник, – предложил Мугдаши, уходя от ненужных разговоров.

– Какой же вы нетерпеливый, Мугдаши Яхьяевич, – словно осуждая его за это, продолжил подполковник, однако от предложения не отказался, – что ж, по существу, так по существу... Дело в том, что наш осведомитель видел, как вы совместно с фашистским офицером, будучи в концлагере, вывели из строя знакомого ему человека и увели с собой, а через два дня им приказали вынести его труп и выбросить в общую яму. «Таким образом, – пишет он, – вы убивали тех, кто вас узнал и мог в дальнейшем сообщить компетентным органам...» – он прочитал эту фразу, взяв со стола какой-то исписанный тетрадный листок. – Что скажете на это?

– Скажу, что подобные «доказательства» рассматривались сотни раз. Все это выдумки, предположения, товарищ подполковник, и вам это больше чем кому-либо известно. В моем деле, каждый листок которого вы не менее тщательно изучали, обо всех подобных «разоблачениях» сказано немало. В конце концов есть

Определение Военного трибунала 1958 года... – Подумав немного, Мутдаши неожиданно спросил: – Интересно знать, кто этот заявитель, не мой ли «собачник» вновь взялся за перо?

– Мы об этом никаких сведений не даем, – напыжившись, ответил начальник и добавил: – В компетенции органов КГБ эти обязанности не предусмотрены.

– А вызывать по каждой брехне обязаны? Ну, скажем, у этого «убитого» мной человека имя есть, может, какие признаки?

«А-а, – подумал начальник, вот и хорошо, кипятись, нервничай, выходи из себя, говори, ошибайся, нам это и нужно, продолжай думать, что это твой «собачник» продолжает на тебя писать...», – а вслух сказал:

– Да, в заявлении указано, что он был врачом и фамилия его была... Кадыров, – с «потолка» добавил он.

– Никакого врача Кадырова я не знал. Этак он мог написать: Наполеон, Кутузов или любую другую фамилию... Мне кажется, вы малость не дружите с логикой, товарищ подполковник...

– Как это? – рассердился тот.

– А так. Давайте немного подумаем: «собачник», если это заявление его рук дело, тоже, как и я, был в плену. Его, по каким-то неизвестным мне причинам, вы милуете, его заявления на меня, где он врет от первого до последнего слова, тщательно рассматриваете, а меня, оправданного Военным трибуналом, чистого и перед людьми, и перед Родиной, время от времени третируете? Где же здесь логика?

«Да-а, умен, глубоко роем, – подумал начальник. – Однако нам важно не то, что он прав, а чтобы его покинуло спокойствие...». И вслух сказал:

– Вот поэтому, Мутдаши Яхьяевич, мы не торопимся арестовывать вас, предъявлять обвинение, а хотим тщательно во всем разобраться, – словно печатая каждое слово, веско и недвусмысленно заявил начальник.

– Э-э, нет, товарищ подполковник, меня, прошедшего через муки ада, испугать нелегко. Я понимаю все

происходящее как тщательно продуманную травлю с целью меня опорочить в моем родном городе. Иначе, чем объяснить, что здесь, в Дербенте, с полосы газеты снимают материал о моих военных подвигах, а в «Дагестанской правде» – органе Обкома партии такой материал дают неделей раньше. Чем объяснить, что меня с угрозой вызываете вы и вновь предъявляете мне нелепые обвинения, родившиеся в голове шизофреника? Военный трибунал и КГБ – органы единой системы. Вот уже седьмой год определение Военного трибунала Белорусского военного округа никто не опротестовал и не отменил. Вы, как руководитель отдела КГБ, обязаны принять это Определение к практическому применению и оградить от всяких очернителей и хулителей защитника Отечества. Где же мне искать защиты и справедливости, если не у своей власти? Преступника бить надо, согласен, но честного, преданного партии и Родине надо защищать, ибо потом защищать будет некого...

– Вы все сказали, Мугдаши Яхьяевич? – прервал его начальник.

– Да, мне больше сказать нечего, – ответил Мугдаши и добавил: – Если у вас есть еще, о чем меня спросить, я готов, если же нет, я с вашего разрешения вас покину. Видно, пришло время обратиться в ЦК...

– Идите, Мугдаши Яхьяевич, и успокойтесь, – недоброжелательно разрешил начальник отдела КГБ.

Тем временем по городу с быстротой молнии умелыми провокаторами распространялись слухи о якобы выявленных новых фактах предательства Мугдаши Хизгилова в период его пребывания в плену. О его преступлениях против своих товарищей в концлагере.

3

Жизнь Мугдаши Яхьяевича Хизгилова с самого детства до конца дней была насыщенной, главным образом общественными интересами, целеустремленной

и наполненной глубокой верой в идеалы Коммунистической партии. Он никогда не сомневался, что Партия является мерилom высшей справедливости и правды, даже тогда, когда он встречался со всякой несправедливостью. И вера эта была незыблемой, давала ему возможность преодолевать все жизненные препятствия. Эта вера помогала ему жить.

О его убежденности в том, что защиту и справедливость он сумеет найти в высшем органе партии, лишний раз свидетельствует письмо в ЦК, Л.И.Брежневу. Автор посчитал необходимым дать его в полном объеме, хотя некоторые биографические данные здесь будут повторяться. Дело не в них, а в той глубокой вере человека, что письмо его не останется без внимания, что Партия непременно откликнется на зов своего верного и преданного сына.

«Дорогой Леонид Ильич! Прошу извинить меня, что своим письмом отвлекаю Вас от важных партийных и государственных вопросов, решением которых Вы заняты. Я вынужден это сделать только потому, что дело, по которому я обращаюсь к Вам, возможно, не является только моим, частным. Оно могло иметь место по отношению и к другим товарищам.

Прежде чем написать о том, что вынудило меня беспокоить Вас этим письмом, считаю необходимым вкратце описать свою жизнь в период Великой Отечественной войны.

В январе 1940 года, во время финской кампании, я подал заявление о добровольном вступлении в действующие войска Красной Армии. Работал я в то время на должности ответственного редактора газеты «Красная звезда», органа Дагестанского областного и Дербентского городского комитетов ВКП(б). В феврале 1940 года получил приказ о призыве в Красную Армию и был зачислен в 196 дивизион ПТО, 158 стрелковой дивизии. Я имел тогда интендантское звание. В начале 1941 года был направлен на окружные партийные курсы и по их окончании избран и утвержден на

должность ответственного секретаря партбюро той же в/части.

В боевые действия с фашистскими войсками наша часть вступила в районе города Витебск в июле 1941 года. В августе же в боях за город Смоленск я был контужен. Лечение проходил в 106 медико-санитарном батальоне. По истечении нескольких недель был назначен помощником командира того же батальона, где проходил и дальнейшее лечение.

В сентябре, когда почувствовал себя лучше, я обратился в политотдел 106 МСД с просьбой направить меня на партийно-политическую работу в передовых частях дивизии. И в первых числах октября, во время боев в районе Вязьмы, был назначен комиссаром батальона 1 полка 106 МСД. А 10 октября был ранен в ногу и полость живота и в бессознательном состоянии оказался в лагере для раненых военнопленных в городе Рославль. По истечении 1,5 месяцев был отправлен в концлагерь в городе Могилев.

В январе 1942 года вместе с товарищем – лейтенантом Артеменко Николаем совершили побег из лагеря. Около 2-х месяцев двигались на юг по лесистой местности в надежде найти какой-нибудь партизанский отряд и вступить в него. Но безуспешно. Однажды наткнулись на конный разъезд полицейских и были задержаны. После допроса, где мы объяснили, что оставались в окружении и работали у крестьян, а сейчас, мол, решили двигаться на родину Артеменко, на Украину, – товарища они взяли с собой, а меня первым эшелоном военнопленных отправили в Молодечненский концлагерь.

По прибытии в концлагерь, когда отделяли офицеров от рядовых, я назвал себя капитаном Абдуллалиевым Мигдаром, по национальности азербайджанцем. Оказавшись в офицерском отделении концлагеря, я встретил знавшего меня по фронту, когда я был на должности секретаря партбюро части, старшего лейтенанта Магомедова Мирзахана. Через него я связался с

подпольным комитетом лагеря. В этот период подготавливался побег очередной группы военнопленных. Я, как горский еврей, о чем доложил в подпольный комитет, тоже был включен в эту группу.

Шел май 1942 года. Мы с нетерпением ждали, когда комитет сообщит нам о назначенном времени побега. Но в один из этих дней по приказу коменданта лагеря пленных выстроили и составили список лиц кавказских национальностей, а на следующий день нас повели на медосмотр. Здесь мы узнали, что фашисты собираются подготовить из нас свои войска. По возвращении в барак мы сообщили членам комитета об услышанном и настойчиво просили ускорить решение вопроса о побеге. После некоторого размышления над создавшимся положением, руководители комитета предложили нам использовать предоставившуюся возможность вырваться из лагеря, развернув антифашистскую борьбу. Я стал возражать против такого решения, напоминая о том, что ко всему прочему я не азербайджанец и что, оказавшись я среди большой группы лиц кавказской национальности, кто-либо, потерявший чувство советского долга, узнав меня, может донести фашистам. Но мои доводы не были приняты во внимание. Более того, мне было предложено возглавить группу. Таким образом, мы оказались в созданном фашистами азербайджанском легионе. Какую мы вели там работу, вкратце описано в прилагаемом газетном очерке (газета «Дагестанская правда» от 4 марта 1964 г. «В логове зверя»).

В результате предательства со стороны одного профашиста я был арестован и заключен в Демблинскую крепость. Из этой крепости бежал вместе с двумя товарищами. Из разрозненных групп организовали партизанский отряд на территории Польши. Подпольная организация компартии Польши, с которой нам удалось связаться, утвердила меня в должности командира отряда после того, как уже был избран партизанами (в тех условиях командиры отрядов избирались

голосованием партизан). В подробностях описывать, какую борьбу вел отряд с фашистами на территории Польши, я не решаюсь, поскольку это займет много места. Но скажу одно, люди отряда были патриотами своей Родины, горели ненавистью к фашизму не только за вероломное нападение на СССР, но и за те издевательства и муки, которые пришлось испытать каждому в фашистской неволе. Почти все были совершившими побег из лагерей и тюрем, полны решимости бороться с фашизмом не на жизнь, а на смерть.

Отряд действовал на территории Польши до конца сентября 1943 года. Затем, по совету подпольной организации компартии, ввиду приближения зимы и отсутствия надежных лесных массивов, перешли через реку Буг на советскую территорию и объединились с незадолго до этого созданным, еще немногочисленным отрядом им. Жукова, бригады им. Сталина, Брестского соединения (южная зона). Я был назначен зам. командира отряда.

Помимо многочисленных боев с фашистами, нападений на их гарнизоны, отряд вел большую диверсионную и разведывательную работу. Членами отряда было пущено под откос до 80 железнодорожных составов, уничтожено много автомашин, подорвано большое число рельсов на железной дороге. В зоне действия отряда по существу была восстановлена советская власть.

В августе 1944 года после форсирования реки Буг и совместных действий отряда с советскими войсками на приграничной территории Польши отряд был расформирован. Тотчас же по моему заявлению о том, что был в плену, после расформирования отряда я был арестован Брестским областным управлением МГБ. 17 месяцев, раздетый и полуголодный, вынужден был провести в подвалах МГБ. Обвиняли меня в «измене Родине». Было очень больно после всего пережитого слышать это тяжелое обвинение и все это время находиться среди тех, кого беспощадно сам уничтожал в период подпольно-партизанской деятельности. При

этом не могу не заметить, что одновременно с арестом я в числе активных партизан Белоруссии Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Отечественной войны I степени (15 августа 1944 года).

31 декабря 1945 года я был освобожден из-под стражи и выехал по месту жительства.

Сразу же после возвращения я стал работать и включился в активную общественную жизнь. Но тем не менее вплоть до 1955 года меня все допрашивали, уточняли, выясняли и угрожали отправить «на Колыму». Особенно усердствовали работники КГБ.

В 1958 году меня, наконец, услышали. Военная прокуратура страны, опять же по моему заявлению, обратилась в Военный трибунал Белорусского военного округа, который после нескольких месяцев тщательного рассмотрения принял Определение, согласно которому Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 3 ноября 1945 года, прекратившее мое дело «за недоказанностью обвинения», было отменено, как юридически неправильное. Определение 1958 года гласило: «Прекратить за отсутствием состава преступления» (копия Определения прилагается).

В этой связи я часто вспоминаю одну из Ваших встреч с партизанами Великой Отечественной войны, где Вы на вопрос партизана, в прошлом волей судьбы оказавшимся в фашистском плену, сказали, что власти должны оберегать своих сыновей от клейма предателя, которые даже в гитлеровских застенках умели оставаться патриотами, верными Родине и партии, а потом, став партизанами, наносили врагу невосполнимый урон, мстили и уничтожали его за кровь и слезы нашего народа. Вот тогда я был окрылен, что у руля нашей великой Партии такой мудрый человек, как Вы.

Таким образом, я был реабилитирован и восстановлен в рядах КПСС. Во всяком случае, все это время после 1958 года я так полагал. Оказывается, нет, не покончили с этим «делом» и по истечении 20 лет после по-

беды над фашистской Германией. Вот в чем дело. В канун праздника 20-й годовщины Победы над фашизмом ко мне обратился с настойчивой просьбой корреспондент нашей городской газеты рассказать подробности моего пребывания и побега в 1943 году из Демблинской крепости. И по этому рассказу корреспондентом была подготовлена статья для праздничного номера газеты. Но, в последнюю минуту, по указанию одного из секретарей горкома КПСС эта набранная и сверстанная в полосу газеты статья была изъята. А работники газеты и типографии хорошо знали меня, находились под впечатлением описанного в этой статье события в ранее появившемся очерке в «Дагестанской правде» и были удивлены команде секретаря горкома.

Вслед за этим последовал вызов в КГБ, где снова (в который раз!) заговорили о моем пресловутом предательстве.

Разумеется, в народе снова пошла молва о моем «неблагополучном прошлом». Буквально во время митинга 9 мая некоторые из товарищей, сообщая об услышанном, обращались ко мне с вопросами: в чем дело? что это значит? Я просто пожимал плечами, не зная, что ответить. Это еще ничего, я привык во все послевоенные годы к такого рода злоключениям и нервы натренированы. Наихудшее произошло несколько позже, в дни праздника 48-й годовщины Великой Октябрьской революции. Один из моих близких товарищей поступил весьма неосторожно, затеяв разговор по этому поводу в кругу моей семьи, в присутствии детей. Случилось самое страшное для меня, отца пятерых детей, старшему из которых 19 лет, а самому младшему 12 лет. Я не мог тогда в свое оправдание осудить несправедливость секретаря горкома партии по отношению ко мне. Это была бы ненужная крайность – дети не должны сомневаться в высокой справедливости партии. Но зато сам много потерял в глазах детей. Мои дети усомнились в честности отца, в правдивости моих рассказов обо всем том, как приходилось бороться с фашизмом, в правдивости напечатанного в

«Дагестанской правде» очерка. Если раньше они после каждого просмотренного фильма, прочитанной книги или статьи, посвященных подвигам советских людей в Отечественной войне, делились со мной впечатлениями и, чтобы еще раз увериться в прочитанном и увиденном, заручались моим подтверждением, что все это не только правда, но и имело массовый характер, – а поскольку мне пришлось всего вдоволь повидать и испытать в период войны, прочитанное ими я дополнял рассказами из жизни моих товарищей, – теперь за какие-нибудь три месяца как будто подменили моих детей. У них пропал тот повышенный интерес ко всему, что относится к Великой Отечественной войне и что мною весьма поощрялось, так как это воспитывало в них патриотизм, чувство высокого долга перед Родиной и безграничного уважения к тем, кто своей кровью и жизнью отстоял свободу и независимость Советской Родины.

Это свое горе (иначе я не могу назвать) я бы продолжал делить сам с собой, не беспокоил бы своим письмом Вас, дорогой Леонид Ильич, не будь еще нижеописанного случая. На днях мой 15-летний сын, учащийся 8 класса, обратился к матери с таким вопросом: «Мама, почему папа не получал поздравления и подарки, когда был праздник Победы?» Мать ответила, что воевали миллионы, не всех же могли наделить подарками. А про поздравления просто обошла вопрос мальчика. И от сына последовало: «Мы с товарищами спорили, они говорят, что подарки и поздравления получали все, кто хорошо воевал».

И вот, когда мне жена передала этот разговор с сыном, я понял, до какого положения довела меня грубая несправедливость невежественного человека, который оказался на высоком посту секретаря горкома партии. Не осудите меня, дорогой Леонид Ильич, если признаюсь, что в этот момент я был близок к тому, на что не решался даже в те весьма безнадежные дни, когда находился в гестаповских застенках в ожидании расстрела. Видимо, все же нервы сдают.

Неужели мне до конца своей жизни придется вот так мучиться, получая неизлечимые моральные травмы? Чем же я заслужил это? В чем моя вина перед Родиной? Еще не было войны, а только конфликт с малочисленной страной – Финляндией, я оставил любимую работу, семью с пятимесячным ребенком и добровольно вступил в Советскую Армию. Моя ли вина в том, что я, тяжелораненый, без сознания был взят в плен врагом? Собственно, в этом я не виню и своих товарищей по оружию – очень уж тяжелыми были условия боя. Или в том моя вина, что не отсиживался в пленном лагере в ожидании нелепой смерти или вызволения оттуда кем-то другим, а бежал, чтобы приобщиться к борьбе с врагом и показать другим путь к этому? Верно, был пойман и опять водворен в концлагерь. Значит, неудача. Такое тоже было не с одним мною. Фашисты, не спрашивая у меня согласия, послали меня вместе с другими в свои войска. Если бы даже не было благословения подпольного комитета лагеря на это, я мог бы идти туда, нисколько не опасаясь, что фашистская пропаганда может превратить меня в своего единомышленника. Разве те, кого советские органы одевали в фашистскую форму и посылали в логово врага, не были такими же, как я? Ведь мой прадед и дед были батраками, отец – рабочим, красным партизаном гражданской войны. А сам чего достиг? Начал свою жизнь в пионерском отряде, дошел до звания члена великой ленинской партии, редактора республиканского партийного органа. Безупречность моей биографии доказывалась еще и тем, что Центральный комитет ВКП(б) в 1939 году утвердил меня на эту должность несмотря на то, что был еще очень молод и к тому же только что принят кандидатом в члены ВКП(б).

Из этого так называемого фашистского легиона я попал в Демблинскую крепость, в руки палачей-гестаповцев, разумеется, не за безупречную службу фашистам. И то, что я вместе со своими товарищами бежал из этой крепости раздетым, разутым, и тем самым не дал себя расстрелять, не может также расцениваться как

проявление трусости. К тому же, совершив побег, мы не думали, что избавляемся от смерти. Нет, мы бежали для того, чтобы умереть, борясь с врагом. И боролись. Организованные при нашем активном участии вооруженные за счет врага отряды партизан уничтожили не одну тысячу фашистов, пустили под откос около сотни железнодорожных составов, вели большую разведывательную работу, данными которой информировались и штабы фронтов и Генштаб Советской Армии (ответственным руководителем по организации разведки и сбору данных был назначен я).

Дорогой Леонид Ильич, я несколько раз перечитывал Ваш доклад на торжественном собрании, посвященном 20-летию Победы. Почувствовал великую человечность, с которой партия вспоминает всех тех, кто были участниками этой исторической битвы и ковали победу нашей страны. Вы не забыли в своем докладе никого. В этот день с гордо поднятой головой ходили все советские граждане – и те, кто на своих плечах, своей кровью добыли эту победу, и те, кто не были непосредственными участниками тех событий. Но для меня в тот день радостное возбуждение было омрачено.

Дорогой Леонид Ильич, одновременно с этим письмом я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой, если только что-либо осталось невыясненным, сомнительным, я готов предоставить себя в распоряжение соответствующих органов еще раз и на какой угодно срок, лишь бы так не травмировали меня периодически, не доводили до того, до чего довели меня в глазах моих детей, коллектива, в котором работаю, и горожан (у нас небольшой город и почти все друг друга знают). Я не вижу оснований и не хочу быть в двойственном положении: человека, облеченного большим доверием партии – мне доверено руководить, воспитывать коллектив трудящихся, и в то же время пребывать под подозрением.

Наверное, слишком сложно складывались обстоятельства, в которых приходилось быть мне в период войны: фронт, плен, побег, еще раз плен, погоны офице-

ра фашистской армии, гестаповская тюрьма, приговор к расстрелу, побег из тюрьмы, борьба в партизанском отряде на территории чужой страны и т.д. Возможно, гораздо проще было бы, оказавшись не по своей воле в плену, считать, что «отвоевался». Это было бы легко объяснимо законами войны. Но мы, коммунисты, не имели права придерживаться таких законов в той необычной войне, когда решался вопрос жизни и смерти всего советского народа. И если уж фашистам не удавалось убить меня, я продолжал дышать, следовательно, обязан был находить возможности для продолжения борьбы. И я их находил, нисколько не задумываясь над тем, с «правильной ли стороны» я захожу к фашисту, чтобы убить его. В тех условиях мне не с кем было консультироваться, из какого положения, как следует выходить. Наоборот, я считал свою преданность Родине и партии вполне достаточной, чтобы самому быть консультантом для других. Я так и поступал.

С пожеланиями Вам доброго здоровья и больших успехов в труде на благо нашей Родины.

25.I.66 г.».

Письмо было отправлено с уведомлением. С надеждой в торжество справедливости. Однако ответа Мугдаши Яхьяевич не получил. Видно, занятые строительством светлого будущего там не нашли времени для рядового участника этого строительства.

Естественно, в ожидании ответа Мугдаши Яхьяевич несколько месяцев ходил малость ссутулившись, изменившись в лице. Нет ничего хуже ожидания. Не верил он, не мирилось его сознание с тем, что уже в настоящее время, как он думал, в годы относительного спокойствия, в годы созидательного труда, хотя бы один из многотысячной армии работающих в Центральном Комитете не нашел для него нескольких минут.

Однако... Судя по тому, как перестали его вызывать то в горком партии, то в отдел КГБ, Мугдаши понял, что что-то произошло... Клеветническая молва

вдруг затихла, и однажды редактор городской газеты, симпатизирующий ему, встретив его на улице, как бы мимоходом заметил, что из горкома был звонок, мол, там не будут возражать, если газета вернется к публикации материалов о нем.

Возможно, что из того самого ЦК, из которого он так и не дождался ответа, был звонок в обком, а те, в свою очередь, позвонили в горком и сказали: оставьте, мол, этого Хизгилова в покое... Нет, не в порядке приказа, не окриком свысока, а так пожурили, как родитель бранит порой своего шаловливого отпрыска. В этой системе не было принято, за самым редким исключением, порочить, позорить, а еще хуже, обливать грязью нижестоящего. Ни-ни. Выносить сор из избы было запрещено. А как же, Великая партия, символ правды и справедливости, маяк, освещающий путь всему человечеству.

Сегодня, когда уже нет того колосса, невольно задаешься вопросом: как же случилось, что эта мощная скала так легко развалилась? Видно, это случилось потому, что она была построена без учета фундамента, без основы. Мощь была наверху, ее громового окрика было достаточно, чтобы все внизу падали ниц. А что касалось партийных организаций, то бишь основы партии, то она была вообще бессильна, словно рахитик. И вот на этих рахитичных ногах стояла партия, которая и рухнула, не выдержав безмерно раздувшуюся голову.

Но это было потом, а пока даже маленький винтик этой машины мог творить чудовищную несправедливость.

4

Однажды, когда был еще совсем юным, Мугдаши видел, как отползшая было гадюка от удара посохом вдруг неожиданно повернула назад, чтобы стремительно ужалить ударившего. Он понимал, что ни секретарь

горкома, ни начальник отдела КГБ, ни партнеры по затеянной ими злодейской игре не простят ему полученной «пощечины», больше того – неудавшейся попытки заработать на его должности крупную сумму. Правда, он не знал, сколько потребуется им времени, чтобы «повернуть назад и стремительно его ужалить».

Но годы шли своим чередом, и за это время секретарю горкома воздали должное, отправив директором конторы очистки. Однако начальнику отдела КГБ, знавшему неблагоприятные секреты других партийных руководителей, удавалось оставаться при должности, готовя новые пакости Мугдаши. Да и ему ли одному?! Надо думать, он не торопился, искал подмогу в лице первого секретаря горкома, и, когда через 10 лет такая возможность появилась, он немедленно этим воспользовался.

За это время бдительность Мугдаши Яхьяевича малость притупилась, он думал, что добродетель все же победила в черствой душе «стража безопасности». Кроме того, начиная с апреля 1974 года его стали беспокоить адские боли в желудке. Он крепился, старался скрыть эти боли, однако они все больше и больше ломали и гнули его могучую волю. В конце августа он поехал в Москву и лег в гастроэнтерологическую клинику. После двухмесячных исследований ему сделали тяжелейшую операцию с резекцией желудка. Лишь в начале декабря он вернулся домой и сразу же приступил к работе.

Еще за два месяца до его возвращения в дверь кабинета большеголового начальника постучали и после разрешения вошел сухопарый немолодой человек выше среднего роста. Поздоровавшись, он представился и по приглашению хозяина кабинета сел.

– Да, да, мне о вас говорили. Что же вы, зная наших общих друзей, ни разу не обратились? – дружелюбно спросил начальник.

– Как-то не решался... Тогда все обходилось, но вот уже несколько месяцев просто дышать не дает, – торо-

пясь сказать о главном, начал гость. – Наше предприятие, хотя и самостоятельное, но зависит от ковровой фабрики...

– Не волнуйтесь, поможем, – уверенно заявил хозяин кабинета, – ждать осталось недолго...

Гость достал из барсетки толстый сверток и, пряча взгляд, положил его на стол. Хозяин кабинета, ничуть не смущаясь, привычно взял сверток и положил в потайной ящик.

– А директором фабрики сумеете работать? – спросил начальник, весело взглянув на гостя.

– Конечно, мы по существу делаем то же самое, что и фабрика... Я буду щедро благодарить, будьте уверены...

– Что ж, хорошо, будем иметь в виду, – закончил разговор начальник, словно удовлетворенный последним обещанием гостя. И вспомнив о чем-то, добавил: – Вы, вот что, напишите на мое имя заявление, в котором постарайтесь скомпрометировать Хизгилова, как можно правдивее перевирая факты...

– Да, да, я знаю, как это сделать, – заверил гость начальника, – через день заявление будет у вас.

– Вот и хорошо, – начальник встал и протянул гостю руку, – думаю, что мы сговоримся. Желаю успехов...

Гость подобострастно пожал протянутую руку и удалился.

За неделю до возвращения Мугдаши Яхьяевича из Москвы начальник городского отдела КГБ пригласил к себе на беседу работницу ковровой фабрики Насрулаеву и неожиданно для нее спросил:

– Год назад при выходе из фабрики у вас изъяли 2 кг пряжи, каким образом и где вы взяли эту пряжу?

Женщина оторопела, от испуга потеряла дар речи и сразу заплакала. Она не ожидала, что этот забытый уже инцидент всплывет через год, да еще где, в стенах отдела КГБ. Однако женщина хитрая, изворотливая, умудренная жизнью, она рассудила, что если бы

ее хотели посадить, позвали бы не сюда, а в милицию, значит она нужна этому человеку для другой цели. Вытерев слезы, она тихо спросила:

– Для чего я вам понадобилась?

– О, о! – удивился начальник, – да вы женщина понятливая...

– Жизнь всему научит, товарищ начальник. – Она, пытливо взглянув на хозяина кабинета, подумала: «Наверное, ему надо тайно узнать что-то о фабрике», а вслух добавила: – Я готова сделать то, что вам надо...

– И вы знаете, что мне нужно? – хитро спросил начальник.

– Пока еще нет, но догадываюсь...

– И что же?

– Что-то такое, о чем вслух спросить нельзя, а узнать надо...

– Ладно, не будем играть в прятки. – Хозяин кабинета рассудил, что пришло время поговорить с ней откровенно. – Скажите, как вы относитесь к директору фабрики?

– А никак, мне до директора далеко... Правда, иногда при встрече здороваемся...

– Женщина вы привлекательная, всякое бывает... Могли бы вы написать в горком, что однажды директор к вам приставал, чего-то хотел... Думаю, вас учить не надо...

Насрулаева задумалась: «Видно, с директором хотя расправиться, но как это сделать, ищут повод... Наплевать на директора, своя шкура ближе...»

– Хорошо, товарищ начальник, я завтра же напишу в горком такое... нужное вам заявление...

– Вот и хорошо, я знал, что мы поладим...

Хотя после перенесенной операции врачи посоветовали пару недель отдохнуть, Мугдаши Яхьяевич, ознакомившись с делами и проблемами фабрики, решил посетить горком, доложить о своем возвращении и заодно решить некоторые наболевшие вопросы. Тем более, что подотчетное предприятие, которое до не-

давнего времени выполняло все предписания фабрики, вообще вышло из-под контроля, а директор его ведет себя вызывающе.

Мугдаши ожидал теплой, как принято в таких случаях, беседы, а встретил безразличное рукопожатие и взгляд исподлобья. Первый секретарь горкома партии без обиняков предложил ему написать заявление об уходе с фабрики по собственному желанию.

Поскольку такой поворот событий его никак не устраивал, мало того, был неожиданным, Мугдаши потребовал объяснений.

– Объяснений? – взорвался секретарь. – Никаких объяснений не будет, таково требование обкома.

– На каком основании? За всю свою жизнь я не имел ни одного взыскания, фабрика – одна из лучших в республике. Так в чем дело? Я хочу знать, каковы мотивы такого жестокого ко мне отношения. Я ваше требование не выполняю.

Тогда возмущенный секретарь горкома тут же собрал пять членов бюро и зачитал собравшимся заявление работницы фабрики Насрулаевой, где она утверждала, что два или три года назад она подошла к директору и поздравила его с днем рождения, на что директор якобы ответил, что так не поздравляют и попросил поцеловать его в щеку. Это было настолько смешно, что некоторые члены бюро не могли скрыть улыбок. А Мугдаши, который пришел в негодование от этого фарса, воскликнул:

– И что, я должен поверить этой галиматье?! Этак можно утверждать, что два года назад произошло солнечное затмение и только поэтому теперь дни сменяются ночью. Нет, уважаемые члены бюро, такого случая не было и никогда не будет, ибо о моем моральном облике известно всему нашему городу. Вы, товарищ секретарь, конечно, можете принудить этих людей проголосовать за ваше предложение, даже, наверное, сделали это, но я никогда не смирюсь с этим, опротестую ваше решение и с должности директора не уйду.

Заявление это выглядело настолько жалким и смешным, что было видно – не факт важен, а повод для расправы. И как следствие, бюро горкома решило: отстранить Мугдаши Яхьяевича Хизгилова от должности директора и объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. При этом не сочло нужным ни проверить это комичное заявление, ни обсудить сначала в партийной организации коллектива фабрики, хотя, если даже такой факт и имел место, он не мог служить основанием для такой жестокой расправы над членом партии с 35-летним стажем, бессменным директором лучшего предприятия. Ни для кого не было секретом, что весь этот фарс и принятое решение были подготовлены заранее.

Спланированность этой расправы подтвердилась и в последующем. 25 февраля 1975 года, т. е. через месяц после описываемых событий, состоялось заседание бюро обкома партии, рассмотревшее апелляцию Хизгилова. Несмотря на то, что приведенный в заявлении Насрулаевой факт вызвал откровенный смех членов бюро, все же решение бюро горкома партии было оставлено в силе. Отменено было лишь занесение партийного выговора в учетную карточку. Люди, расположившиеся в огромном кабинете секретаря обкома партии, видели, что все делается в нарушение партийных норм, что ни парторг ковровой фабрики, ни партбюро, ни тем более коллектив не были поставлены в известность, об их интересах никто и не подумал, но всё равно проголосовали так, как хотел секретарь.

Для Мугдаши это было большим разочарованием. То, что в его родном городе партийные руководители – люди, в большинстве своем, в крайней степени нечестные, жадные, алчные, во имя собственных интересов готовы предать общественные и государственные, в этом он убедился. Но то, что в областной партийной организации творится подобное же – для него было странным открытием.

И все же он понял еще одно, что никогда не надо бояться и склонять голову перед злом, ибо оно имеет

редкую особенность трусить перед добродетелью. Понимая, что начальник отдела КГБ все еще не выбросил из своего арсенала факт его пребывания в «азербайджанском легионе», Мугдаши Яхьяевич обратился к председателю республиканского управления КГБ с просьбой принять его.

Во время их встречи Мугдаши спросил у него:

– Скажите, пожалуйста, у КГБ и партийно-советских органов республики есть ли сомнения по поводу моей антифашистской деятельности в азербайджанском легионе?

– Нет, Мугдаши Яхьяевич. Этот вопрос снят с повестки дня еще в 1958 году.

– Прошу прощения за назойливость, – сказал в ответ на это Хизгилов. – Дело в том, что начальник Дербентского горотдела КГБ занял в отношении меня непонятную, я бы даже сказал враждебную позицию.

– Как?

– Вот несколько примеров, но вначале о позиции. И из материалов дела, и из сути вопроса ясно, что я был послан в легион на подпольную работу, был тщательно законспирирован и не мог перед каждым солдатом-легионером полностью раскрываться. Работнику органов КГБ больше чем кому-либо известны принципы ведения подпольной работы. И, конечно, начальник горотдела располагал многочисленными документами по моему делу и мог без особого труда объяснить заблуждающимся авторам писем мою истинную роль в легионе, а заодно разоблачить анонимщиков и выявить цели, которые они преследуют, пытаясь опорочить меня. Однако вместо подобной принципиальной позиции здесь заигрывают с ними.

– Неужели так серьезно, Мугдаши Яхьяевич? – удивился областной начальник.

– Да, товарищ полковник, – твердо ответил Мугдаши и продолжил: – А теперь примеры... Летом 1974 года по заданию редакции журнала «Народное искусство» на фабрику приезжал журналист, кандидат

искусствоведения А.Канцедикас и как специалист в области народного искусства высоко оценил работу фабрики и хотел написать об этом статью в свой журнал. Узнав о моем военном прошлом, А.Канцедикас решил использовать в материале некоторые факты из моей биографии, чтобы показать, так сказать, преемственность военных и мирных традиций. В связи с этим журналист обратился к начальнику отдела КГБ с просьбой предоставить ему возможность ознакомиться с архивом по моему делу, имеющимся в горотделе КГБ. И что вы думаете? Начальник не предоставил ему этой возможности, в коротком разговоре сказал, что моя деятельность в легионе вызывает сомнения, причем столь серьезные, что на их основании я в 1973 году не был избран в горком, а в следующем году был лишен правительственной награды. Мало того, он пренебрежительно отозвался и о моей административно-хозяйственной работе, объясняя успехи фабрики лишь особым ее положением.

– А каковы мотивы? – еще раз удивился собеседник.

– Я догадываюсь, но сказать не могу, – ответил Мугдаши, задумавшись. – Но все это заставило меня серьезно задуматься над некоторыми обстоятельствами моего не избрания в горком (я был членом горкома с 1964 по 1973 г.) и задержки моих наградных документов, прошедших уже через горком и обком (кажется, я был представлен к ордену Трудового Красного Знамени по итогам третьего года пятилетки, который наше предприятие закончило первым в городе). Если раньше я на эти факты не обращал серьезного внимания, так как никогда не стремился к наградам и отличиям, то теперь меня они насторожили.

Хочу вам сказать, что по моей настойчивой просьбе прокуратура страны еще раз организовала пять лет назад проверку моего пребывания в легионе. После этого дополнительного расследования я был приглашен в горком, где ответственный работник прокурату-

ры СССР ознакомил меня и присутствующих: первого секретаря горкома и начальника горотдела КГБ с результатами. В письме прокуратуры вновь подтвердился факт моей патриотической работы в легионе, полностью снимались какие бы то ни было сомнения в этом вопросе. Я полагал, что мне уже никогда не придется возвращаться к этому.

Еще один пример о мотивах. Речь идет о том, что в моем отстранении от обязанностей директора ковровой фабрики есть заинтересованные лица, связь которых носит не бескорыстный характер.

На протяжении многих лет я, как один из руководящих работников местной промышленности республики, член коллегии министерства местной промышленности, должностное лицо, непосредственно связанное со всеми вопросами ручного ковроделия, решительно выступал за ликвидацию Дербентской красильно-аппретурной фабрики как самостоятельного предприятия, за объединение шерстопрядильной фабрики «Дагюн» с первой. Несколько лет назад фабрику «Дагюн» из системы легкой промышленности уже передали в подчинение нашего министерства, т.е. подготовлена почва для решения поставленной задачи. Что бы это дало?

1. Ежегодная экономия в миллион рублей и снятие проблемы рентабельности ручного ковроделия.

2. Цена крашения 1 кг шерсти на этом предприятии в четыре раза выше предусмотренного преysкурantom.

3. Значительное снижение административно-хозяйственных расходов, легкость в управлении.

Более подробно я изложил свои предложения в «Известиях», «Дагестанской правде» и т.д. Однако воз, как говорится, и ныне там. И это потому, что в нежелании решить этот вопрос заинтересована небольшая группа лиц, обогащающихся за счет тех сотен тысяч рублей, которые ежегодно изымаются из кармана государства при реализации шерсти с повышенной влажностью.

– Спасибо, Мугдаши Яхьяевич, мы все ваши замечания и предложения примем во внимание, – пожал ему руку руководитель республиканского Управления КГБ и проводил из кабинета.

Мир не без добрых людей. Наверное, эту истину постигал каждый человек, попадавший в беду. На защиту Мугдаши встал его коллектив в лице коммунистов фабрики. Это было неожиданностью для горкома партии. Одиннадцать членов партийной организации, в том числе секретарь и члены партбюро, несколько часов спустя после пресловутого заседания бюро горкома принесли в горком письменное заявление с просьбой разъяснить коммунистам и коллективу фабрики мотивы принятого решения об отстранении директора от занимаемой должности. И это было вполне нормальная реакция.

Однако в обкоме партии М. Хизгилову инкриминировали и этот факт. Мол, он специально настроил людей на протест и за это якобы заслуживает строгого наказания. Ну как тут не вспомнить басню о волке и ягненке. Партийным «вождям» нужна была должность директора фабрики, поэтому его и съели...

Однако снова подавились...

Мугдаши Яхьяевич обратился и к Председателю комитета партийного контроля страны. И снова, как 10 лет назад, решения бюро горкома и обкома партии были отменены, Хизгилов восстановлен в своей должности и снова недоброжелатели, мягко говоря, получили щелчок по носу.

Но не знал и не ведал Мугдаши Яхьяевич, что его настоящим спасителем от напастей коварных чиновников в течение многих лет были не партия и ее верхний эшелон, не комитет так называемого партийного контроля, которым он доверчиво писал длинные и подробные заявления, а министр местной промышленности республики, который проникся к нему доверием и высоко ценил его организаторские способности. Этот

немногословный, но мужественный человек острие удара по Мугдаши Хизгилову принимал на себя, оставаясь ему верным и незаменимым другом.

Еще более 10 лет Мугдаши Яхьяевич продолжал возглавлять фабрику, производившую ручные ковры всех старых школ ковроделия республики, принося радость миллионам семей на родине и за рубежом яркими, удивительно красочными узорами.

В начале 80-х годов он пришел в горком и без всяких слов, молча, неожиданно для сидевшего за столом секретаря, положил на стол заявление об уходе на пенсию по собственному желанию. И так же без слов и рукопожатий покинул кабинет, в котором продолжали сидеть люди, его разочаровавшие.

Несколько лет в своем неизменном кожаном плаще он почти ежедневно работал на своем дачном участке, выращивал редкие овощи, которыми щедро одаривал не только свою семью, но и всех друзей и соседей. Колесо жизни Мугдаши Яхьяевича Хизгилова продолжало крутиться, принося радость общения с ним многим жителям древнего Дербента.

Однажды он как-то устало открыл калитку моей дачи, сел на предложенный стул, задумчиво уставился на берег моря, что плескалось недалеко, и неожиданно сказал:

– Ты знаешь, друг мой, в последнее время я не раз обращался в партийные верхи не только за себя, но и по поводу разных людей, и знаешь, к какому печальному выводу я пришел: оказывается, я всю жизнь верил партии, как Богу, а она всегда и во всем обманывала меня...

Он побледнел, протянул руку к бутылке минеральной воды, налил в стакан и медленными глотками выпил. Видно было, что это открытие сломало даже его, человека сильного и мужественного.

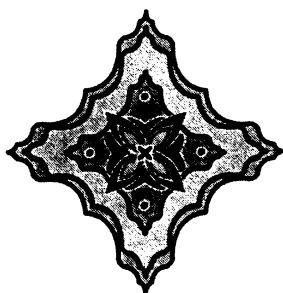
– Трудно в конце жизни в этом признаться, этот вывод меня просто опустошил – у этой партии нет будущего...

Какое событие или какие раздумья привели его к этому выводу, он не сказал, но смотрел он в самый корень.

В первых числах мая 1989 года, накануне дня Победы, колесо жизни Мугдаши Яхьяевича Хизгилова остановилось.

МАКОВЫЙ СЛЕД

РОМАН

ОТ АВТОРА

В основу этого романа лег известный исторический факт разгрома еврейского селения Аба-Сово. Это роковое событие лишь мимоходом, в несколько строк, нашло отражение в двух-трех весьма запутанных сочинениях, появившихся по прошествии более века после случившегося. Лишь несколько лет назад Хизгил Авшалумов – народный писатель Дагестана, в прошлом научный сотрудник Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, в «Очерке истории рода Ханукаевых», путем сопоставления ряда разрозненных данных, изучения значительного исторического материала и логического их осмысления, по поводу этой трагедии пришел к выводу, близкому к мнению автора этих строк.

В настоящее время от Аба-Сово не осталось ничего, даже руин, что называется, исчезло с лица земли. Лишь надгробные камни и надписи на них, некоторые из которых сохранились почти в первозданном виде, другие же – упали и разбились сами или были варварски свалены кем-то, на никем теперь не посещаемом кладбище, все еще напоминают, что когда-то здесь жили евреи, в очередной раз в своей истории обжидали эти каменистые земли и в который же раз от неожиданного несчастья, оставляя не только дом и все нажитое, а и могилы близких, спешно убегали прочь, чтобы не оборвалась навсегда полная трагизма нить этого удивительно упорного народа.

В одном малоизвестном анекдоте рассказывается о том, как четверо азартных игроков, увлекшись, забыли, что в это самое время Бог раздавал каждому наро-

ду предназначенную ему землю. Первый выбывший из игры, представитель какого-то народа, побежал и получил у Бога землю. Второй, после многих извинений и просьб, все же уговорил Всевышнего и тоже не остался без земли. Третий игрок, выслушав отрицательный ответ Творца о том, что земли больше нет и что тот опоздал, стал Ему льстить, ни единым словом не обмолвившись о цели своего прихода. Наконец, Создатель, не выдержав потока восхвалений и лести в свой адрес, сказал:

– Оставил себе один райский уголок, да ладно, забирай!

Последним пришел еврей.

– Ты где был, сынок? – спросил Бог у него.

– Ждал, чтобы прийти последним, Отец...

– Почему?

– Моя земля Тобой, Всемогущий, предопределена давно, – ответил еврей.

– Да... – в задумчивости произнес Бог и спросил: – Ты знаешь, где она?

– Да, знаю, – ответил еврей.

– Ну, иди и возьми!

И пошел еврей, и взял эту землю. Правда, вслед за этим, словно в наказание за непослушание, этот клочок земли не раз разоряли и многих, многих евреев уводили в плен, оторвав их от родного очага. На его долю выпало столько, что можно было бы искупить все грехи земли. Но никогда, ни в какие лета земля эта не оставалась без еврея! Он, как и в местах своего расселения, надевал новые «костюмы», говорил на других языках, но Родину свою полностью не покидал. Ни один народ в течение столь долгого времени так эмоционально не выражал своей привязанности к конкретному кусочку земли, как еврейский. Примером тому может служить Хеврон, где покоятся останки великих предков этого народа от Авраама и Сарры до Иосифа. Он отражает долгую трагическую историю евреев и их беспримерную способность переносить невзгоды. Вначале Хев-

рон стал еврейской усыпальницей, затем синагогой, потом в нем Давид был помазан на царство, вслед за этим захвачен Грецией и Римом, оттоманские турки устроили резню его жителей, христианские паломники заставляли изменить своей вере, и, наконец, произошли события 1947 года.

В истории еврейского народа было много «кровавых закатов», но создание еврейского очага – государства Израиль, бесспорно, является периодом долгожданного рассвета после долгой ночи. Что же касается событий, описанных здесь, то они имели место еще за долго до этого рассвета.

ГЛАВА 1

Теперь уже, по прошествии времени, есть основание считать, что примерно шесть веков назад, на отрогах Кавказа, у подножия Джалганской возвышенности, в трех верстах от южных ворот ханской цитадели Нарын-кала, которая, словно папаха, по сей день украшает «голову» древнего Дербента, на огромной поляне, к выравниванию которой, видно, было приложено немало усилий, расположилось большое, примерно в шестьсот-семьсот душ, еврейское селение Аба-Сово.

Восточной, лицевой, стороной село обращалось к Каспийскому морю, и здесь поляна, на которой стояло селение, обрывалось крутым, непреодолимым откосом, от основания которого на много верст к юго-востоку, по всей Мюшкюрской равнине и еще дальше, к буйной Самур-реке, раскинулся черный, лиственный лес.

С правой, южной, стороны село граничило с глубоким ущельем Дерей-мар, на верхнем крае которого молодость двух сел – Аба-Сово и соседнего Джалгана – у огромного тутового дерева разбила площадку для игр. В обычные дни по дну этого ущелья, словно мурлыкая, ручейком стекала вода из родника Бере-ов, а в дождливую, ливневую пору по ней стремительно неслись потоки, неся с собой каменные горные глыбы и выдернутые с корнем стволы деревьев. Вот по этому ущелью жители горного селения Джалган, которое было на три версты выше Аба-Сово, спускались порой к соседям или же еще ниже, через лес, к берегу моря за рыбой.

На западе селения заняло место кладбище, камни которого, словно стелы, стояли во весь рост, образовав

своими телами естественную изгородь, словно предохраняя от незваных гостей. Сюда жители Аба-Сово, положив усопших на мидо, молча приносили на своих плечах и, прочитав, по обычаю, молитву, предавали их земле.

А с северо-запада из села уходила в горы единственная дорога, которая через несколько верст раздваивалась: одна уводила влево – в Табасаран, край искусных мастериц по коврам, другая же прямо – в Кайтаг, где жили мужественные наездники, свободолюбивые даргинцы. Вместе же эти земли назывались Кайтаго-Табасаранским ханством. Правили здесь ханы и кадии, между которыми за право единоличного владения не прекращались распри, а иногда и жестокие схватки.

Была еще третья, узкая извилистая тропа (жилга), которая через версту приводила путника к наезженной дороге, ведущей к цитадели и ее крепостным стенам, к так называемому фонтану Шах-Салах, о чудотворной силе которого из уст в уста ходили легенды. Фонтан этот представлял собой подпорную стенку с арочной нишей и открытым прямоугольным водоемом у основания, куда из горных родников по водоводам – каменным желобам длиной примерно в метр – стекала вода. Прямо к водоему примыкала вымощенная каменными плитами площадка. Располагался фонтан у юго-западной части крепостной стены, в ста локтях от ворот Орта-капы, которые и сегодня, спустя многие столетия, поражают своим великолепием и монументальной строгостью. Вот сюда городские женщины, иногда за полверсты, с разрешения внутренней стражи, прикрыв лицо концом шали (калагаи), так чтобы были видны лишь одни глаза, и, забросив за спину медные кувшины, приходили за живительной водой, слушали или передавали друг другу очередные сплетни и, завидя бешчи – жителей окрестных сел, приносивших на своих натруженных плечах большие вязанки дров для растопки или мешки с легким древесным углем, – торговались с ними и, договорившись в цене, поль-

зовались услугами вездесущих извозчиков с осликом, которые доставляли приобретенную поклажу к женщинам домой.

Бешчи же, получив за свой товар небольшую плату, покупали в ближайшей лавке дешевую одежду или кое-какую провизию, чем и поддерживали свое нелегкое существование. Иногда в праздники или в дни молитвы – джума, ворота Орта-капы открывались и на большой городской базар, где шла бойкая торговля, пускали приезжих купцов да и других торговцев, нашедших приют в многочисленных караван-сараях. В такие дни среди шумной разноголосицы базара, а еще больше на грязных, постоянно сырых улочках города слышались глухие, с хрипотцой усталые выкрики бешчи: «Эй, кому дрова?! Есть уголь! Кому уголь?!». Или же звонкие детские голоса, предлагавшие холодную родниковую воду из глиняных кувшинов: «Соуг су вор! Шах-Салах суи вор!»

Базар Дербента конца XVIII столетия представлял собой уникальную площадь, напоминающую говорливую реку, на берегах которой бок о бок разместились десятки невероятно каким образом сооруженных, легких, разборных и стационарных лавок, закрытых у одних торговцев сверху и с боков тонкими бумажными тканями, у других же – спрятанных от горячих солнечных лучей изобретательными зонтами, под навесами которых на палках-основах навешаны нарядные платки, шелковые шали, разноцветные косынки и прочий товар.

В лавках сверкают шелка, пестрые тонкие ткани, серебряная и золотая парча, разнообразные меха, алмазы и яшма, янтарь и кораллы, слитки серебра, олова и меди.

– Есть шали, жасминовая вода и амбра из Индии, – не умолкая предлагает свой товар укутанной в чадру женщине словоохотливый торговец. – Прекрасные платки, не пожалеете, ханум, берите...

– Кому мускатный орех?! – слышится голос из соседней лавки.

– Ковры персидские! Покупайте ковры! Дешево, не дорого! – раздается из другого конца торгового ряда.

– Берите, ханум, шелк китайский, королевы покупают и вы станете в них королевой! – уговаривает продавец шелков подошедшую к его лавке женщину.

Здесь же рядом странствующий дервиш обращается к богатому торговцу:

– Севдегер! Говорят, ты великий мудрец,
Из песка и из глины ты строишь дворец.
Дам совет тебе: будь осторожен, купец,
С прахом предков твоих и влюбленных сердец.

В одной из лавок степенный хозяин с красивой черной бородкой и белой чалмой на голове, вежливо уводя покупателя в глубь палатки, за немалые деньги предлагает оружие: кремневые и капсульные пистолеты с золотыми и серебряными инкрустациями, не менее красивые кремневые ружья с замком, а также кинжалы и шашки искусных дагестанских мастеров с кубачинской насечкой.

На открытых полках красовались ковры и полотна, красители и минеральное сырье, рядом же – виноград, персики и дыни, пряности и сахар, овощи, фрукты и зелень.

А в западной оконечности базара, у самых знаменитых ворот южной крепостной стены Баят-капы, через которые имеют привычку входить и въезжать на своих видавших виды вьючных осликах странствующие дервиши и путешественники, ашуги и свадебные музыканты с кеманчой, тарой и бубном, в свободное время развлекающие досужий люд, – все они находят приют в размещенной здесь чайхане знаменитого на весь город чайханщика Гасан Кули-заде.

Завсегдатаи – любители чая иногда шутки ради спрашивают хозяина:

– Ай, Гасан-эфенди, почему у тебя чай лучше, чем на всем белом свете?

– Да потому, хитрец ты этакий, что я заварки не жалею! – в тон отвечает чайханщик, и все смеются.

В это время по базару раздается клич чауша:

– Эй, расступись, народ, расступись! Наиб едет!

Толпа расходится в разные стороны, и на базар въезжает шикарный фаэтон наиба Надыр-хана. Крытый большим зонтом из белого шелка, спереди и сзади фаэтон наиба сопровождают по два аскера на гарцующих сытых скаковых лошадях. Фаэтон останавливается у широкой, украшенной гирляндами лавки с шелками и парчой, и наиба тут же приветливо встречает её хозяин:

– Салам алейкум, уважаемый Надыр-хан! Добро пожаловать! Моя лавка в вашем распоряжении!

Чувствуется, что наиб здесь частый гость, и хозяин с ним особенно вежлив.

– Алейкум салам, эфенди! – с не меньшим уважением отвечает наиб знаменитому купцу. – Давно вернулся? Что хорошего привез для нашей ханум?

В изящной каракулевой папахе, черкеске из ярко-белого сукна с плетеными галунами из золотой тесьмы, в высоких сафьяновых сапогах, с темными, как спелая вишня, глазами и под цвет им черными, как смоль, усами, наиб выглядел молодцевато.

– Все, что душа пожелает, дорогой Надыр-хан, – отвечал купец любезно, – вот, посмотрите, шелка китайские, парча персидская...

– Да, хороши, хороши, – разглядывая товар, хвалит наиб. – Беру, беру, как всегда...

И по мановению хозяина юркий продавец разворачивает рулон и быстро, словно фокусник, отмеривает покупателю шелк и парчу и тут же, пока наиб и хозяин в дружеской беседе пьют чай, относит товар в фаэтон.

А на другом конце базара, у ворот Орта-капы, приспособив под прилавок свалившийся с крепостной стены большой камень, стоят два еврея из селения Аба-Сово: Авшалум – отец многодетной семьи, трудолюбивый виноградарь, который каждую пятницу (джума) приносит на базар своими умелыми руками изготовленные из дерева ложки, каталки для теста и

расчески всевозможных форм и конструкций; и Шумин – сгорбленный старичок, с неухоженной белой бородкой, тонким срывающимся голоском зазывно предлагающий живую курицу или петуха, невесть каким образом выращенных до чувствительной тяжести.

Несколько месяцев назад старика и его больную жену постигло страшное горе: их единственный сын и его редкой красоты жена были найдены сельчанами мертвыми недалеко от дороги в Аба-Сово. Однако никаких следов насилия над ними обнаружено не было. Приглашенный из города лекарь утверждал, что скончались они от какой-то отравы, но как это могло случиться, где и кто мог совершить подобное злодеяние, так установить и не удалось. Беспричинно и бесследно ушли из жизни два сравнительно молодых, полных сил человека, оставив старику и его жене троих маленьких внуков. Бедность вынуждала старика продавать на базаре живность, подаренную сердобольными соседями. Сейчас он представляет некое воздушное, жалкое создание, невольно вызывающее сочувственную улыбку.

Тем временем к старику подходит группа весёлых молодых людей и среди них известный городской балагур, который, подмигнув своим товарищам и стоящему рядом Авшалуму, берет в руки курицу, пренебрежительно разглядывает ее и обращается к старику:

– Почему ваш цыпленок, дедушка?

– Где цыпленок? – встрепнулся старик и протянул руку к своей курице.

– Да, этот твой цыпленок... Так сколько же он стоит?

– Ах ты, биж, харамзаде! – с неожиданным рвением вскакивает старик, хватая трясущимися руками курицу и обиженно добавляет: – Я тебе дам «цыпленок», нечистая сила!

Раздается дружный смех. Сделав вид, что испугался угроз старика, балагур артистично убегает. Веселого гогоча, расходятся и остальные. Этой незлобной шутке улыбается и Авшалум.

Ни старик, ни Авшалум еще не знали, что в скором времени их ждут события, которые станут для каждого из них роковыми.

И базаром с обилием редчайших товаров со всех концов света, и «ожерельем с янтарным кулоном» в виде южных и северных крепостных стен с цитаделью Нарын-кала в изголовье – всем этим Дербент обязан своему расположению.

Дело в том, что на месте, где стоит нынче Дербент, – в узком проходе между Кавказскими хребтами в районе Джалганской возвышенности и Каспийским морем, лежала самая тревожная граница земледельческого Ирана, которую часто и не без основания беспокоили кочевники, стремившиеся к благодатному югу, с его великолепными пастбищами. Этим путем неоднократно проходили полчища скифов, сарматов, аланов, гуннов, савилов, аваров, хазар и многих других обитателей степей Предкавказья, Северного Прикаспия и Причерноморья, Приуралья и Южной Сибири. Прекрасные наездники и неутомимые воины, они внезапно появлялись, нанося неожиданные удары, и легко уклонялись от невыгодных сражений с противником. Опустошающие вторжения степняков наводили ужас на земледельцев, порождая разнообразные мифы и предания о свирепых пришельцах с севера, диких кентаврах – существах с головой человека и туловищем коня.

Неудачи в борьбе с ними вынуждали землевладельцев искать способы защиты от них. И поскольку особую уязвимость своей оборонительной линии иранские цари видели именно в районе Дербента – главного пути продвижения степняков на древний Восток, царская династия Сасанидов решила в начале VI в. начать строительство невиданного по своему размаху оборонительного комплекса. Строительство было завершено к 579 г. и включало цитадель Нарын-калу на вершине крутого холма – крайнего отрога Джалганского хребта, северную и южную крепостные стены, тянувшиеся

параллельно друг другу от цитадели через приморскую равнину до берега Каспия, и горную стену Даг-бары, представляющую собой сплошную линию мощных укреплений с башнями и фортами. Она начиналась от юго-западного угла цитадели и более 40 км тянулась в глубину Кавказских гор, перекрывая все обходные дороги к западу от Дербента и став, таким образом, надежной преградой на пути кочевых варваров.

Однако своему расположению Дербент обязан и многочисленными выпавшими на долю его жителей бедами, страданиями и бесконечными нападениями теперь уже оснащенных орудиями вооруженных армий. По образному выражению средневекового арабского поэта, защитники Дербента называли его «городом, откуда ушел покой».

Уже в 652 г. у стен Дербента появились арабы, первые отряды которых не сумели причинить защитникам города особого вреда и были разбиты. Однако вскоре арабская армия во главе с полководцем Масламой захватила Дербент, жестоко расправилась с его защитниками и силой заставила горожан принять ислам. По приказу Масламы город был разбит на семь магалов и в каждом была построена мечеть. И если еще до VIII в. в городе шла служба в синагоге, в храмах зороастрийцев поклонялись огню, а из церкви раздавались молитвенные возгласы, т.е. господствовало многоверье, то при религиозном вожде Абу-Муслиме истово распространялся лишь ислам.

После распада Арабского халифата Дербентом правит эмир и, хотя жители города и тогда не благоденствовали, все же жили в относительном мире. Но в XI веке город захватывают турки-сельджуки, которые не преминули воспользоваться своей победой и приказали муллам Дербента во время своих проповедей провозглашать в первую очередь имя сельджукского султана, а затем уже местного правителя.

Последующие века принесли встречу с монголо-тарами, от которых во дворе Джума-мечети, как злове-

щая память, остался врытый в землю конусообразный камень, под которым, как гласит легенда, покоятся выколотые завоевателями глаза защитников города. Видели жители Дербента и знаменитого Тамерлана, и золотоордынского хана Тохтамыша. И так век за веком: завоевания, небольшие передышки и снова битвы.

В начале XVIII в. к стенам Дербента впервые с мирной миссией подошел со своим войском русский император Петр I. Уставшие от кровопролитных войн дербентцы нуждались в сильном покровителе и поэтому встречали императора торжественно, наибы преподнесли ему ключи от города, а у ворот Кырхляр-капы выстроилось население и мусульманское духовенство.

И хотя Россия ликовала, что император, подобно легендарному Самсону, с дерзновенной смелостью перекроил карту Европы и Азии, все же до полного покорения Дербента и превращения его в южный форпост России, как об этом мечтал великий Петр, оставалось еще почти целое столетие. Редко кто, оказавшись в эйфории того времени, мог предположить, что завоевывать Дербент-Ключград придется лишь военной силой и что это трагически отразится на судьбе соседнего селения, ни сном, ни духом не ведавшим о своей участи.

Но все это будет потом, а пока с усилением Русского государства и выходом его к Каспийскому морю интерес к Дербенту, ставшим «окном» России на Восток и открывшим ей доступ на восточный рынок, значительно возрос. Ибо Дербент волею судеб и опять же своим расположением оказался важнейшим звеном в цепи Великого Шелкового пути – торговой караванной дороги через страны Закавказья, Средней и Передней Азии в Китай.

Торговля России с Востоком в эти годы приобретает постоянный характер и отличается большой интенсивностью. Почувствовав простор, знатные купцы из Москвы и Малороссии, Новгорода и Астрахани через Дербент и знаменитую Шемаху, Исфаган и Фергану и

дальше в Индию и Китай шли по Великому Шелковому пути, предлагая меха, выделанную кожу, железные, медные и деревянные изделия, олово, оружие, нефть и покупая различные восточные товары. Многие из них на этом пути приобретали добрых друзей, в течение долгих лет поддерживали с ними связи, посещали друг друга и, конечно, в Дербенте и Шемахе имели свои караван-сарай.

ГЛАВА 2

В начале мая одна тысяча семьсот девяносто пятого года, когда солнце из-за Каспийского моря поднялось к своему зениту, в северные ворота Дербента Кырхляр-капы, названные арабами «воротами священной войны», въехал караван российского купца Исаака Мейлина, известного в торговых кругах как Мелин-мудрый. Разместив своих людей в гостеприимном караван-сараяе, сам же Исаак, вопреки ожиданию, со своим верным помощником-единоверцем в нем не задержался, а пересек город и выехал из него через южные ворота Орта-капы. И опять же, в нарушение традиций, направился не по большой торговой дороге, ведущей к Мюшкюрской равнине, а сразу повернул коней направо, в сторону фонтана Шах-Салах, к предгорной тропе, прямо ведущей в селение Аба-Сово. Дело в том, что накануне своей торговой миссии на Восток Исаак Мейлин решил воспользоваться приглашением своего друга и единоверца Хануко бен Шолума, известного в этих краях родовитого купца, погостить у него день-другой и обговорить кое-какие дела.

Исаака Мейлина мудрым называли не только за то, что он до тонкостей знал ремесло торговца и за короткое время уже дважды ходил по Великому Шелковому пути, изучил, чем торговать на Востоке и что покупать на обратную дорогу, нет, не только за это. Исаак еще два года назад эмигрировал из Польши и сделал это,

как оказалось, очень вовремя. Когда часть представителей оппозиции разлагавшейся Речи Посполитой, вопреки воле императрицы Российской Екатерины Великой, добилась принятия новой Конституции, направленной, по существу, против деспотии России (что, в конечном итоге, привело к жестокой расправе над страной – ко второму, а потом и к третьему разделу Польши), он чутьем почувствовал, умом осознал, что Польшу необходимо немедленно покинуть. И в том же 1793 году по известным ему дорогам увез в центр России семью и все накопленное богатство. А не последовавшие его совету соплеменники уже через год испытывали на себе разорение войной, грабежи и выдворение в ту же Россию.

Хорошо образованный для своего времени, знавший не только польский, русский, персидский, а и язык Торы, обладавший аналитическим умом и огромной информацией о событиях в Европе и в ряде других стран мира, Исаак был к тому же весьма общительным человеком и ценил это качество в других.

В то время, как Исаак со своим помощником подъезжали к Аба-Сово с северо-запада, на противоположной стороне села, у огромного тутового дерева, на большой площадке молодежь играла в лапту. Игровая поляна, о которой идет речь, была старательно выровнена, расчищена от камней и от корней и служила не только для игры в лапту. Здесь устраивали соревнования по борьбе среди молодежи соседних сел, а также играли в чехарду, альчики и другие доступные сельским юношам игры. И каждый раз после игр их участники спускались по небольшому склону в ущелье Дерей-мар, к протекавшей там речушке, мылись и направлялись в свои села.

Вода родника Бере-ов, которой в низовьях пользовались для стирки и мытья, давала жизнь не только всему живому на несколько верст вокруг, но и сочной зеленой траве, что росла по обоим склонам ущелья, целительному боярышнику, кисло-сладкому ки-

зилу, мягкой душистой ежевике, абрикосу и миндалю, невесть каким образом занесенным и росшим здесь; небольшим дубкам и буйной любвеобильной виноградной лозе, безразборчиво нежно обнимавшей стволы всех без исключения деревьев. В этом красочном общежитии находили себе место и черноглазый терн, и хмурый шиповник.

Игра молодых шла к завершению, когда неожиданно откуда-то из укрытия, надо полагать из-за тутового дерева, раздался звонкий девичий оклик:

– Давид! Юсуф! Вас срочно зовет отец!

Затем, подняв с земли подкатившийся тряпичный мяч, хозяйка звонкого голоса стремительно вышла из своего укрытия и бросила его в стоявшего невдалеке юношу по имени Фархад. Удар был настолько неожиданным, что он вначале растерялся, а затем, увидев озорно смеющиеся глаза девчушки-смуглянки, бросившей в него мяч, кинулся ей вдогонку. Однако та бежала быстро и догнать ее было нелегко даже такому ловкому, не по возрасту крепко сложенному парню. А догонять ее Фархад устремился еще и потому, что девчушка эта в игре не участвовала и мотивы ее поступка были ему непонятны.

Сперва она пряталась от Фархада за спинами болельщиков, стоящих вдоль игровой поляны, где не было ни одной девочки, а тем более ни одной девушки, ибо не велят им адаты играть вместе с юношами-сверстниками. Затем, продолжая бег, она все же поняла, что скрыться от преследователя ей не удастся, ибо Фархад ее стремительно нагонял, – и тогда она вдруг оторвалась от болельщиков и бросилась вниз к основанию ущелья, где созвучно весне буйно расцвели миндаль, ранняя дикая вишня, терн и полевые цветы.

– Да оставь ты ее, Фархад! – смеясь, крикнул ему Давид и прихватив с земли одежду, живо направился домой вслед за братом. – Не догнать тебе эту стрекозу, она ведь, как ветер...

– Эй, Фархад, ты куда? – крикнул ему вдогонку один из игравших. – Может, поиграем еще?

– Нет, я уже домой, – повернувшись, на ходу ответил он товарищу и бросился догонять беглянку.

– В следующую пятницу ты не забудешь?.. – спросил вдогонку все тот же голос.

– Я помню, – уже с глубины ущелья донесся его ответ.

Тропинка, по которой устремилась девчушка, вела мимо только что оживших кустов шиповника и ежевики да небольших дубков, за которые она изредка проворно хваталась. Но коварные корни некоторых деревьев, словно ползучие змеи, выставив напоказ свои спины, могли причинить неосторожным бегунам серьезные неприятности. Так бы оно и случилось, поскольку мчалась без оглядки от настигавшего ее Фархада, девчушка споткнулась об корень и, потеряв равновесие, упала бы на него, если бы преследователь молниеносно не схватил ее за болтающуюся за спиной великолепную черную косу и тут же не поддержал за плечо.

– Ах ты, чертовка, попалась?.. – радуясь победе, в сердцах воскликнул Фархад и повернул ее лицом к себе.

На него смотрели два сверкающих синью миндалевидных глаза, в которых были удивление и какое-то тревожное ожидание чего-то неизведанного, а уголки губ вздрагивали от волнения. Сердце юноши непривычно замерло.

– Ты почему бросила в меня мяч? – чуть помедлив и уняв волнение, спросил Фархад.

Девчушка по-мальчишески подняла плечи, мол, сама не знаю, что это мне вдруг взбрело, стыдливо опустила голову, настороженно наблюдая из-под полуопущенных ресниц за дальнейшими действиями юноши.

– Ты в самом деле Давида и Юсуфа сестра? – снова спросил Фархад, желая продолжить беседу. – Не бойся, я тебя не трону...

– Да, – утвердительно ответила смуглянка, смело взглянув на него, – я не боюсь, я тебя знаю, ты из Джалгана, тебя зовут Фархад...

- А как тебя зовут?
- Истир, – ответила она без утайки.
- Я у вас раза два бывал дома, но тебя не видел, да и братья твои не говорили, что у них есть сестра, – несколько удивленно говорил Фархад. – Сколько же тебе лет?
- Через месяц будет четырнадцать, – ответила Истир и неожиданно с удивлением спросила: – И ты каждый раз идешь туда, наверх? – она показала рукой на вершину горы, где располагалось селение Джалган.
- Не боишься?
- А чего бояться? – спокойно ответил юноша.
- Волка или шакала здесь редко встретишь, а больше и бояться некого. А для них у меня сук здесь спрятан, хочешь покажу?..
- Это далеко?
- Да нет, здесь рядом, пойдем, – и, заметив движение девчушки в свою сторону, Фархад пошел вперед по тропинке чуть вверх.
- Истир шла за ним. Долина вся утопала в зелени и разноцветье деревьев.
- Здесь осторожно, – вдруг остановился Фархад, – видишь, корень торчит, не споткнись...
- Долго еще? – выражая нетерпение, спросила Истир и остановилась. – Я дальше не пойду, меня отец ждет...
- Вот мы уже дошли, – Фархад пробрался в заросли шиповника и ежевики, обвивших могучий дуб, и, улыбаясь, вышел из них с большой суковатой палкой в руках. – С такой дубинкой никто не страшен...
- А что там, шалаш? – с интересом спросила Истир.
- Когда ты ушел туда, будто скрылся...
- О, это мое тайное место, – с загадочной улыбкой ответил юноша. – Но тебе я свою тайну открою с условием, что о нем больше никто знать не будет, хорошо?
- Я никому не скажу, – пообещала Истир.
- Тогда пойдем, – решительно сказал Фархад и пошел вперед.

Истир несколько секунд в нерешительности раздумывала, но любопытство взяло верх и она двинулась за Фархадом.

Нет, это не был шалаш в полном смысле этого слова. У подножия огромного дуба в радиусе одного метра земля была очищена, но застлана сухими листьями с таким расчетом, чтобы можно было узнать о посещении непрошеного гостя. А вокруг, кроме узкого, незаметного для глаз входа, буйно, до двухметровой высоты, переплетаясь между собой, росли виноград, вьюны, ежевика и шиповник, которые вкруговую обхватили дуб и образовали естественный шатер. Но секрет этого укрытия заключался еще в том, что ствол дуба, начиная от основания, метра на полтора вверх, то ли от удара молнии, то ли недоброй руки человека, был так поврежден огнем, что внутри него сгорело все, кроме тонкой, в несколько сантиметров, ствольной части и коры дерева. И потому можно было диву даваться, каким неведомым путем этот великан обеспечивает себя жизненной силой.

Фархад показал Истир, как он по сохранившимся внутри ствола твердым выступам, словно по лестнице, взбирается вверх и через небольшое боковое отверстие незаметно выходит наружу, обеспечивая себе таким образом защиту от возможного преследователя.

– А там, на вершине ствола, я смастерил удобный висячий лежак, – завершил свой рассказ Фархад, – с него местность вокруг видна как на ладони...

– Да, действительно все здорово, – искренне призналась Истир, поразившись мастерству и умению Фархада. – Но мне уже надо бежать, а то будут искать...

Истир и Фархад вышли из укрытия.

– Да, чуть не забыл, на всякий случай знай, что если моя суковатая палка здесь, в тайнике, значит, я где-то рядом.

– До свидания, – согласно кивнув, попрощалась Истир и торопливым шагом двинулась к своему селению Аба-Сово.

– До свидания! – ответил Фархад и, захватив свою суковатую палку, неторопливой походкой умеющего рассчитать свои возможности путника направился домой, в соседнее село Джалган.

– Где тебя черти носят? – возмущенно встретил вернувшуюся дочь Авшалум. – На твои поиски я уже Ихиила отправил, а тебя все нет. Бегом иди к раби Шолуму домой, твои братья уже там, поможешь им накрыть и подать на стол, к ним гости приехали...

У Авшалума было пятеро сыновей: 20-летний Давид, 18-летний Юсуф, 16-летний Илову, 12-летний Ихиил, болезненный 9-летний Шемей и одна 14-летняя дочь Истир. Самому Авшалуму было 40 лет. Сухопарый, выше среднего роста, крепкий и, независимо от выпавших на его долю тягот и семейного бремени, здоровый мужчина, он вот уже десятый год ходил в трауре: во время родов последнего сына умерла его красавица-жена Гюльбоор, верная подруга и помощница. С тех пор почти каждую ночь его преследовал один и тот же сон: к нему приходила Гюльбоор и, протянув свои нежные, ласковые руки, звала его к себе, а когда он шёл к ней навстречу, она тут же отходила назад и исчезала. Авшалум не решался нарушить эту сладкую идиллию и не хотел приводить в дом другую женщину.

Будучи единственным оставшимся в живых сыном в семье (в те времена болезни часто уносили детей), Авшалум получил в наследство четверть десятины виноградников, где работал в поте лица своего почти весь световой день, а в перерывах, когда находил в соседнем лесу обрубок орехового или дубового дерева, изготавливал из него различные изделия, чтобы заработать на одежду и обувь детям. Денег в большой семье всегда недоставало.

В отличие от большинства земледельцев в округе, использовавших полученную в собственность землю под горох, чечевицу, овощи и зерновые, Авшалум не изменил делу своего отца-виноградаря. Много лет назад, еще когда и Авшалума не было, родитель пять лет

своей жизни отказывая себе во всем, иногда даже голодая, потратил на то, чтобы разбить виноградники, и, несмотря порой на непосильный труд, сохранил их и ежегодно, уже надежно, оправдывал свои физические и материальные затраты. Авшалум понимал, что отцу одному в свое время было во много раз труднее, чем ему с сыновьями сегодня.

Кроме того, Авшалум всегда вспоминал рассказ отца о том, что землю эту в районе Дерей-гуш – Долине орлов – в собственность всем сельчанам поровну раздал в недалеком прошлом правитель Кубинского ханства Фатали-хан, присоединивший к своим землям и все прикаспийские, в том числе и селение Аба-Сово.

В народе ходила молва, что подобная щедрость по отношению к жителям еврейского селения Аба-Сово была проявлена ханом якобы в знак благодарности второй, любимой жене, горской еврейке из Кубы, которая сделала его счастливым – родила ему единственного наследника Шихали-хана. Так ли это или нет, но доброе отношение Фатали-хана и его сына к жителям этого селения служило предметом немалых пересудов, в конце концов ставших причиной трагедии.

В последние несколько лет Авшалуму стали помогать подросшие сыновья. Особой сноровкой отличались Давид и Юсуф, которые своим умением обрабатывать виноградники, делать их обрезку и зеленую обломку превзошли даже отца. И хотя расположены были виноградники на богаре, все же урожаи приносили неплохие, гроздья отличались величиной и сладостью. Отец гордился сыновьями, которые выглядели сильными и рослыми. Теперь Авшалум все больше ловил себя на тайной мысли – в этом году или в следующем женить старшего, а потом уже и Юсуфа.

В конце осени, собрав урожай винограда, они большую его часть обменивали на пшеницу, стараясь обеспечить семью мукой, а другую малую часть давили на вино, которое в конечном итоге тоже направлялось на базар.

Особой гордостью Авшалума была дочь, красивая, расторопная, смышлёная, заменившая в семье мать и удивительно на нее похожая. Он питал к ней нежные чувства, редко когда повышал на неё голос, можно даже сказать, баловал, хотя не в обычае горцев выкалывать детям свое особое расположение.

Сегодня Истир была удивлена тем, что отец прикрикнул на неё. Особенно насторожило её известие, что надо идти в дом раввина. Истир боялась признаться себе в этом, но после встречи и разговора с Фархадом ей еще больше не хотелось туда идти.

– Отец... Этот их младший сын, Сави, на меня пялится... Я боюсь его, можно я не пойду?.. – с мольбой в голосе обратилась Истир к отцу.

– Что ты говоришь, дочка? – удивился Авшалум. – Как можно обидеть отказом таких уважаемых людей? Во всей округе это самая богатая, купеческая семья, дом раввина и ковхо. Они все время намекают, что ждут, когда вернется с учебы Гаврил, их старший сын, чтобы взять тебя невестой в свой дом... – Авшалум мечтательно вздохнул. – Радуйся, дочка, такое счастье выпадает не каждой... – И затем уже строго закончил: – Нам оказана честь, дочь, иди сейчас же, не заставляя людей ждать!

Раби Шолум, он же ковхо (староста) всего еврейского населения в округе, пользовался всеобщим уважением. Человек большого ума и мудрости, за что был прозван «Хохомом», он не только обучал детей основам Торы, но и разрешал споры прихожан. В своей маленькой, построенной им за счет средств семьи, синагоге, где ежедневно утром, после восхода солнца, выполняя заветы Торы, читалась молитва «Шахарит», после полудня – «Минха» и вечером – «Арвид», он выполнял еще роль справедливого судьи, если кто-либо из иудеев совершал грех перед Богом и людьми, а порой и преступление.

В отличие от своих односельчан и других единоверцев, у раби Шолума и его детей кожа лица была светлая

и глаза ярко-голубые, невольно выделявшие их среди большинства смуглых собратьев. Одни объясняли это тем, что раби и члены его семьи почти весь день находятся в помещении и прячут себя от палящих лучей солнца, другие же были склонны думать, что такова их природа, имеющая прямую связь с неизвестными далекими предками. Как бы то ни было, но их облик говорил о благородном происхождении и вызывал особое уважение.

Не раз и не два раби Шолум приглашался для разрешения каких-либо трудных вопросов и в мусульманские храмы, когда тамошние служители не могли найти на них ответ сами. Мудрость и обширные познания приносили раби Шолуму большую славу и авторитет даже среди иноверцев. Можно было без преувеличения сказать, что и раби Шолум, и его сын Хануко бен Шолум служили опорой и поддержкой для жителей селения Аба-Сово и единоверцев других близлежащих сел.

Своего единственного сына, известного купца и хозяина обширных виноградников, Хануко бен Шолума, раби учил терпению и благородству, уважению к людям любой веры, умению ценить друзей и дружбу, не нарушать заветов Торы. И Хануко бен Шолум никогда не кичился своим богатством, считая его божественным даром, по-своему претворял в жизнь проповеди отца: помогал бедным и немощным, не унижая их достоинства, особенно – семье попавшего в беду старика Шимуна; хотел в ближайшее время привлечь к торговому делу Илову – шестнадцатилетнего сына Авшалума, а красавицу дочь его, Истир, взять в жены старшему сыну Гаврилу, которого три месяца назад вместе с матерью, Довро, отправил в Москву на учебу.

Да, таковы были желания и мечты Хануко бен Шолума. Людям свойственно желать и мечтать! Хорошо, когда эти мечты и желания ложатся на скрижали судьбы, согласуются и совпадают, в таких случаях говорят, что человеку повезло, ему улыбнулось счастье! Когда же

желания и мечты идут в разные стороны с предначертаниями судьбы, не согласуются с ними, человека ожидает разочарование, крушение надежд, катастрофа.

Между тем с Гаврилом случился казус... Дело в том, что до описываемых событий «Московское купеческое общество» обратилось к императрице Екатерине II с жалобой – «приговором» на своих московских коллег-евреев, что они, де, все прибрали к рукам, живут в Москве вольготно, «казне ничего не платят», т.е. пользы от них ни на грош, продают дешевле, чем остальные, ибо товары их контрабандные, и всякое другое. Екатерина же, опасаясь неблагоприятного впечатления на православных подданных, в 1791 году издает высочайший указ «О не дозволении евреям записываться в купечество внутренних губерний», т.е. в Москве и Санкт-Петербурге «жидам жить не разрешается». Приставы, «воодушевленные дарами» того же «общества», кинулись на поиски жидовского элемента и в течение 3–4 лет почти выдворили их из этих городов. Кстати, с этого времени в России вновь была восстановлена «черта оседлости» и просуществовала более века – лиха беда начало.

Отправленный на обучение Талмуду в московскую закрытую синагогу, Гаврил был крайне разочарован, ибо здесь его ничему новому не научили – в течение последних 10 лет раби Шолум дал своему внуку-любимцу хорошие знания. Поэтому Гаврил заявил приехавшему по поручению отца в Москву Исааку Мейлину, что он хочет вернуться домой, отчего купец оказался перед трудной задачей. Однако решилась она с помощью тех же приставов, которые, обнаружив «жидовского» отпрыска на улице и узнав, откуда и кто он, потребовали немедленно покинуть город. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Зная о желании своего друга Хануко бен Шолума непременно дать сыну высшее духовное образование, Исаак Мейлин отвез Гаврила вместе с матерью в Вильно, определил в солидную по тем временам духовную семинарию и устроил жить

у своих близких родственников, удовлетворив, таким образом, все его желания.

Получив недавно от Гаврила восторженные известия, что тот очень доволен учебой и жизнью в Вильно, Исаак Мейлин с чувством исполненного долга решил совместить свою поездку на Восток с пребыванием у Хануко бен Шолума и заодно передать ему письмо сына.

Поднявшись на вершину, Исаак справа увидел крепостную башню селения Камах и, вспомнив объяснения Хануко бен Шолума, повернул коня влево, в сторону Аба-Сово, где в гостеприимном доме друга шли радостные приготовления.

Раби Шолум, держа в правой руке широкий, блестящий, острый, в конце словно срезанный под прямым углом нож, подошел к связанному Давидом и Юсуфом барану, взял его другой рукой за изогнутый рог, приподнял малость и, прочитав молитву: «О, Господь! Бог Израиля! Перед оком Твоим я совершу убой этого животного, чтобы поесть его кошерным. Благословенно имя Твое!» – одним движением провел ножом по горлу животного. Затем последовали куры и жирный, выращенный на воле индюк. Давид и Юсуф стали быстро свежевать барана для шашлыка и плова, а несколько женщин ощипывали кур для хинкала.

Приготовления шли полным ходом, когда в широкие резные ворота постучали, и Хануко бен Шолум вышел со двора встречать дорогих гостей. Гости спешили, а хозяин, приветливо обнимая их, приговаривал:

– С приездом, дорогие! Благодарю Господа нашего за радость, которую сегодня нам даровал! Прошу вас, проходите... Прежде всего, умыться с дороги...

Исаака и его молодого помощника провели на широкую, усталенную коврами веранду, где на тахте сверкали покрытые оловом два медных таза с кувшинами, наполненными родниковой водой. По обычаю здешних мест, гостей попросили разуться, и приглашенные

женщины помыли им ноги, затем они же стали поливать им на руки воду, чтобы те могли умыться. После долгой, под палящим солнцем, дороги гости мылись с удовольствием, по пояс обливаясь обжигающей холодной водой. Затем насухо вытершись новыми льняными полотенцами, посвежевшие, были приглашены к шилхону – низкому, по колено, столу, за который садились, поджав ноги или облокотившись об удобные подушки.

Во главе стола сидел раби Шолум, напротив него – Хануко бен Шолум с сыном, пятнадцатилетним Сави, а гостей усадили по бокам. Шустрая и сноровистая Истир сервировала стол: положила перед каждым расписанные балхарскими мастерами керамические стаканы и тарелки, рядом с раби Шолумом поставила редкой красоты, довольно дорогой кувшин с вином работы кубачинских златокузнецов, в центре стола оказался свежеиспеченный тандырный чурек из «сары бугда», а рядом с ним, с двух сторон, на небольших подносах, всевозможная зелень: сельдерей и укроп из поймы Гюльгери-чая, анис-шельбах, растущий в изобилии в низовьях Бере-ов, нежная и пахучая кинза из огорода, нарезанный ломтиками с луком и обильно политый виноградным уксусом каспийский залом и только что из казана аппетитно сваренные куры.

По указанию деда, Сави разлил в стаканы виноградное вино.

– Шобот шолум! – приветствовал всех раби Шолум.

– Шобот шолум! – хором ответили сидящие за столом.

– Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, который творит плод виноградной лозы! – начал раби пятничный вечерний Кидуш. – Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, который освятил нас заповедями своими и благоволил к нам, и святую субботу Свою с любовью и благоволением дал нам в наследие, в память о деле миробытия. Ибо это день –

первый среди нареченных святыми, память об исходе из Мицраима.

Вслед за раби Шолумом все подняли стаканы с вином и дружно запели молитву: «Ибо Ты избрал нас и освятил нас из всех народов и святую субботу Свою с любовью и благоволением дал нам в наследие. Благословен Ты, Господи, освящающий субботу! Барух ата адоной, элоэну мэлах аолам, борэ пэри агэфэн. Саврэ маранан».

И в конце воскликнули вместе: «Лэхайм».

Выпили вино и приступили к трапезе. И поскольку вслед за шашлыком и пловом подали хинкал, приправленный чесноком и уксусом, с хорошо сваренными кусками мяса, старшие решили выпить еще по стакану вина. Прием пищи сопровождался разговором. Говорили на языке Торы или же на татском, поскольку Исаак и его помощник неплохо владели тем и другим.

– Поверьте мне, реби, – говорил Исаак главе семьи, – без всякой лести говорю. Я объездил много стран, где живут наши единовверцы, но здесь, в этой глуши, законы Торы соблюдаются весьма ревностно, я бы сказал даже, истово. Меня это очень радует, значит, жив народ Израиля...

– Да, дорогой Исаак, – ответил раби Шолум, – Тора – это древо нашей жизни, она – наше единство, вера, сила, защита, успех и удача. Мы в своих молитвах просим у Владыки мира, чтобы Он защищал нас от всех бед, помогал в делах, исполнял желания... Кстати, дорогой Исаак, спасибо вам за моего внука, как он там?..

– Ах, совсем забыл, – Исаак слегка ударил себя ладонью по лбу, – видно, старею. – Он полез в карман и извлек конверт. – Вот вам письмо от него... почитайте, потом я расскажу...

Сперва прочитал раби, потом Хануко бен Шолум. Затем оба взглянули друг на друга и удовлетворенно улынулись.

– Спасибо тебе, дорогой Исаак, за заботу о нашем сыне! – поблагодарил друга Хануко бен Шолум. – Мы перед тобой в неоплатном долгу!

– Я уверен, ты бы поступил так же, – скромно заметил Исаак. – Вильно – маленький городок, где живет немало наших единоверцев, а Гаврил – парень умный и весьма благородный. Пользуется там уважением и учителей, и товарищей. Мой же дядя, у которого он живет, в Гавриле души не чаёт. Я был у них два дня, с Гаврилом не раз беседовал, Бог даст, весной следующего года он будет уже дома...

– С именем Бога! – поглаживая уже седеющую бороду, сказал раби Шолум. – Кстати, дорогой Исаак, знаю, что вы объездили много стран, немало видели, интересно, как там живут наши единоверцы?

– Что сказать, реби? Бог милостив нынче к своему народу. После двух великих катастроф, событий восемнадцативековой давности на долю нашего народа выпала, наконец, капризная и изменчивая удача, по всему миру в стенах гетто стали видны первые трещины...

– Неужели, дядя Исаак? – удивился Сави.

– Да, сынок. Можете себе представить, в Германии утратила свое значение так называемая «Еврейская улица», сыновей богатых евреев начали принимать в университеты и допускать в «благородное общество»...

– Благословен Бог наш! А как в Италии? Слышал я, что жизнь наших единоверцев там крайне трудна, так ли это? – спросил раби Шолум.

– Да, реби, так и было до недавнего времени. Но теперь, благодарение Богу, все изменилось. В ее города пришли французские республиканские войска, они разрушили ворота гетто. – Исаак оживился и продолжал: – А в некоторых из них евреям вообще разрешили селиться вне гетто, да и ворот этих пресловутых там уже нет...

– Неужели и во Франции положение евреев улучшилось? – спросил Хануко бен Шолум. – Помнится,

там с нашего единоверца вжимали, как за скот, «пошлину на парнокопытных»...

– Да, под давлением революции Людовик был вынужден отменить эту пошлину. Даже в Пруссии еврейское население стало чувствовать себя свободнее...

– Благословенно имя Твое! – еще раз, обратив свой взор к небу, помолился раби Шолум и по привычке погладил свою бороду. – Спасибо, Исаак, все это радует мое сердце, но ты ничего не сказал о России...

Исаак ненадолго задумался, видно было, что сложившаяся обстановка в России его не радовала, хотя года два назад в этой стране, после второго и третьего раздела Польши, проживало евреев больше, чем во всех странах вместе взятых.

– Я уже рассказывал вам, реби, когда касался дел Гаврила, что после указа императрицы дела евреев в России ухудшаются, – ответил Исаак в задумчивости. – Боюсь, что с годами они будут еще более усугубляться и, возможно, это вызовет волну эмиграции из России... Больше пока ничего сказать не могу, жизнь покажет...

– И у нас сейчас не спокойно, – вступил в беседу Хануко бен Шолум, – недавно я беседовал с представителем России здесь, генерал-майором Савельевым, так он говорит, что Ага-Мухаммед-хан Каджар, правитель Ирана, открыто объявил о своих притязаниях на Кавказ и потребовал от владетелей Закавказья и Дагестана подчиниться его власти...

– Что же Россия? Она без войны своих завоеваний на Кавказе не уступит! – убежденно заявил Исаак.

– Так оно и есть. Из слов генерала я понял, что Россия дала знать Ага-Мухаммед-хану, что если тот откажется от своих притязаний, то будет официально признан Петербургским двором.

– Боюсь, что сам Каджар-хан себе не принадлежит, иначе, зачем ему лезть в пасть крокодилу, – в задумчивости заметил Исаак.

– Ты прямо ясновидец, друг мой, – удивился Хануко бен Шолум, обращаясь к Исааку, – Ага-Мухаммед-хана действительно подстрекают западноевропейские страны вместе с турецким султаном...

– Конечно, им начихать на Иран, а побитая в 1791 году Турция спит и видит ослабленную войной Россию, чтобы снова отобрать у нее Крым, – добавил Исаак, хорошо разбиравшийся в политических интригах многих стран.

– Поэтому, друг мой, ты на этот раз дальше Шемахи не поедешь, – попросил Исаака Хануко бен Шолум. – От такого сумасбродного правителя, как Ага-Мухаммед-хан, можно ожидать чего угодно. Прошу тебя об этом...

– Но я обещал ферганским купцам привезти нужные им товары, да и они мне кое-что приготовили, – в задумчивости ответил Исаак.

– Из известных мне источников знаю, что ферганские купцы, зная обстановку в стране, сами прибудут в Шемаху, – убежденно заявил Хануко бен Шолум. – Туда и я с тобой поеду, мой караван тоже готов...

– Если так, то я вдвойне благодарен тебе. Да, кстати, и я не забыл о твоей просьбе, Хануко, – Исаак кивнул своему помощнику. – Принеси, пожалуйста, наш сверток.

Молодой помощник Исаака тут же поднялся и принес что-то завернутое в старое одеяло. Исаак развернул его и показал своим друзьям два новеньких кремневых ружья. Увидев их, Хануко бен Шолум встал со своего места, взял одно из них и стал внимательно рассматривать.

– Спасибо, дорогой друг, уважил, – довольный говорил Хануко бен Шолум, – нам они здесь очень нужны. Спасибо... А ковры, что я купил для тебя, покажу при возвращении. Должен сказать, они сработаны большими мастерами Ирана, станут украшением твоего дома...

– Я уверен в твоём вкусе! – улыбаясь, отвечал Исаак. – Помнится, как-то ты из-под носа голландского купца, пока тот торговался, увел для меня великолепный ковер, а тот так и остался с открытым ртом...

Все улыбнулись.

– Я предлагаю выйти немного погулять, – предложил Хануко бен Шолум.

– Согласен, – встал Исаак и, посмотрев на своего молодого друга, заметил: – Ты, наверное, хочешь остаться?

– Да, если вы не возражаете...

– Нет, нет, пожалуйста.

Хануко бен Шолум и Исаак вышли во двор, затем за ворота. Луна и звезды светили так, словно на небе зажглись электрические фонари. В тон сверчкам звенела ночная тишина.

– Ты знаешь, Хануко, меня все время удивляет мужество здешних единоверцев, жить в этом кольце разных народов нелегкое дело. Вас иногда не охватывает страх? Ведь, в конце концов, здесь, наверно, полно волков и шакалов? – спросил Исаак, взяв друга за локоть.

– Что тебе ответить, Исаак? – задумчиво ответил Хануко бен Шолум. – История евреев везде одинакова. Нашу ты знаешь лучше меня. За много столетий, что мы, горские евреи, скитаемся по миру, чего только мы ни испытали: нас топили, а мы всплывали, нас истребляли, а мы выживали и снова плодились, мы меняли обличие, язык, но всегда оставались верны своей сущности, ибо с нами Тора и наш Бог! – Он остановился и, показав в сторону гор, добавил: – В этих горных, предгорных аулах и равнинных селениях мы, как всегда, занимаемся земледелием: выращиваем хлеб, овощи, марену, разводим сады и скот, короче ведем такой же образ жизни, как и остальные горцы, восприняли их культуру, обычаи и традиции. Крестьянин, друг мой, от природы миролюбив, и он для нас опасности не представляет, мы живем дружно. Что же касается волков и шакалов... А где их нет?..

ГЛАВА 3

С некоторых пор в окрестностях Аба-Сово стали свирепствовать шакалы. Из курятников исчезала живность, а из овчарен – овцы и ягнята. После ряда случаев обратили внимание на то, что шакалы почему-то действовали выборочно, обирали не всех подряд, а лишь Аба-Сово и часть соседних сел: Нукол, Мугарты, Хамайди, Бильхади, Зидьян и Камах, где проживали евреи, будто имели личную неприязнь не только к домашним животным, но и к иудеям, в частности. Дело приняло такой оборот, что в Аба-Сово исчез даже бычок, а хозяина злосчастливого животного нашли, правда, без следов насилия, мертвым у входа в хлев.

Вызывало удивление и то, что шакалы не оставляли никаких, присущих только им, следов. Например, сельские жители совершенно правильно считали, что нести бычка шакалы, по известным причинам, не могли, а если тащили, то должен был остаться след. Во вторых, в отличие от своих собратьев-волков, шакалы сперва свою жертву душат и лишь только потом съедают. Значит, и в этом случае должны были быть следы борьбы, на худой конец, хотя бы следы крови животного, но их тоже не было. Но зато были следы ног, которые, правда, через два-три десятка шагов бесследно исчезали. Таким образом, кругом были загадки.

Странными выглядели и другие случаи. Дело в том, что вышедшие на поиски пропажи хозяева не обнаруживали ни перьев задушенных птиц, ни обглоданных костей овец, ни даже их шкурок. Создавалось впечатление, что изголодавшиеся шакалы, вопреки своим привычкам, проглатывали свои жертвы или же уносились с ними в такие высоты, что их не могли найти.

Тогда, чтобы раз и навсегда покончить с этим разбоем, было решено объявить на шакалов облаву. По всему горному массиву, справа и слева к западу от Дербента, где в основном располагались пострадавшие села, прошли десятки вооруженных кто чем мог жи-

телей, которым за целый день поисков удалось найти и истребить несколько больных и исхудалых шакалов, которым, как считали сельские шутники, самим надое-ло жить. Но были среди поисковиков и такие, которые уверяли, что видели в этих нетронутых людьми местах следы большой группы шакалов, можно сказать, целой стаи, которая совсем недавно ушла в южные районы Дагестана, на самую границу с Азербайджаном, и в обследуемых районах больше шакалов не осталось.

Однако на следующий день всю округу облетела весть, что прошлой ночью у одного жителя селения Аба-Сово исчезли все имевшиеся в наличии три овцы, а у другого – обчищен курятник. Доверчивые и богобоязненные сельские жители искали объяснения всему этому в каких-то сверхъестественных силах, а некоторые – в том, что шакалы объявили людям тайную войну.

Конечно, все это не на шутку встревожило сельчан, ибо подобные пропажи были для них почти катастрофой, лишением их семей в долгие зимние месяцы важного источника существования. Кроме того, становилось очевидным, что это не просто шакалы со звериным оскалом, а некий симбиоз, какая-то шакалья порода, которая, оставляя, как издевательство над людьми, непонятный след, разбойно лишает их средств к существованию, а бдительных хозяев каким-то непонятным способом лишает и жизни.

Естественно, раби Шолум не мог оставить эти факты без внимания. Он попросил сына Хануко бен Шолума оказать пострадавшим семьям благотворительную денежную помощь на покупку кому овец, а кому другой живности. Кроме того, ковхо посчитал необходимым довести эти события до сведения Рустам-кади, правителя Табасарана, во владения которого в последние годы перешло также и его селение. На следующий день, взобравшись на своего иноходца, он поехал на встречу с Рустам-кади.

Сорокалетний Рустам-кади был выше среднего роста, среднего телосложения, все еще подвижный, но с фигурой невыразительной, несколько мешковатой, о которой говорят, что по ее бокам, от таза до плеч, можно провести параллельные прямые. Однако его черные, будто подкрашенные брови и такие же выхоленные усы под изящным, с небольшой горбинкой носом придавали выразительность его лицу, менявшемуся в зависимости от настроения хозяина. Необычайно зоркими, пронизательными были глаза владетеля, в которых отражались хитрость и притворство, веселость и пренебрежение, смелость и ум, ненависть и любовь.

В молодости Рустам-кади был лихим, искусным наездником, умел исполнять сложные упражнения на скачущей лошади, вопреки воле родителей, не желавших попусту рисковать сыном, принимал участие в соревнованиях джигитов, для чего за десятки верст отправлялся в места их проведения. Однако после одного падения по неосторожности – года два хромотал и лишь благодаря хорошему костоправу вылечился – он перестал заниматься любимым делом, но все равно, хотя и оброс небольшим брюшком, по-прежнему любил быструю скачку и часто выезжал на своем иноходце на деловые встречи или просто на прогулку.

Приставка «кади» к его имени говорила о том, что родом он из духовных лиц, которые долго, но терпеливо шли и к светской власти, и вот уже более двух веков удерживали ее, пользуясь где ласковым словом, где лестью, где хитростью, а где и силой. Будучи представителем большого рода, Рустам-кади свято выполнял заветы своих старших – всегда и везде поддерживать сородичей, способствовать их умножению, обеспечивать им жизнь в достатке и брать их под свою защиту. У самого Рустам-кади было три жены и восемнадцать детей, которых он любил и растил смелыми и дерзкими. Обучая сыновей арабской грамоте, Рустам-кади не забывал привить им и традиционные семейные черты: лукавство и хитрость.

Отличали владельца еще два качества, с которыми он, как мог, боролся, старался их преодолеть. Это – зависть и злопамятство. Казалось, когда в твоих руках и власть и богатство, причин для зависти не должно было быть, так как нет почвы, на которой могут появиться ростки этого подленького чувства, – однако, как говорится, за чужим столом хинкал вкуснее. Когда он узнавал о достатке и богатстве своих подданных, их некоторой независимости, из него, словно змея, высывалась зависть и нашептывала коварные советы.

Что же касается злопамятства, то в этом Рустам-кади не было равных. Он помнил случай из своей далекой, двадцатилетней давности, юности, когда во время устроенного в селе поединка борцов один из его участников, поборов Рустам-кади, оскорбительно, под смех собравшихся, кинул в его адрес:

– Слабак! Наберись силы, а потом...

Тогда Рустам-кади ему ничего не ответил, сделал вид, что не расслышал, но затаил на него лютую ненависть. И когда к нему пришла власть, он приказал аскерам своей сотни избить давнего обидчика и выбросить в канаву. Тот на всю жизнь остался калекой, так и не поняв, за что с ним так жестоко обошлись.

И вообще Рустам-кади никогда ничего не прощал тому, кто поступал вопреки его власти и желаниям, тому, кто становился на его пути или ставил палки ему в колеса. Таких он немилосердно убирал, не обременяя себя сожалениями по этому поводу.

В то же время ему нельзя было отказать в рассудительности, умении анализировать и находить правильные решения.

Выслушав ковхо, правитель несколько минут молчал, а затем неожиданно спросил:

– А вы уверены, ковхо, что это шакалы?

– Несколько раз они разбойно нападали на нашу собственную кошару, каким-то необычным способом убили сторожа, и сельчане рассказывали, что каждый

раз находили шакальи следы, но, правда, они сразу же обрывались, – ответил раби Шолум.

– Как? – не понял правитель.

– Как сквозь землю...

– Странно все это, – в задумчивости произнес Рустам-кади и, отвернувшись, спрятал загадочную улыбку. «Молодец Мухтар, – подумал он о своем наибе. – Как и обещал, держит семью ковхо и его сына в постоянном напряжении, не дает им покоя. Пускай убираются отсюда куда-нибудь подальше, хоть в Кизляр, к своему генералу Савельеву... Остальные пусть остаются, если хотят, от них вреда нет, в казну платят исправно, от этой семейки надобно избавиться, больно известной стала, популярной, особенно этот выскочка, купец, куда ни глянь – его друзья, может подмочить мне репутацию, создать обо мне худую славу... Да, Мухтар прав, слишком вольно и удобно устроились они у меня под боком... У наиба тоже есть причины их ненавидеть...» – Затем повернулся к раби Шолуму и уже вслух произнёс: – Знаю только одно: шакалов у нас давно нет, ковхо, может один-два, но так... повсеместно... не верится...

– Может, проведем еще одну облаву, попробуем людей побольше привлечь, подняться чуть выше в горные леса?..

Рустам-кади встал, дав понять, что аудиенция окончена, протянул раби Шолуму руку и уже у самых дверей остановил гостя:

– Как там, дань собирается? Люди предупреждены насчет заготовки сена и дров?

Род раби Шолума считался в Аба-Сово самым влиятельным и авторитетным. Как правило, ковхо селения всегда избирался из представителей этого рода. И эта должность стала у них как бы наследственной. До передачи Аба-Сово в ведение Рустам-кади дербентские ханы благоволили к ним. Они доверяли им собирать дань деньгами и натурой со своих односельчан и

доставлять на ханский двор. Авторитет ковхо из рода раби Шолума был настолько высок среди жителей родного и соседних сел, что их нередко самих называли ханами, хотя они таковыми не были. Староста Аба-Сово, в частности, раби Шолум, устанавливал и порядок очередности выполнения его жителями ханских повинностей (бигор): кому и когда из односельчан работать на ханских полях, заготавливать сено для коней, домашнего скота, дрова на зиму и т.д. Такой порядок существовал и для жителей других селений.

Поэтому раби Шолум незамедлительно ответил:

– Да, Рустам-кади, дань доставлена в вашу казну и на заготовку люди выйдут в установленный срок.

– Хорошо, – подытожил разговор правитель, – а насчет облавы я подумаю... – И Рустам-кади скользнул по лицу раби Шолума пристальным взглядом.

Рустам-кади не мог смириться с тем, что ковхо и его сын богаче него, что к их семье благоволят не только единоверцы, но и многие горцы, живущие за десятки километров, и что за их спиной армия друзей, которые уважают их не за богатство, а за добрые дела. Правитель понимал, что эти сильные люди, которые, вопреки всем выпавшим на их долю испытаниям, держатся за свою веру сами и ведут всех остальных, не боясь быть белыми воронами в окружении мусульман, в любой момент могут стать опасными для него.

И потому, провожая злорадным взглядом раби Шолума, Рустам-кади в душе радовался тревогам старосты селения Або-Сово и решил под благовидным действием поручить своему наибу осуществить задуманный им коварный план.

На следующий день чауши правителя громогласно объявили по всем селам о проведении всеобщей облавы на шакалов. И в назначенный день десятки людей, во главе с наибом правителя, вышли из своих домов и двинулись по установленному маршруту.

После обильных майских дождей земля стала мягче, в рост пошла трава. Жители сел вдоволь заготовили

пахнущего разнотравьем сена не только для ханского двора, но и для своего скота.

В приморской полосе, покрытой белоснежными пролысинами солончаков, появился ярко-красный растительный покров солянки, которая прекрасно ужилась с влажным побережьем и надолго укрепила песок, не давая ему сразу превратиться в пыль.

Водная благодать пришла и в предгорья. Изрезанное двумя небольшими ущельями, образовавшимися от родниковых ручейков и тающих снегов, оно пробуждалось разноцветьем: синью анютиных глазок и бело-желтыми красками медовухи, кашки и дикой ромашки. Ожилились пушистые кусты пряно пахнущего тамариска. Неожиданно стала поднимать свою красивую головку и дикая лилия.

Наполнились колосья, в рост пошли хлеба. Теперь горец уверен, что будет с хлебом, ибо не политая водой богара и приносит скудный урожай. Он знает, что вслед за дождем, накануне уборки хлебов, склоны гор выгорают, пейзаж приобретает оранжево-желтый оттенок. Наступает пора, когда царствует солнце. Оно играет в сухих кустах татарника, среди зарослей астрагалов и можжевельника, бурым налетом пустынного «загара» окрашивает скалы.

Вот уже пошли и леса – замшелые, тихие, с густым подлеском из терна, боярышника, кизила, – а на травянистых лужайках островами поднимаются мощные деревья грецкого ореха. И тут же рядом – редкие могучие дубы, грабы, бук и низкорослые дубки.

Именно в этой части владений Рустама-кади было решено организовать поиски шакалов. Несколько десятков человек, вооруженных кинжалами (мало у кого из горцев его нет), вилами, суковатыми палками, а три аскера наиба и он сам – кремневыми ружьями, двигались вдоль всей границы вверх, стараясь охватить как можно большее пространство. В группе Авшалума рядом с ним шли: внук раби Шолума Сави с саблей в ру-

ках (наличие ружей старшие решили держать в тайне), Давид, Юсуф и Илову с кинжалами и дубинкой.

Шум, смех, воинственные выкрики «охотников», надо полагать, напугали местных обитателей. Неожиданно откуда-то из-за кустов ежевики выбежал встревоженный молодой кабан и, опустив голову, словно тараном, устремился вперед, но поскольку особого вреда он не причинял, а местные жители свинину (донгуз) не едят, кабана выпустили из кольца и дали уйти. Другая группа натолкнулась на греющуюся под солнцем медведицу с малышами. Завидя большую группу вооруженных людей, медведица встала на толстые задние лапы, загородила собой детенышей и громко, неодобрительно зарычала. Однако шедшие впереди Авшалум с сыновьями благоразумно обошли медвежье логово и двинулись дальше.

Неожиданно будто какая-то неведомая сила повела Илову к спрятанной в зарослях дубняка скале – оторвавшись от всех, он ушел туда и скрылся.

– О, дядя Али? Как вы здесь оказались? – удивился Илову, увидев в расщелине скалы пропавшего несколько месяцев назад знакомого жителя селения Хамайди. Али же, увидев юношу, сразу спрятался в глубине расщелины. Однако Илову, охваченный любопытством, сделал еще два-три шага вперед и, присев на корточки, заглянул туда, куда скрылся Али. Вдруг кто-то ударил его чем-то тяжелым по голове, отчего он поднялся в рост и, покачнувшись, сделал два шага к краю скалы и сорвался с нее.

Раздался его крик: «А..а..а..!» и в ту же минуту прогремел выстрел охотника, которому удалось убить огромного, длиной в полтора и высотой почти в метр, матерого шакала, – видно, вожака стаи, у логова которого валялись куриные перья и обглоданная баранья голова.

Предсмертный крик Илову, хоть и был приглушен звуком выстрела, но был услышан. Авшалум вначале

опешил от неожиданности, но потом, увидев тело падающего со скалы сына, бросился к подножью скалы, к распластанному Илову. На виске юноши видна была кровавая рана, как от удара обо что-то твердое. Отец, обняв мертвого сына, рыдал.

Кто-то из пожилых мужчин, отстранив Авшалума от сына, стал осматривать тело, пытаясь найти в нём хоть какие-то признаки жизни, но убедившись, что Илову мертв, бережно уложил его на место и, подозвав к себе Давида и Юсуфа, дал им какое-то указание. Те, кивнув в знак согласия, быстро куда-то ушли и вскоре вернулись с носилками для покойного.

Услышав громкий плач Авшалума, к месту трагедии стали стягиваться находившиеся рядом люди. Все были в недоумении, не могли понять, что произошло. Тем временем мёртвого Илову уложили на носилки и понесли в сторону родного дома. Все собравшиеся, опустив головы, образовав траурную процессию, отправились к Авшалуму домой.

Потом уже, когда труп помыли, приготовили к похоронам, а трое землекопов, захватив лопаты, ушли на кладбище рыть могилу, побледневший от пережитого Сави, плача, говорил:

– Мне кажется, он кричал не «А...а!», а «Али!».

– Да, и мне так слышалось, – подтвердил пятнадцатилетний сосед.

Но ни Авшалум, ни остальные не поверили в то, о чем говорили огорченные потерей друга Сави и соседский юноша. Все единодушно пришли к мнению, что виновником смерти Илову был... убитый шакал. А бедный юноша, испугавшись его, побежал к краю скалы и упал – так решили все.

Неожиданная смерть брата ошеломила Истир, стала для нее такой страшной трагедией, что она несколько дней никого вокруг не видела, убирала, кипятила чай для соблюдавших траур, мыла посуду – все делала автоматически, как заведенная. Накануне этих событий, не ведавшая о надвигающейся беде, она, легкая,

как мотылек, счастливая жизнью, дважды урывками, когда шла в ущелье за водой, встречалась с Фархадом в его шалаше. Каждый раз, покидая Фархада, Истир понимала, что совершает что-то предосудительное, кощунственное, греховное, такое, что не имеет право совершать иудейка, ибо с молоком матери вбивалось в сознание о недопущении близости с иноверцем. Истир помнила случай, когда молодая женщина-еврейка забеременела от мусульманина-соседа и родственники прокляли её и забросали камнями. Она знала, что её ждет то же самое, если она ступит на такой путь. Таковы были жестокие требования адата и Торы – от этой мысли по всему ее телу пробегала дрожь. Однако она успокаивала себя, что ничего страшного не произошло, что эти встречи ни к чему ее не обязывают. И всё же в глубине души она готова была признать, что видеться с этим красивым и весьма неглупым парнем ей приятно и ничего с этим поделать она не может. Фархад был мил ей.

В дни траура семнадцатилетний Фархад почти каждый вечер приходил к своим друзьям Давиду и Юсуфу, соблюдал все предусмотренные в таких случаях обычаи, внимательно слушал присутствующих и сам иногда вступал в разговор, ибо независимо от веры говорили здесь на одном, татском, языке.

Однажды при нём, когда все опять вспоминали случившуюся трагедию, заговорил раби Шолум:

– Мой внук Сави, а теперь и Хананья постоянно твердят, что усопший, пусть земля ему будет пухом, падая, кричал имя «Али». Кто бы ни был этот Али, если он причастен к смерти этого безгрешного, чистого, как родниковая вода, юноши, то от этого зла в немалой степени пострадает и он сам...

– Как? – не понял Хананья, – по-вашему, дядя Шолум, получается так, что тот, кто убил моего друга, тоже страдает? Каким же образом? По-моему, если бы злодеяние возвращалось обратно, тогда бы и злодеев не было...

– Есть такие негодяи, что всю жизнь только и знают, что вредят другим, а сами живут припеваючи, – заметил другой.

– Это только так кажется, дети мои, – спрятав лукавую усмешку, ответил раби Шолум. – Зло, как и добро, это семя, которое каждый бросает в пашню жизни в зависимости от обстоятельств. Чтобы ни посеял человек на этой пашне, такой же плод вернется ему самому или же его детям, внукам, правнукам и последующим потомкам. Всевышний никогда ни о чем не забывает...

И заметив, что своим высказыванием он вконец озадачил собравшихся, особенно молодых, раби Шолум решил:

– Если хотите, я расскажу вам одну недавнюю историю?

– Конечно, хотим, – вместе с другими заявил и Фархад.

Раби Шолум задумался, словно, вспоминая, поднимал из недр памяти какой-то спрятанный, но не утерянный от времени, залежавшийся пласт.

– У одного богатого человека из многих родившихся детей в живых остался лишь один сын. Повзрослев и став наследником огромного состояния, сын жил припеваючи, довольный собой и всем на свете. И вдруг после неожиданной смерти отца, он узнаёт о нём страшные вещи: все в открытую заговорили о нём, как о грабителе и убийце, построившем своё богатство на чужой крови и слезах. Понутив некогда гордую голову, сын перестал бывать на людях, хотел даже покончить с собой а потом внезапно, словно назло судьбе, стал вести бесшабашную, разгульную жизнь: пил, не зная меры, гулял, забыв о правилах приличия, играл на деньги, проматывая отцовское состояние. Таким образом, получив в наследство материальные ценности и худую славу, он словно дал обет не оставить в доме даже следов того злодейского богатства отца, что тяжким бременем легло на его плечи. В скором времени о его отце все забыли, ушли в небытие разговоры о его

преступлениях, так же как один за другим ушли и его современники. А вот о нём самом, кроме как о кутиле и развратнике, и сказать никто ничего не мог.

У него, как и у отца, рождались и умирали дети, в живых остался лишь один сын, который, достигнув совершеннолетия, как и его родитель в своё время, стал круглым сиротой.

Юноша жил в большом, казалось, роскошном доме, носил богатые костюмы, высокий титул, но не имел при этом элементарных средств к существованию.

В детские годы сын богача много и часто болел, но видно такова была воля Всевышнего – оставить его в живых. И хотя в отроческие, а тем более – в юношеские годы болезни оставили его, все же рос он вспыльчивым, легко возбудимым молодым человеком. Вот и представьте себе положение этого юноши, который встречался с друзьями своего окружения, не раз и не два был приглашаем ими, а вот чтобы прокормиться дома, был вынужден тайно продавать какую-либо семейную реликвию, которых оставалось все меньше и меньше. Можете себе такое представить? – неожиданно обратился к собравшимся раби Шолум.

– Да, такому не позавидуешь, – заметил Хананья.

– Ничего особенного, – неожиданно ответил Фархад, чем привлек к себе внимание, – я бы, например, оставил все эти титулы, высокие имена и без раздумий пошел работать. Его, небось, и грамоте кое-какой учили...

– Да, учили, – ответил рассказчик и добавил: – К такому решению, сынок, мог прийти только чистый душой человек, как ты...

– Скажите, раби Шолум, то, о чем вы рассказываете – была или сказка? – заинтересованно спросил любознательный Мататья, сторож синагоги.

– Да, это была, и ее рассказал мне недавно глава Дербентской Джума-мечети.

– Ну а как же поступил этот юноша? – опять спросил Мататья.

– Наступил такой день, когда он оказался в крайне стесненном, можно сказать, в отчаянном положении, – продолжил раби Шолум. – Содержать себя и слуг он не мог – не было средств, идти в услужение к другому, о чем сказал наш уважаемый Фархад, не позволяло, как тот считал, его общественное положение и высокие титулы, хотя, судя по его поведению в дальнейшем, он и не помышлял о подобной работе. Но, нарядившись, выходить в свет было необходимо и, как ни выкручивайся, в ответ на многочисленные приглашения друзей, надо было хотя бы раз сделать то же самое. Тем более, что судьбе было угодно, чтобы молодая девушка из очень богатой семьи в ответ на его пылкую исповедь также призналась ему в своих чувствах. Хотя помолвки еще не было, традиции их окружения требовали, чтобы молодой человек, в знак закрепления этой взаимности и вполне понятных намерений в дальнейшем, обязан был сделать девушке какой-нибудь дорогой подарок, скажем, браслет с драгоценными камнями или жемчужно-алмазное ожерелье, – в конце концов, хотя бы дорогое и красивое кольцо. Именно о таких подарках заходила речь, когда богатые молодые люди хотели скрепить свои отношения. Но ни на одно из этих приобретений юноша рассчитывать не мог, ибо у него не было ни денег, ни чего-то другого, чтобы можно было заложить или продать.

Медлить с решением этого вопроса юноша тоже не мог, поскольку по просьбе девушки подобная церемония непременно должна была состояться в ее доме в присутствии родителей, всякая отсрочка была чревата сплетнями и пересудами, а в конечном итоге и разрывом отношений. Допустить такого позора и краха он не мог, ибо с этой женитьбой связывал все свои дальнейшие жизненные планы, а главное – улучшение своего материального положения. А потому юноша готов был пойти на всё, даже на черное дело, лишь бы добиться цели. Он, как сумасшедший, метался по дому, кричал в отчаянии на безмолвные стены, проклинал отца, про-

мотавшего свое состояние, при этом его красивое лицо обезображивалось уродливыми гримасами, а глаза наполнялись злостью. Его уставший от раздумий мозг искал выхода...

Как вы понимаете, обстоятельства, в которые попал юноша, оказались не из легких... – заключил раби Шолум и внимательно взглянул на притихших слушателей. – Тогда-то и случилось неожиданное...

– Наверное, решил продать дом? – с участием спросил Мататья.

– А за бездомного такая девушка замуж не пойдет! – заметил другой.

– Перестаньте трезвонить, – оборвал кто-то разговорчивых, – давайте послушаем дальше...

– Так вот, – сразу воспользовался паузой раби Шолум, – в один из таких критических моментов, когда можно сказать, на весах судьбы лежало его будущее, к нему в дом постучали. Нежданший никаких гостей, юноша открыл парадные двери и увидел у входа высокого широкоплечего немолодого мужчину с большим саквояжем в руках.

«Никак сын моего друга? – спросил незнакомец с лукавой усмешкой и протянул для приветствия руку. – Вырос-то как, не узнать... Отец дома?»

Юноша ответил на приветствие и сразу понял, что незнакомец давно не был в этом городе, но, наверное, хорошо знал отца.

«Отец умер, чуть меньше года назад...», – ответил юноша, потупив взор.

«Вот как? – встрепенулся нежданный гость. – Прими мои соболезнования, сынок. Мне надо тебе кое-что передать, войти можно?..».

«Да, пожалуйста», – ответил юноша и проводил незнакомца в гостиную.

Придвинув стул ближе к столу, незнакомец сел, положил саквояж на стол и открыл его. Взору молодого хозяина впервые в жизни предстала полная сумка золотых монет.

«По твоему взгляду догадываюсь, что меня ты не знаешь, так?» – спросил мужчина.

«Да, я вас не знаю», – ответил юноша, не сводя глаз от золотого блеска.

«Несколько лет назад твой отец, пусть земля ему будет пухом, одолжил мне двадцать эршефи. Час назад я приехал, чтобы вернуть свой долг, – продолжал гость. – Поскольку его уже в живых нет, я обязан вернуть их его единственному сыну. Готов ли ты принять их?»

«Да, если вы считаете нужным», – чуть запинаясь, ответил юноша.

Надо заметить что, обладая миловидным, почти девичьим лицом и открытыми наивными глазами, молодой хозяин не был столь же простодушен. За его внешней застенчивостью скрывались холодный и расчетливый ум и весьма недоброе, а порой, когда дело касалось его интересов, даже жестокое сердце, в чем много раз убеждались его друзья, а когда был жив, и его отец. Однажды он возмущенно сравнил его с преступным дедом и громогласно предрек ему бесславный конец.

Однако гость, естественно, всего этого в молодом человеке не заметил и довольно доверительно раскрыл перед ним саквояж, взял оттуда горсть монет и, подсчитав, положил их на стол перед юношей:

«Вот сорок эршефи, сынок, в два раза больше, чем я брал у твоего отца, таков был наш уговор. Возьми, пожалуйста».

«Спасибо», – поблагодарил гостя молодой человек и не поверил своим глазам. Перед ним лежали огромные деньги, на которые можно было содержать себя какое-то время и купить самое великолепное ожерелье. Блестящие золотые монеты на столе спасали его от неминуемого позора и открывали перед ним двери к его самой заветной мечте. Они были безмолвным свидетельством того, что бог услышал его мольбу о помощи, его отчаянный крик на краю пропасти. «Господи! – подумал юноша, не сводя очарованных глаз уже не с тех лежавших на столе, которые принадлежали ему, а с

набитого золотом саквояжа. – Да, это огромное богатство!».

«Ты знаешь, сынок, я очень устал с дороги и не хотел бы с таким грузом ходить по городу, – обратился к молодому хозяину гость. – Могу я рассчитывать на ужин и отдых в вашем доме?».

«Конечно, – поспешно ответил юноша, в голове которого уже зрели и тут же отметались один страшнее другого планы. – Извольте, я покажу вашу комнату».

После того, как вопросы устройства были решены, гость снова обратился к юноше:

«Могу я попросить тебя, сынок, чтобы принесли и вина. Кстати, я что-то слуг не вижу?».

«Не волнуйтесь, все будет сделано должным образом, – ответил юноша, – а слуг я отпустил сегодня, не предполагая, что у меня будет гость. – И добавил: – Вы сейчас отдохните, а к ужину я вас приглашу...».

Забрав со стола отданный гостем отцовский долг, он, не помня себя от счастья и полный радужных надежд, помчался к ювелиру и почти за половину полученных монет купил своей будущей невесте редкой красоты ожерелье. Затем, обменяв на бумажные деньги пару монет, подался в расположенный рядом трактир, заказал самое лучшее вино и изысканную еду на одного и, поручив доставку заказа трактирному слуге, расплатился и пошел домой.

Его мозг лихорадочно работал: отравить гостя, не оставив следа, было невозможно, ибо яд надо было купить у аптекаря. «Нет, это не годится, – подумал он, – надо уберечь себя от любых подозрений...» Наконец, его изобретательный ум нашел выход, самый изощренный и легко исполнимый: подложить гостю в вино снотворное, – а его в доме было в достатке, – а потом уже, как говорится, «смертельно» сонному накинуть на шею петлю и придушить.

Как человек, который принял окончательное решение, он сжег за собой все мосты и стал готовиться к осуществлению задуманного, хотя моменты сомнений

не покидали его до последней минуты, пока трактирный слуга не принес ужин.

«Садись и ты, сынок, составь мне компанию», – пригласил его гость, усаживаясь за накрытый стол.

«Извините, дядя, мне врач не разрешает есть на ночь, – вежливо отказал юноша, – ешьте на здоровье...».

«Надеюсь, ты меня не хочешь отравить?» – в шутку или всерьез, улыбаясь, спросил гость и пристально посмотрел на молодого человека.

Юноша вначале опешил, на долю секунды растерялся, однако наивных, простодушных глаз не отвел и как-то застенчиво ответил:

«Да, вы что, дядя, как вы могли такое подумать?»

«Это я так, в шутку, – улыбнулся гость и, налив себе вина, добавил: – А вообще, если тебе нужны деньги, сынок, я тебе еще дам...».

«Нет, спасибо, мне и тех достаточно», – поблагодарил юноша и, пожелав ему приятного аппетита, оставил его одного.

Наконец, ужин был съеден, вино, с большим количеством снотворного, выпито и гость, зевая и пошатываясь, пошел в свою комнату и, не раздеваясь, захваченный сном, замертво упал на кровать. Примерно через полчаса молодой человек, надев перчатки, вошел в комнату гостя, повернул его лицом вниз, чтобы лишний раз убедиться в действии снотворного, закинул ему на горло веревку и, сев ему на спину, хладнокровно, со всей силы начал душить. Мужчина дернулся, сделал попытку повернуться набок, захрипел от недостатка воздуха, силился освободиться от петли, но хватка убийцы была такой силы, что жертва стала задыхаться и, его лицо, уши и затылок стали пунцовыми, глаза выкатились из орбит, безобразно высунулся язык, а из полуоткрытого рта вытекла пузырьчатая пена.

Молодого человека неудержимо била дрожь, а от затраченных усилий одеревенели руки и ноги. Его затшнило, и он с трудом добрался до ванной комнаты,

где все его нутро словно вывернуло наружу. Обессиленный, но все еще в лихорадке, минут через двадцать он вернулся к труп, брезгливо морщась, ухватил за ноги, потащил из комнаты во двор, где на небольшом, огороженном забором участке еще года два назад, при жизни отца, специально была вырыта новая огромная выгребная яма для сваливания нечистот. Вот туда и выбросил труп предусмотрительный молодой хозяин, а потом почти до утра засыпал и утрамбовывал почву.

Весь следующий день он лежал, силясь остановить бивший его озноб. Сознание требовало, чтобы он встал и поехал с подарком к девушке, а тело не хотело движений. Все же он заставил себя подняться, принять душ, затем надел свой лучший костюм и, прихватив футляр с ожерельем, направился к той, которая теперь уже в скором времени должна была стать его женой.

Казалось, все мечты его сбылись: женился на богатой девушке, сам стал одним из богатейших людей города, приобрел известность и уважение своего окружения, однако Бог ему детей не давал, да и здоровье его у всех на глазах ухудшалось: блекли черты его лица, он чувствовал постоянную усталость, словно какая-то хворь точила его изнутри. Ни богатство, ни красивая молодая жена и ни все остальное его не радовало. Молодого человека мучили кошмары, и он медленно умирал...

– Вот и вся история, – закончил раби Шолум свое повествование.

– Да, дядя Шолум, – сказал один, – зло к нему вернулось...

– Что посеял, то и получил, – заключил сторож си-нагоги Мататья.

– Спасибо вам, дядя Шолум, очень поучительная история, – поблагодарил рассказчика и Фархад.

– А вам спасибо за то, что слушали и сделали правильный вывод, – сказал раби Шолум, встал, направился в сторону своего дома и неожиданно добавил: – Но это не значит, что надо сидеть сложа руки. Я правильно говорю, Фархад?

– Да, дядя Шолум, вы снова правы! – откликнулся юноша, польщенный вниманием мудрого ковхо.

Фархад был у матери первым и последним ребенком, ибо однажды, когда ему был всего год, отец в поисках заработка отправился на рыбные промыслы и, выйдя в очередной раз на баркасе в море, назад не вернулся. Суровый и буйный Каспий поглотил рыбаков вместе с утлым суденышком. Мать больше замуж не вышла, а всю себя отдала воспитанию единственного сына. Так Фархад с малых лет познал и безотцовщину, и непосильный труд на плохом, почти необработанном клочке земли, на котором мать выращивала горох и чечевицу. К пятнадцати годам он вырос в сильного, выносливого, не по годам целеустремленного юношу. В шестнадцать лет он стал лучшим борцом среди своих сверстников, а в семнадцать на ежегодном соревновании, которое устроил правитель, он победил и старших борцов, за что был премирован годовалым бычком. О нем знали не только в его родном Джалгане, но и во многих других селах владений Рустам-кади.

Как-то в очередной раз придя в дом Авшалума, чтобы разделить траур его семьи, Фархад, улучив момент, чтобы его никто не мог слышать, тихо шепнул Истир:

– Мне надо с тобой поговорить по очень важному делу...

– Ты что, с ума сошел?! – тихо возмутилась Истир.

– Кругом люди, я в трауре...

– Очень важно, поверь... Я буду ждать завтра...

– Не могу! – решительно заявила Истир, а потом, заглянув ему в глаза, смягчилась и спросила: – Что случилось?

– Коротко об этом не скажешь... это очень важно...

Она согласно кивнула головой и отошла. На следующий день с кувшином за плечом она спустилась на дно ущелья, оглянулась по сторонам и, не увидев никого, пошла не к роднику, откуда сельчане брали воду, а к заветному шалашу, где ее с нетерпением ждал Фархад.

– Ну, говори быстро, я долго здесь быть не могу, – выпалила она.

– Понимаешь, в чем дело... – начал Фархад и, взглянув на Истир, осекся. Перед ним стояла самая очаровательная девушка и выжидательно смотрела на него своими красивыми, наполненными синевой глазами. «Да-а, – подумал Фархад, – за несколько месяцев она совсем преобразилась, похорошела... Интересно, как отреагирует моя мать, если я вдруг женюсь на Истир? Как воспримут это известие мои соплеменники? Ведь она иудейка. Наверное, не совсем доброжелательно. Скажут, что, мусульманок не хватило? Будут ругать. Хоть убьют, мне другой не надо! Только бы она сама согласилась... Вот улажу свои дела, подзаработаю на свадьбу и женюсь...» И от ожидания этого счастливого дня сердце Фархада сладостно встрепенулось.

– Так в чем дело? – снова нетерпеливо спросила Истир.

– Ах, да, – опомнился Фархад, – прости меня, но я не могу об этом умолчать... После смерти Илову я несколько раз ходил на то место, где он якобы упал со скалы...

– Как «якобы»? – не поняла Истир.

– Дело в том, что с этой скалы упасть невозможно, если человека сильно не толкнуть или не ударить. Тем более Илову, парня смелого и сильного!.. – горячо заговорил Фархад. – Сдается мне, что здесь человек руку приложил...

– А шакал? – усомнилась Истир. – Ведь рядом застрелили шакала...

– Какой рядом? – не согласился Фархад. – Шакал был убит метров семьдесят левее, а выстрел прозвучал одновременно с криком Илову. Что же получается, что шакал за секунду пробежал семьдесят метров?! Нет, здесь что-то не то...

– Но кому была нужна смерть моего брата? – снова усомнилась Истир. – Что-то не верится...

– Не знаю, но убежден, что на скале что-то произошло, Илову погиб не по вине того шакала... – Фархад ненадолго задумался. – Не может примириться мое сердце с этим, Истир. Поговори с братьями, с отцом, посоветуйтесь...

– Хорошо, Фархад, но мне уже надо идти, – Истир направилась к выходу, но неожиданно, повернувшись, спросила: – А почему ты сам не рассказал об этом моим братьям, как я им об этом скажу?..

– Дело в том, что я через час еду к нашему правителю, Рустам-кади, и не знаю, когда вернусь... – Фархад замялся. – Еще я хотел с тобой попрощаться...

– Как? – не поняла Истир. – Что-нибудь случилось?

– Нет, ничего особенного, – ответил Фархад, пристально взглянув на девушку, – меня Рустам-кади пригласил в свою сотню, а он ее держит при себе... Теперь мы с тобой некоторое время не будем видеться, а мне это не по душе...

Истир, опустив голову, покраснела. Ей тоже очень не хотелось надолго расставаться с Фархадом.

– Но я тебя хочу попросить об одном, можно? – спросил Фархад.

– О чем? – в свою очередь спросила Истир.

– Жди меня! Я могу надеяться?

– Да! – не задумываясь, ответила Истир. – До свидания! – И покинула шалаш вместе с его хозяином...

ГЛАВА 4

Бедя одна не ходит. Не успел Авшалум оправиться от одной беды – смерти любимого сына Илову, который заботами Хануко бен Шолума должен был стать опорой семьи, – как в дом постучала новая. У девятилетнего Шеменя внезапно обострилась болезнь, начался надрывный кашель и горлом пошла кровь.

По сравнению со своими сверстниками Шемей выглядел худым и бледным ребенком с глазами мудрого и печального старика. Благодаря стараниям сестры Истир, которая была к нему очень внимательна, ухаживала за ним и хорошо кормила, казалось, что Шемей шел на поправку. Однако в последнее время, когда вся семья была в трауре и завалена заботами, коварная болезнь тут же дала о себе знать. Несмотря на то, что лето выдалось сухим и жарким, у него возобновился кашель, мальчик все больше слабел, худел и покрывался холодным потом. Проглядывались явные признаки истощения организма, учащалось дыхание, и он впал в полуобморочное состояние. Чувствовалось, что он не жилец на этом свете.

Исхудавший, изменившийся в лице Авшалум корил себя за то, что, потеряв одного сына, упустил и второго. В отчаянии, что ничем помочь своему ребёнку не может и что состояние мальчика крайне тревожное, он отправил Истир за помощью к раби Шолуму, а соседа попросил сходить в селение Хамайди, чтобы предупредить сыновей Давида и Юсуфа о надвигающейся беде. Дело в том, что по договоренности со своим хамайдинским другом Рамбом, Авшалум ежегодно в период жатвы хлебов посылал к нему на помощь своих сыновей, а тот, в свою очередь, приходил со своим сыном к нему в период уборки винограда. Так повелось издавна, крестьяне-горцы помогали друг другу в трудный час. Поэтому Давид, Юсуф и сам Рамбом (все дни траура он был рядом с Авшалумом) неделю назад, после снятия траура, ушли в селение Хамайди и сразу же приступили к жатве, ибо пересушить хлеб на корню, оставить его нескошенным было нельзя, так как от жары пшеница могла осыпаться и пропасть.

Кроме Давида и Юсуфа в жатве принимала участие вся семья Рамбома: он сам, его жена и сын Мушаил. Работа начиналась с раннего утра и продолжалась до позднего вечера, с перерывами в середине дня, когда нещадно палит солнце. Сжатый серпами хлеб сначала

тут же складывали в снопы, затем переносили их на гумно, площадка для которого выбиралась заранее. Делалось это скоро, с тем расчетом, чтобы открыть на пашне пастбище для домашнего скота и, не откладывая, завершить молотьбу. Сюда же, на гумно, были доставлены молотильные доски, деревянные вилы и лопаты для веяния. После молотьбы образовавшуюся смесь соломы с зерном вилами сперва веяли, затем лопатой несколько раз перебрасывали с одного места на другое и таким образом отделяли зерно от соломы, а потом уже очищенное зерно оставляли для просушивания под солнцем. По завершении этой нелегкой работы, зерно засыпали в мешки и относили на спине за версту домой, чтобы там хранить в хюмах – больших глиняных емкостях.

Для определения примерного урожая хлебобобы обычно складывали десять снопов в харе, а 10–12 харе в скирду. Каждая скирда, как правило, давала по 2 пуда зерна, а поскольку в нынешнем году земля обильно полилась дождями, Рамбом ожидал со своей полдесятины прибыльного урожая.

В этот день работа шла к завершению. Очищенное зерно на току просушивалось под солнцем, когда до них дошла весть Авшалума. Рамбом крайне расстроился, поблагодарил ребят за помощь и велел им немедленно отправиться домой, заверив их, что через день-два, если Бог даст, сам прибудет в Аба-Сово.

Не мешкал и раби Шолум – немедленно отправив внука в Дербент за лекарем, он и сам пришел к расстроенному Авшалуму. Лекарь прибыл через два часа. Осмотрев мальчика, он как-то недовольно покачал головой, дал ему микстуру, а затем отвел Авшалума в соседнюю комнату и без обиняков заявил, что дни его сына сочтены. Оставшись один с Шемеем, Авшалум предался печальным воспоминаниям. «Да, ребенок мог умереть девять лет назад, при родах, – думал он, – но тогда он выжил, а жена же, оставив меня для новых страданий, умерла». Он вспомнил, как она перед

смертью, обратив к нему затуманенный взгляд, сказала: «Береги его, Авшалум, слишком дорогой ценой он нам достается...». «Да, родная, – думал он, – слишком дорогой... О, Господь! В гневе Твоем не карай меня снова. Отнесись ко мне милостиво, ибо я несчастен, исцели сына моего, Господи! – молился Авшалум, обратив свой взор к небу. – Душа моя потрясена, подавлен я бедами моими, каждую ночь омываю слезами ложе мое, Господи! Услышь мольбу мою, помоги мальчику моему исцелиться, Господи!».

И в этот момент Авшалум очнулся от крика больного:

– Отец, я боюсь! Я умру, как Илову, отец?

– Нет, сынок, – сдерживая рыдания, успокоил ребенка Авшалум, – я буду молиться за тебя, родной, успокойся...

– Да, я умру! Я боюсь, отец! – в страхе плакал Шемей, словно смерть пугала его острием своей косы.

Бессильный, опустошенный от свалившихся на него несчастий, Авшалум упал на колени и, опустив голову к подушке больного сына, горько заплакал.

– Господи! Смилуйся! За чьи грехи страдаю я и мои дети!?

Услышав эти стенания, в комнату вбежала Истир и бросилась к плачущему отцу.

– Отец, да ослепнуть мне, чтобы не видеть тебя таким несчастным! – тоже заплакав, заговорила Истир и стала помогать отцу подняться с колен. – Не убивайся, отец, поднимется наш Шемей, я буду стараться...

– Хотя сама была уверена, что на этот раз спасти братика уже не удастся. – Там Давид и Юсуф пришли из Хамаиди, они ждут тебя во дворе...

Вытирая слезы, Авшалум снова взглянул на находящегося в полуобморочном состоянии сына и тихонько произнес:

– Доченька, попробуй накормить его, он с утра ничего не ел, – и вышел во двор.

Неожиданная, нелепая смерть одного брата, хлопоты по исполнению всех предусмотренных адатом тра-

урных церемоний, тяжёлых не только физически, но и чисто морально, а теперь еще обострившаяся страшная болезнь второго брата, которая, кажется, тоже закончится печально, – всё это навалилось на Истир, словно судьба хотела испытать её на прочность. Эта сильная от природы девушка, на щеках которой ещё недавно играл нежный румянец, а формы тела имели мягкую округлость, теперь выглядела бледной, похудевшей, в глазах её появились усталость и страх.

Истир подошла к брату, подняла его голову с подушки, заглянула в его полужакрытые впавшие глаза и тихо позвала:

– Шемей, братик мой родной, давай попьем молочка...

Мальчик встрепенулся, открыл помутневшие глаза и с испугом произнес:

– Т...ты с...ме...рть, я не хочу умирать! – Он всхлипнул, и по телу его прошла мелкая дрожь.

Такого Истир выдержать не могла – плача, она сперва отложила в сторону кружку с молоком, затем положила голову брата на подушку и стала ему успокаивающе нашептывать:

– Успокойся, родной, я твоя любимая сестра Истир, не бойся...

Но мальчик вдруг еще больше побледнел, резко откинул голову набок и вытянулся.

Истир испуганно вскрикнула и выбежала во двор, где отец и два ее брата о чем-то говорили.

– Отец! – рыдая, тихо произнесла она. – Шемей... кажется...

Увидев состояние дочери, Авшалум сразу все понял и бросился в комнату больного. Вслед за ним последовали Давид и Юсуф.

Мальчик умер. На лице его сохранилась гримаса испуга, словно забирая его душу, смерть так и не сумела сделать это незаметно, неощутимо. Наверное, и ей это дается нелегко, и она в такие мгновения нервничает. Хотя... в отношении евреев смерть свои обязанно-

сти всегда исполняла исправно, привычно, без особых хлопот и волнений. Зачастую забирала у них душу неожиданно, порой без всяких причин, немилосердно, не различая ни малых, ни больших. При этом постоянно меняла маски: то преображалась в свирепого и вечно недовольного монарха, то в трусливого правителя, испугавшегося роста и влияния этого народа, то в расчетливого хозяина газовых печей для людей, то, просто-напросто, в душегуба, решившего из капризного желания разодрать «козла отпущения». Может быть, поэтому за многовековую историю своих скитаний и мытарств евреи приобрели известную сутулость и почти неизлечимую печаль в глазах.

Иногда, правда, бывали и исключения. Смерть встречалась с гордыми, непреклонными, негибаемыми смельчаками. В таких случаях она восхищалась ими, но казнь ее становилась еще изысканнее и изощреннее.

Предыдущей ночью, примерно за несколько часов до описываемых событий, в село вернулся Хануко бен Шолум и был крайне расстроен, узнав о неожиданной смерти своего любимца Илову. А когда на следующий день принесли еще одну печальную весть о Шемей, он с раби Шолумом и Сави, не мешкая, сразу пошёл к соседу выразить соболезнование (раби же, кроме этого, для исполнения своих прямых обязанностей). Видя, что Авшалум собирается для приготовления ритуальных обедов зарезать единственную корову, он категорически воспротивился этому и приказал слуге пригнать бычка из своего стада. Такая щедрая помощь была воспринята соседом с благодарностью.

На похороны мальчика народу собралось много. Выразить свое сочувствие и оказать помощь, кто чем может, пришли не только единоверцы из соседних сел, но и много друзей Авшалума и его сыновей, иноверцев. В трудный час, во время великой беды для трудящегося человека не имеет значения, какой ты веры или национальности. Бывали случаи, когда погорельцу, у

которого от пожара сгорел дом и скот, иудеи и мусульмане сообща собирали средства на новую постройку и приобретение скота. Тем более, люди не могли остаться равнодушными, когда из одного дома за короткое время выносили второй труп. Горе семьи Авшалума стало горем всеобщим.

Несмотря на то, что близилась осень – время уборки плодов и винограда, в доме Авшалума народу не убавлялось, разделить с ним горе каждый считал для себя долгом. Видно, за много столетий, привычные к еще худшим трагедиям, евреи в такие дни тянулись друг к другу, молча смотрели своим соплеменникам в глаза и этим молчаливым взглядом выражали свое единство, поддерживали необъяснимый гордый дух, мол, держись, брат, еще не все потеряно, с нами Господь Бог!

Через неделю после похорон, в один из вечеров Хануко бен Шолум, сидя рядом с Авшалумом, неожиданно спросил:

– Извини, сосед, что ворошу твоё горе, но я никак не могу взять в толк, что тогда случилось с Илову?

– Что сказать, дорогой, – с горечью вздохнув, ответил Авшалум, – тогда мы сгоряча, как следует, не разобрались... А вот недавно друг моих сыновей Фархад из Джалгана поведал моим детям, что был на том месте еще несколько раз, изучил каждый факт и пришел к выводу, что к смерти Илову убитый шакал никакого отношения не имеет...

– Как? – не сразу понял купец. – Тогда кто же?..

– Вот и мы сейчас в раздумье, хотим разобраться, – горячо заговорил Авшалум. – Крик Илову, когда он падал со скалы, и выстрел аскера, которым был убит шакал, прозвучали одновременно, а шакала нашли от скалы намного дальше...

– Значит Илову кто-то убил... но почему? – недоумевал купец. – Кому была нужна его смерть? Нет, здесь что-то не то...

– И еще одно, – добавил Авшалум, – и ваш сын, и этот Фархад утверждают, что Илову кричал не «А... а...», а «А...ли...».

– Кто такой Али? – вдруг встрепнулся купец, вспомнив о чем-то. – Вы знаете такого?

– Нет, – развел руками Авшалум, – кругом столько этих Али... какой из них и зачем...

Хануко бен Шолум силился вспомнить в связи с чем и где он слышал это имя еще до своего отъезда с Исааком, но память ничего не подсказывала. «Надо вспомнить, – думал он, – обязательно вспомнить, но пока Авшалуму ни слова...». А вслух сказал:

– Если Илову на самом деле произнес это имя, значит, он этого Али узнал... Я поговорю с наибом, может, он что подскажет... Он и его аскер, который убил тогда шакала, были у нас, выразили соболезнавание, но они склонны думать, что Илову испугался шакала, побежал и упал...

– Что ж, я и это буду иметь в виду, – пообещал Хануко бен Шолум, затем встал и, пожав удрученному хозяину дома руку, собрался уходить. – До свидания, да благословит вас Господь!

– Сохрани вас Бог! – сердечно ответил ему Авшалум.

Проводив Хануко бен Шолума, Авшалум лицом к лицу столкнулся с Рамбом у самых ворот. В день похорон Рамбом был рядом с ним, оказывал посильную помощь по хозяйству, а потом сразу же ушел в Хамайди, чтобы помочь сыну и жене забрать высушенное зерно с тока и засыпать его в хюмы, которые были искусно спрятаны под полом сарая. Если раньше работа эта, с помощью Давида и Юсуфа, выполнялась за два-три дня, то теперь без них потребовалась целая неделя, ибо урожай превысил все ожидаемые результаты. Рамбом получил свыше 60 пудов хлеба.

Решив все другие вопросы по хозяйству, Рамбом вместе с соседом-мусульманином отвез на его арбе зерно на мельницу Исога, в Мюшкюр, и, вернувшись

домой, сходил к роднику, умылся, сменил грязную одежду и, нагрузив на соседского ослика мешок муки, двинулся в Аба-Сово. Он искренне любил своего друга Авшалума, дорожил дружбой с ним. Эту любовь он перенес и на его детей, а особенно на приглянувшуюся ему Истир, которую мечтал привезти домой невесткой – женой для своего единственного сына Мушаила, которого вдвоем с женой они лелеяли и берегли.

После первых родов жена его никак не могла снова зачать. Уж чего только ни испробовали, к кому только ни обращались. По совету соседок поехали даже в Закаталы, на границу Дагестана с Азербайджаном, к знаменитой в то время знахарке, но и она не смогла помочь. Использовали даже молочного цвета воду джалганского пира (родника), питье которой якобы возобновляет у женщин способность к деторождению. Хотя добраться до этого пира стоило немалых усилий, Рамбом это проделывал дважды. Однако вот уже восемнадцатый год он с женой жили надеждой, что Бог услышит их мольбу и даст им хотя бы еще одного ребенка. Вот почему потери в семье друга воспринимались им, как свои.

Понимая, что Авшалуму в эти дни не до виноградников, а оставлять их без полива равносильно краху для его семьи, Рамбом решил хотя бы накануне уборки побывать на участке друга и по возможности полить их. А это можно было сделать только глубокой ночью, когда земля освещалась лунным светом, – надо было перекрыть протекавший за версту арык и направить воду на виноградники Авшалума. И Рамбому это удалось, хотя на следующий день хозяева не получивших воду участков подняли скандал, потребовав наказания нарушителя. Правда, потом все улеглось, когда узнали, что вода была использована для участка находившегося в трауре Авшалума.

– Рамбом, дорогой, спасибо тебе и за муку, и за заботу о моем винограднике. Когда это ты успел их полить? – уже ночью, когда все разошлись, спросил друга Авшалум.

– Три ночи ходил, тебя не трогал, думал – пусть поспит, – улыбаясь, рассказывал Рамбом. – Никак не удавалось: соседи поливают и ничего не сделаешь... А вчера – Господи, думаю, хоть бы никого не было... И действительно, никого... до утра поливал от души, вдоволь, сухая земля с жадностью глотала воду... Теперь твой виноград наберет сока, прибавит в весе.

– А я, грешный, думал, что ты ночью домой уходишь, – Авшалум душевно обнял Рамбома. – Твоя помощь бесценна, друг мой, а то остался бы без урожая...

– Теперь можешь быть спокоен, – уверил его Рамбом. – Завтра, после сорока дней, я пойду домой, а перед уборкой, где-то к началу октября, приду с сыном. Думаю, что за неделю, если Бог даст, все вместе уберем. Да, чуть не забыл, постарайся встретиться с покупателем винограда, чтобы он уже в эти дни подвез бочки под виноград...

– А я уже договорился, – довольный заботливостью друга, ответил Авшалум, – он был здесь вчера, приехал выразить соболезнование...

– Вот и хорошо, – удовлетворенно сказал Рамбом. – Теперь же, время позднее, люди разошлись, пойдем отдыхать.

И два друга направились в дом.

В поисках причины смерти своего любимца даром время не терял и Хануко бен Шолум. Нанятые им в городе лучшие специалисты с выездом на место дали ему исчерпывающие объяснения. И вооруженный ими, он поехал к наibu, который в душе обрадовался приезду известного купца, сулившему ему значительное вознаграждение. На стол были поданы ароматный чай и всевозможные сладости.

– Я слушаю вас, эфенди, чем обязан такой чести? – заговорил наиб, сверля гостя хитрым взглядом.

– У меня к вам, уважаемый наиб, деловое предложение, – начал Хануко бен Шолум. И в течение десяти минут, пообещав наibu солидное вознаграждение за

содействие, изложил выводы нанятых им специалистов, сводившиеся к тому, что шакал не мог быть причиной смерти юноши.

Кроме того, поскольку два очевидца утверждают, что слышали крик не «А... а», как говорят некоторые, а «А... ли...», возникает вопрос: кто такой этот Али? Из какого он села? Почему прятался в это время там?

Если этот неизвестный Али – убийца, значит Илову узнал его, а тот, боясь своего разоблачения, был вынужден избавиться от нежелательного свидетеля. Но... по заявлению отца погибшего, на теле сына не было никаких следов борьбы, лишь на голове было две раны. Одна – на затылке, от удара чем-то твердым, но она не могла быть смертельной. Вторая же – на виске, полученная, надо полагать, при падении на острый камень или сук, отчего, вероятнее всего, юноша и умер. При любых обстоятельствах, и в висок, и в затылок одновременно он не мог получить удара. Таким образом, можно предположить, что этот Али был не один. По всей вероятности, Илову, увидев и узнав Али, громко назвал его по имени, а второй, неизвестный сообщник Али, поняв, что это может привести к их разоблачению, не раздумывая, ударил Илову в затылок чем-то тяжелым, возможно, дубинкой, отчего тот и упал со скалы. В пользу версии о наличии у Али сообщника говорит и то, что один Али, каким бы он ни был здоровым, не мог сразу, без шума и борьбы, свалить такого сильного парня, как Илову.

Могли ли участники этой облавы видеть то, что происходило на скале? Обследование местности лучшими специалистами показало, что нет, не могли, так как скала эта, хотя и высокая, и стоит на краю обрыва, и на нее можно даже подняться, что и сделал Илову, все же со всех сторон окружена высокими зарослями, высота которых превышает 2–3 метра. Мало того, те же специалисты на одной стороне этой скалы обнаружили некую ущербность – углубление, которое вполне могло служить убежищем для людей, не желавших,

чтобы их видели. Правда, в настоящее время все следы пребывания там людей искусно ликвидированы.

Кроме этого, имелись сведения от одиноких путешественников, некоторых горожан и небольших купеческих караванов, что при проезде в этих краях им встречались сомнительные попутчики, которые напрашивались в помощники, но, получив отказ, уходили с угрозой. Единоверцы из соседних сел не раз доводили до сведения ковах, что на северной стороне Дербента, в районе селений Бильгади, Зидьян и Камах, были случаи, когда обирали, грабили и даже дважды убивали проезжий люд. Услышав об этом, Хануко бен Шолум сразу вспомнил, что во время своей последней встречи с другом из селения Карчаг тот рассказывал об исчезнувшем из их селения некоем Али, который отличался крайней ленью и желанием пожить за чужой счет. «Да, да, – подумал купец, – он называл тогда имя Али, я не мог ошибиться... Не тот ли Али повстречался с Илову?»

Изложив наibu все эти факты, Хануко бен Шолум попросил его, за выложенное на стол щедрое вознаграждение, узнать: из каких селений подвластных ему владений исчез человек по имени Али, что о нем слышно в настоящее время, есть ли у него родственники, что им о нем известно, что говорят соседи? Необходимо организовать группу из аскеров, которые, под видом проезжих купцов совершая ложные выезды, могли бы выявить в этих краях скрывающихся разбойников.

• Хануко бен Шолум не только хотел выявить убийц ни в чем не повинного юноши и воздать им должное – он ставил задачу более обширную: воспользоваться этим трагическим случаем и очистить Дербентский регион от разбойников, о которых в последнее время все больше говорили его коллеги. Даже русский генерал-майор Савельев, его давний друг, при встрече недавно в Кизляре спрашивал, правда ли, что в окрестностях Дербента бесчинствуют разбойники. На что Хануко в шуточной форме ответил, что его самого пока Бог миловал. Ответ генералу понравился, но он заметил:

– А что Рустам-кади и его наиб со своей сотней? Пусть шевелятся, негоже такая слава Дербенту...

Упрямый, хитрый, жадный и хищный наиб Мухтар был до мозга костей предан правителю, своему дальнему родственнику, за которым готов был пойти в огонь и в воду. Тридцатипятилетний вдовец, здоровый, как бугай, наиб был охоч до молоденьких вдов и во имя достижения своих похотливых целей готов был на всё. В возрасте 27 лет он потребовал от своей красавицы-жены прекратить, как он выразился, «безобразие» и родить ему сына, пригрозив, что если она в течение двух лет не сделает этого, он ее убьет. И в самом деле, в назначенное время, увидев, что она, словно сухое дерево в лесу, так и не зачала, наиб пришел домой пьяным, вынул из-за пояса свой красивый, инкрустированный пистолет и выстрелил ей в сердце. А поскольку он сам был и судья, и убийца, – ему и это сошло с рук. Правда, пить после этого он перестал.

Своего отца наиб не помнил, да и был ли он его настоящим отцом – тоже никто не знал, кроме, конечно, матери, Хадижи. Она была редкой красоты женщиной, стройной, с дивным станом и легкой походкой лани, и каждый раз, завидя ее, мужчины не сводили восхищенного взгляда. Она была вдовушкой и имела годовалую дочь от умершего мужа, когда в неё влюбился болезненный и тщедушный «отец» наиба. Не рассчитывая на девственность, вопреки желанию отца и матери, он женился на вдовушке, так и не получив благословения родителей. Приглашенный из соседнего селения мулла в присутствии двух друзей жениха за щедрое вознаграждение освятил их брак благословенной молитвой.

Через два года, когда «отец» наиба уже окончательно слег, Хадижа родила не хиленького заморыша, как ожидали все, а крупного и здорового мальчика, которого называли Мухтаром. Долгое время в селении ходили сплетни, что отцом ребенка является вовсе не муж, а высокий, широкоплечий еврей-кровельщик из селе-

ния Аба-Сово, в которого, видно, влюбилась Хадижа и которого раза два видели выходящим из ее дома. Как бы то ни было, но в доме Хадижи было уже двое детей, девочка и мальчик, когда она потеряла и второго мужа.

Будучи двоюродной сестрой отца Рустама-кади, а значит его тетей, она пользовалась покровительством своих влиятельных родственников, которые делали все, чтобы сплетни вокруг ее имени были прекращены. Одну словоохотливую женщину, которая независимо от предупреждения все же продолжала чесать языком, нашли утонувшей в луже. Что же касается еврея-кровельщика, тот сразу же со всем семейством, как утверждали сельчане, уехал в сторону Темир-Хан-Шуры. Таким образом, доброе имя Хадижи было восстановлено.

Правда, оставались потенциальные свидетели позора Хадижи – староста и его сын Хануко бен Шолум, которые в силу своего положения могли знать о причине внезапного выезда из селения семьи кровельщика. Да и сам кровельщик под большим секретом все же мог открыться старосте перед отъездом. И потому Рустам-кади и его родня, а больше остальных – наиб все последующие годы бдительно следили за высказываниями отца и сына, ненавидели их как возможных носителей нежелательных и позорных для себя слухов, но поскольку те делали вид, что ничего не знают, – а возможно, так оно и было на самом деле, – открыто не выражали против них своих чувств.

Был у наиба даже свой осведомитель из числа жителей селения Аба-Сово, который попался однажды за воровство и должен был предстать перед судом своего народа, но ценой предательства спас свою шкуру от позора. И вот уже более года он за жалкие подачки тайно передавал наибу обо всем, что происходило в селении, о действиях и словах старосты и его сына.

Не знал, не ведал этот отщепенец, что преодолеть он свой страх и позор, найди в себе мужество и предстань

перед справедливым джамаатским судом, возможно, кара его была бы не столь суровой, в сравнении с тем, на что он себя обрёл и во что обернулось его предательство для него и его соплеменников.

На длинной дороге жизни этого народа подобные «иуды» не раз служили причиной многих трагедий своих соплеменников.

Влиятельные родственники позаботились не только о матери, но сделали все, чтобы маленький Мухтар не знал о своем подлинном отце, чтобы позорное прошлое матери не дошло до его ушей и не стало предметом его детских раздумий. Они не только оберегали его самолюбие, но предостерегали даже чью-либо попытку каким-нибудь образом обидеть его. И потому Мухтар рос, словно в панцире, отгороженным и защищенным от всяких сплетен.

Внешностью мальчик походил на мать, а значит, и на своих важных и высокопоставленных родственников, если бы не его волнистые каштановые волосы. Но когда кто-либо старался внести в этот вопрос ясность, мать тут же вмешивалась и заявляла, что волосы сына отдаленно напоминают шевелюру «отца». Знавшие «отца» многозначительно ухмылялись и, конечно, соглашались с ней, «вспоминая» подробности этой схожести.

Однако в отроческие годы Мухтар неожиданно стал попадать в непредвиденные ситуации. Однажды во время игры какой-то юноша-мусульманин, что был старше его сверстников, злобно бросил в адрес удачливого Мухтара обидное слово «джууд бай» – еврейский отпрыск, что привело его в крайнее замешательство.

– Это ты мне сказал? – кинулся Мухтар на обидчика и, хотя был он года на два младше своего оскорбителя, все же выглядел выше ростом и смелее. – Извинись сейчас же! – потребовал он.

– Не буду! – ответил юноша, смело взглянув на Мухтара. – Спроси у своей матери...

В следующую секунду Мухтар, разозлившись, бросился на него и стал бить с таким остервенением в жи-

вот, в голову, в лицо, отчего избитый в кровь обидчик бросился бежать. Если не считать еще одного случая, когда соседский мальчишка стал его дразнить и обзывать «биж» – незаконнорожденный, за что был избит Мухтаром до полусмерти, желающих оскорбить или сказать в его адрес обидное слово больше не встречалось.

Правда, с годами, особенно после скорой смерти матери, все забылось, ушло в небытие, будто ничего этого и не было. Но каждый раз, когда судьба, будто невзначай, подбрасывала ему напоминание о его кровной связи с евреями, во что он никогда не верил, – лучше сказать, не хотел верить, – он вскипал, как бурлящий котел, в нем росла ненависть к этому в общем-то ни в чем не повинному народу, и он строил один план злоеющее другого, чтобы раз и навсегда размежеваться с ним и любым возможным способом нанести ему вред. Но сделать это без шума, умно, а самое главное, не своими руками. А когда, став наибом, он понял, что на евреях можно и хорошо заработать, линия его поведения стала еще тоньше и ухищреннее.

Свою сотню наиб пестовал, как дитя родное. Поскольку во всех селениях у него были свои осведомители, он знал почти о каждом жителе все, что ему нужно было знать. Например, аскеров в свою сотню он подбирал с учетом их возраста, силы, ловкости и сообразительности. Так он пригласил к себе недавно, взамен заболевших и умерших, Фархада и еще двух молодых людей из селений Камах и Нукол. Фархад ему понравился сразу, тем более что на очередном соревновании среди аскеров своей сотни он, хотя и был самым молодым, выиграл все поединки. Кроме этого, наиб дело свое построил так, что в случае чрезвычайных ситуаций, скажем, войны, каждый аскер обязан был привести в войско по 10–15 человек, и таким образом правитель в течение одного-двух дней мог иметь под рукой более тысячи воинов.

Наиб, конечно, знал о негодяе Али и его собратях, скрывавшихся от народного возмездия в лесах и многочисленных горных пещерах в округе, ибо по его наущению они совершали разбойные нападения на большом караванном пути, грабили, главным образом, в местах проживания иудеев, убивали тех, кто бдительно охранял своё добро. Собранный и выпестованный им отряд гачагов-разбойников состоял из тех мусульман, кто в разное время совершил у себя в селении преступление – убийство, разбой, изнасилование, кражу – и бежал от суда и наказания. Спасая их от справедливой кары власти адата и шариата, наиб преследовал две цели: держал их под постоянным контролем и в то же время осуществлял свой коварный и жестокий план мести селению Аба-Сово и, в частности, ненавистной ему семье старосты раби Шолума. Так же, как и его покровитель Руустам-кади, наиб хотел создать в Аба-Сово нервную обстановку, беспорядок, чтобы люди вышли из подчинения старосты, стали выступать против него и его семьи и таким образом добиться, чтобы раби Шолум и его близкие вынуждены были сами покинуть эти места. Не мог терпеть наиб присутствия у себя под боком этого влиятельного семейства.

Поэтому, угощая Хануко бен Шолума чаем, наиб в душе смеялся над его желанием найти не только Али, но и напасть на след разбойников, грабивших жителей селения Аба-Сово. Его вновь поразили настырность и целенаправленность этого умного и хитрого человека. Однако, думал он, и на этот раз купец, придя к нему за помощью, просчитался. Взяв щедрое вознаграждение, он пообещал Хануко бен Шолуму поручить это дело своему новому аскеру Фархаду. «Так я тебе Али и отдам, – смеялся наиб в душе, – держи карман шире!» Не знал и не ведал наиб того, что с самого начала инициатором установления истины в этой трагедии был именно Фархад. И потому в скором времени был удивлен тому, с каким рвением Фархад взялся за исполнение его задания, приняв это за желание аскера должным образом выполнить первое поручение своего командира.

Фархаду удалось, не вызвав подозрений (ибо о том, что он стал аскером, многие ничего не знали), установить, что восемь месяцев назад Али, поругавшись с женой и детьми, вынужден был уйти из дома. Поводом для ссоры стало то, что он начал по вечерам бегать к соседней вдовушке. Узнав об этом, возмущенная жена выгнала его из дома, и месяцев пять его в семье не видели. Потом как-то глубокой ночью, словно прячась от кого-то, он принес деньги и какие-то вещи, которые старший сын вынес на городской базар и продал. На вопрос, где он бывает, Али ответил, что устроился помощником к какому-то купцу и, мол, сейчас он должен немедленно уйти, чтобы догнать того в пути. И все. А словоохотливая соседка-вдовушка, угощая Фархада чаем с айвовым вареньем, хихикая, поведала, что совсем недавно Али появился к ней ночью, тайком, весь обросший и худой, что она его сразу даже не признала, напросился к ней в постель и, не дождавшись утра, бесследно исчез.

Стал очевидным факт, что Али скрывается, но по какой причине – никто пока не знал.

Удалось Фархаду выйти на след еще одного беглеца из селения Камах, который два года назад заколол кинжалом сельского шутника за то, что тот с ним неудачно пошутил, сравнив его с ослом. Убийцу этого звали Гасан. Всегда хмурый, злобный, он смотрел на людей исподлобья, неприветливо, словно все были его должниками. Тридцати лет от роду, он жил без семьи в полуразвалившемся доме, и многие не помнили, когда он появился в селе и откуда пришел. Лишь один старик вспомнил, что прибежал он мальчишкой много лет назад откуда-то со стороны Азербайджана, изодраный, в кровоподтеках, на него было страшно смотреть. Сельчане тогда приютили его, одели, но нелюдимым он так и остался, не прижился. Старик сравнил его с маленькой раненой птицей, гнездо которой разрушили, и она теперь вспоминает и не может вспомнить, где оно было. Правда, лет пять назад он настойчиво добивал-

ся руки соседской, девушки, но когда та пренебрегла им и вышла замуж за другого, он весь ушел в себя, ни с кем не стал разговаривать, сделавшись зверем среди людей.

Женщина, на которой Гасан хотел жениться, сказала Фархаду, что он был добр к ней, да и другим зла не чинил, но эта доброта была какой-то грубой, неуклюжей, она не притягивала к нему людей, а, наоборот, отталкивала. Однажды он разоткровенничался с ней, рассказал, что пережил страшную трагедию, но, не почувствовав интереса к себе, тут же замолчал, ушёл в себя, как испуганная черепаха в свой панцирь. Эта же женщина поведала, что он был среднего роста, крепкий, с большим шрамом на лице, от которого выглядел еще более угрюмым.

– Таким образом, – докладывал Фархад наибу, – сообщником Али вполне может быть и этот Гасан...

Наиб внимательно выслушал молодого и ретивого аскера и поручил ему проследить и выявить этих двух неизвестных ему людей, но в то же время предупредил, чтобы тот о каждом своем шаге ему докладывал и без его ведома самостоятельно ничего не решал. Фархад принял это как доказательство особой заботы наиба о нем, был ему благодарен и решил во что бы то ни стало разобраться в этом все еще не до конца понятном ему деле.

Однажды рано утром, где-то в начале октября, будучи на развилке дорог в Хамайди, Зидьян и Камах, он повстречался с Рамбом и его сыном, которые направлялись в сторону фонтана Шах-Салах.

– Доброе утро! Куда путь держите? – поздоровался с ними Фархад, придержав коня.

– А-а, Фархад, здравствуй, сынок! Слышал и очень обрадовался, что Рустам-кади пригласил тебя в свою сотню, поздравляю!

Фархад спешился и Рамбом с сыном пожали ему руку.

– Спасибо, дядя Рамбом!

– А мы в Аба-Сово идем на помощь моему другу, убирать урожай винограда, – улыбаясь, сказал Рамбом.

– Желаю хорошего урожая! От меня салам передайте дяде Авшалуму! И скажите, что я не забыл... – многозначительно сказал Фархад и, вскочив на коня, двинулся в сторону селения Камах.

Оправившись после очередного горя, семья Авшалума в полном составе собралась на участке. Янтарные гроздья блестели под солнечными лучами, восхищая своей величиной и тяжестью. Видно, Бог смилостивился над этой несчастной семьей, дав ей нынче хороший урожай. Последние двадцать дней они по очереди дежурили здесь, чтобы не допустить участившиеся случаи воровства и проникновения на участок чужого скота.

Рамбома с сыном здесь встретили как своих родных. Истир тут же подала каждому чай и по куску чурека с сыром. Затем, благословив Бога, они приступили к уборке.

Не подвел и покупатель. На двух подводах он уже с утра завез четыре пустые открытые бочки, чтобы к концу каждого рабочего дня, заполнив их виноградом, отвезти в город. Авшалум, осмотрев почти каждый виноградный куст, опытным глазом определил, что участок даст не менее 250 пудов винограда, а это в полтора раза выше урожаев прошлых лет. Окрыленный перспективой, он пообещал покупателю отдать 200 пудов, если его надежды оправдаются. Тот, в свою очередь, сказал, что даст ему за это 80 пудов зерна и денег на приобретение лошади или саму лошадь, а также привез из города почти полпуда сыра, два килограмма сахара и листового чая. Это была щедрая плата. В глубине души Авшалум лелеял надежду, что, продав в следующем году вино, он сможет собрать денег и на свадьбу старшего сына.

Работа спорилась, каждый день подводы увозили по четыре полных бочки винограда, что составляло около 50 пудов. Спали прямо на участке, в ловко собранном Давидом и Юсуфом двухэтажном шалаше из камыша, в котором сыновья размещались внизу, а отцы, поскольку были весом легче, вверху. Лишь Истир каждый вечер уходила домой, чтобы приготовить им обед на день завтрашний.

К концу четвертого дня, заполнив бочки, Авшалум легко вздохнул, его надежды вполне оправдались, урожай даже превысил ожидания. Поэтому, договорившись с покупателем, который приезжал для окончательных расчетов, Авшалум попросил подвозчиков приехать и завтра, чтобы отвезти оставшийся виноград домой для приготовления вина, а полбочки доставить в Хамайди. Рамбом был польщен братской щедростью Авшалума, который в глубине души был убежден, что богатым урожаем он в немалой степени обязан именно Рамбому, его стараниям, недосыпаниям, благодаря которым виноградник получил необходимую живительную влагу.

Когда к вечеру следующего дня они все вместе вернулись домой, Авшалум не поверил своим глазам – во дворе стояла запряженная в сбруи лошадь, молодая, ладная, видно, привычная к хозяйским делам. Каждый подходил, гладил ее по холке, говорил ей ласковые речи. Было видно, что ее появлению все были бесконечно рады.

Разгрузив бочки, Авшалум одну пустую подводу отправил в город к хозяину, а второго подвозчика попросил отвезти в Хамайди полбочки винограда, а с ним вместе, чтобы он в дороге не заблудился, отправили Мушаила.

Зная о том, что мужчины скоро должны вернуться с уборки, Истир принесла с родника два больших кувшина воды, положила рядом таз с полотенцем и не забыла приготовить им вкусный ужин. И когда вместе со

всеми, Рамбом вошел в дом, она попросила его снять носки, налила в таз воды и стала мыть ему ноги. Такое делалось в селениях в знак особого уважения к гостю.

– Спасибо, доченька, за внимание, – поблагодарил ее Рамбом, – дай Бог тебе счастья, родная!

Сев за стол, Авшалум произнес вечернюю молитву, а Истир стала проворно подавать дулму, зелень, чурек и вино для Кидуш, вызвав восхищение присутствующих. Когда ужин шел уже к завершению, Рамбом стал рассказывать забавную историю про своих односельчан-единоверцев:

– Несколько лет назад собрались наши единоверцы в Хамайди построить синагогу. Камня и глины у них там много, построили стены, встали перед задачей, где взять бревна для крыши. Как вам известно, длинных и ровных бревен у нас не бывает. Подумав, как, где, решили хамайдинцы, бревна можно взять у мюшкюрцев в обмен на орехи. У нас кругом ореховые сады... Сказано – сделано, набрали подводу орехов, взяли мерку необходимых бревен, определили их количество и снарядили одного в Мюшкюр...

– А к кому, дядя Рамбом? – пряча улыбку, спрашивает Давид.

– Есть там некий Шенде, – тут же проявляет находчивость Рамбом, – живет он у самого леса и при нем семеро сыновей, все богатыри, я вам скажу. Так вот, приехал наш уполномоченный, объяснил этому Шенде цель своего приезда и показывает на воз грецких орехов. Шенде просит его сесть за стол, отобедать с ним чем Бог послал, а сыновьям приказывает быстро изготовить необходимые гостю бревна. Только успели поесть, как появляется старший сын и заявляет отцу, что бревна готовы. Хамайдинец встает, благодарит хозяина за вкусный обед и в сопровождении хозяина выходит во двор. И что вы думаете? Действительно, бревна готовы, сложены на подводе и ждут хозяина. Наш хамайдинец еще раз пожал хозяину руку и тронулся в путь.

– Неужели не довез? – с удивлением спрашивает Юсуф, не веря в благополучное завершение этой истории.

– Почему же? Не только довез, – с еле заметной хитринкой в голосе, отвечает Рамбом, – а уже на следующий день стали всем джамаатом покрывать строение. Да вот беда, поставив бревно на одну стену, до противоположной стены оно не доставало, в общем, бревна были изготовлены короче необходимых размеров...

– Я так и знал, – живо подключается Юсуф, – ибо от мяшкюрцев можно ждать любой каверзы...

– Подожди, сынок, слушай дальше, – интригует Юсуфа Рамбом. – Стал вопрос, что делать дальше, и решили послать уполномоченного с бревнами в обратный путь. Приехал он опять к Шенде, так, мол, и так, случился казус. А Шенде даже глазом не моргнул, опять сажает гостя за стол, угощает чем Бог послал, а сам вызывает сыновей и... Короче, пошли сыновья исправлять ошибку. Через час заходят и докладывают, что бревна нужного размера готовы. Обрадованный хамайдинец выбегает во двор и видит такую картину: двое сыновей хозяина трут сухой бараньей кожей края одного бревна и тянут его в разные стороны.

– Вот, смотри, дядя, – стал рассказывать один из них хамайдинцу. – Это бревно и вот те три, которые уже растянуты. Проверьте, они все длиннее и именно тех размеров, которые вам нужны, – и они стали показывать, как они терли бревно и как его растянули. Хамайдинец взял «тертое» бревно, сравнил с теми, которые он привез обратно и убедился, что оно действительно нужного ему размера.

– Неужели поверил? – с недоверием переспросил Юсуф.

– А то как же? Ведь хамайдинец видел это своими глазами и не верить он, конечно, не мог, – уже с явной хитринкой ответил Рамбом. – Короче, привез он эти бревна домой и на следующий день стали накрывать

ими крышу. Четыре бревна, которые были «удлиненны» сыновьями Шенде, сразу подошли, а остальные бревна сельчане разобрали по домам, где-то нашли сухую баранью шерсть и стали тереть и тянуть...

– И что же? – хором спросили Юсуф и Истир.

– Трут и тянут уже несколько лет...

Раздался дружный смех.

Завершив трапезу, все встали. Собрался уходить и Рамбом. Авшалум, обняв друга, тепло поблагодарил его:

– Спасибо тебе за все, да благословит тебя Бог! Чуть не забыл, – спохватился он, – завтра в обмен на виноград должны привезти зерно, хочу во вторник поехать на мельницу Исога в Мюшкюр, тебе не по пути, а то могу подвезти?

– Нет, друг мой, спасибо. Я был там неделю назад...

– Рамбом пожал Авшалуму руку и хотел было шагнуть за ворота, но остановился. – Ты возьми с собой кого-нибудь из сыновей, говорят, беспокойно сейчас в Мюшкюрских лесах...

– Что ты, Рамбом, – удивился Авшалум, – с каких это пор мы стали бояться ездить на мельницу? Не впервой...

– Все же... береженного Бог бережет, – опустив в задумчивости голову, заключил Рамбом и пошел к выходу. – Да сохранит вас Бог!

Предчувствие... Что это, – интуиция, внутреннее побуждение или какой-то симбиоз разума и чувств, которые, забыв о своих вечных спорах, сливаются вдруг в один голос, чтобы предупредить о предстоящих переменах?

Ночь была светлая, словно в небе сверкали не звезды и луна, а разбросанные на светло-голубой парче большие блестящие алмазы. Рамбом шел домой полный светлых ожиданий и радужных надежд. Был момент, когда он корил себя за то, что не поговорил с Авшалумом насчет Истир, а потом успокоился, решив,

что впереди еще будет немало встреч и разговоров. И вдруг хрупкую ночную тишину прервал протяжный шакалий вой, и Рамбом ускорил шаг...

ГЛАВА 5

После трех недель относительного спокойствия, вопреки утверждению Рустам-кади, в его владениях снова появились шакалы, словно вся эта свора, обремененная недавним убийством, решила свести счеты с людьми, так или иначе причастным к лишению жизни их вожака. Как всегда, они начали свои хищнические, воровские походы с Аба-Сово, а потом уже, чтобы не «обидеть» остальных, обрушили свои нападки на соседние селения: Нукол, Мугарты, Хамайди, Бильгади и Зидьян – именно на те, в которых помимо мусульман жили и иудеи.

Среди нескольких пострадавших оказалась и семья старика Шумина, жена которого, старая Неспет, обнаружив пропажу всей живности, стала так убиваться, громко плакать и причитать, что вызвала в селении всеобщее волнение. Получив накануне праздника Ханука подарки от купца Хануко бен Шолума – дюжину кур, петуха, по мешку пшеницы и муки, – старики надеялись до весны как-нибудь продержаться, выдюжить эти зимние месяцы... Заметив кражу, старик Шумин чуть не потерял дар речи, а старая, больная Неспет, вдоволь накричавшись, упала без чувств. Три их маленьких внука, от четырех до восьми лет, вначале растерялись и стали тоже плакать, однако потом, увидев распластанную на земле бабушку, кинулись к соседям просить о помощи.

Ковхо долго и терпеливо убеждал расстроенных сельчан, что это не какие-то небесные силы, не джины и альбисы, а, возможно, самые что ни на есть четвероногие звери, которые, как обычно, к зиме еще боль-

ше свирепеют и, мол, к их поимке и уничтожению уже принимаются необходимые меры.

Через некоторое время стали известны случаи разбоя и в других селениях: Хамайди, Нуколе и Зидьяне. В Зидьяне, например, не только унесли двух овец, но сбили с ног и растерзали установленное рядом с овчарней чучело, приняв его за хозяина.

Если раньше шакалы оставляли хотя бы какой-то след, на этот раз следов не было вообще, словно в курятниках и овчарнях бесчинствовали не хищные звери, а некие огромные летающие живоглоты, которые проглатывали добычу и улетали неизвестно куда.

Естественно, события последних дней не могли оставить равнодушным не только ковхо, но и его сына Хануко бен Шолума, ибо своей не только благотворительной, но и большой общественной деятельностью в защиту единоверцев он снискал себе доброе имя и всеобщее уважение. Нельзя сказать, что в жизни евреев в окружении иноверцев не было моментов трений, что все шло гладко, как говорится, без сучка без задоринки. Ведь и внутри одной семьи бывают ссоры и разногласия. Все же такие моменты были случайными, эпизодическими, до серьёзного противостояния никогда не доходило, ибо и те и другие, будучи, в основном, крестьянами, жили одними заботами и всегда находили общий язык.

Размышляя обо всём случившемся с его земляками, Хануко бен Шолум все больше приходил к мысли, что, как и в прошлом, трагедии его народа происходят не по вине соседей, а по вине честолюбивых тиранов, которым власть затмевает рассудок. И в данном случае, думал он, все эти события произрастают из одного корня, который надо обнаружить и обезвредить.

Хануко бен Шолум понимал, что хотя Рустам-кади, как завистливый человек, не питает к нему тёплых чувств, все же он не заинтересован чинить ни ему лично, ни его народу, живущему в его владениях, препятствий, а тем более вредить. Ибо он человек неглупый и

не будет рубить сук, на котором сидит. Правителю лучше, чем кому-либо, известно, что жители Аба-Сово, да и других сел, исправно платят ему дань, активно принимают участие в жатве его хлебов, в сенокошении, в уборке плодов и винограда. Сам Хануко бен Шолум из своих накоплений не раз и не два оказывал ему материальную поддержку, а также, пользуясь уважением среди других правителей Дагестана и русских генералов, помогал ему в решении важных для него вопросов. Поэтому купец решил поехать к правителю и обо всем с ним поговорить.

Купец был не только влиятельным человеком, он обладал редким мужеством. Еще в юношеские годы он в единоборстве одолел набросившегося на него волка и придушил зверя голыми руками. И в зрелом возрасте он остался физически сильным и в критическую минуту мог постоять и за себя, и за своих близких.

Рустам-кади принял купца, не вставая с места, не хотя расспросил о житье-бытье, выразил «кислую» благодарность за его последний щедрый дар. Хануко бен Шолум сделал вид, что ничего этого не видит, в свою очередь поинтересовался делами правителя, состоянием его здоровья и его близких, а потом поведал о событиях, приведших его к нему.

– У моих односельчан сложилось мнение, что это не шакалы, правитель, – говорил купец, – а какая-то шакалья порода людей, которые по ночам совершают злодеяния, грабят немощных, обездоленных, оставляя их без средств к существованию... Люди просят вас защитить их...

– Вполне возможно... Но надо и самим не зевать, – произнес Рустам-кади в задумчивости, а сам вспомнил, как в последний раз, услышав о дерзких нападениях на Аба-Сово, хвалил наиба за это. – Я предупрежу наиба, уважаемый, – пообещал правитель.

– У меня создалось впечатление, правитель, что в наших лесах, а может быть и в горных пещерах, прячутся несколько негодяев, которые неожиданно со-

вершают дерзкие нападения не только на проезжих людей, отбирая деньги, оружие и вещи, но не гнушаются и постыдным обворовыванием жителей соседних сел, – продолжал купец гнуть свою линию, не обращая внимания на желание правителя завершить разговор. – Вот недавно я возвращался с российскими купцами из Шемахи и в районе Дерей-гуш, там, где должны быть ваши аскеры, на нас напали какие-то разбойники...

– Дерей-гуш? – нарочно переспросил правитель.

– Да, уважаемый владетель, – подтвердил Хануко бен Шолум. – Нас было трое: я с российским купцом и наш охранник. Уверенные в своей безопасности в этом районе, мы оторвались от основной группы и поехали вперед, как вдруг услышали топот копыт и увидели троих всадников с обнаженными саблями. Одного убил охранник, а второй и третий, раненый, скрылись...

– Даже так? – притворно удивился правитель и снова вспомнил о донесении нукеров об этом инциденте. Да, он знал о случае нападения на купца и очень огорчился, что нападение было неудачным. Рустам-кади приводила в ярость мысль, что Хануко бен Шолум имеет огромное влияние и может через его голову решить любой вопрос, хотя тот к этому прибег лишь однажды, когда на Або-Сово неизвестно отчего обрушилась какая-то эпидемия, а правитель, несмотря на неоднократные обращения к нему, не принимал никаких мер. Тогда Хануко бен Шолум привез из города группу врачей и лекарей, которые в короткое время спасли селение от почти полного вымирания.

– Я понимаю, что это из ряда вон выходящий случай, – продолжал Рустам-кади разговор с Хануко бен Шолумом, – но в жизни всякое случается, и это не должно стать достоянием гласности. – Правитель дал понять своему гостю, что знает о его больших связях в кругах высокопоставленных русских чиновников. – Надеюсь, вы сказали русскому купцу, чтобы он не особенно распространялся об этом неприятном случае?..

– Да, правитель, разумеется, я это сделал, но вы же знаете, люди есть люди...

«Хитрый негодяй, – подумал о нем Рустам-кади, – последнее слово все же оставил за собой...».

Покинув правителя, Хануко бен Шолум решил навестить и наиба Мухтара, который уже был осведомлен о его визите к Рустам-кади. Наиб понимал, что купец не оставит без внимания нападение, которое, с его молчаливого согласия, совершили «лесные братья» в ту ночь, когда он снял охрану в ущелье Дерей-гуш. Но наиб никак не ожидал, что так удачно спланированная операция сорвется и дело примет такой оборот, что купец предпримет собственные шаги по разоблачению разбойников. Раз так, решил наиб, то надо будет немедленно уничтожить главарей «лесных братьев» и лучше всего привлечь к этому делу смельчака Фархада, который служит ревностно и с умением. Он даже наметил план их поимки и уничтожения. «Завтра во время встречи с главарем бандитов, – подумал он, – прикажу ему, чтобы пришел сюда со своим заместителем и всей своей шайкой, а Фархаду дам человек пять аскеров, вооружу их пистолетами и ненавязчиво направлю на место этой встречи, и там они запросто прикончат бандитов»...

План, конечно, был жестоким, но другого выхода наиб для себя не видел. Однако у этого плана была и положительная сторона, ибо его выполнение обрадует население и оно решит, что наиб свое слово умеет держать. Правда, при этом он лишится некоторых доходов, но что делать, иногда надо идти и на жертвы... А если при этом погибнет и какой-нибудь аскер, – что ж, тем больше значимость этой операции...

Что касается остальных бандитов, наиб решил потом через своего осведомителя собрать их вместе и разработать дальнейший план действий.

Хануко бен Шолума наиб встретил подчеркнуто радушно.

– О, эфенди, салам, уважаемый! Рад вас видеть, какими судьбами? – Эту тираду наиб произнес взахлеб, словно встретил самого дорогого человека.

Однако от Хануко бен Шолума не ускользнули ни холодный взгляд, ни ледяная улыбка хозяина. «Значит, знает о моем визите к правителю, недоволен этим, почему? Может быть, все случившееся дело рук этого негодяя? Неужели вопреки правителю?...». А вслух ответил:

– Здравствуй, наиб, здравствуй! Все жду, когда ты выполнишь свое обещание...

– В самое ближайшее время, эфенди! – уверенно ответил наиб. – Мои люди кое-что узнали, в скором времени мы очистим владения нашего правителя от этой нечисти...

– Верю, уважаемый наиб, все в ваших руках, – льстил ему Хануко бен Шолум, – если вы захотите, у нас не будет ни воровства, ни убийств, не было же раньше...

«Ишь куда гнет, хитрец, – думал между тем наиб, – не выйдет, меня на мякине не проведешь... Не может простить мне этого неудачного нападения... И жаль, что оно не удалось...». А вслух сказал:

– Что вы, эфенди, что вы? Все в руках Аллаха!

Тем временем принесли чай и хозяин стал любезно угощать гостя.

– Вы знаете, эфенди, когда мне доложили, что у Дерей-гуш на вас было совершено нападение, я был крайне взбешен...

– Я понимаю, наиб, там должна была быть охрана... Кстати, а почему ее не было?

«Значит, уже все разузнал, – подумал наиб, – надо быть начеку, этому палец в рот не клади...»

– Охранники заснули, негодяи, – запальчиво объяснялся наиб, – а, услышав выстрелы, побежали к месту происшествия, нашли труп и опознали его...

– И кто же он?

– Бандит из селения Пенжди, головорез, он несколько лет назад убил в селении своего соседа, а теперь здесь разбойничал... В свое время его искали, чтобы джамаатским судом решить его судьбу, однако

тогда сбежал негодяй... Ничего, Аллах сам распорядился...

– Да, уважаемый наиб, вы правы, собаке – собачья смерть! – подытожил купец и неожиданно спросил: – Но меня все же интересует, чем кончились поиски предполагаемых убийц Илову?

Задавая этот вопрос, Хануко бен Шолум знал о том, что раскрытие этого дела наиб поручил Фархаду. У него состоялся разговор с этим смышлёным, хотя еще и не совсем опытным парнем, который проявил незаурядные способности сыщика и за короткое время установил не только личности предполагаемых убийц, но и место, где их можно будет выследить и поймать. «Но почему-то, – рассказывал купцу Фархад во время их последней встречи, – каждый раз после моего доклада наibu Мухтару преступники исчезали, словно их кто-то предупреждал... Не знаю даже, что и подумать...». Поэтому Хануко бен Шолум ждал от наива, если и не полного ответа на свой вопрос, ибо был убежден, что он обойдет его, но хотя бы намек на ход его мыслей. Совсем не ответить наиб не может, считал купец, ибо прошлый раз получил за это денежное вознаграждение...

Прежде чем ответить на каверзный вопрос, наиб думал. Да, главарей шайки он, конечно, уберет, ибо «лесные братья» совсем вышли из-под контроля, могут натворить бед на свою, а самое главное – на его голову. Кроме того, они сорвали план уничтожения этого, сидящего перед ним, самого главного его противника. Теперь надо быть осторожным. «А потом, если поможет Аллах, соберу бандитов и дам им новое задание», – успокоил он сам себя.

– Это дело, эфенди, я поручил хорошему, умному парню, Фархаду из Джалгана, – ответил наиб. – Он провел отличное расследование и, по существу, выявил двух подозреваемых, но когда мои люди пошли к их тайнику, почему-то их там не оказалось, они скрылись, словно их и не было.

– Может быть, их кто-то предупредил, наиб? – неожиданно, чтобы застать его врасплох, спросил купец и посмотрел тому прямо в глаза.

Наиб вначале замешкался с ответом, малость растерялся, отвел вороватый взгляд, а потом бодрым тоном ответил:

– Нет, нет, эфенди, это исключается. Может, интуиция у них сейчас, как у зверей, развился нюх на опасность... А может быть, им удалось каким-то образом узнать о том, что о них расспрашивали у родственников, соседей... Все может быть, но вы не беспокойтесь, эфенди, всех их выловим, воровство и грабеж прекратятся.

«Хитер подлец, – подумал Хануко бен Шолум, – выкрутился, но ведь кроме него самого, Фархад никому о тайнике не говорил... Подождем немного, посмотрим, как он выполнит свое обещание».

– Что ж, будем надеяться, что народу не придется обращаться с жалобой и за помощью к русскому командованию, – вслух заключил купец, встал и хотел было направиться к выходу, как услышал за спиной скрежет зубов наива.

Сперва наиб весь напрягся, словно ему дали пощечину, лицо его налилось кровью, но, сдерживая свой гнев, взяв себя в руки, он спокойно произнес:

– А ты меня не пугай, купец, слава Аллаху, здесь власть наша, а не русских... Думаю, мы сами в силах справиться со своими трудностями...

– На это и надеемся, наиб, – согласно сказал Хануко бен Шолум и покинул взбешенного наива.

Однако жизнь распорядилась по-своему, – как говорят, мы предполагаем, а Бог располагает. У многодетного крестьянина Гуршума украли козу. Все бы ничего, но люди уже в открытую заговорили о том, что между кражами живого мяса и исчезновением из сел кого-нибудь из его жителей есть взаимосвязь. Долгое время в это не верили, считали совпадением, стечением обстоятельств, но когда стали анализировать и

сопоставлять каждый случай, пришли к убеждению, что такая взаимосвязь – не выдумка, не плод больного воображения, а реальность. И больше всех в это поверил Гуршум, который после кражи козы обследовал вокруг своего дома каждый клочок земли, но кроме человеческих следов ничего другого не нашел. Гуршум посчитал, что козу, которую он держал, чтобы поить больную дочь козьим молоком, мог украсть только тот, кто от долгого пребывания на холоде заболел сам и нуждается в этом молоке, а этим заболевшим, решил обиженный родитель, мог быть только «лесной» разбойник. Никому ничего не сказав о своих подозрениях, Гуршум стал днем спать, а ночью ждать прихода «лесного» грабителя. И дождался, на четвертую ночь задумка его удалась. В тот момент, когда «двуногий шакал» залез в курятник, Гуршум неожиданно ударил его дубинкой по голове и потерявшего сознание связал. Им оказался Гасан из Камаха, тот самый нелюдим, который несколько месяцев назад ни за что, за пустяк, убил своего односельчанина.

Весть эта ошеломила всех, особенно наиба Мухтара, который испугался не на шутку, когда в его присутствии к Рустам-кади приехал ковхо, раби Шолум, с просьбой разрешить им устроить этому вору и убийце джамаатский суд в селении Аба-Сово, поскольку большинство пострадавших от этого негодяя жили там.

«Вот дурак, – крыл Гасана в душе наиб, – надо же так влипнуть. Предупреждал же, что народ обозлен, в эти дни не лезьте, не суйте нос, иначе останетесь без него, так нет... И у кого забрали? У несчастных стариков... Нет, оставлять без внимания это дело нельзя, если приставят кинжал к горлу этого гачага, он все скажет и меня выдаст...». От этих мыслей наиба прошиб холодный пот.

– Да, уважаемый ковхо, пожалуйста, вершите праведный суд над этим болваном, – разрешил Рустам-кади, – ваши люди поймали его, – правитель вопросительно посмотрел в сторону Мухтара, – вам и решать его судьбу...

«Назвал-то как? – подумал ковхо, – не убийца, не вор и грабитель, а, мол, болван, дурачок, а с такого и спрос не велик... Не-е-т, уважаемый, он понесет наказание за все: за убийство ни в чем не повинного человека, за сирот, оставленных без средств к существованию, за грабеж и воровство, мы его жалеть не будем, как он не жалел всех нас...»

– Спасибо, уважаемый правитель, я не сомневался в вашем согласии, – ответил ковхо, отвлекшись от своих невеселых дум. – Если есть желание, в суде может принять участие и уважаемый наиб Мухтар... – Эту фразу ковхо произнес по просьбе сына, с которым накануне имел длительный разговор о подозрительном поведении наива.

Наиб понял намёк, но своего волнения не выдал. «Хотите меня взять за горло? – думал он между тем. – Нет, не так просто это сделать, ковхо, мы еще поборемся... А этому болвану – охмаху – я не дам возможности выдать себя, я знаю, как это сделать... Аскеры передадут, что после суда я хочу видеть Гасана. Он будет на что-то надеяться, не скажет обо мне на суде ни слова... А потом якобы при попытке к бегству его можно и пристрелить. Вот так-то...». А вслух сказал:

– Хорошо, уважаемый ковхо, спасибо за приглашение, я, пожалуй, пошлю к вам группу аскеров во главе с Фархадом, он как раз и занимался его поиском...

– Что ж, пусть будет так. Всего вам доброго, уважаемые! – Ковхо поблагодарил правителя и его наива, однако не успел сделать шага к выходу, как правитель Рустам-кади, улыбаясь, неожиданно заметил:

– Я же вам говорил, уважаемый ковхо, что в наших владениях, кроме одного-двух, больше шакалов нет, а вы мне тогда не поверили...

Раби Шолум, выслушав его шутку, ничего не ответил, лишь кивком головы снова попрощался и покинул дом правителя.

– А ведь не простой старик, а?... – обратился правитель к наиву. – Вот у кого нам надо учиться и терпению,

и неторопливости, и мудрости, и умению в нужном месте сказать нужное слово...

Наиб Мухтар промолчал. Он снова думал свою нелегкую думу о том, как, не опозорив себя, выйти из дерьма, в которое попал.

– Они же и опасны, мой друг! – вывел его из задумчивости правитель. – А потому нам от этой заразы надо избавиться незамедлительно. Нелегкие времена нас ждут впереди, Мухтар, надо искать выходы...

– Я понял, правитель, – ответил наиб, выслушав Рустам-кади. – Можно заняться делами?

– Иди и помни то, о чем я тебе сейчас сказал, – ответил ему в напутствие правитель.

Наиб торопился домой, ему надо было дать некоторые распоряжения и вызвать к себе Фархада. Проявляя усердие, этот парень все же не всегда делал так, как хотел бы наиб, поэтому, прежде чем поручить ему участие в суде, он хотел с ним еще раз как следует поговорить, прощупать его намерения, не выдав при этом своих истинных желаний.

– Я тобой доволен, Фархад, – начал наиб, вызвав к себе молодого аскера, – хочу назначить тебя главой десятки...

– Спасибо, уважаемый наиб, я и без этого благодарен вам, – ответил Фархад.

– Не скрою, мне этого мало, я хочу не только твоей поддержки, но и доверия... – Наиб, взглянув парню в глаза, остался доволен.

– Я вам предан, наиб! – горячо заверил его Фархад, а про себя подумал: «Что же все-таки ты хочешь?»

– Это меня устраивает, ты тоже можешь рассчитывать на мою поддержку, – улыбнулся довольный началом разговора наиб, – как я понимаю, у нас это взаимно?

– Конечно, уважаемый наиб...

– В таком случае, слушай меня внимательно... Завтра в Аба-Сово состоится джамаатский суд над этим... Гасаном из Камаха...

– Да, я знаю об этом. Вчера в полночь, после поимки, я с ним беседовал...

– И что он сказал? – сразу встрепнулся наиб.

– Что убил односельчанина, подтвердил, – не уловив испуга в голосе наиба, отвечал Фархад, – что воровал баранов, кур и прочее, тоже не отрицал, но категорически утверждал, что никакого Али не знает, Илову не видел и не убивал...

– И больше ничего? – как бы из любопытства спросил наиб.

– Нет, ничего особенного, – ответил Фархад и как бы мимоходом заметил: – Правда, мне одному сказал, что ему покровительствует какой-то влиятельный человек, – решил схитрить Фархад, вспомнив о провале задуманной им операции по поимке преступников.

– А имя этого человека он назвал? – насторожился наиб, не выдав при этом своего волнения.

«Ах, вот как, – подумал Фархад, – испугался наш наиб, неужто этот Гасан его и имел в виду? Неужели наиб тогда их предупредил? Нет, не может этого быть, это нелепо», – и, прервав свои раздумья, сказал:

– Нет, не назвал, да я и не стремился его сразу поломать, придет время, назовет, нам скажет, заставим, – усмехнулся Фархад и лукаво взглянул на наиба.

– Правильно, нам скажет, когда после суда ты приведешь его ко мне.

– Как? – не сразу понял Фархад. – Вы хотите меня направить на этот суд?

– Да, мой друг, – дружески обняв Фархада за плечи, подтвердил наиб, – ты со своей десяткой завтра примешь участие в этом суде. Вопросов ему там не задавай и своим аскерам запрети, а вот после суда, когда будет вынесен приговор джамаата, ты, как обычно делается, приведешь его ко мне на исполнение приговора, здесь мы его и попопрошим, выведем все, что он скрывает... Ты все понял?

– Да, уважаемый наиб, все сделаю, как вы велели, – заверил его Фархад и собрался уходить.

– Подожди, – остановил его наиб, – я представлю тебя десятке, они здесь, рядом. – Он открыл дверь и приказал охране. – Позовите аскеров, которые ждут во дворе!

Аскеры быстро поднялись на веранду и выстроились в ряд.

– Я хочу представить главу вашей десятки – Фархада. Не смотрите, что он молод, человек он смелый и весьма смысленный, всем понятно?

– Да, уважаемый наиб! – ответили аскеры хором.

– Ну, тогда идите вниз, а он сейчас придет к вам! – приказал наиб, и аскеры ушли во двор.

– От того, как ты выполнишь это задание, Фархад, будет зависеть и другое дело, которое я в скором времени тебе поручу...

– Я буду стараться, уважаемый наиб, – ответил Фархад.

– Ну, иди, да будет с тобой Аллах!

Декабрь выдался холодным, по утрам на уже жухлую травку ложилась серебристая изморозь. Суглинистая земля затвердела, будто ее сковали и лишили внутреннего движения. Для проведения джамаатского суда выбрали старый полусгоревший хлев, который никак не мог вместить всех желающих присутствовать на суде. Пришли не только еврейские жители из разных сел, но и немало иноверцев. И, конечно, на суд явились и сгорбленные горем родители убитого Гасаном парня. Окруженный толпой, в центре стоял на коленях, связанный по рукам и ногам преступник – худой, изможденный, бледный, с болезненной синевой под глазами, будто старый больной человек. Взъерошенные сединой волосы и дикий, звериный взгляд его невольно напоминали пойманного в капкан уставшего от жизни волка. Глядя на хилое, слабосильное тело убийцы, трудно было представить, что ему едва исполнилось тридцать лет.

Рядом с ковшо были Хануко бен Шолум, Фархад и его аскеры.

– Уважаемый джамаат, – начал суд раби Шолум, – перед вами человек, который своими преступлениями перед Богом и людьми снискал себе худую славу. Никто и никогда не видел на его лице улыбку, ненависть ко всему живому начисто лишила его радости труда, ибо он не любил землю и всякий труд для себя считал постыдным, не ведал радости детского лепета и не выносил детского плача, не любил и не был любим. В тридцать лет он погубил невинную душу, наполнив горечью невосполнимой утраты сердца его убитых горем отца и матери, крал и грабил у людей последнее, чтобы удовлетворить себя, а детей, женщин и стариков лишал насущного. Есть ли еще какое злодеяние, которое было бы хуже и постыднее?

– Не-е-т! – хором ответили собравшиеся.

– А теперь говорите и спрашивайте преступника, а потом произнесите приговор.

– Скажи, Гасан, за что ты убил своего товарища? – спросил молодой человек, видно, хорошо знавший преступника.

– Он оскорбил меня, а я никому не позволю себя оскорблять! – выкрикнул преступник, у которого кроме голоса не осталось, по существу, ничего живого.

– Какое же оскорбление он тебе нанес? – допытывался молодой человек.

– Это не твое собачье дело! – снова выкрикнул злодей и с ненавистью взглянул на задававшего вопросы.

– А я скажу, в чем дело. Убитый в шутку назвал его дурачком... Вот и все, и за это он убил человека, а потом сбежал, как последний трус... – Парень умолк, затем внятно произнес: – Смерть ему! Нет ему прощения!

К виновному подошел Гуршум, взял его за подбородок и поднял опущенную голову.

– Смотри на меня, сукин сын, и отвечай! Помнишь, весной этого года, до твоего трусливого бегства, ты был в нашем селе и проходил мимо моего дома, а я сидел на завалинке? Тебе стало плохо или прикинулся больным, а же, не зная, кто ты и откуда, помог тебе сесть и спро-

сил, чем помочь. Когда же узнал, что у тебя болит горло, побежал в дом и принес тебе теплого молока.

«Что это?» – спросил ты.

«Козье молоко, – ответил я и добавил: – Дочка у меня болеет, я пою ее этим молоком».

Гуршум брезгливо оттолкнул от себя преступника и продолжал:

– И после этого ты, негодяй, – украл у больного ребенка козу, дающую ей молоко. Как ты думаешь, можно тебя считать после всего этого человеком? Молчишь? Я за тебя отвечу: нет, ты – не человек, ибо ты – зверь, а потому тебе не место среди людей – вот мой приговор!

Опираясь на палку, с трудом передвигаясь, к злодею подошел сухонький и сгорбленный старик Ахмед – отец убитого молодого человека.

– Помнится, больше двадцати лет тому назад, он, – старик трясущейся рукой показал на убийцу своего сына, – оборвышем, в испачканной кровью одежде, весь в ранах и синяках, словно избитая собачонка, прибежал откуда-то в наше село. На вопросы, откуда он и что с ним случилось, не отвечал, зверем смотрел на всех, как будто был зол на весь людской род. Мы его всем селом приютили, помыли, одели, вылечили от ран, но от главной его раны, от тайной боли, видно, так и не смогли вылечить. От тепла, которым мы окружили этого мальчика, мог растаять лед, а вот он с годами из маленького зверенка, на беду нам, вырос в хищного двуногого зверя. Большую часть своей жизни он рос у меня, а когда стал взрослым, мы ему отдали наш старый хлев, чтобы он его сам отремонтировал и жил. И что вы думаете? Он и рукой ни к чему не притронулся, мы же, что могли, сделали сами. Вместо этого он несколько раз покидал селение, иногда надолго. Куда уходил, где прятался, что делал, никому неизвестно. Но каждый раз он возвращался весь изодранный, словно был на войне, еще больше обозленный на мир, с такой лютой ненавистью в свирепых глазах, что на него

без содрогания нельзя было смотреть. В такие дни он был похож на собаку, спрятавшуюся в конуру, чтобы, скуля,лизывать свои раны. Через некоторое время я краем уха услышал, что ему понравилась наша соседка, а та его сторонила. Я поговорил с ней, выяснил, в чем дело. Оказалось, что она вначале тоже была к нему равнодушна, но очень боялась его за то, что он никогда не улыбнется, смотрит на всех зверем, а однажды прямо заявил ей, что если не выйдет за него замуж, убьет ее. Теперь, после того, как он у...убил... – старик судорожно сглотнул, нервно кашлянул и продолжал, – мою надежду, моего единственного сына, я понял, что девушка эта боялась не напрасно. Уважаемый джамаат! В жизни всякое бывает, бывают и случайные, непреднамеренные убийства. Если бы так, я бы простил его. Но этот злодей убил намеренно и, если я прощу его, Аллах не простит. Я же не хочу гневить Аллаха. Смерть ему – это мой приговор! – Старый Ахмед как-то выпрямился, отвернулся от преступника, словно от нечисти, и отошел в сторону.

– Ответь, Гасан, – вдруг вышел в центр Давид, – за что ты вместе с Али убил моего брата Илову? Хотя бы перед смертью скажи правду!

Преступник поднял голову, посмотрел на Давида свирепым взглядом и, с трудом произнося слова, ответил:

– Я не знаю, кто такой Али, и вашего брата я не убивал! Да, все, что здесь говорили до тебя, правда, но того, что я не делал, признать не могу и не хочу! Веришь или нет – это твое дело, но больше я тебе не отвечу ни слова... – Он умолк, отвернувшись от Давида, словно его и не было.

– Есть ли еще кто хотел бы высказаться? – раби Шолум взглядом и жестом пригласил желающих выйти к центру.

– Разреши, ковхо, сказать и мне свое мнение, – в центр вышел старый мугартынец, известный, как человек мудрый, с большим жизненным опытом. – Уважае-

мый джамаат! В одном лесу собрались звери выбирать себе главаря. Начался спор. Одни предлагали слона, потому что он большой, другие – лису – за хитрость, третьи – льва – за силу, четвертые – тигра – за ловкость и отвагу. Спорили до хрипоты, а к единому мнению прийти не могли. Тем временем, в поисках куска мяса по лесу рыскал шакал. Залез в один курятник – схватил и съел курицу, потом забрался в другой – ограбил. Так он, переходя из одного места в другое, неожиданно забрел в красильню. Не сознавая, что делает, он залез в чан с красной краской, потом в другой – с желтой, в третий – с синей, в четвертый – с зеленой, таким образом перекрасился в разные цвета и побежал в лес. И оказался там, где звери выбирали главаря. Взглянув на шакала, звери ахнули от удивления, ибо такого разноцветного собрата они никогда не видели, для них это было в диковинку, и они в один голос избрали шакала своим главарем. А шакал, думая о своем шакальем куске мяса, забыв о своих новых обязанностях, кинулся снова разорять чужие курятники. Так вот, уважаемый джамаат, этот убийца, как и тот шакал, неисправим, поэтому ему одна дорога – в ад. Такой мой приговор!

Раби Шолум повернулся к Фархаду и шепотом спросил его:

– Ты говорить будешь, Фархад?

– Нет, уважаемый ковхо, мне нечего добавить...

– А твои аскеры?

– Они тоже говорить не будут...

– Может быть, так надо, сынок, все равно вы отведете его на казнь?..

– Да, таков порядок... – ответил Фархад.

Тогда раби Шолум снова обратился к собравшимся:

– Уважаемый джамаат! По единодушному мнению аксакалов, преступнику вынесен приговор по высшей мере судебной кары – смертная казнь! Кроме того, на его могилу не разрешается ставить могильный камень памяти. Так издревле народы Дагестана наказывают

разбойников, чтобы вместе с телом его исчезло и имя нечистивца. Теперь, – продолжал раби Шолум, – я думаю, пусть, если желает, скажет свое последнее слово приговоренный...

Неожиданно для всех Гасан сделал попытку встать на ноги, но когда ему не удалось, он выпрямился на коленях, простер связанные руки к небу, приподнял голову и громко, что было сил, выкрикнул:

– О, Аллах! К тебе обращаю взор свой, о Всемогущий! Доколе будешь гнаться за мной, будто не можешь сразу поймать? Когда же закончится кара твоя? Ты ждал этого часа? Что еще Ты хочешь у меня отнять? Мне было 9 лет, когда Ты, собрав свору своих дьяволов, убил всю мою семью: отца, мать, братьев моих родных и сестер любимых, сжег их живьем в собственном доме, не спас даже маленьких, молящих в пламени огня о помощи! За что Ты покарал их, о, Аллах?! Неужто грехи детей были столь велики? Отвечай же! Не молчи!

– Да он сумасшедший! – вдруг воскликнул кто-то негромко.

– Тсс... не шуми, – остановили его.

– Не отвечаешь? Нечего сказать? – продолжал свой диалог с Аллахом приговоренный. – Искалеченному и обугленному мне удалось тогда сбежать от преследователей, но они гнались за мной десятки верст... Я проклинал себя за то, что остался жив! Почему ты тогда не убил и меня, а заставил страдать? Почему посеял во мне семена зла, чтобы урожай с этого поля раздавать людям? Все, что я делал потом, Всемогущий, я делал по Твоей воле, Ты хотел этого, так за что же теперь Ты караешь меня? Отвечай же!

Теперь я знаю, как Ты справедлив! Дважды, уже в качестве мстителя, я добирался до города моего детства. И каждый раз мои муки вознаграждались – я убивал по одному из убийц моих родных! О, Ты старательно охранял их, своих дьяволов, этих похожих на людей извергов, оберегал, не давал свершиться правосудию. Ты должен был их покарать, а не я! Вместо этого Ты

каждый раз устраивал за мной погоню, травлю, словно на псовой охоте. Ты не хотел их смерти! Почему?

О, Ты – великий хранитель тайн! Твои секреты трудно отгадать! Настоящему преступнику Ты даешь чины и богатство, а моих... – он нервно сглотнул, будто в горле у него застряла слюна, кашлянул и, собравшись с последними силами, продолжил, – братьев и сестер предал огню!

Нет, не верю я Тебе! Ты пришел за моей душой? Ха...ха...ха! Какая честь! Забирай и ее, я не хочу больше ж...жи...ть!

Приговоренный как-то неестественно умолк, на лице его появилась гримаса боли, он уронил голову и упал набок. Стоявшие рядом аскеры подошли к нему, взглянули на застывшую улыбку на губах и все поняли. Аллах совершил над ним свой Суд.

ГЛАВА 6

На следующий день во всех селениях владений Рустам-кади только и было разговоров о джамаатском суде и богохульстве приговоренного, а также о его сумасшедшей исповеди, так неожиданно завершившейся смертью. Но больше всех такая развязка обрадовала наиба Мухтара – она избавила его не только от позорного разоблачения, но и от необходимости встречи с преступником и его казни. Он посчитал случившееся подарком Аллаха ко дню своего рождения, который, по словам его покойной матери, совпал с первым днем нового года.

Наиб подробно расспросил не только Фархада, к которому проникался все большим уважением, но и почти всех аскеров, принимавших участие в этом процессе. Словно сговорившись, все утверждали, что приговоренный вел себя агрессивно, заявил, что Илову не убивал и, кто такой этот пресловутый Али, – не знает,

не назвал ни одного имени: ни сообщников, ни кого-нибудь другого, – вот только допустил богохульное высказывание о том, что Аллах почему-то преступникам дает чины и богатство, а безгрешных подвергает жестокостям. Но кого он имел в виду, не сказал. Наиб, конечно, знал, о ком был намек этого негодяя, но поскольку, слава Аллаху, его уже нет, Мухтар успокоился окончательно. И решил приступить теперь уже к осуществлению второй части своего предательского плана по уничтожению главарей «лесных братьев», которые, на его взгляд, были потенциальными носителями информации о его преступлениях.

Раби Шолум и Хануко бен Шолум посчитали необходимым пригласить Авшалума и его старших сыновей на беседу, поговорить о возможных убийцах Илову. Купец был убежден, что преступник на суде сказал правду о том, что к смерти юноши он никакого отношения не имеет, и потому с самого начала поиски пошли по ложному пути. Фархада они решили не приглашать, чтобы не вызвать у наива подозрений. Мнение уважаемого соседа поддержал и Авшалум:

– В самом деле, ему ничего не стоило взять на себя еще одно преступление, поскольку участь его была решена и без этого! Видно, Илову убил не он, но кто же тогда? Может быть, прав наиб, что сын испугался и упал? – с сомнением добавил он.

– Нет, дорогой Авшалум, в том, что его убили, я теперь не сомневаюсь, – заметил Хануко бен Шолум, – но кто это сделал, вот вопрос... Вам, Давид и Юсуф, надо повидаться с Фархадом, узнать, что он думает по этому поводу, сказать ему наше мнение и, если он с нами согласен, пусть продолжит поиски...

– Хорошо, дядя Хануко, – ответил Давид и спросил: – Нам прямо сейчас пойти?

– Да, откладывать не будем, – ответил купец.

Давид и Юсуф попрощались и ушли.

– Теперь, дорогой сосед, я хотел бы поговорить о другом, – купец ненадолго задумался и продолжил: – Мы с вами в течение многих лет стали не только со-

седями, но, можно сказать, близкими, почти родственниками. Не будем гневить Господа нашего, все в Его руках, но вы знаете, я очень хотел научить своему делу нашего покойного Илову, да будет земля ему пухом. Что вы скажете, уважаемый Авшалум, если я теперь каждый раз буду брать с собой вашего Ихиила в поездки по купеческим делам?

– Я буду только рад и благодарен, – обрадованно ответил Авшалум, хотя про себя подумал: что он скажет насчет Истир и Гаврила? – Правда, ему только двенадцать, но мальчик он шустрый и сообразительный...

– Знаю, мне как раз именно такой и нужен, – улыбнувшись, ответил Хануко бен Шолум.

– Да благословен Господь наш! Пусть сбудутся ваши мечты и желания! – сказал раби Шолум и пригласил гостя к столу. – Как вам показался преступник на суде, дорогой Авшалум?

– По-моему, он вначале малость свихнулся, стал богохульствовать, – ответил Авшалум, – а потом просто непонятно, что с ним произошло...

– Он, конечно, настрадался в жизни немало, озлобился... А что, у нашего народа не было таких случаев? О, сколько их было, и убивали целыми семьями с малыми детьми, вырезали и сжигали, насиловали женщин, но Бог наш, подаривший нам Тору, да благословен Он будет, всегда призывал к терпению и надежде... Тора – это древо нашей жизни, и заботящимся о нем она дает успех и удачу, защиту от врагов и настоящее счастье. Вот так и мы живем надеждой, что завтра будет лучше...

– Извини, отец, я хотел ещё сказать Авшалуму, что сегодня утром я встретился на базаре с покупателем вина, он может купить по сходной цене все твоё вино разом, оно у тебя готово?

– Через пару месяцев будет готово. Спасибо вам, – поблагодарил купца Авшалум, – я с удовольствием продал бы сразу, чем частями...

– Хорошо, я ему скажу об этом...

Поблагодарив за заботу и внимание, за щедрую трапезу, Авшалум попрощался с добрыми соседями и направился к себе домой. Завтра утром он собирался поехать на мельницу, в Мюшкюр. Его радовал сегодняшний разговор, появилась надежда, что на смену тяжким испытаниям, выпавшим на его долю, Бог пошлет ему, наконец, удачу и благополучие.

– Ихиил, сынок, иди-ка сюда, – позвал он сына, который, научившись отцовскому ремеслу, изготавливал деревянную ложку.

– Да, отец, я слушаю, – отложив работу, подошел к отцу Ихиил.

– Только что дядя Хануко сказал мне, что будет брать тебя с собой по торговым делам...

– Правда? – обрадовался Ихиил. – Я с удовольствием буду с ним ездить, буду ему хорошим помощником...

– Готовься, сынок, он завтра собирается в дорогу...

– Хорошо, отец, схожу к Сави и узнаю, что надо взять в дорогу, – и Ихиил, радостно подпрыгнув, убежал из дома.

Проводив Ихиила, Авшалум у самых дверей встретился с Давидом и Юсуфом, которые вернулись в сопровождении Фархада.

– Здравствуйте, дядя Авшалум, как поживаете? – поздоровался Фархад.

– А, Фархад, здравствуй, сынок! Ты возмужал, не узнать сразу, – улыбнулся Авшалум. – Неужто наиб так щедр к своим аскерам?

– Насчет щедрости не скажу, – улыбнулся Фархад в ответ, – но то, что он сегодня смеется и радуется, как дитя, – это точно...

– С чего бы это? – удивился Авшалум. – В другое время он ругается с камнями, по которым ходит...

– Аллах с ним, дядя Авшалум, я не по этому поводу пришел, – ответил Фархад. – Давид и Юсуф мне обо всем рассказали, я согласен, моя вина тоже есть, ошибся и пошел по ложному следу...

– Все мы ошиблись, – заметил Давид.

– Поиски я, конечно, продолжу, это дело моей чести, – твердо сказал Фархад. – Однако я пришел вас предупредить, чтобы вы завтра одни на мельницу не ездили, дядя Авшалум, беспокойно как-то на душе...

– Ну что ты, сынок, – удивился Авшалум, – можно подумать, что я в первый раз еду на мельницу?! Лошадка моя уже готова, да и мука нужна дому... – Он улыбнулся и обратился к дочери: – Истир, доченька, накорми своих братьев...

– Хорошо, отец, – ответила Истир и бросила незаметный взгляд на Фархада.

Теперь они встречались чаще. Оправившись от бед и тревог, Истир преображалась на глазах, становясь красивее и привлекательнее. Она тянулась к Фархаду, как быстрая горная речка Гюльгеричай стремится к буйному Каспию. Каждая встреча приносила молодым новые радости, сплавивала их дружбу, превращая ее в нечто большее, о чем ни он, ни она пока не смели говорить.

Ихиил вместе с караваном купца Хануко бен Шолума уехал из селения рано утром. Мальчик был искренне рад и горд, что ему дали хорошего коня и удобное для него седло. Отец крепко обнял сына и пожелал всем отъезжающим счастливого пути. У него вдруг защемило на сердце, пришло ощущение, что видится с сыном в последний раз.

Через час, легко позавтракав, он тоже собрался в дорогу.

– Будь осторожен, отец, – попросил его Давид, – если вдруг появится опасность, бросай все и скачи обратно...

– Не волнуйся, сынок, все будет хорошо... – успокоил его Авшалум и, забросив через седло два больших мешка зерна, сам уселся на лошадь и выехал со двора. Дети провожали отца, который впервые в жизни уезжал на мельницу на своей лошади. Авшалум много раз-

мышлял в последнее время о том, что было бы неплохо смастерить для нужд семьи и подводу. «Если бы была она, можно было взять не два мешка зерна, а сразу пять или десять, – подумал он и успокоил себя: – А, ничего, впереди зимние месяцы, найду подходящее дерево и к весне успею смастерить».

У Рубас-чая, проехав через небольшой мостик, построенный населением в самом узком месте его русла, он свернул в сторону моря, в густой, почти непроходимый лес, в котором была проложена тропа, о которой Авшалум знал еще со времен юношества. Хотя было начало года и в такое время обычно на мельницу не ездят, Авшалуму, на которого в последние месяцы свалилось столько горя и душевных невзгод, а потом и уборка урожая, было не до мельницы, ничего не оставалось, как отложить это дело до последнего срока.

С деревьев все еще слетали пожелтевшие листья, а лианы с ежевикой никак не хотели разнимать своих объятий от могучих дубов и светло-серых буков. Жухлые, желтые листья, падая, делали все, чтобы прикрыть от путника единственную дорожку.

Авшалум, зачарованный лесом и утренней прохладой, углубившись в свои бесконечные раздумья, отдался воле своей лошадки, как вдруг она неожиданно всхрапнула и остановилась. На тропе стояли двое: обросшие, в изношенной, измятой, грязной одежде, будто они только что валялись на земле. Шапки их напоминали папаху, у которой срезали верх, чтобы сделать из нее две, при этом их так усердно мяли, что они утратили не только вид, но и свою сущность. У одного из них за поясом торчал кинжал, а у другого – пистолет. Оскалив пожелтевшие, ущербные зубы, сотворив подобие улыбки, они смотрели на Авшалума, ожидая его действий, но, не дождавшись, один из них подошел ближе и весело сказал:

- А вот и хлеб! Тебя сам Аллах послал, любезный...
- Что вам надо? – громко спросил Авшалум, на-

деясь, что его кто-то услышит, но понял, что это разбойники-гачаги и что момент, когда можно было сразу повернуть лошадь и ускакать обратно, им упущен.

– Один мешок зерна и езжай, – потребовал один, который встал сзади Авшалума.

– Да у меня целая семья, – возмутился Авшалум, – я вам отсыплю немного, зачем вам целый мешок...

– Ах, вот оно что?! – возмутился другой разбойник. – Ты слышишь, Али, он, видите ли, отдавать один мешок не хочет. Ха-ха-ха! Ну тогда давай оба мешка!

«Али?! – подумал Авшалум и заерзал в седле. – Не этот ли Али – убийца моего сына?» А вслух сказал:

– Да вы что?! Пожалейте моих детей...

– Твоих детей пожалеет ваш бог, он вместо хлеба дает вам Тору, ха-ха-ха! – Он мерзко засмеялся и недовольно прикрикнул: – Ну-ка слазь, непослушный мой, нечего смотреть на нас свысока!

Он схватил седока за руку и сбросил с седла, и тогда Авшалум понял, что с этими негодьями шутки плохи.

– Прошу вас, отпустите меня, – попросил он, – возьмите зерно, а я вернусь домой...

– Хорошо, иди! – сказал тот, которого звали Али.

– А лошадь? – с ужасом спросил Авшалум, заметив, как тот отводит лошадь с зерном в сторону.

– А зачем тебе лошадь? Груза у тебя нет, можешь и пешочком пойти, – зло пошутил другой. – А нам она очень пригодится...

Возмущенный Авшалум забыл об осторожности и вообще обо всем на свете, увидев, как у него нагло, без зазрения совести, по-бандитски забирают лошадь – мечту всей его жизни, бросился на этого Али и, повалив на землю, стал его душить. И в этот самый момент, когда, по всему виду, убийца его сына стал задыхаться в клещах его сильных, натруженных рук, Авшалум почувствовал такой силы удар по голове, отчего сразу ослаб и отвалился набок.

– Ты смотри, – придя в себя, заговорил ошеломлен-

ный Али, – он мог меня задушить. Спасибо тебе, Самед. Пусть лежит, давай уйдем...

И опять Авшалум допустил оплошность: нет бы, придя в себя, продолжать лежать, прикинувшись мертвым... Он же, услышав последние слова бандитов о том, что они хотят уйти с его добром, преодолевая боль, встал и бросился на того, которого только что называли Самедом.

– Убийцы, грабители! Мало того, что убили моего сына, сбросили его со скалы, вы еще и меня решили ограбить? Не дам! – с этими словами он набросился на Самеда, но неожиданно ударом сзади по голове чем-то тяжелым был снова сбит с ног.

– Ах, вот как?! Значит, ты отец того ублюдка, который влез тогда на скалу и которому мы обязаны теперь бесконечной слежкой целой своры аскеров? – бросив в сторону дубинку, которой ударил Авшалума, с ехидцей спросил Али.

– Ублюдки вы сами! – вскричал Авшалум, держа рукой ушибленное место на голове. – За что убили-то? Ребенка за что лишили жизни?!

– Пусть не сует нос куда не следует, змееныш! – выругался Самед и подошел ближе к Авшалуму, которого уже живым выпускать был не намерен. – Ты что думаешь, дурак, если направили на наш след Фархада, так у нас и осведомителей нет? Ошибаешься, сам наиб Мухтар нам помогает, и если надо будет, и Фархада пошлем к его праотцам, ха-ха-ха!

«Господи! Спаси меня от рук этих убийц! – взмолился про себя Авшалум. – Дай наказать их!». Он вдруг вспомнил рассказ раби Шолума, как много веков назад в какой-то стране, название которой он забыл, у его соплеменников отбирали их добро, а потом убивали опять же за то, что они евреи...

– Что задумался? Думаешь, тебе удастся остаться в живых? Не-е-т! Ты уже обречен...

– Неужели у вас нет сердца? – решил сыграть Ав-

шалум на чувстве сострадания. – Вы посмотрите, кого вы грабите?! Странников, немощных... У детей отбираете хлеб насущный. Бог накажет вас.

– Так мы знаем, у кого забирать, – нагло заявил Самед, – у вас – евреев, своих мы не трогаем...

– Они тоже люди и они могут умереть с голоду...

– Ну и пустьдохнут! – злобно ответил Самед. – Среди нас есть один начитанный, он говорит, что евреев, сколько бы ни убивали, они все равно выживут, живучие, сволочи...

– Потому что с нами Бог! – ответил Авшалум. – А для вас, вижу, нет ничего святого.

– Когда надо, Аллах всегда с нами, ха-ха-ха!

«Сейчас или никогда!» – подумал Авшалум, одним прыжком встал на ноги и кинулся бежать. Но Самед, который стоял около лошади, был начеку, он бросился вслед ослабевшему от ударов Авшалуму, схватил его сзади за волосы и силой потянул назад, отчего тот резко упал на спину и ударился обо что-то твердое.

– Э-э, нет, дурачок, теперь мы тебя живьем не отпустим, – ослабившись, заявил Самед. – Надо было бежать раньше...

Привязав лошадь в густых зарослях, подальше от тропы, подошел и Али. И вдруг откуда-то издалека донеслись голоса. Не успел Авшалум крикнуть, чтобы позвать на помощь, как Али и Самед набросились на него и не только заткнули ему рот кляпом, но и оттащили далеко в сторону и спрятались в кустах. Просматривая кусты вдоль тропы, прошел Фархад, а вслед за ним и аскеры его группы.

– Ты знаешь, Фархад, мне показалось, что кто-то крикнул, – сказал один из аскеров.

– Нет, никаких криков не было, – заметил другой.

– Смотрите внимательно, – приказал им Фархад.

Он вспомнил, что сегодня в Мюшкюр, на мельницу должен был поехать отец Истир, Авшалум. «Но не этой же тропой ездят туда, – подумал Фархад и успокоил себя: – Есть другая дорога, через Гуллар, он, наверное,

поехал той...» Наверное, судьба хотела дать Авшалуму еще один шанс, но вмешался дьявол и эта возможность была утеряна. Пройдя вперед еще полверсты, группа Фархада вернулась назад и ушла в обратном направлении. И снова Авшалум остался один на один со своими губителями.

– Чего мы его держим? – возмущенно заявил Самед. – Давай кончим и пойдем от греха подальше.

– Грех этот всегда будет с вами, убийцы, до самой смерти! – не унимался Авшалум, понимая, что они его живьем не отпустят. – Погубить безвинного человека – что может быть грешнее...

– Да, заткни ты свою глотку! – вскипел Али. – А не то снова воткну тебе кляп! Убить я тебя всегда успею, но скажи мне, почему этот Фархад с такой прытью все отслеживает, ведь наиб же предупредил, чтобы без его собственного ведома тот никуда не лез?

– Видно, тот раскусил твоего наиба, – кольнул его Авшалум, не догадываясь, что был недалеко от истины.

– Не-е-т, наиб могучий человек, редкого ума и сатанинской хитрости, – задумчиво ответил Али, – у твоего Фархада еще нос не дорос даже до его пупка... Все мы, живущие в этом огромном лесу, работаем на него, понял? Вот один из твоих мешков тоже пойдет ему, а он обеспечивает нам безопасность, – откровенничал разбойник, не боясь разоблачения.

– Есть Бог, он все видит! – взглянув на небо, убежденно заявил Авшалум.

– Какой бог?! Где же он? Если он есть, почему он тебя не спасет, тебя, верующего ему дурака, чистого перед ним? А-а, не знаешь, что ответить? Запомни, хотя это тебе не пригодится, для каждого бог – это он сам. Никакого такого бога нет, это выдумка наших и ваших мул! – он говорил запальчиво, выплескивая свою философию, словно хотел убедить не жертву, которая была связана по рукам и ногам, а самого себя. – Кстати, расскажи, как вы всем скопом судили этого Гасана из Камаха, что он умер прямо на вашем... суде?

Авшалум молчал, он не желал разговаривать с этим богоотступником, этим человекоподобным зверем. Он думал, в нем росла надежда, что может случиться такое, что Бог пошлет ему такое спасение – шольях, которое вырвет его из рук этих дьяволов в человеческом облике и даст ему возможность разоблачить их. Но неожиданно получил такой пинок в ребро, что застонал от страшной боли.

– Отвечай, когда тебя спрашивают! – оскалился Али, показав свои ущербные зубы.

– Он богохульничал так же, как и ты, – постановившая от боли в боку, ответил Авшалум, – вот Бог его и умертвил.

– Он что, проклинал бога? – улыбаясь, спросил до этого не вмешивающийся в разговор Самед.

– Да, он сошел с ума! – ответил Авшалум и от страшной боли в ребре чуть не потерял сознание. «Наверное, этот изверг поломал мне ребро», – подумал он и, обратившись к своим губителям, произнес: – Прошу вас, убейте меня, но больше не мучайте...

Но в этот миг где-то рядом раздались характерные для свиней отрывистые звуки и на тропу выбежал и остановился дикий кабан. Опустив голову, он обнюхал траву под собой и сразу на большой скорости с места помчался в сторону спрятавшихся в кустах разбойников, однако те, почувствовав опасность, моментально взобрались на дерево. Кабан же, упершись передними ногами, внезапно остановился у закрывшего глаза Авшалума, обнюхал его и, не тронув, помчался в сторону поймы Рубас-чая.

Подождав еще немного, Али и Самед спустились с дерева и, не говоря ни слова, – видно там, на дереве, они приняли решение, – подошли к Авшалуму, развязали ему руки, оставив пока ноги связанными, и дали ему нож.

– На, копай себе могилу! – приказал Самед.

«Вот и конец», – пронеслось у Авшалума в голове, но не выдав убийцам своего волнения, произнес:

– Я навряд ли в таком состоянии сумею копать, у меня все болит...

– Ну тогда мы тебя уьем и оставим на свежем воздухе, может и выживешь, ха-ха-ха, – засмеялся Самед.

– Что ж, я буду копать, пока есть силы, а потом дайте мне помолиться перед смертью, разрешаете? – буднично, словно речь шла о мелочном деле, спросил Авшалум, твердо решив не унижать своего достоинства перед этими варварами.

Хотя земля здесь была песчаной, все же рыть ее с чудовищной болью в ребре было нелегко. Солнце поднялось к своему зениту. Когда яма оказалась полуметровой глубины, Авшалум на несколько секунд потерял сознание. Убийцы приблизились к нему, вынули из его рук нож и, подумав, что он умер, были намерены бросить его в яму. Но Авшалум, придя в себя, тихо произнес:

– Развяжите мне ноги, я хочу встать, помолиться...

Заметив недоверие в глазах убийц, он тихо добавил:

– Не бойтесь, я никуда не убегу, у меня для этого нет сил...

Али подошел и тем же ножом освободил его от верёвок.

– Смотри, без шуток!

Авшалум с трудом встал у края своей могилы и, обратив свой взор к небу, начал свою тихую молитву:

– О, Господь, Бог Израиля! Бог милосердный и справедливый! Признаю я, что грешил иногда пред Тобою, но были они, эти грехи, столь ничтожны и смешны, что не знаю даже, были ли они вообще. Но в одном я чист пред Тобой, Господь наш! Никогда не совершал деяний против людей и Имени твоего! Весь пред Тобою, Господь наш! Но если мера даже этих грехов моих тяжелее добродетелей и Ты, Господь наш, в гневе Твоем решил отнять душу раба твоего, О Царь всемогущий, прояви милость: лучше пасть от руки твоей, Господь наш, чем от руки врагов моих! Убей меня!

При этих словах в небе прозвучал протяжный гортанный звук и все, подняв головы, увидели пролетающий журавлиный клин. Авшалум же, приняв это за божественное знамение, вскинул руки к ним и воскликнул:

– О, журавли! Услышьте меня! Донесите до моих детей весть обо мне!..

– Да, да, они слышали тебя! – в кривой усмешке выкрикнул Самед и, направив на него пистолет, выстрелил. – Они обязательно услышат тебя, дурак!

Авшалум медленно осел и замертво упал в яму так, словно сама судьба уложила его в земляной гроб. Наскоро забросав могилу песком и прикрыв ее опавшей листвой, убийцы взяли лошадь за уздцы и отправились в свое логово.

В эту ночь Давид, Юсуф и Истир не сомкнули глаз, но когда отец не вернулся и утром следующего дня, они всполошились, нашли Фархада и с его группой устремились на поиски. В течение трех суток они побывали и в Мюшкюре, на мельнице, где расспросили людей, и обследовали лес вдоль тропинки через мост Рубас-чая и древнего городища Гуллар, но не нашли ни следов лошади Авшалума, ни его самого, словно они сквозь землю провалились.

Поиски Авшалума сыновьями продолжались и в течение двух последующих недель, до возвращения Хануко бен Шолума. Обросших, исхудавших, измощенных от нервного напряжения, душевной боли и недосыпания, Давида и Юсуфа было не узнать. Облечившись в траур, они сменили не только одежду – они изменились сами: в черных, как смоль, волосах появилась белая поросьль, глаза, в которых раньше светилась радость, наполнились великой печалью. Они дали себе клятву: чего бы им это не стоило, – найти отца и его убийцу!

Для Истир же события с отцом вообще стали катастрофой; она понимала, что долгое отсутствие отца не оставляет никаких надежд, что он уже никогда не

вернется. И она оплакивала не только погибшего отца, но и самую себя, ставшую теперь полной сиротой. Ее причитания о потерянной радости жизни разрывали сердца близких, душераздирающие крики, с мольбой зовущие отца, не оставляли никого равнодушным. Истир, за короткое время потерявшая двух братьев, а теперь и отца, считала, что она потеряла и смысл жизни, и не хотела больше жить.

Дом Авшалума превратился теперь в дом печали и траура, словно над ним нависло проклятье. Конечно, умирали и в других семьях, но такой трагедии, такого ужаса в мирное время, в период относительного спокойствия, не испытала, слава Богу, ни одна из них. И, естественно, верившим и в чох и в сон, суеверным женщинам-сельчанкам, оплакивавшим умерших, не раз приходила в голову дикая мысль о том, что в доме Авшалума помещился домовый-злодей, который хочет изжить всех его домочадцев и что надобно дом этот сжечь вместе с этим злодеем. Слава Богу, благоразумие взяло верх – осмыслив случившееся, люди пришли к мнению, что домовый здесь ни при чем, и не дали свершиться еще одному несчастью.

В глубокую печаль ввергло это известие и Хануко бен Шолума, который окончательно пришел к мнению, что в регионе бесчинствуют разбойники, представлявшие явную опасность не только для иудейского меньшинства населения, но и проезжих купцов, в частности. Кроме того, его все больше смущала мысль, что за всем этим стоит какое-то заинтересованное лицо. С целью выявления этого лица и прекращения подобных инцидентов в дальнейшем, Хануко бен Шолум, на этот раз не поставив в известность правителя, поехал к своему другу генерал-майору Савельеву, а с ним – к главнокомандующему русской армии на Кавказе генералу Гудовичу.

Выслушав рассказ знаменитого купца и сопоставив его с подобными донесениями других лиц, главнокомандующий был крайне озадачен. Он написал пра-

вителю Табасарана Рустам-кади обширное письмо, в котором выразил недовольство и сожаление наличием таких позорных фактов у него, когда русские купцы и местное население в его владениях не чувствуют себя в безопасности, и в связи с этим вынужден сделать вывод, что деньги, которые Великая Императрица дает на содержание его войска, используются не по назначению. В заключение генерал выразил надежду, что Рустам-кади, о котором он был раньше лучшего мнения и которому всячески помогал, должным образом оценит создавшуюся ситуацию и примет необходимые меры. По просьбе того же Хануко бен Шолума, который преподнес главнокомандующему дорогой подарок, Гудович послал свое письмо с нарочным, опередившим самого заявителя настолько, чтобы тот успел вернуться домой как раз вовремя.

Прочитав генеральское послание, Рустам-кади взбесился, покрылся холодным потом и немедленно послал за наибом.

– Ты знаешь, что сделал наш «любезный» купец? – нетерпеливо воскликнул Рустам-кади, когда Мухтар появился в дверях. – Этот негодяй донес главнокомандующему на Кавказе генералу Гудовичу о том, что у нас здесь совершаются нападения на проезжих русских купцов, что население сел не обеспечивается нашей защитой, что деньги, которые нам щедро дарит Великая Императрица, нами используются не во благо народа, а, наоборот, ему во вред...

– Я же тебе говорил, правитель, что этот скрытный враг покажет свои волчьи зубы, что его надо ликвидировать, а не ждать, когда ему все здесь надоест и он сам отсюда убежит, – убеждал правителя словоохотливый наиб. – Давай я сегодня же ночью окружу его дом и всех разом отправлю к их любимому богу...

– Подожди, Мухтар, так не годится, – остановил своего горячего наиба правитель. – В эти дни, когда к нам направляется огромная русская армия, противо-

поставлять себя нельзя, это может нам дорого обойтись...

– Тогда подскажи, что нам делать с этим предателем, подонком, который сидит у нас как кость в горле? – вспыхнул наиб.

– Ты прав, друг мой, думаю, что нам надо этим собакам подкинуть кость – одного-двух убитых разбойников, ты же говорил, что у тебя есть такая задумка? – в задумчивости спросил правитель.

– Да, мой правитель, эту операцию можно начать прямо завтра! – воодушевленно ответил наиб.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно сказал Рустам-кади. – Надо будет показать их трупы населению сел и сообщить русскому командованию о принимаемых нами мерах. Пусть это видит и нарочный командующего, мы попросим его день-другой у нас погостить. А что касается купца... – Рустам-кади ненадолго задумался и решительно добавил: – Сделаем вид, что мы ничего не знаем, пусть расслабится, потеряет бдительность и тогда я ему преподам такой урок... А пока терпение, друг мой, терпение...

– Итак, я начинаю задуманную операцию?... – подытожил наиб беседу.

– Да, – согласился правитель, – однако на некоторое время грабежи в селах прекратить, строго-настрого предупреди своих аскеров дежурить ночью у сел, на дорогах, чтобы, не дай Аллах, не случилось непредвиденное. Пусть проезжие русские купцы будут благодарны нам за заботу и внимание...

– Хорошо, мой правитель, все будет сделано! – твердо пообещал наиб и поднялся с застланной коврами тахты.

– Иди, да поможет тебе Аллах! – на прощание сказал ему Рустам-кади и, вдруг вспомнив, спросил: – А этого, который ехал на мельницу, нашли? Говорят, накануне у него умерли два сына?..

– Нет, правитель, пока не нашли, мои аскеры прочесали все кругом. Как сквозь землю... – ответил наиб, пряча от Рустама-кади глаза.

– Я это к тому, чтобы устроить демонстрацию нашей лояльности, – заметил Рустам-кади, – можно было бы на похороны выделить денег, проявить сочувствие, чтобы пустить пыль в глаза, короче, ты это знаешь не хуже меня...

– Да, мой правитель, я сразу же дам вам об этом знать, – ответил Мухтар и покинул дом своего родственника.

Вспомнив о посланце главнокомандующего, Рустам-кади приказал нукеру пригласить его себе. Увидев вошедшего в комнату молодого офицера, правитель любезно пригласил его к столу и, угощая чаем, сказал:

– Прошу вас, вахмистр, погостить у нас несколько дней и уже с ответным письмом вернуться к уважаемому главнокомандующему...

– Я, право, не знаю, уважаемый Рустам-кади, – замывшись, ответил вахмистр, – у меня должны быть для этого веские основания...

– Полагаю, – улыбаясь ответил Рустам-кади, – они у вас будут... Ваши покои определены, в вашем распоряжении будет все, что вы пожелаете, вы – наш гость...

– Благодарю вас, уважаемый Рустам-кади, почти за честь быть вашим гостем, – вежливо поблагодарил вахмистр и покинул «радушного» хозяина.

Проводив гостя взглядом, Рустам-кади встал со своего места и, шагая по комнате, продолжал думать: «Значит купец все же пожаловался. Почему? Что его заставило это сделать, несмотря на мое предупреждение? Неужто смерть этого виноградаря? А может быть, от отчаяния, от того, что понял, наконец, что ловушка на него сработала, что попал в капкан, из которого выбраться можно лишь одним путем – оставить все и всех своих соплеменников и бежать? В таком случае, зачем жечь за собой мосты? Для борьбы? Значит, не о поражении думает хитроумный купец, нет, наоборот, о наступлении, а это подразумевает, что он меня раскусил, отгадал мой план мести, оказался хитрее меня. Что ж, и в этом случае поборемся!..»

Готовясь к встрече с одноглазым бандитом, не менее взбешен был и наиб. Он не мог простить главарю «лесных братьев» того, что тот, несмотря на предупреждение о времени и месте прохождения купца через Дерей-гуш, прошляпил его – заклятого врага правителя и его самого. При этом позорно позволил убить своего товарища... Мало того, без его, наива, ведома гачаги убили этого виноградаря, чем вызвали гнев и возмущение не только жителей Аб-Сово, а и других мусульманских сел. Своими действиями они спутали все его карты, и за это одноглазого главаря и его хромого заместителя ждет заслуженная кара.

Ночь выдалась на удивление светлая, холодный морской ветер напоминал, что конец января – время зимнее. Одевшись потеплее, наиб двинулся к месту встречи, к лощине у Рубас-чая, ближе к одному из его истоков. Вдруг он услышал тихий свист и понял, что главарь на месте. Наиб ответил таким же свистом, и навстречу ему из своего укрытия вышел одноглазый бандит.

– Салам, наиб, как дела? – спросил он.

– Плохо, мой друг, я недоволен вами, – ответил наиб.

– Почему? – не понял главарь, а про себя подумал: «Ишь, негодяй, на приветствие не ответил». – Все, что имеем, делим с вами. Вот я опять кое-что принес.

– Дело не в этом, – пробурчал наиб, – почему вы убили этого, который ехал на мельницу?

– Поверь, наиб, я об этом ничего не знал. Когда Али и Самед привели лошадь на место нашей стоянки, мы только тогда узнали, что они, вопреки моему указанию, убили его. Я им сказал, что если еще раз такое повторится, прибью на месте. Нет, наиб, больше подобное не повторится.

– А как же Хромой, он тоже не знал? – с намеком спросил наиб.

– Нет, к сожалению, – удрученно ответил главарь.

– Плохо, чересчур самостоятельными стали, – на-

жимал наиб на главаря, – эдак совсем выйдут из-под контроля, а ведь шишки в меня полетят...

– Я понимаю, – виновато отвечал главарь.

– Чтобы такое не повторилось, давай завтра, ближе к ночи, встретимся здесь еще раз, приведи и Хромого, поговорим, обмозгуем, – предложил наиб, скрывая истинный смысл своего предложения.

– А Хромого зачем? Я могу и сам все понять, – ответил главарь, выразив несогласие.

– Видишь, твои люди самовольничают, ты меня не слушаешь, не хочешь делать того, что я требую, вот и получается разнбой. А ведь я вас постоянно охраняю от всяких напастей, – возмутился наиб. – Раз я говорю, значит надо!

– Ну хорошо, – нехотя согласился главарь, чувствуя какую-то каверзу. О повадках наиба, особенно его хитрости, он был хорошо осведомлен. «С другой стороны, – рассуждал главарь, – если бы наиб не был заинтересован в нас, он бы давно нас ликвидировал... Хотя не так просто это сделать... А может, теперь мы ему мешаем, и он решил убить двух зайцев сразу: и нас убрать и народ успокоить? Все может стать...».

– В таком случае, давай прощаться, – сказал наиб и пожал главарю руку. – Значит, как договорились, завтра, ближе к ночи, здесь же.

– Хорошо, – ответил главарь, а про себя подумал: «Держи карман шире...».

Вычислив наиба, главарь решил на некоторое время уйти в горы, на запасную базу, не давая о себе знать. Его бандитская группа из семи человек утром следующего дня снялась с насиженного места и двинулась в горы, где ей предстояло перенести немало холодных и полуголодных дней. От своих друзей главарь не скрыл вынужденность этого шага, но утаил о предательстве наиба, в чем он решил убедиться сам. В то время, когда его люди медленно, соблюдая все меры предосторожности, шли по тайным горным тропам, он спрятался на подступах к указанному наибом мостику и стал ждать.

Наиб не торопился собирать своих аскеров, чтобы не вызвать подозрение «лесных братьев», у которых могли быть свои осведомители. С утра он ходил в приподнятом настроении, чем очень удивил прибывшего к нему Фархада с докладом о проделанной работе по поимке гачагов. Подошли, как обычно, и остальные командиры десятков. У каждого было, что сказать, чем поделиться с наибом о событиях или происшествиях на закрепленных за ними участках. Однако, вопреки ожиданию, наиб приказал всем разойтись, а Фархада посадил за стол, попросил слуг принести чай и, подсев к нему ближе, таинственно произнес:

– Нам, друг мой, предстоит сегодня совершить важный шаг по уничтожению главарей гачагов!

Фархад весь собрался, повернул к наibu голову, ожидая указаний.

– Мне стало известно, – продолжал наиб таинственно, – что сегодня, в определенный час и определенном месте, о чем я скажу позже, собираются главари лесных разбойников. Нам предстоит их окружить и уничтожить, чтобы наш народ жил спокойно. Пора прекратить их нападения, грабежи и убийства...

– Сведения эти точные, уважаемый наиб? – спросил его Фархад.

– Да, друг мой, сведения из верных источников...

– Это прекрасно, уважаемый наиб,отрежем голову, ноги и сами попадают, – улыбнулся Фархад.

– Теперь о том, как нам надо действовать, – продолжал наиб. – Нам надо хотя бы за час-полтора прибыть на место, занять позиции и приготовиться к приходу гачагов. Пойдет вся твоя группа. Собери их быстро и без особого шума. Все должны быть вооружены: я выдам вам пять пистолетов и ружей, а сабли и кинжалы у вас есть, слава Аллаху.

В намеченное время группа Фархада во главе с наибом, вооруженные с ног до головы, собрались у камышей и двинулись к лошине Рубас-чая, о чем наиб

не говорил до самого последнего момента. Определив место каждого, наиб дал указание всем тихо, без шума занять свои позиции. Началось ожидание.

Фархад, как всегда, думал, анализировал ситуацию. Допустим, разбойники придут сюда, но ведь они осторожны и трусливы, как зайцы, у них обостренный, звериный нюх и без разведки они сюда не явятся. А где спрячется их разведчик? Где-то недалеко, на возвышении, чтобы иметь обзор. И Фархад, ловко спрятавшись в кустах ежевики, стал внимательно рассматривать свое окружение. Так, на том холмике никого нет, он просматривается со всех сторон, на этом дубе тоже как будто никого, там чисто, а вот там... Фархада охватило волнение, он закрыл глаза и снова посмотрел – да, точно в пятидесяти метрах от него, искусно спрятавшись меж обхвативших дерево лиан, почти на самой его вершине, сидел человек.

Фархад, отличный стрелок, не торопясь сел, облокотился об ствол дерева, положил ружье на удачно подвернувшийся сук, прицелился и стал ждать. По словам наиба, разбойники должны были уже быть на месте.

«Вот ты какой, подлец, предатель, – думал одноглазый главарь бандитов, разглядывая наиба и его аскеров. – Я тебя вычислил и вот тебе... – он сделал кукиш и мысленно показал наибу, – а вот я тебе устрою, изменник, мать родную забудешь...»

Шло время, надвигались вечерние сумерки. Наиб стал нервничать. Он понял, что одноглазый его одурачил, не поверил и ждать его шайку уже нет смысла. И вдруг раздался выстрел. «А-а!» – услышал он предсмертный крик и увидел, как в нескольких шагах от него плюхнулся с дерева какой-то человек. Он подошел к нему и узнал главаря. Тот открыл единственный глаз, узнал наиба и в предсмертной агонии произнес:

– Пре... да...

Видя, как к подстреленному подбегает Фархад с ружьем, он понял, что это его работа. Однако медлить

было нельзя, и наиб, вытащив пистолет, выстрелил в полумертвого разбойника.

– Молодец, сынок! – похвалил он Фархада и крепко обнял его за плечи. – Этот негодяй, видно, хотел меня убить...

Тело главаря разбойников возили по селам, чтобы убедить народ, что аскеры наиба стоят начеку, а потом на каменистом склоне какого-то холма труп был предан земле, чтобы навсегда забыть не только имя этого негодяя, но и его преступные деяния...

ГЛАВА 7

Подбегая к подстреленному им бандиту, Фархад рассчитывал, что в нем, возможно, еще теплится жизнь и надеялся заставить его открыть секреты своей шайки, а самое главное, указать ее логово. Его надежда основывалась на том, что подбитый, упав рядом с наибом, не умер сразу, а охнул и шевельнулся, продолжая подавать признаки жизни. Фархад ожидал, что наиб, оказавшись первым рядом с раненым бандитом, проявит должную заинтересованность, сразу же кинется его расспрашивать. Однако то, что предстало его взору, было для него неожиданным. Он увидел, как бандит, взглянув на наиба, что-то тому сказал, а наиб, не раздумывая, вынул из-за пояса пистолет и убил его.

Хотя наиб и обнял за плечи, и похвалил Фархада, да еще поблагодарил за мнимое спасение, все же юношей овладела какая-то неясная тревога. «Почему наиб не допросил его, не получил у него какие-либо сведения, а сразу прицелился тому прямо в сердце и выстрелил, – думал он. – Может, стрелял с целью, чтобы тот навсегда замолчал? Что сказал этот разбойник такое, что наиб тут же предал его смерти?» Размышления привели Фархада к выводу, что убитый и «осведомитель» наиба о месте сбора шайки – одно и то же лицо, что

он, видимо, не выполнил какое-то поручение наиба и за это поплатился. Напрашивался вывод, что он наиб знал и поддерживал с ним тайную связь.

О причастности наиба к разбойникам, о его скрытых связях с ними Фархад догадывался и раньше, но всячески выбрасывал из головы эту, как ему казалось, кощунственную мысль, однако, чем больше он анализировал действия и слова наиба, тем больше убеждался в наличии такой взаимосвязи. После неудачного нападения на купцов, в частности, на Хануко бен Шолума, в урочище Дерей-гуш, аскеры – его друзья, в доверительной беседе рассказали ему, что в тот вечер там должна была дежурить группа Ахмеда-богатыря, который напоил своих аскеров какой-то бузой якобы в честь рождения сына, отчего те выключились и всю ночь спали. Фархад по собственному опыту знал, что без ведома наиба такое произойти не могло. Но все же прямой связи с наибом не было установлено, а потому, как говорится, «в жизни всякое бывает...».

Вызывал сомнения и другой эпизод, связанный уже непосредственно с самим Фархадом. Занимаясь поиском пресловутого Али, он установил место возможной дислокации разбойников и доложил обо всем наibu, но на следующий день, отправившись на эту предполагаемую стоянку, там вообще никаких следов их не обнаружил, будто разбойники были заранее предупреждены. Естественно, этот факт вызвал у Фархада подозрение, поскольку его осведомитель видел наличие там бандитов своими глазами. Хотя прямых улик на наиба и в этом случае не было, все же, считал Фархад, кроме наиба об организации облавы на разбойников никто не знал.

В те дни, когда труп одноглазого бандита показывали народу, жители одного из горных аулов Табасарана признали в нем свирепого и хитрого главаря шайки разбойников, который в течение длительного времени терроризировал весь их регион, особенно те селения, где жили евреи.

Доложив об этом повелителю, наиб никак не ожидал выражения такой бурной радости от Рустам-кади:

– Вот и замечательно, мой друг, надобно его показать вахмистру, пусть увидит, а потом доложит своему руководству, как ты думаешь?

– Я согласен, мой правитель, к нему и историю придумаем, мол, хотел напасть на проезжих купцов и наши аскеры его убили, – ответил наиб.

– Отлично, очень умная мысль, – похвалил его правитель.

Приглашенному вахмистру показали труп одноглазого главаря и рассказали героическую историю его уничтожения. Угопив вахмистра на прощание вкусным обедом, правитель вручил ему ответное письмо, выразив при этом свое искреннее уважение к главнокомандующему, после чего нарочный уехал.

В своем письме главнокомандующему Рустам-кади также писал, что он очень огорчен случаем нападения на купцов, что в связи с этим принимаются все меры борьбы с разбойниками, красочно обрисовал последний случай уничтожения главаря бандитов.

Что касается случаев кражи бандитами личного имущества населения, то теперь на постоянной основе в каждом селении будет дежурить сменный вооруженный охранник, присутствие которого умерит пыл ретивных разбойников.

При этом правитель не забыл выразить главнокомандующему свою признательность и благодарность за постоянное внимание с его стороны и выразил надежду, что теплые, дружеские отношения их ничем не будут омрачены.

Между тем, этим же вечером Фархад, оставив коня во дворе без вести пропавшего Авшалума, вместе с Давидом и Юсуфом пошёл к Хануко бен Шолуму и рассказал ему о своих подозрениях относительно наиба. Тот, в свою очередь, поделился с ними о своей поездке к командующему русской армией на Кавказе, о его жест-

ком письме в адрес Рустам-кади, в котором пригрозил его лишить не только субсидий, но и поддержки, если тот не покончит здесь с разбойниками.

– Ну, а теперь, дядя Хануко, мы хотим в присутствии Фархада, нашего истинного друга, поделиться с вами одной задумкой, – заявил Давид. – О том, что мы сейчас вам скажем, не знает никто, вот только мы вчетвером...

– В чем ваша задумка? – поинтересовался купец. – А то, что вы ее держите в секрете, делает вам честь, я это одобряю.

– Нас с Юсуфом сейчас не то, что чужие – даже свои узнают с трудом. Вы сами вчера сказали об этом... – начал говорить Давид.

– Да, действительно, вас не узнать, похудели, почернели, обросли, нельзя себя до такого состояния доводить, – неодобрительно заявил купец.

– В этой задумке, дядя Хануко, наш вид имеет первостепенное значение, – продолжил Давид. – Мы, два брата, на Торе дали клятву во что бы то ни стало найти отца и рассчитаться с его убийцей. И мы пришли к вам за помощью...

– Что вы собрались делать, дети мои? – всполошился Хануко бен Шолум. – Хватит нам и этих бед, – но, заметив непреклонность в глазах молодых людей, добавил: – Помощь вам всегда готов оказать, ради правого дела...

– Спасибо, дядя Хануко, мы знали, что вы так скажете, – ответил Юсуф.

– Теперь о деле, – продолжил Давид. – Мы хотим обойти леса, горы, ущелья, – короче, все владения Рустам-кади, уверены, что разбойники далеко не прячутся...

– И вступить с ними в единоборство? – удивился Хануко бен Шолум. – Это безумие, дети мои...

– Нет, дядя Хануко, несколько по-другому, – ответил Давид. – Мы станем такими же, как и они, войдем к ним в доверие...

– А потом? Вы что, тоже будете грабить и убивать, как они? – удивился купец.

– Нет, ни тем, ни другим мы заниматься не будем, дядя Хануко, – опять ответил Давид, – с вашей и Фархада помощью мы, чтобы войти в доверие, готовы лишиться некоторых своих овец, кур и прочего...

– Как вы себе это мыслите, ведь вы можете попасть в такую ситуацию, когда будете вынуждены идти на преступление? – убежденно заявил купец. – Что тогда?

– Я буду держать с ними постоянную связь, – заметил Фархад. – Вот только, если купцы будут проезжать...

– Сейчас начало февраля, до конца апреля их не будет, – заверил их купец и спросил: – А каким образом вы думаете наладить связь?

– Мы наметили два тайника, где будем оставлять сигнальный камешек – предупреждение или о срочной встрече, или о встрече в договоренное время, – ответил Давид.

– В случае опасности, немедленно возвращайтесь домой, – потребовал купец, – не дай Бог, я не переживу этого...

– Не беспокойтесь, дядя Хануко, мы не дети, все обдумали, – заверил купца Давид. – Языки, тюркский и табасаранский, мы знаем в совершенстве, кроме этого, с нами на связи постоянно будет Фархад...

– Что ж, да благословит вас Господь! – помолился за них Хануко бен Шолум. – И еще... – Он встал, зашел в другую комнату и вынес два пистолета. – Если кто спросит, скажете, что трофей, мол, ограбили проезжих купцов, – и он каждому вручил по пистолету, обнял обоих и проводил до ворот. – За Истир и Ихила не беспокойтесь, у них все будет хорошо, – добавил он на прощанье.

В ту же ночь Давид и Юсуф, покинув дом, отправились в дорогу неизведанную, полную опасностей, лишений и невзгод, во имя справедливости.

Справедливость и жизнь – две части единого целого. Рожденные быть вместе, в любви и согласии, они, наоборот, наперекор своему предназначению, словно по тайной воле дьявола, никак не ладят друг с другом и редко когда, на какие-то мгновения, сойдутся, чтобы надолго снова разойтись. Сколько было таких, которые трудом и словом своим сеяли в жизни добро, но по чьей-то злой воле становились незаслуженно битыми и, обозленные, брались за топор, шли на войну за справедливость, становясь порой на разбойный путь. Сколько было таких, которые, выйдя на поиски справедливости, встречали на своем пути многочисленных дьяволов в обличье зависти, лжи, лишения, трусости, жадности – всех людских пороков. И так, до конца жизни не сумев дойти до намеченной цели, уходили из нее разочарованными, разбитыми, проклинающими не только предмет своих поисков, но порой и Создателя.

Одним из таких дьяволов в обличье наиба был Мухтар. На следующий день он собрал всех командиров десятков, потребовал, чтобы все они в течение недели обошли и внимательно осмотрели каждый участок владения правителя. Наиб недвусмысленно заявил своим подчиненным, что бандиты нужны ему только мертвыми, дабы никому неповадно было в дальнейшем заниматься разбойным промыслом. Он еще раз похвалил Фархада за бдительность, удачный выстрел в бандита, поставил в пример всем командирам и премировал немалой суммой.

В который раз заявление наиба о необходимости при задержании бандитов обязательного их убийства заставило Фархада задуматься. «Почему их надо обязательно убивать? – снова и снова задавал себе вопрос Фархад. – Не лучше ли брать их живыми и любыми методами добиваться от них признаний, а потом, в конце концов, в зависимости от совершенных ими преступлений, осудить? Что не устраивает наиба в живых бандитах? Чего он боится, – разоблачения?». Для себя он решил не убивать пленных разбойников и, прежде

чем доставить их к наибу, выпотрошить из них все, что они скрывают, все их тайны.

Перед Фархадом стояла и вторая задача – немедленно сообщить Давиду и Юсуфу о необходимости в течение недели спрятаться, а в случае встречи с разбойниками, предупредить их об опасности и таким образом войти к ним в доверие. Вот почему Фархад, прежде чем собрать свою десятку, отправился к своему тайнику, оставил там условленный камешек, чтобы сегодня в полночь встретиться с Давидом. Слава богу, братья еще далеко не ушли и встреча состоялась. Друзья обговорили план дальнейших действий.

Встревожилась и группа одноглазого разбойника, которая за две недели его отсутствия пополнилась еще двумя грабителями, долгое время промышлявшими в своем регионе в одиночку. Отправленный ими в разведку Али через свою вдовушку узнал, что главарь их убит и после всенародного показа зарыт где-то, как собака. Группа избрала себе нового главаря, хромого Таиба, о зверствах которого с содроганием говорили жители сел верхнего Табасарана. Дело в том, что кроме него о тайных встречах их бывшего главаря с наибом никто не знал, и весть о предательстве наиба его взбесила. Таиб решил отомстить наибу.

Разделив группу на две части, одну из них он возглавил сам, а вторую поручил Али, и по двум направлениям разбойники кинулись на очередную охоту. На четвертый день своих поисков Давид и Юсуф встретились с людьми самого главаря в урочище Рубас-чая. Встреча была для братьев настолько неожиданной, что они вначале растерялись, но, увидев, что встретились, наконец, с бандитами, успокоились, хотя руки с пистолетов не снимали.

– Откуда друзья? – улыбаясь спросил Таиб, жестом давая понять своим, чтобы они из укрытий не выходили.

– А вы кто? – в свою очередь спросил Давид.

– Вольные люди из разных сел, – ухмыльнулся главарь. – Небось свои?

– Точно, – будто расслабился Давид и улыбнулся.
– Такие же вольные...

– А откуда и как зовут? – допытывался главарь.

– Вообще-то мы из Камаха, но уже год, как ушли оттуда, – ответил Юсуф.

– Меня зовут Дауд, а его Юсуп, – показав на брата, ответил Давид, как было задумано по легенде.

– Чего же ушли из селения? – снова спросил главарь, ощупывая пристальным взглядом и того, и другого.

– Подрались, убили двоих, – буднично, словно речь шла о корчевке бурьяна, ответил Давид и улыбнулся.

– Значит, наши ребята, – обрадовался хромоногий Таиб и, приблизившись к братьям, пожал им руки. – Может, с нами пойдете?

– Можно, – согласился Давид и неожиданно спросил: – Но вот что... как тебя зовут?

– Хромой! Он у нас главный, – ответил один из разбойников и поздоровался с братьями.

– Так вот, слушай, Хромой, – начал Давид. – Надо сейчас же отсюда уходить, и остальных, если они есть, надо предупредить...

– Почему? – насторожился Хромой.

– Нам стало известно, что наиб направил на наши поиски свою вооруженную до зубов сотню. Они сейчас в версте от нас...

– Ты уверен? – строго взглянул на него Хромой. – Со мной шутки плохи! И наиб с ними? – неожиданно спросил он.

– Не знаю, – честно признался Давид.

– Махмуд! – обратился главарь к одному из разбойников. – Ты остаешься здесь, спрячься и все выясни. Ты, – обратился главарь к другому, – быстро догони наших и предупреди об осторожности, и пусть возвращаются на место. Раз так, – решительно заявил главарь, – вы пойдете с нами...

– Идем, – согласился Давид, – только захватим кое-что... Юсуп, достань-ка...

– Сейчас, – ответил Юсуп и, бросившись в кусты,

принес живого барана, связанных кур и мешок барахла. И незаметно оставил в тайнике камешки – знак встречи с разбойниками.

Увидев добычу братьев, главарь обрадовался, похвалил их и, прихватив все это, разбойники двинулись в сторону гор, туда, где они могли спрятаться. Теперь братья были начеку, они поняли, что за внешним благодушием главаря скрывается хитрый и жестокий зверь. Знак, который они оставили в тайнике для Фархада, был предупреждением о том, чтобы у дороги на Камах постоянно находился свой человек, который мог бы подтвердить легенду братьев.

К утру следующего дня на базу вернулся Махмуд, который подтвердил то, о чем предупреждал Давид.

– Да, аскеров наiba было человек двадцать, – рассказывал он главарю. – Почти все вооружены пистолетами, ружьями, саблями и кинжалами. Рыскали и вынюхивали каждый куст... Один громко говорил, что им придется искать нас целую неделю...

– Целую неделю... – в задумчивости повторил главарь и зловеще добавил: – Вот мы и устроим наibu «свадьбу» через неделю...

Через некоторое время подошли и остальные. Они тоже подтвердили, что по всем владениям правителя рыскают аскеры, что кроме одного барана им ничего не удалось утащить. Однако один из прибывших разбойников, видно старший, заявил Хромому, что есть сведения одвигающихся на юг двух путешественниках из России, которых было бы неплохо попотрошить.

Выслушав, главарь отвел его в сторону и о чем-то шепотом сказал. Сделав вид, что чувствует себя среди своих, Давид в то же время внимательно следил за действиями главаря, чтобы всегда быть на чеку, на случай неожиданных решений Хромого. Заметив кивок старшего новоприбывшей группы, Давид проследил за тем, как тот подошел к одному из своих, что-то тому шепнул и отправил выполнять какое-то задание. «Теперь все будет зависеть от Фархада, – подумал Давид, собрав всю свою волю в кулак. – Он не подведет...».

Зарезали баранов, освеживали их, небольшую часть бросили в казан варить хинкал, а большую часть повесили сушить. Бандиты жили богато, но с разумной экономией своих запасов, чувствовалось, что жили они подобным образом давно и особых неудобств не чувствовали. Быстро разобрали и мешок с одеждой, доставленный Давидом и Юсуфом. «Слава Господу нашему! – подумал Давид. – Молодец дядя Хануко, предусмотрительный мужик, пригодилась его старая одежда...».

«Ребята как будто боевые, – думал главарь. – Но лучше лишний раз проверить, всякое может быть...».

Место, где разместились разбойники, было каменистое, лишь кое-где росли кусты ежевики и молодые дубки, да изредка попадалась невесть каким образом росшая здесь дикая алыча. Между двух скал была прорыта пещера, которая служила бандитам надёжным убежищем. Спали они на овчине, а для главаря была постелена огромная медвежья шкура. Разбойники не чувствовали недостатка и в посуде.

«Интересно, – думал Давид, – есть ли у них запасная база? Где она? Но людей, видно, больше нет, все налицо. Тем лучше, можно будет взять сразу всех... Но кто из них Али? Спросить нельзя, а называть себя они пока не торопятся, не доверяют...». Всю ночь Давид почти не спал, лишь урывками забывался, но тут же, разбуженный Юсуфом, открывал глаза и ждал. К середине следующего дня вернулся тот, которого, видно, послали на разведку. Так оно и оказалось. По приказу главаря все собрались у входа в пещеру.

– Ну? – обратился главарь к своему посланцу. – Говори при всех...

– Подхожу я вчера к этому Камаху и смотрю, на окраине села один мужик. Я его спрашиваю, мол, ты из этого селения? А он в ответ, мол, зачем тебе знать. Я ему говорю, что хочу повидать своих молодых друзей Дауда и Юсупа. Он вскакивает и бежать. Догоняю и спрашиваю, что, мол, случилось? И знаешь, что он отвечает? Ты, говорит, мил человек, ничего хорошего

от этих убийц иметь не будешь, они, говорит, год, как ушли из селения, убив здесь двоих парней. Это, говорит, не люди, а звери. Вот я и вернулся – думаю, чего их искать, если они у нас, ха-ха-ха!

Разбойники все засмеялись, а главарь, хромая, подошел к Давиду и Юсупу, пожал им руку и сказал:

– Теперь знакомьтесь со всеми... Это Али – мой верный помощник, это Самед, это Махмуд, а этот, что пошел и вернулся с Камаха, Аслан, вон тот... – и Хромой продолжал называть своих товарищей, представляя их братьям.

«Неужели это тот самый Али, который убил нашего Илову? – разглядывая бандита, думал Давид. – Нам предстоит это узнать... Нам еще многое предстоит узнать...».

Хотя шел уже конец февраля и погода не баловала «лесных братьев», все же чувствовали они себя на открытой местности неплохо. Всем, кроме тех, кто стоял в охране, раздали хинкал с мясом, по дольке чеснока и по куску тандырного чурека.

Подозвав к себе Давида и Юсуфа, главарь доверительно сказал им:

– Завтра через Дерей-гуш будут проходить русские путешественники, их двое, возможно, с ними будет еще кто-нибудь... Надо будет их остановить, забрать все, что у них есть, а если будут сопротивляться, убить... Поручаю это вам!

«Вот уже и вторая проверка», – подумал Давид, но вслух сразу ничего не ответил.

– Район этот вам известен? – снова спросил главарь, не дождавшись ответа братьев.

– Да, мы знаем, где находится Дерей-гуш, – ответил Давид степенно. – А известно примерное время их проезда?

– Нет, знаем только, что завтра, – ответил главарь.

– В таком случае надо будет идти уже сегодня вечером, занять удобную позицию и ждать, – сказал Давид и посмотрел на реакцию главаря.

– Верно, так и сделайте, но будьте осторожны, без надобности не рискуйте, – с хитрецей заметил Хромой.

– Это уже как получится, – неопределенно ответил Давид. – Юсуп, пошли готовиться, скоро в дорогу...

«Как сообщить Фархаду о предстоящей операции? – напряженно думал Давид. – Такой исход событий мы не предусмотрели... Надо будет действовать по обстановке...»

Где-то на рассвете, когда аскеры, охранявшие Дерей-гуш, спали, Давид и Юсуп заметили двух всадников, направлявшихся на юг. Они сразу догадались, что это и есть те путешественники, о которых говорил гварь. «Кто же обеспечивает их информацией?» – подумал Давид, но раздумывать было некогда. Он подсказал Юсуфу, как действовать, и, не обнаружив вокруг никого из аскеров, они молниеносно скатились с горки и, оказавшись перед самым носом путешественников, приставили к ним пистолеты и жестом приказали им молчать.

Путешественники от испуга не могли произнести ни слова, молча сошли с лошадей и последовали за разбойниками в укромное место.

– Вы по-тюркски говорите? – спросил их Давид.

– Да, немножко говорим, мы просим, не убивайте нас, мы путешественники, – ответил один из них, дрожа от испуга.

– Не убьем. Что у вас в мешках? – снова с угрозой спросил Давид, мастерски играя свою роль.

– Е...еда, о...оде...жда, день...ги на расходы, – снова дрожа и заикаясь ответил путешественник. – Прошу вас, забирайте все, нас не убивайте...

– Да, заткнись ты! – пригрозил ему Юсуф. – Не будем вас убивать, сказали же.

– Ну, а теперь давайте ваши мешки. – Давид и Юсуф быстро развязали мешки, взяли, что считали нужным, собрали их в два мешка и навьючили на одну из лошадей.

– А лошадь куда? Умоляем, не забирайте ее, как же мы без второй лошади? – просил путешественник.

– Ничего с вами не будет, купите другую! – пригрозил ему Юсуф и тот умолк.

– И не вздумайте, пока мы поблизости, кричать! – пригрозил им Давид. – Прибью, как собак.

– Хорошо, хорошо, не будем, – горячо заверил до этого молчавший второй путешественник, который был, видно, очень рад, что их оставили в живых.

Пока путешественники собирали разбросанные вещи, несколько удивляясь тому, что им оставили и часть денег, и оружие, Давид и Юсуф отошли к урочищу Рубас-чая, в тайнике оставили для Фархада сообщение о встрече и, не мешкая, двинулись к бандитской базе.

А путешественники, терпеливо прождав некоторое время, подняли такой шум, от чего могли проснуться не только охрана наиба, но и мертвые. Подбежавшие к ним Ахмед-богатырь со своими аскерами были удивлены, что под их носом ограбили русских путешественников, – слава Аллаху, не убили. Он набросился вначале на тех, которые стояли в охране, потом стал расспрашивать самих потерпевших. Ахмед-богатырь понимал, что при всей дружбе наиб ему такое не простит, и решил сделать все, чтобы загладить случившееся. Он отдал путешественникам своего коня, деньги, о которых они говорили, еду на первое время и попросил их о случившемся молчать. Увидев такое отношение к себе, те пообещали никому ничего не говорить и, поблагодарив этого доброго аскера, двинулись в путь.

Однако скрыть этот эпизод не удалось. Недаром горцы говорят, что утренний крик слышат не только люди, но и горы. Весть о путешественниках дошла и до наиба, и он от негодования не находил себе места. Предупредив своего осведомителя, чтобы тот не смел рассказывать об этом даже своей лошади, наиб вскочил на своего иноходца и поскакал к злосчастному ущелью Дерей-гуш, которое в последнее время стало

средоточием разбойников. Выяснив все обстоятельства, наиб вначале удивился, что бандиты не убили путешественников, затем обрадовался благородному поступку своего друга Ахмеда-богатыря и дал указание немедленно выпороть двух проспавших охранников, но чтобы не поднимать шума, не прогнал их из сотни. «Не убив их, – думал наиб впоследствии, – бандиты делают мне предупреждение. Коварный хромой пес не простит мне убийство одноглазого... Но ничего, я тебя все равно накрою, хватит...» Конечно, о случившемся наиб правителю не рассказал, скрыл в надежде, что владельцу без его ведома никто не посмеет об этом сообщить, однако он просчитался. Мало того, правителю доложили об этом инциденте настолько подробно, в деталях, что о некоторых из них не было известно и самому наibu. Правда, случилось это много позже, накануне последовавших затем тревожных событий. И это спасло удачливого наiba от жестокого выговора.

Тем временем бандиты праздновали победу. Больше всех был доволен Хромой, не только тем, что утер нос изменнику-наibu, но и тем, что его отряд пополнился такими бесстрашными и неглупыми бойцами. Привезенную еду тут же съели, одежду раздали тем, у кого она изнасилась, а деньги Хромой забрал себе. Лошадь же отдал своему помощнику Али, приказав отвести её к другим, спрятанным в известном им месте.

«Где же это место? – думал Давид. – Надо бы узнать...».

Не знал, не ведал наиб, что Хромой не только не простил его, но задумал против него страшную месть. Не доверившись своим «лесным братьям», Таиб совместно с Али установил за домом наiba круглосуточное наблюдение и в то время, когда наиб отправился по вызову к правителю, они по сигналу осведомителя среди бела дня ворвались в его дом и на глазах больной сестры наiba убили ее пятнадцатилетнего сына.

Крик пришедшей в себя женщины потряс всех соседей и сразу же к дому наiba сбежались сельчане. И

их взору открылась страшная картина: в луже крови, прижав голову мертвого сына к груди, сидела и рыдала обезумевшая от горя мать.

Эта страшная весть потрясла не только наиба – она привела в ярость самого правителя, он вдруг по-настоящему осознал, что разбойники-гачаги представляют в его владениях серьезную угрозу. Кроме того, сам факт нападения на дом хитроумного наиба свидетельствовал о том, что разбойники за что-то сильно невзлюбили его, что тот совершил такое, из ряда вон выходящее, что бандиты ему не простили. Но ни спросить об этом наиба, ни разузнать об этом в данной ситуации правитель пока не мог.

Все попытки наиба узнать у сестры подробности этой трагедии не дали никаких результатов, так как женщина вначале потеряла речь, а потом и жизнь. Таким образом, из его дома в течение одной недели вынесли и похоронили двух близких ему людей.

По приказанию правителя на разбойников начались повсеместные облавы, как в свое время были организованы они на шакалов. Сотни людей из всех селений владения Рустам-кади в течение нескольких дней обшарили леса, горные проходы, тайные урочища ущелий, но напасть на след кучки негодяев не могли. Так в очередной раз попытки найти разбойников не дали никаких результатов, хотя охотники за гачагами дважды прошли мимо их искусно замаскированной пещеры.

Когда опасность миновала, главарь разрешил всем выйти из своего логова и снова заняться обычным делом. Давид и Юсуф понимали, что были на краю гибели, но благодаря Господу, все обошлось. Теперь, считали они, необходимо в короткий срок решить свою главную задачу, то, ради чего они рисковали своей жизнью. Побывав в тайнике, они узнали и о том, что Фархад к месту встречи приходил, их не нашел, но оставил сообщение, что будет приходить в установленное место через каждые два дня. Значит, завтра он будет на месте.

Но как отвлечь от себя внимание «лесных братьев», как пойти на встречу с Фархадом незамеченным – они не знали.

Все решилось совершенно неожиданно. На следующее утро Хромой озабоченно подозвал к себе Давида и поручил ему принести в отряд свежего мяса. Давид очень обрадовался заданию, но радости своей не выдал, а лишь попросил главаря дать ему в помощь Юсуфа. И когда тот выразил согласие, они тут же отправились на выполнение задания.

Было начало марта. В лесу появились островки зеленой травы, набухли почки миндаля, синью заблестели на солнце анютины глазки, под стать им заявила о себе желто-белая медовуха. Словно от долгого сна, пробуждалась природа. За время своего пребывания с бандитами Давид и Юсуф научились ходить так осторожно, бесшумно, что их сигнал о приближении показался Фархаду неожиданным.

Встретились душевно, как братья. Сперва обо всем подробно рассказали Давид и Юсуф, в том числе и о том, как напали на путешественников, как затем обманули главаря...

– Я сразу понял, что это были вы, – оборвал друга Фархад.

– Каким образом? – удивился Давид. – Никаких следов мы там не оставляли.

– Правильно, следов и не было, но почерк... – улыбнулся Фархад. – Во-первых, вы их не убили, во-вторых, забрали только одну лошадь, в-третьих, оставили им часть денег и оружие. Никто из этих убийц и головорезов не мог так поступить, – только вы. Вот я вас и вычислил.

– Да, верно, мы об этом как-то не подумали, – сознался Давид и стал рассказывать о нападении на дом наиба.

– Ты знаешь, Давид, я все больше убеждаюсь, что наиб был связан с бандитами, но когда правитель, под давлением действий дяди Хануко, стал требовать от наиба для показухи уничтожения хотя бы одного из

них, дело приняло неожиданный оборот. А теперь они мстят наибу...

– Об их последнем варварстве и мы ничего не знали, – заметил Юсуф. – Мы, конечно, замечали, что они с Али ночами исчезали, но вот куда... Оказывается, они задумали это зверство, жестокую месть наibu. Теперь они устроили охоту и на самого наiba... Хромой не простит ему смерти друга.

– Дядя Хануко спрашивает, не пора ли накрыть бандитов? – спросил Фархад.

– Еще несколько дней и мы дадим ответ, – заверил его Давид. – Надо мне разобраться в том, кто убил отца и где они его спрятали...

– Не тяните, время не ждет, с юга надвигаются черные тучи, шах Ирана зверствует, – стал убеждать друзей Фархад.

– Ты же говорил, что наib приказал их живыми не брать, – напомнил Давид, – как мы тогда узнаем об отце?

– Да, ты прав, но не тяните...

– Нам бы сейчас найти одного барана, – заметил Юсуф. – Нас же за свежим мясом послали...

– Искать не надо, – улыбнулся Фархад, – я догадался, что он вам понадобится, вот я его и притащил сюда...

Они подошли к пасущемуся барану и, услышав голоса, спрятались в чаще. Двое сельских мальчишек, забыв об осторожности, пришли сюда пасти своих исхудавших за зиму двух баранов. Хотя это было и жестоко, они решили, что Давид и Юсуф выйдут из укрытия и, напугав мальчишек, прогонят их с овцами прочь, а Фархад с другой стороны встретит мальчишек, успокоит их и проведет в село. Так и поступили.

Однако, увидев бородатых людей с пистолетами за поясом, мальчишки подняли такой крик, что забыв об овцах, бросились наутек. А Давид и Юсуф, прихватив своего барана, быстро ушли в обратном направлении. И когда мальчишки увидели шедшего им навстречу

Фархада, они успокоились, но продолжали всхлипывать.

– Что случилось, почему вы плачете? – сочувственно спросил Фархад, будто ничего не знал.

– Т...там д...двое бан...дитов, – заикаясь и продолжая плакать, заявили мальчишки, показывая в сторону, куда ушли Давид и Юсуф. – О...они, на...верное, забрали наших о...овец...

– Не беспокойтесь, – заверил их Фархад, – я сейчас найду ваших овец, – и пошел на их поиски.

И действительно, совсем рядом, в нескольких шагах, овцы спокойно щипали молодую травку. Мальчишки успокоились, хотели было отогнать овец домой, но Фархад посоветовал им остаться и продолжать пасти своих овец, а он, мол, будет пока здесь рядом и никому не даст их трогать. Фархад знал, что вот-вот должны были подойти его аскеры, поэтому сел рядом с ребятишками, заговорил об их жизни и стал ждать. Вскоре подошли его аскеры, и они направились в сторону, куда примерно чуть больше получаса назад ушли Давид и Юсуф.

Возвращение посланцев с бараном было встречено «лесными братьями» восторженно, а главарь, скупой на похвалу, выразил братьям благодарность. Барана тут же зарезали, освежевали и, вопреки традиции, большую часть использовали на шашлык. Откуда-то из тайника на свет появился даже кувшин с молодым сухим вином из прошлогоднего урожая. Хотя главарь и не поскупился на выпивку, все же он строго предупредил свою команду не напиваться, сохранить свежую голову, памятуя, что взбешенный последней выходкой «лесных братьев» наиб мог появиться в этих краях с аскерами в любой момент. Охране было дано указание держать ухо востро, чтобы в любой момент предупредить об опасности.

– За упокой души нашего бывшего главаря и за здоровье нашего Таиба! – сказал тост Али и все выпили.

Шашлык получился отменный. А может быть, он показался таковым, поскольку все были голодны. Хро-

мой к выпивке не притронулся. Давид не раз замечал, что главарь к вину был безразличен и не жаловал тех, кто употреблял его часто и помногу. Однако настроение у всех было приподнятое и все ждали, что в честь такого обеда главарь заговорит и предложит какое-нибудь интересное дело. Вместо этого, главарь встал и пошел в пещеру отдыхать. На этот раз Али не проводил его до входа, как всегда, а остался сидеть со всеми – видимо, это было обговорено ими заранее.

В этот момент в небе пролетали журавли, сопровождая свой полет характерными гортанными звуками. Все подняли головы, провожая журавлиный клин, а захмелевший Али неожиданно, глядя на Самеда, воскликнул:

– А вот и журавли Авшалума, ха-ха-ха!

Засмеялся и Самед. Услышав имя отца, Давид встрепенулся, но сразу взял себя в руки, поняв, что Али и Самед и есть те негодяи, которые повинны в смерти отца. От волнения Юсуф взял деревянную ложку и сам того не замечая, разломал ее между пальцами.

– А что это за Авшалум? – с безразличием спросил Давид у Али.

– Да недавно у нас была встреча с одним евреем, он вез зерно на мельницу. Мы его попросили дать нам мешок зерна, а он начал артачиться, мол, я вам малость отсыплю, – сказал Али.

– Мы случайно проговорились, что убили его сына, вот и пришлось его тоже убить и забрать оба мешка, да еще и лошадь впридачу, ха-ха-ха, – смеясь, добавил Самед.

– А перед этим он просил помолиться, мы ему разрешили, конечно, – заметил Али. – Когда он кончил свою молитву, так же, как сейчас, пролетали журавли, он и обратился к ним, мол, передайте от меня привет семье.

Давид подошел к Али, взял его за плечи и, улыбаясь, тихо предложил ему:

– Сегодня, когда мы пошли за бараном, около мостика Рубас-чая видели двух молодых женщин. Мо-

жет, сходим, попользуемся вчетвером: я, ты, Самед и Юсуп.

– Тихо, – остановил его Али и жестом подозвал к себе Самеда. – Дауд предлагает интересное дело с женщинами. Может, незаметно смотаемся?

– А чего, я готов! – сразу отозвался Самед. – Давай сейчас, пока Хромой отдыхает, сразу и пойдем.

– Мы тут недалеко, – предупредил Али остальных и двинулся в указанную сторону.

Давид кивком дал знать Юсуфу, что Али он берет на себя, а Самеда по его команде должен успокоить Юсуф. Тот также кивком дал понять брату, что все понял. Шли быстро и недалеко от мостика остановились. Хотя предвкушение попользоваться неосторожными женщинами и торопило бандитов, все же они не чурались и мер предосторожности.

– Ну, где эти женщины? – шепотом спросил Али. – Далеко еще?..

– Да нет, вон там, – левой рукой показал Давид и, когда бандиты повернулись в ту сторону, Давид и Юсуф подняли с земли по увесистому голышу и со всей силы одновременно ударили Али и Самеда по голове. Удары были неожиданными и настолько сильными, что бандиты, потеряв сознание, упали на землю.

Давид и Юсуф крепко связали полуживых бандитов по рукам и ногам, вложили в их слюнявые рты по кляпу и стали ждать, когда те придут в себя. Первым очнулся Самед.

– Я сейчас вытащу кляп из твоего говняного рта, а ты, если хочешь жить, скажи, где вы спрятали Авшалума. Если издашь громкий звук, я тебя сразу убью, – пригрозил ему Давид, приставив к горлу острый кинжал.

Тот кивнул в знак согласия. И когда Давид освободил его от кляпа, Самед сразу заговорил:

– Что это за шутки, ребята? Развяжите сейчас же!

Но когда острое кинжала вошло ему меж ребер, бандит понял, что с ним не шутят.

– Вас же тоже убьют, все же видели, что мы ушли вместе, – стал он угрожать, оттягивая час расплаты.

– Даю тебе три секунды. Если не скажешь, кинжал окажется в твоём сердце, – пригрозил Давид и стал считать. – Раз, два...

– Я скажу, – сразу струсил Самед и взглядом показал на дерево в двадцати шагах. – Вон, под тем деревом...

– Юсуф, присмотри за ним, – попросил брата Давид и кинулся к указанному дереву. Разбросав листья, он сразу нашел не до конца засыпанную яму и, выбросив несколько пригоршней земли сверху, увидел человеческие останки... Давиду стало не по себе, он еле поднялся и направился к брату. По его побледневшему лицу, по нервно играющим желвакам Юсуф понял, что брат нашел отца.

Тем временем пришел в себя и Али. Выпучив глаза, он смотрел на Давида и Юсуфа и ничего не мог понять.

– Вот что, брат, – обратился Давид к Юсуфу на своем языке, – беги к дяде Хануко, возьмите подводу, еще несколько человек и возвращайтесь... Да, надо немедленно сообщить Фархаду, пусть со своими прибедет сюда...

– А эти? – Юсуф показал на связанных бандитов.

– С этими я разберусь к вашему возвращению, – ответил Давид. – Не задерживайся, беги!

Когда Юсуф побежал в сторону Аба-Сово, Давид обратился к Али:

– За что вы убили моего брата?

– Какого брата? – не понял Али.

– Сына того самого Авшалума, которого вы убили и бросили вон в ту яму?

– Он сам виноват, – стал оправдываться негодяй, поняв теперь, кто перед ним стоит, – стал кричать «Али», вот Самед и сбросил его со скалы.

– А отца за что убили? За мешок зерна? – вскипел Давид. – Нет, вы жизни не заслуживаете! Смерть вам!

Но прежде скажи, где лошади, где вы их прячете? Говори!

– В низовьях Рубас-чая, в камышах, – признался бандит. – С ними пастух, наш человек...

– Вот и хорошо, – сказал Давид и подошел к Самеду. – Теперь твоя очередь.

– Не убивай меня, я ни в чем не виноват, – стал просить Самед, словно куль, упав головой к ногам Давида. Этот убийца, который зверски издевался над своими жертвами, плакал, моля о пощаде. Но сам никогда никого не щадил.

– А ведь ты просчитался, негодяй, – с издевкой заметил Давид. – Журавли действительно донесли до его детей весть об отце... А ты смеялся, не поверил...

Давид подошел ближе к Самеду и с ненавистью, одним ударом вонзил кинжал в его сердце... А когда с окровавленным кинжалом подошел к Али, тот тоже стал плакать и молить о пощаде. Но Давид, словно ангел смерти Азраил, был неумолим. Убить этих бандитов, очистить землю от убийц своего брата и отца, исполнить данную им клятву он считал своим священным долгом. «О, Господь, Бог наш! Во имя великой справедливости я пред Тобой лишаю это животное жизни!».

– Кто сообщил вам о том, что Авшалум едет на мельницу? Если хочешь жить, скажи! – приказал Давид плачущему Али.

– Я скажу, только не убивай, – взмолился Али, – осведомитель нашего главаря, из селения Аба-Сово, зовут его Евдо... Он попался на краже и его вынудил наиб, будь он неладен...

– На какой краже его поймали аскеры? – допытывался Давид.

– Кажется, он украл у своего соседа быка, – теперь уже обливаясь потом, ответил Али.

– А за что вы моего отца убили? – с яростью спросил Давид и, не дожидаясь ответа, также одним ударом убил и второго негодяя. Затем разрезал веревки на их ногах, оттащил обоих на вершину холма и сбросил их оттуда на съедение шакалам...

«Евдо... – думал тем временем Давид, – этот предатель, негодяй, вечно завидовал отцу... Кажется, в молодости он хотел жениться на матери, но та ему, вору и лентяю, отказала... Надо же, так ненавидеть... Ничего... ты примешь позорную смерть, судом всего джамаата...»

Через два часа двадцать аскеров во главе с Фархадом, который вначале тайно встретился с Давидом и получил у него план расположения бандитов, окружили разбойников и всех до единого уничтожили. Дольше всех сопротивлялся Таиб, но меткий выстрел Фархада успокоил и его. Загрузив подводу трупами бандитов, Фархад и его команда двинулась к дому находящегося в трауре наиба, чтобы доложить ему, что владения Рустам-кади теперь уже от разбойников очищены. Не знал Фархад, осуществляя под руководством Хануко бен Шолума операцию возмездия, что грядут события, которые потом уже лишили бы их такой возможности.

ГЛАВА 8

В тот же субботний день, когда к дому наиба подъехала набитая трупами разбойников арба, Мухтар сидел на веранде своего теперь уже осиротевшего дома и пил чай. Его одолевали невеселые думы. Впервые за восемь лет, после его нелепой выходки – убийства жены, он засомневался в правильности своего злодеяния. «Может, жена не могла зачать не по своей вине, а виновником был я сам? – думал он. – Ведь ни одна из тех вдовушек, с кем я общался, тоже не беременели... Жаль и племянника, по существу, он мне сыном был. Рос крепким и смышленным парнем... – На глаза навернулась слеза. – Не будет пощады, нет, не будет... И правитель чем-то недоволен, и его ошеломило это убийство...»

– Наиб-эфенди! К вам приехали, – неожиданно заявил охранник-аскер, прервав ход его невеселых дум.

– Кто? – не поднимаясь, недовольно спросил он.

– Там Фархад и аскеры, много людей, наиб-эфенди...

– Так пусть заходят, – поднявшись, распорядился Мухтар, – чего там стоять?

– Они просят вас выйти к ним, – замялся охранник, – там и арба какая-то...

Надвигались вечерние сумерки.

И когда наиб вышел за ворота, взору его предстала странная картина: двадцать вооружённых аскеров во главе с Фархадом стояли строем, а чуть поодаль – накрытая овчинами арба.

– Все они здесь, наиб-эфенди, – доложил Фархад, словно продолжал давно начатый разговор, и показал в сторону арбы.

– Кто они? – не понял наиб.

– Разбойники-гачаги, все до единого, – ответил Фархад и подвел наиба к арбе. – Смотрите...

Наиб поднял одну из овчин, потом вторую и в свете луны сразу узнал хромого Таиба, которого видел всего один раз. Потом, брезгливо бросив овчину назад, обрадованно спросил:

– Как это тебе удалось, сынок?

– Мы их нашли, окружили и всех уничтожили. Более подробно расскажу потом. У нас потеря и раненых нет, – четко, по-военному отвечал Фархад. – Разрешите отпустить людей, уважаемый наиб?

– Да, Фархад, спасибо за подарок! Никогда не забуду, сынок! – тепло говорил наиб, обнимая Фархада. Потом спохватился и обратился к аскерам. – Спасибо, братья, вы принесли лекарство от моей незаживающей раны... Езжайте по домам, отдыхайте...

Наиб еще раз горячо обнял Фархада за плечи и повел в дом.

– Ну, рассказывай, дорогой, как это тебе удалось?

И Фархад, утаив имена подлинных героев, как это было обговорено заранее, рассказал наибу, что они,

мол, случайно выследили одного бородатого незнакомца, незаметно пошли за ним, а когда дошли до их логова, вызвали подмогу, и аскеры, окружив разбойников, убили всех, а хромого Таиба, их главаря, хотели взять живьем, но он отбивался до последнего, пришлось и его убить.

– Молодец, сынок, я в тебе не ошибся, с этого дня ты будешь моим вторым заместителем и плату будешь получать соответственно, – решительно заявил наиб и неожиданно добавил: – Едем к правителю, для него это будет великой радостью!

Приехав к Рустам-кади, они спешили. Наиб приказал арбу с трупами оставить за воротами и вместе с Фархадом поднялись по лестнице к правителю.

– Что случилось, Мухтар? – удивленно спросил правитель, заметив рядом с наибом и Фархада.

– Все разбойники ваших владений, уважаемый правитель, уничтожены, – впервые за последние дни улыбнувшись, доложил наиб.

– Где доказательства? – недоверчиво спросил правитель. – Это не очередное бахвальство?

– Нет, уважаемый правитель, – ответил наиб, – доказательство за вашими воротами, в арбе...

– Эй, охранник! – позвал правитель старшего охраны и, когда тот явился, приказал: – Пойдите за ворота и посмотрите, что там в арбе...

Установилась неловкая тишина. Правитель, не стесняясь, в упор разглядывал осунувшегося, заросшего щетиной наиба и молодцеватого Фархада, смущенно опутившего голову.

– В арбе, уважаемый правитель, трупы... – доложил старший охраны.

– Вы уверены, что там все эти негодяи? – снова спросил правитель.

«Да-а... – подумал наиб, – второй раз за этот вечер правитель выказал ко мне недоверие. Плохо, очень плохо! И всему этому я обязан купцу, вечно недовольному джууду Хануко, его постоянным доносам... Ничего, Аллах даст случай, за все рассчитаюсь... Я ничего

не забыл, с детства помню...». А вслух сказал совсем другое:

– Да, уважаемый правитель, – подтвердил наиб и, показав на Фархада, добавил: – И этот подвиг совершил Фархад со своими аскерами.

– Вот как? – обрадовался правитель и, встав со своего кресла, пожал Фархаду руку. – Я рад еще раз отметить твои успехи, сынок. Моя награда, надеюсь, будет дополнительной? – взглянув на наиба, полувопросительно сказал Рустам-кади.

– Да, уважаемый правитель, – ответил наиб, – с вашего разрешения он станет теперь моим вторым заместителем...

– И это все? – хитро улыбнулся правитель.

– Соответственно оплата и подарки, – тоже улыбнулся наиб.

– Ну, в таком случае пошли пить чай, а ты, Фархад, расскажи подробнее, как удалось перехитрить этих гагачгов, которые долгое время не давали нам покоя?

И Фархад во второй раз поведал правителю об истории окружения и уничтожения разбойников.

– Очень ты меня обрадовал, сынок, – заметил правитель, обращаясь к Фархаду, – теперь есть что дополнительно сообщить русским генералам, да и другие прекратят жаловаться... Самое время, ибо надвигаются тревожные времена...

Не вдаваясь в подробности, Рустам-кади тепло попрощался с Фархадом, подарив ему платок для матери и отправив со слугой упитанного бычка к нему домой. Не продешевил и наиб. Пригласив на обратном пути Фархада домой, он преподнес ему серебряный браслет, работы кубачинского мастера, и трех ягнят редкой каракулевой породы.

– Ты заслужил, дорогой, бери на здоровье! – Наиб еще раз обнял Фархада.

По приказу правителя трупы бандитов на следующее утро были отвезены за село и захоронены в одной яме. «Большого они не заслуживают», – приказал правитель.

Фархад, окрыленный свалившейся на него удачей, утром следующего дня торопился в ущелье Дерей-мар, к своему шалашу, где его должна была дожидаться Истир. С каждым днем его чувства к этой красивой и трудолюбивой девушке росли и крепили. Сегодня он решил подарить ей этот редкий браслет и сказать милой, очаровательной Истир самые сокровенные слова любви и выразить надежду, что она станет ему верной подругой жизни. Да, Фархад был уверен, что любит ее и надеялся, что это чувство взаимно. Но о том, как будет выглядеть все это в будущем, как, вопреки адатам и шариату, они – иудейка и мусульманин – соединят свои судьбы, он не знал и пока не думал...

Словно по зову бьющихся в унисон сердец, они вошли в шалаш одновременно, и Фархад, увидев раскрасневшуюся Истир, бросился к ней навстречу и впервые, не сдержав порыва, прижал ее к себе и нежно поцеловал в голову.

– У меня сегодня особый день, Истир, – улыбаясь, признался ей Фархад. – Так случилось, что все лавры твоих братьев достались мне...

– Что же такое случилось? – нехотя отстранившись от Фархада, спросила Истир. – Я прибежала на несколько минут, ты же знаешь...

– Меня повысили в должности, дали много подарков, а вот это я дарю тебе, – и Фархад стал надевать на руку девушки браслет.

– Ой, какой красивый! – восхитилась Истир, разглядывая подарок, но потом вдруг спохватилась и в задумчивости спросила: – А что я скажу своим братьям, когда они увидят этот браслет на мне?

Фархад задумался. В самом деле, как будет выглядеть его подарок девушке, которая не является ему ни невестой, ни женой. Нет, в такой форме, как сейчас, нельзя. И Фархад вдруг нашелся:

– Знаешь что, я все равно часа через два обязательно приду на похороны дяди Авшалума, потом зайду к

вам и там, в присутствии твоих братьев, как награду им самим, преподнесу тебе браслет, будто от нас троих...

– Так можно, – согласилась Истир. – А теперь и я расскажу тебе об одном случае, который не дает мне покоя вот уже второй год...

– Что за случай? – с удивлением спросил Фархад.

– Подожди, не перебивай, времени и так в обрез, – попросила Истир и продолжила: – Помнишь, у старика Шумина непонятно от какого отравления одновременно умерли сын и его красавица жена?

– Да, конечно, помню, как такое можно было забыть, – ответил Фархад.

– Их тогда нашли мертвыми на дороге, недалеко от нашего селения, – продолжала рассказывать Истир. – Так вот, месяца три до этого я видела, как наиб приставал к ней, застав ее одну у родника, как она отбивалась, вырывалась из его грязных рук, и лишь мое появление спасло ее от насилия... Но я слышала, как наиб пригрозил ей...

– А наиб тебя узнал? – с тревогой спросил Фархад.

– Не знаю... я была далеко. Но крикнула этому бандиту, чтобы он отпустил ее... Я тоже быстро ушла, заметив, как эта бедная женщина вся в слезах убегает... А через три месяца ее вместе с мужем нашли мертвой... – закончила она свой печальный рассказ. – Нет ли здесь связи?

«Да-а... – думал Фархад, – повсюду следы этого подонка, ни перед чем не останавливается ради своей прихоти, своей выгоды. Лучше бы вначале бандиты убили его. Теперь надо следить за Истир... Не дай Аллах, что случится, тогда я его сам придушу...».

– Прощу тебя не высвечивайся, – с мольбой в голосе произнес Фархад, – наиб – страшный человек, от него всего можно ожидать...

– Я не хотела, но вот месяц назад я с ним снова встретилась. Будто судьба свела, – призналась Истир.

– Как? – вскричал Фархад. – Наиб трогал тебя?!

– Нет, успокойся, – ответила Истир, – я пошла к на-

шему роднику за водой и вначале направилась к нашему шалашу. Вдруг услышала крик, побежала с кувшином к роднику и вижу, как наиб тискает мою подругу, я опустила платок на лицо, чтобы он меня не узнал и крикнула что было сил: «Эй, ты, отпусти девушку, а не то все село подниму!..» Он выругался, но подругу отпустил. Прямо изверг какой-то...

– Ты с ума сошла, – вскричал Фархад и схватил Истир за руку, – я же без тебя дня не проживу...

Истир, не отнимая руки, виновато сказала:

– Прости. Но мне надо уже идти, люди уже ждут...
– Истир нехотя отняла руку и собралась уходить.

– В каком платке ты тогда была, в синем? – неожиданно спросил Фархад.

– Да, но с тех пор я этот платок не ношу... – опустив голову, призналась Истир.

– И правильно делаешь, он поручил мне найти девушку в синем платке... Ты знаешь, что это значит?.. Берегись, он никому своих обид не прощает... – Фархад снова взял ее руку и, взглянув ей в глаза, тихо сказал: – Я так много хотел тебе сказать... – И, отпуская ее, нежно добавил: – Иди, дорогая.

Истир подняла голову, и он увидел обращенный на него полный тепла и нежности лучистый взгляд. Потом она повернулась и, прихватив полный кувшин с водой, быстро пошла в сторону дома.

До похорон Авшалума Фархад решил навестить своего заболевшего аскера и потому направил коня в селение Митаги. И уже у самого выезда из Аба-Сово встретил Давида. Фархад спешился, приветливо обнял друга и, не дожидаясь его вопроса, сказал:

– Буду вовремя, проведу одного нашего больного аскера в Митагах и скоро вернусь...

– Ты прямо светишься, – улыбаясь, заметил Давид, – что-нибудь случилось?..

– Есть причины, – не стал вдаваться в подробности Фархад. – После печальных церемоний встретимся у вас дома, расскажу...

Поскольку все предусмотренные адатом ритуалы по умершему отцу дети справили в те дни, когда он исчез, не вернулся домой, то по указанию раби Шолума было решено, в доме умершего никаких посиделок не устраивать, ограничиться лишь отпеванием его в синагоге.

Похоронив Авшалума по всем предусмотренным в таких случаях адатам, собравшиеся, близкие, пустив скупую мужскую слезу, поцеловали камень в изголовье его могилы и собирались пойти в сторону синагоги, когда раби Шолум жестом поднятой руки остановил людей и громко произнес:

– Джамаат! Сегодня утром стало известно, что среди нас более года находился изменник, предатель, вор и богоотступник, который во имя спасения собственной шкуры от справедливого суда за воровство единственного быка у своего соседа, предавал нас, своих единоверцев, врагам нашим, гачагам-разбойникам. По существу, руками этих же гачагов он убил Авшалума, тело которого мы только что предали земле. Вот он, Евдо, – раби Шолум показал на сгорбившегося от удара этих обвинений, побледневшего, как мел, человека. Заметив, что тот ищет лазейку, чтобы сбежать, раби Шолум, еще раз указав на него, крикнул: – Не дайте ему уйти, сбежать от суда нашего!

Неожиданно преступник оказался в плотном кольце своих односельчан, которые в эти минуты готовы были разорвать его на части.

– Он повинен, – продолжал раби Шолум, – в том, что давал сведения, раскрывал секреты села гачагам, определял, кого ограбить в очередной раз. Он не пожалел даже малолетних внуков старика Шимуна. Он передавал нашим врагам все, о чем мы здесь говорили, он долгое время жил за наш счет, смеялся нам в лицо, а потом исподтишка втыкал нам нож в спину.

Среди собравшихся прошел ропот возмущения, раздались голоса: «Смерть ему! Смерть!».

– Поскольку здесь присутствует представитель власти, – раби Шолум показал на Фархада и, как было заранее обговорено, сказал, – есть предложение передать его в руки правосудия...

Фархад приказал находящимся рядом двум своим аскерам арестовать преступника и отвести того к зиндану. Он понимал, что передать этого иуду наibu равносильно его освобождению, поэтому не знал пока, какое принять решение.

Тем временем люди направились в синагогу.

Естественно, всех желающих небольшое помещение синагоги вместить не могло, поэтому многие разместились во дворе, под большой раскидистой чинарой.

И в то самое время, когда прихожане одни рассказывались на длинных без спинок, накрытых где овчиной, а где и старыми паласами, скамейках внутри помещения, другие же – на таких же скамейках, но уже без покрывал, во дворе под деревом, а раби Шолум еще не успел подойти к амвону, как со стороны дома сварливого Миши бен Донила раздался такой душе-раздирающий вопль, что все невольно всполошились и повернули в ту сторону головы. Затем крик сменился громкой руганью и речитативом всяческих проклятий. И лишь после всего этого со двора, словно гончая, семеня, выбежал старый Миши и, в знак наивысшего возмущения, выкинув вперед руки, кинулся к месту сбора людей.

– Когда это кончится?! – вопрошающе вскричал он. – Я вас спрашиваю, уважаемый ковхо? – обратился он с возмущением уже к раби Шолуму. – Не вы ли говорили, что разбойников всех уничтожили? – и, не выслушав ответа, с пеной у рта продолжил: – Как же уничтожили, если только что украли моего ягненка? – И Миши стал плакать.

– Успокойтесь, уважаемый Миши, – призывал его раби Шолум к выдержке, – объясните, в чем дело?

– Что объяснять? – снова взорвался Миши, который за несколько секунд до этого начал было успокаиваться. – От ваших обманных речей мы и уши развесили, мол, все теперь спокойно, гачагов убили. Где же убили, если опять украли ягненка? До каких пор это будет продолжаться? – И Миши снова стал плакать.

Среди собравшихся прошел гул. Заговорили все разом и по-разному. И хотя все были верующими, но у каждого вера эта измерялась своим аршином чистоты помыслов и деяний. Так уж устроен человек: если один верит от всего сердца и без оглядки, другой даже в желтке яйца ищет случайный волос; если один живет скромно, можно сказать, даже бедно, но никому и никогда не завидует, у другого, как говорится, «зоб полон, а глаза голодны», все норовит чужое сосчитать; если один что полный колос на ниве, склоняется, как голова мудреца, другой словно пустая чинара – форсу много, но пользы мало.

– В самом деле, жалко мужика, – сказал один, – второй раз обкрадывают...

– Конечно, когда у самого полно, чего о других думать, – уже с намеком сказал другой.

– Мало ли что говорят, нечего рот разевать, – высказался третий.

– Ради своего авторитета людей обманывать не стоит... – говорит четвертый и исподлобья смотрит в сторону раби Шолума.

– Чего глупость-то пороть?! – возмущается пятый. – Никто никого не обманывает, я сам видел...

И на этой волне разноголосицы и разногласий, поддевок и поддержки, возмущения и благоразумия вдруг со стороны того же дома, где исчез злополучный ягненок, раздался радостный возглас восьмилетнего внука возмутителя спокойствия:

– Дедушка! Дедушка! Наш ягненок нашелся!..

Миши восторженно встал с услужливо предложенной ему скамейки и, семеня усталыми ногами, кинулся навстречу внуку.

– Где же он был, позор на мою голову?! – не то спросил, не то возмутился старик на самого себя.

– Там, на опушке... – показывает внук в сторону небольшого леса, – травку щипал...

Инцидент был исчерпан, а желчь, как и ложка дегтя в бочке меда, все же дала о себе знать. Для тех, у кого совесть чиста, ничто не изменилось, они по-прежнему смотрят и говорят без утайки, а другой глаза прячет. Нет, не потому, что стесняется, что совесть проснулась. Нет, совсем не поэтому, а так, чтобы на некоторое время сойти со сцены, стать незаметным, отползти гадюкой, чтобы в следующий раз, при удобном случае, снова укусив, пустить яд.

Люди расселись по своим местам, а раби Шолум, поднявшись на амвон, начал громко и внятно читать поминальную молитву «Кадиш» по случаю захоронения несчастного Авшалума.

«Етгадад ветгадаш шами рабо ба-алмо ди боро хирь-ути, ваямлих, мальхути, ваясмах, фурыгони вигорив машихи, бахаюхин, ув-юмхин увхае дахол бит исроил ба-аголо убизман горив ваимру омин. Я-е шами рабо маворах ла-алом ул-аль-ми алмое етборах. Ваиш табах га-ит по-арь. Ваетруом, ва-ет-наси, ваेतодор, ва-етали, ва-ет-олол шами догудишо барих-у, ла-ило мин кол бирхото, широто тишбахото, ванихаито, даамирон ба-алмо ваимру омин. Ал-исроил, ваал рабонон, ваал талмидион, ваал кол талмиди талмидион, даятвин ва-асгин ба-урайто гадишто, ди ба-арто один, вади бахол атар ва атар я-е лоно, ульюн, уль-хун, шоломо хино ва-хисдо, варахами мин годом, ило-о мори шамае ва-ар-о, ваимру омин. Я-е шоломо рабо мин шамае хаим во-сово, вишу-о, ванихомо вашизово, урь-фу-о, угь-уло, услихо, вахапоро, варивах. Ваасоло, лону уль хол аму исроил, ваимру омин. Уси шолум бирумов у барахомов яси шолум олин у ваал кол ому исроил ваимру омин».

«Да будет возвеличено и свято великое Имя Его в мире, сотворенном по усмотрению Его. Да явит Он царство Свое при жизни вашей и в ваши дни и при

жизни всего дома Израэля – без промедления и в скором времени. И скажите: Аминь!

Да будет Имя Его великое благословляемо вечно и на вечные времена.

Да будет благословляемо, и восхваляемо, и прославляемо, и превозносимо, и возвеличено, и величаемо, и возносимо, и хвалимо Имя Его, Святого, благословен Он – превыше всех благословений и воспеваний, восхвалений и утешений, произносимых в мире. И скажите: Аминь!

Да пребудет великий мир с небес и жизнь над нами и над всем Израэлем. И скажите: Аминь!

Созидающий мир в высотах Своих, да сотворит Он мир для нас и для всего Израэля. И скажите: Аминь!»

И каждый раз, когда раби Шолум произносил слово «аминь», все хором повторяли его, а те, кто знал или запомнил другие слова молитвы, сами произносили их вслед за раби Шолумом. Затем, по кивку раби Шолума, со своего места – там, где сидят соблюдающие траур родственники умершего, встал Давид и по памяти прочитал «Поминальную молитву» в память об отце:

«Да вспомнит Господь душу отца, наставника моего Авшалума бен Давида, отошедшего в вечность, – ради того, что я, не беря на себя обета, пожертвую в память о нем на благотворительность. Ради этого да приобщится душа его к сонму вечно живых – к душам Авраама, Ицхака и Якова, Сары, Ривки, Рахэли и Леа и к душам всех остальных праведников и праведниц, пребывающих в саду Эдэма. И возгласим: Аминь!».

– А теперь дети и братья мои, – обратился раби Шолум к собравшимся, – я прошу вас сесть ко мне ближе... Прошу тебя, Нахамие, тебя, дорогой Шельму, вас, уважаемые Манахим и Мататья, сядьте поближе, хочу рассказать вам одну поучительную историю...

– Дедушка, а нам с Ихиилом можно остаться? – спросил внук раби Шолума Сави.

– Да, конечно, вам как раз и надо послушать...

И когда все удобно расселись, раби Шолум сошел с амвона и сел рядом с прихожанами.

– У горцев, как вам известно, – начал раби Шолум свой рассказ, – младшие сыновья, женившись, остаются в отцовском доме. Делаются пристройки, расширяются жилые помещения, короче, младший сын становится наследником отцовской собственности и кормильцем старых родителей. Эта традиция передавалась из поколения в поколение и многие века соблюдалась, превратившись в адат, в обет сыновей своим отцам. Но вот однажды младший сын одного горца, по наущению молодой жены, заявил отцу, что он не желает оставаться в отцовском доме, мол, старшие братья живут отдельно, вот и он хочет на краю селения построить себе небольшой домик и жить самостоятельно.

– Тебе одному будет трудно, сынок, – убеждал отец заупрямившегося сына, – старшим братьям помогали всей семьей...

– Ничего, я справлюсь, камня и глины кругом – сколько хочешь, – отвечал сын, не сдаваясь.

– У нас, как видишь, налаженное хозяйство, я еще тоже не стар, за скотиной смотрю, работы в поле не гнушаюсь, – продолжал отец свои доводы, – давай накопим денег, а потом все вместе поможем тебе, если ты окончательно решишь отделиться...

– Нет, мы с женой справимся сами, – был непреклонен сын, – впереди лето, соорудим себе шалаш и будем строиться.

– Что ж, воля твоя, – вздохнув, сказал отец, но, увидев, как сын торопливо собирает вещи, добавил: – Подожди, не торопись, вот деньги – все, что у меня есть, кроме того, возьми все, что считаешь нужным из вещей, и еще возьми одну корову и двух овец, это твое. Но помни, сын, обратно я тебя не пущу!

– Хорошо, – ответил сын, взяв все, что дал отец, и ушел.

Прошло некоторое время. Домик себе сын построил, вначале в его очаге и огонь горел, и дымок подни-

мался к небу, иногда, по ночам и свеча горела у окна. Но стал замечать отец, что где-то к зиме все это прекратилось. «Что-то не пойму, подумал отец, все у них не так, как у людей, все наоборот, зимой-то в холоде долго не проживешь». Хотя и обидел сын своим уходом, все же кровинушка-то своя, родная. Закрался в сердце старика червь тревоги, и решил он проведать сына. В тот год, всем на удивление, долго шел снег, и земля покрылась благодатным белым покрывалом. Идет старик к домику сына и видит, что прямо от его порога куда-то в сторону, в поле, уходит след. Пошел по следу и видит диво, по земле катится клубок.

– Ты кто? – спрашивает удивленный старик.

– Согласие я, – отвечает клубок и поясняет: – Семейное согласие...

– Куда же ты уходишь? – спрашивает старик. – Тебе, по-моему, там нужно быть... – и показывает в сторону сыновьего дома.

– Нет, не нужно... – в отчаянье отвечает клубок. – Я-то потому там и поселился вначале, а теперь... каждый день ссоры, ругань, все у них рушится, скот гибнет... нет, мне там делать нечего... – и клубок снова покатился прочь.

Раби Шолум прервал свой рассказ и взглянул на собравшихся. Все, затаив дыхание, ждали конца этого поучительного рассказа.

– Вот так, братья мои, – заключил свое повествование раби Шолум, – там, где нет согласия, нет уважения друг к другу, не может быть и берекета, не может быть благополучия. В согласии сила, которую трудно перебороть...

– Уважаемый раби, – с почтением обратился к нему скорняжных дел мастер Шельмю. – Не обращайтесь внимания на одного-двух злобствующих и завистливых людишек, вы лучше меня знаете, что в семье не без урода. Наши сельчане, да и другие тоже, на них внимания не обращают...

– Это точно, собака лает – ветер носит, – усмехнувшись, добавил Мататья-хлебобоб. – Вы лучше, дорогой

раби, расскажите нам историю про Иосифа, которую обещали...

Раби Шолум оживился. Ему была приятна поддержка большинства сельчан и радовало, что семена его наставлений ложатся на благодатную почву.

– Да, да, дедушка, расскажите, пожалуйста, – с благоговением и любовью обратился к раби и сын Авшалума Ихиил.

– Но история эта длинная, – предупредил раби Шолум, – терпения хватит?

– Да, уважаемый раби, рассказывайте, – с разных мест заверили раби Шолума прихожане.

– Да, дедушка, мы с удовольствием будем слушать, – согласно кивнул и Сави.

– В таком случае, слушайте, – заявил раби Шолум, – однако не могу вначале не сказать, что из всех людских пороков наихудшим является зависть. Именно это чувство лежит в основе большинства несчастий, трагедий, катастроф. Досада, вызванная благополучием или успехами другого, чувство раздражения и неудовольствия из-за собственной неудачи, играли порой решающую роль во всех катаклизмах нашего народа. Вот и эта история тому подтверждение...

...История евреев похожа на движение пассажирского корабля в океане. В тихую пору, когда кругом полное безветрие, можно сказать, даже штиль, пассажиры чувствуют себя на седьмом небе: днем на всем корабле кипит жизнь довольных и деятельных людей, а вечером царит ничем и никем не нарушаемый покой, если не считать приятного пустяка – прыжка и всплеска океанских рыб, которые именно в это время суток играют и вдоволь резвятся. А когда разбуженный океан вдруг встрепенется ото сна, когда разгневадается за это и, собрав свои могучие силы, встанет во весь рост своих огромных волн, заревет и покроется пеной, как раненый зверь, – тогда хватает и поднимает он корабль на свои гигантские плечи, будто корабль этот и не весит ничего, не великан неохватных размеров, а с кор-

нем вырванное на каком-то берегу и унесенное дерево. Потом же, поиграв с ним в смертельную игру, бросает его с силой, отчего весь корабль трясется и трещит и, кажется, вот-вот разлетится в щепки. Вот тогда на корабле царствует беда, стонут и гибнут пассажиры, которым еще вчера жизнь казалась сказкой.

Таким образом, жизнь еврейского народа всегда была полна счастливых взлетов и скорбных падений, радостных надежд и горьких разочарований. Так, например, много столетий назад римляне были с евреями союзниками, даровали их общинам некоторые привилегии, в частности, не работать по субботам, но через пару десятилетий, когда образовалась Римская империя и стало широко распространяться христианство, взаимоотношения эти начали не только портиться, а превратились в крайне враждебные, словно в теплый, солнечный день вдруг ударили заморозки.

С этого времени вражда между христианами и иудеями стала непримиримой и ожесточенной. Евреи не соглашались с божественностью Христа, как сотворенного Богом человека, и это ожесточало христиан против евреев, что привело в конце концов к сужению горизонтов еврейства. Однако, утратив царство Израиль, евреи превратили Тору в крепость мысли и духа, в которой могли существовать в безопасности и в относительном довольстве.

Примерно тысячу лет назад знаменитую ныне христианскую Испанию завоевали вдруг арабы-мусульмане, и условия существования находящихся там евреев, в отличие от предшествующего периода, относительно улучшились. Исламские законы по отношению к немусульманам основывались на договоре – димма, согласно которому Мухаммед даровал, в частности, евреям жизнь и позволял и дальше обрабатывать землю в своем оазисе – при условии, что они будут отдавать ему половину урожая. Постепенно димма приняла более сложную форму, согласно которой побежденный еврей, димми, получал право на жизнь, свою веру и защиту в

обмен на специальные налоги в пользу правителя – харадж, или земельный налог – джизия, или подушный налог, торговые и транспортные пошлины, более высокие, чем у верующей в ислам части населения, а также специальные налоги по усмотрению правителя. Более того, жизнь еврея-димми всегда была сопряжена с риском, поскольку договор этот просто откладывал на время естественное право завоевателя перебить покоренных и конфисковать их собственность, а посему его можно было пересмотреть в одностороннем порядке, как только этого пожелает мусульманский правитель.

Таким образом, теоретически положение еврейских димми при мусульманских правителях было хуже, чем при христианах, на практике же арабы, так быстро покорившие в эти годы половину цивилизованного мира, вовсе не расположены были истреблять грамотные и трудолюбивые еврейские общины, которые обеспечивали им надежное поступление налогов и оказывали еще разнообразные услуги. Они не спешили разжигать религиозную враждебность по отношению к евреям, поскольку не унаследовали, как греко-римские массы, антисемитских предрассудков, к которым могли бы добавить свои собственные. И самое главное, в отличие от христианства, иудаизм никогда не представлял исламу военной и прочей угрозы.

По этим причинам евреям было проще и легче жить на мусульманских землях. Можно сказать, что иногда они даже процветали. В Багдаде, например, кроме двух еврейских академий, они населяли богатый квартал. Позднее многие из них служили банкирами, были весьма влиятельны и при дворе. Еврейский эскиларх пользовался уважением арабов, которые обращались к нему, называя «наш господин, сын Давида».

Поэтому, когда мусульмане вторглись в Испанию, евреи помогли им победить; зачастую они несли гарнизонную службу в городах, остававшихся в тылу наступавших арабских армий. Именно так произошло

в Гранаде и Кордове, где вскоре возникли большие и богатые еврейские общины. Если раньше, при христианах, было провозглашено насильственное крещение евреев, запрещалось обрезание, соблюдение шабата и праздников (многие продолжали их тайно соблюдать и после вынужденного принятия христианства, их позже стали называть марранами), теперь же, при мусульманах, еврейские общины процветали. Если раньше евреев пороли кнутом, казнили, конфисковали у них собственность, подвергали их разорительным поборам, запрещали торговать, то теперь к ним относились с почтением и терпимостью.

В Гранаде и Кордове евреи были не только ремесленниками и торговцами, но и врачами. Во время правления великого халифа Абдаль-Рахмана его придворный врач-еврей Хасдай ибн Шапрут привез сюда еврейских богословов, философов, поэтов и ученых и сделал эти города центром еврейской культуры. Взаимопонимание, которое установилось между образованными евреями и халифами, позволило испанским евреям вести продуктивный и благоприятный образ жизни.

Однако не все было так уж безоблачно. И в исламской верхушке шла постоянная борьба, нарастал конфликт между религиозными династиями. Чем богаче и терпимее к другим верам была правящая мусульманская династия, тем уязвимее была она для зависти фанатиков от ислама. И когда мусульмане-берберы захватили Кордову, соратники правящего халифа исчезли, видные евреи были уничтожены, а в Гранаде произошли трагические события, о которых следует рассказать особо.

Жил-был в этом городе Шамуил ибн Нагрела, визирь при халифе Баисе, известный под именем Ха-Нагид, который в течение многих лет принимал важнейшие политические решения. Был он, кроме всего прочего, полководцем, незаурядным поэтом и раввином-эрудитом. После его смерти на смену пришел его

сын Иосиф, который продолжал традиции замечательного отца, выдвигал евреев на высокие государственные посты. Авторитет Иосифа был настолько велик, что без его участия правитель Гранады не принимал никаких решений.

Однажды к Иосифу пришел командир одного из армейских подразделений правителя, некий еврей Гершон, и попросил оказать содействие в продвижении по службе – назначении его на вакантную должность заместителя командующего армией правителя. Поскольку особое положение Иосифа при дворе было не по вкусу командующему и их отношения были несколько натянутыми, Иосиф, не вдаваясь в подробности, ответил:

– Потерпи, брат, я постараюсь помочь в скором времени, – имея в виду поговорить об этом при удобном случае с правителем.

Гершон же, не разобравшись, не зная подлинной причины подобного ответа, неудовлетворенно воскликнул:

– Так ведь время не ждет, уважаемый Иосиф, завтра такой возможности может и не быть!

– Не волнуйтесь, все будет в порядке, – успокоил его Иосиф, улыбнувшись, – потерпите малость...

Человек чванливый, тщеславный и крайне завистливый, Гершон воспринял это как личное оскорбление, почему-то посчитал, что если он еврей, то Иосиф ему обязан помочь, хотя тот вообще видел его впервые. И вот что сделал этот низкий завистливый человек, – он предал не только Иосифа, а и свой народ.

Он пришел к командующему, поскольку знал его по службе и, воспользовавшись своим присутствием накануне в качестве охраны в доме правителя, где его женой были приглашены жены высокопоставленных особ, заявил:

– Извините, уважаемый, мне надо сказать вам нечто очень интимное...

– Говорите, я слушаю, – ответил мусульманин.

– Вчера, в доме правителя, ваша жена объяснилась в любви Иосифу.

– Как?! – вскочил командующий, не веря своим ушам.

– Она, улыбаясь, в присутствии других женщин, сказала Иосифу, что ради него, если он ее позовет, откажется и от своей веры, – не мигая, соврал негодяй.

– Вот как? – взъярился ревнивец и кинулся к жене.

Не выслушав испуганную женщину до конца, ревнивый полководец убил ее и в гневе прибежал к правителю.

– Вот до чего мы дожили, правитель! – кипел он от злости. – Евреи, эти димми, уже и наших жен совращают и первый среди них твой любимец Иосиф!

А во дворце, тем временем, происходили события, которые были прелюдией дворцового переворота. Представители той части мусульманства, которые выступали за чистоту веры, в числе которых был и полководец, требовали у правителя отмены договора с евреями, конфискации их имущества и богатства, жестокого к ним обращения. И этот случай оказался каплей масла в огне разгоравшегося пламени. И на требование полководца разобраться с Иосифом и его общинами правитель, чтобы спасти свою шкуру, без всякого сожаления произнес:

– Делайте, что хотите!

– Первым был убит Иосиф, – продолжал свой рассказ раби Шолум, – затем вырезана и вся его семья. После этого, по приказу того же полководца, вооруженные солдаты его армии устроили знаменитую «ночь Гранады», когда были уничтожены сотни ни в чем не повинных наших соплеменников и разграблено все их имущество. Это событие стало крупным антиеврейским выступлением в мусульманской Испании.

– А этот Гершон, его оставили в живых? – неожиданно спросил Мататья.

– Когда он увидел, что стало с его соплеменниками и, в частности, с его семьей, – ответил раби Шолум,

– он прибежал к полководцу и просил его пожалеть взятых в плен его детей.

– А-а-а, это ты? – нехотя заговорил мусульманин и, подумав, добавил: – Однажды предав своих, ты так же легко предашь и нас! Эй, стража! – позвал он людей и, когда вошли солдаты, приказал: – Этого пожалейте, сжигать не надо, повесьте!

Прихожане раби Шолума расходиться не хотели, каждый был под впечатлением услышанного, лишь скорняжных дел мастер старый Шельмю, человек впечатлительный и весьма восприимчивый, тихо сказал:

– Да, друзья, есть, над чем подумать...

Вызванный кем-то во двор внук раби Шолума Сави, воспользовавшись, что дед закончил свое повествование, подошел к нему и что-то сказал на ухо. Старик поспешно встал, попрощался с прихожанами и направился с внуком в сторону дома. Там его ждали гости – давние друзья сына – шамхал Тарковский Магомед-хан, уцмий Кайтагский Рустам-хан и посланник главнокомандующего вахмистр Садыков.

В огромном дворе купца шли приготовления.

Появление старика было встречено радостными приветствиями гостей.

– Салам алейкум, уважаемый дядя Шолум! – встав со своего места и обняв старика, приветствовал его Магомед-хан. – Давно не видел вас, как поживаете?

– Спасибо, дорогой! Шолом алейхем! Рад вас видеть и сразу хочу спросить, хорошие ли дела забросили вас в наши края? – говорил раби Шолум, в свою очередь обнимая Магомед-хана. – А ты чего спрятался, как бедный родственник? – с улыбкой обратился старик к Рустам-хану.

– Да, этот черт не дает к вам пробиться, уважаемый дядя Шолум, – улыбаясь, кивнул Рустам-хан на Магомед-хана. – Здравствуйте! Рад вас видеть в добром здравии!

– Здравствуйте, дети мои! Садитесь. – Старик сел за стол сам и пригласил дорогих и весьма влиятельных

гостей. – Рассказывайте, как идут ваши дела, как здоровье ваших домочадцев, здоровы ли родители?

Те поведали старику о своих родных и близких, о детях, которые в прошлом году, когда Гаврил был еще дома, гостили в Аба-Сово, о родителях своих, передали от них приветы и, не вдаваясь в подробности, ответили, что находились недалеко по важным делам и решили по пути навестить друга.

В этот момент в комнату вошли Хануко бен Шолум и вахмистр Садыков, и сын сразу, увидев отца, представил ему посланника командующего:

– Знакомься, отец, Алибаба Садыков – наш земляк, приехал к нам по важному делу и с оказией привез письмо от твоего любимого внука Гаврила и его матери, твоей невестки Довро.

Старик тепло обнял гостя и пригласил к столу.

– Вы видели моего внука Гаврила, уважаемый Алибаба? – спросил раби Шолум вахмистра.

– Нет, дядя Шолум, к сожалению, не видел, – ответил Алибаба. – Письмо передал мне ваш друг купец Исаак, когда я две недели назад был в Москве. Прекрасный человек, скажу я вам.

– О, да, – живо отозвался раби Шолум. – Радуюсь я, когда встречаюсь с такими людьми, как вы, и горжусь вашей дружбой с моим сыном. Но... как говорят, соловья баснями не кормят, давайте приступим к трапезе...

За едой говорили о том о сем, но о сути своего приезда не заговорил ни один. Даже выпитый стакан вина не принес раби Шолуму желаемого результата.

– То от одного, то от другого, краешком уха слышу разные тревожные сведения. Скажи мне, Рустам-хан, как там в Иране, правда ли, что там к власти пришел какой-то живодер? – решил все же спросить раби Шолум.

– Вообще-то, дядя Шолум, положение там неважное, распоясался Ага-Мухаммед-хан, думает, что ему все позволено, – ответил Рустам-хан. – Но Аллах велик, все образуется...

– Ну, а теперь, уважаемые, нам пора в дорогу, спасибо за тепло, за хлеб и соль, – поднялся Магомед-хан.
– Надо постараться до ночи добраться до дома.

– Не смею задерживать, – с пониманием сказал Хануко бен Шолум, – путник, говорят, должен быть в пути. А вот летом, Бог даст, милости прошу, дорогие друзья!

– Спасибо, друг! – обнял Хануко Магомед-хан. – Благодарим вас, дядя Шолум. Одно могу сказать твердо – на свадьбу Гаврила приеду обязательно.

– Иншалла! – сказали Рустам-хан и Алибаба.

– Да благословен Господь наш! В добрый путь, дети мои! – пожелал им раби Шолум.

Гости уехали.

ГЛАВА 9

Проводив своих друзей, Хануко бен Шолум через некоторое время и сам поехал в Кизляр, а по возвращении домой рассказал отцу, что в скором времени ожидаются весьма неприятные перемены. Дагестан, и в первую очередь Дербент, в силу своего стратегического расположения может оказаться в самом пекле военных событий. А поскольку Аба-Сово, по существу, находится на переднем крае города, то село никак не сумеет оказаться в стороне от ожидаемых событий, оно будет захвачено ими в любом случае. Правда, несколько дней назад, будучи у генерала Савельева, Хануко слышал от него заверения, что российское командование не допустит не только сдачи Дербента неприятелю, но и вообще не пустит его на территорию Дагестана, тем более, что ему уже предписано со своим отрядом немедленно направиться к Дербенту, к чему он в настоящее время и готовится.

Ничуть не сомневаясь в силе Российской империи, Хануко бен Шолум знал также и о беде, постигшей Гру-

зию, о чудовищном разорении Тбилиси. Такой участи своим единоверцам, жившим в этом регионе, он не желал и, конечно, хотел заранее такую возможность предотвратить, поскольку по опыту своих предков знал, что в случае неожиданного вторжения головорезов Ага-Мухаммед-хана в эти края в первую очередь «козлами отпущения» станут евреи. Не высказав своих опасений своему другу, генералу Савельеву, он все же попросил его дать ему заранее знать о возможном возникновении критической ситуации.

Кроме того, в доставленном ему вахмистром Садыковым письме Гаврила была высказана просьба, мол, поскольку учеба его идет к завершению, то пусть отец в начале мая приедет за ним и матерью и увезет их домой. И теперь Хануко бен Шолум был в растерянности, не знал, как ему поступить, какой предпринять шаг: то ли на некоторое время самим уехать из селения, а значит, в очередной раз поднять с насиженных мест своих соплеменников, то ли же успокоиться и привезти сына и жену сюда. Поскольку задача была не из легких, Хануко бен Шолум, еще раз посоветовавшись с отцом, решил повременить с принятием решения и подождать, пока ситуация полностью прояснится.

Будучи в Кизляре, купец узнал от генерала Савельева, что по высочайшему указу Ее Императорского Величества в Дагестан прибывает главнокомандующий новым экспедиционным корпусом генерал-поручик Валерьян Зубов. Хануко бен Шолум решил воспользоваться этим, передал Савельеву прошение на высочайшее имя о присвоении ему звания купца I гильдии и внес соответствующий денежный взнос. Генерал пообещал другу оказать всевозможное содействие в решении этого вопроса.

О том, что учиненный Ага-Мухаммед-ханом разгром Грузии, состоявшей под покровительством России, будет воспринят гордой императрицей как прямое оскорбление достоинства великой державы и прямой вызов ей, Хануко бен Шолум знал и ожидал с ее стороны соответствующих действий.

Побив Оттоманскую Порту в войне 1787–1791 гг., которая была развязана опять же потерпевшей стороной в надежде вернуть Крым и плодородные земли Кубани, Екатерина Великая привела дела свои в Европе «к желаемому концу и, утвердя пользы... в сей части света подвластных России народов прочным и наивыгоднейшим образом», теперь была обеспокоена положением дел на юге империи. Она понимала, что если Россия сумеет оградить себя от посягательств Ирана, расположенного на границе с ней, империя только выиграет, ибо это даст новый толчок к развитию торговли, а в конечном итоге, к обогащению всех государств и народов, живущих здесь. И таким образом страна обеспечивала себе мир, в котором особенно нуждалась, и возможность пользоваться как людскими, так и богатыми природными ресурсами этого региона.

И хотя императрица располагала сведениями, что берег Каспия и некоторые страны и народы, ранее подвластные Персии и подвергавшиеся ею опустошению и разорению, ставшие теперь под скипетр России, снова испытывают злодейские нападки обезображенного детства, презирающего весь человеческий род, кровавого деспота Ага-Мухаммед-хана Каджара, все же не ослабляла своего миролюбивого стремления, попытки найти общий язык с Каджаром.

Сподвижники Екатерины II считали, что после жестокого свержения благородных Сефевидов с законного царствования в этой стране один за другим к власти стали приходить хищники, убийцы и бандиты, которые путем кровавых междоусобных войн разоряли свои же города и села, ввергали народы в нищету и отчаяние, не обеспечивали им личную и имущественную безопасность и, таким образом, сделали их мятежными и воинственными. И что намерения Петра Великого, желавшего в свое время занятием прикаспийских провинций положить конец всяким мятежам и войнам, путем развития торговли, использования естественных богатств и миролюбия превратить в этом регионе

отношения владетелей во взаимовыгодные – не только забыты, более того, взаимоотношения ухудшились и приобрели в последние годы со стороны Персии еще большую враждебность и коварство.

Примером подобного поведения стал Ага-Мухаммед-хан Каджар, который путем лютых убийств и бесчеловечных мучений уничтожил законных шахов и владетелей своей страны. Он считал, что, чем больше в стране междоусобных войн и разрушений, отчего растет нищета и отчаяние людей, тем больше будет в его ополчениях неустрашимых бойцов, способных пойти на новые боины, не щадя своей жизни.

Человеконенавистническая политика, взятая им на вооружение у жестокого Надир-шаха, все больше убеждала Ага-Мухаммед-хана, что обессиленный внутренними войнами народ Ирана легко поддастся единению под эгидой сильной власти, движимый надеждой грабежа и обогащения, руководимый предприимчивым и хитрым вождем, – таким, как он, – будет способен к самой невероятной лютой и безумным подвигам. И все дипломатические предложения петербургского двора о миролюбии и добрососедских отношениях, им категорически отвергались, ибо шли в противовес его помыслам и стремлениям.

Мало того, что Персия не шла на сближение с Россией, не желала открыть ей богатый торг на берегах Каспия и внутри своей страны, не обеспечивала русским купцам безопасного проезда через свою территорию, что кратчайшим способом открывало путь в Великую Индию – страну диковинных красот, о чем нашептывал Екатерине II ее фаворит Платон Зубов. Наоборот, порочная власть Ирана всячески вредила своему соседу, задевала его гордость, терзала тех, кто стал под его скипетр. Это был прямой вызов. Хотя императрица понимала, что захваченная подобным образом власть продолжительной быть не может, ибо свойство всякой порочности есть собственное разрушение, а злоупотребление властью разрушает саму власть.

«Таким образом, – писала Екатерина Великая командующему на Кавказе генералу Гудовичу, – после многих, частых и скоропостижных перемен, доведших Персию в настоящее положение, а торговлю нашу на Каспийском море и в тех странах – до сущего ничтожества, хитрый и коварный Ага-Мухаммед-хан, вышедший из заточения после смерти Керим-хана, ознаменовал начальное правление свое в Астрабаде изменою и неблагодарностью к брату своему Муртаз-Кули-хану, коему был обязан свободою и восстановлением, не токмо сделался ему врагом и гонителем, но лишив его Астрабадской и Мазандеранской, а после того и Гилян-ской области, других братьев своих предал смерти. С того же времени явно обнаружил нерасположение свое к Российской Империи известным изменническим и наглым поступком с графом Войновичем, начальствовавшим тогда Каспийскою флотилиею нашею».

Свой приход к власти Ага-Мухаммед-хан ознаменовал захватом Исфагана и грабежом его, затем организовал гонение на Гедает-хана гилянского и овладел процветающим торговлей городом Решт, за счет чего награбленное богатство его еще более увеличилось. Возгордившись этими успехами, он желал во что бы то ни стало распространить свою власть на земли ширазского владетеля Лютф-Али-хана, имевшего не только дружеские отношения с англичанами, но и их подкрепление. Однако Ага-Мухаммед-хан, преодолев его сопротивление, взял в плен Лютф-Али-хана и захватил города Шираз и Керман, а взамен за плененного владетеля получил все его сокровища.

Все это дало ему возможность собрать большое войско и сосредоточить его в области Курдистана, что ввергло Турцию в крайнюю тревогу. Поняв остроту ситуации, Порта дала указание багдадскому паше – не считаясь со своей гордостью, пойти к Ага-Мухаммед-хану на поклон и на любых условиях заключить с ним тайный договор. Однако вскормленный ишак сделал вид, что хочет забодать своего же кормильца. Это ста-

ло явью сразу же, когда шах иранский больше для показухи, чем с намерением применения военной силы, прошелся вдоль границ турецких, «не касаясь, однако же, пределов Порты Оттоманской».

Русскому командованию стало ясно, что зарвавшийся шах Ирана намерен напасть на сопредельные с Россией провинции, что, в конечном итоге, задевало интересы империи. Поэтому обо всем этом было доложено императрице, что привело ее в крайнее раздражение, и вслед за этим генералу Гудовичу последовал строжайший приказ: снабдить царя Ираклия артиллерией и другими военными припасами, используя в этих целях и военную силу. Кроме того, Гудовичу повелено было также дать знать Ага-Мухаммед-хану, что если тот хочет добиться признания его шахом Ирана, то он должен отказаться от притязаний на области, расположенные вдоль Каспийского моря, и на владетелей, скипетру российскому подвластных: царя Картлинского, шамхала Тарковского, уцмия Кайтагского, ханов Дербентского, Бакинского, Талышинского, Шушинского и, таким образом, по р. Аракс установить границу между Россией и Ираном.

Кроме того, Ага-Мухаммед-хану было четко заявлено, что народы Дагестана, Азербайджана и Грузии Россия берет под свою защиту и покровительство. Но несмотря на это, окрыленный успехами внутри страны и подстрекаемый французскими эмиссарами, Ага-Мухаммед-хан собрал теперь уже огромную армию с артиллерией, которой командовали французские офицеры, перешел реку Аракс и вступил во владения Ибрагим-хана Карабахского.

Не преминула этим воспользоваться султанская Турция. Под видом защиты своих границ султан стал укреплять артиллерией и боеприпасами ряд приграничных с Россией районов и скрытно отправил на содержание иранского войска 150 тыс. кулей пшеницы, масла, баранов и прочего продовольствия.

Однако взять Шушу Ага-Мухаммед-хану не удалось, карабахский народ встал стеной на защиту сво-

ей земли, и агрессору ничего не оставалось, как, взяв в осаду крепость Шушу, оборону которой, объединившись, несли мусульмане и христиане, пойти на Грузию и занять Тифлис. В продолжение нескольких дней войска Ага-Мухаммед-хана грабили и разрушали город, насиловали женщин, убивали мирных жителей, не щадя даже мусульманское население.

Современники и очевидцы, описывая картину чудовищного разорения Тифлиса, отмечали, что их охватил ужас, когда они увидели посеченных мечом женщин и детей, что в одну только башню варвары Ага-Мухаммед-хана забросили более тысячи трупов, что в городе после этого погрома остались лишь бродившие по улицам полусумасшедшие старики. Город почти был выжжен и дымился, а от гниющих убитых тел воздух наполнился таким смрадом, что невозможно было дышать. Кроме этого, значительная часть населения была взята в плен.

Как оказалось впоследствии, все эти зверства совершались с дальним прицелом, как показательные, с целью запугать тех, кто не хотел идти с Ага-Мухаммед-ханом в одной упряжке. И прежде всего – народы Дагестана, от которых Каджар потребовал покорности. В противном случае он грозил «смертью, разорением и разрушением сел и деревень подобно тому, какое учинил в Грузии». Встревоженные этим, большинство владетелей Дагестана собрались на общий совет и единодушно отклонили требования персидского завоевателя, решили оказать ему всенародное сопротивление и обратились за помощью к России, которая, независимо от того, что была занята организацией новой коалиции для борьбы с Французской республикой, все же не могла допустить того, чтобы Кавказом овладела Персия.

Поэтому петербургский двор решил, воспользовавшись обращением владетелей Кавказа, направить армию генерала Гудовича на защиту не только Грузии, но Ширвана и Баку. Если же Ага-Мухаммед-хан, несмо-

тря на это, все же овладеет последними и приблизится к Каспийскому морю и пределам подвластных России земель, то было приказано принять все меры, предварительно заняв Дербент, чтобы остановить движение вражеских войск и не оставить без покровительства и поддержки народы Дагестана, обезопасить их от иранских варваров.

Гудович тут же отправил вахмистра Садыкова в Дагестан с письмами, в которых заверял владетелей Страны гор, что им со стороны России будет оказана военная и прочая помощь. Вернувшись из этой поездки к генералу, он доставил ему ценные сведения о настроениях в Дагестане, однако не преминул заметить, что «шамхал и его подвластные весьма смущены взятием Тифлиса и тем, что Грузии не было подано помощи от России», но, мол, шамхал совместно с ханами кази-кумукским, аварским и другими владетелями намерены держаться твердо, выставить вооруженные посты по двум путям, которыми Ага-Мухаммед-хан может проникнуть в Дагестан – дербентскому и кубинскому.

Во время своей следующей поездки к владетелям Дагестана, когда он вместе с Рустам-ханом и Магомед-ханом посетили Хануко бен Шолума в Аба-Сово, Алибаба Садыков рассказывал, что он еще тогда доложил генералу Гудовичу, что дагестанцы очень хотят прибытия русского войска и находят, что было бы крайне полезно, не дожидаясь дальнейших действий Ага-Мухаммед-хана, как можно быстрее занять Дербент, Баку и Гилян. Садыков не стал тогда напоминать о своем раннем разговоре с кайтагским уцмием Рустам-ханом, который был весьма обеспокоен успехами персов, поскольку персидская армия, если ее не остановить, не минует его владений и народ его крайне пострадает от этого нашествия. Не стал он напоминать и о том, как тогда же майор Ахвердов заверил Рустам-хана, что ему будет оказана помощь в самое ближайшее время и лишь после этого тот принял подданство России и отправил к российскому двору своего нарочного с изъяснением

покорности. Промолчал тогда и Хануко бен Шолум – о том, что, прежде чем сделать этот шаг, Рустам-хан тайком приезжал к нему за советом и получил его.

Ших-Али-хана Садыков ни тогда, ни теперь в Дербенте не застал, однако наиб города Надир-хан в конфиденциальной беседе заявил ему, что народ также обеспокоен взятием Тифлиса и понимает, что в случае нашествия полчищ Ага-Мухаммед-хана Дербент в который раз в своей истории будет подвергнут или жестокой осаде и разорению, или же вынужден будет сдаться. Но когда Садыков сообщил, что в Грузию уже отправлены русские войска и Дербенту тоже будет оказана помощь, наиб, настроенный пророссийски и не зная о намерениях Ших-Али-хана, без обиняков заявил вахмистру, что горожане нисколько не расположены к Ага-Мухаммед-хану, а желают быть покорными России и просят прислать войска.

Стало известно, что в Грузию отправлены войска под командованием Сырехнева, а в Дагестан – отряд под началом генерал-майора Савельева, о чем последний тогда же уведомил своего друга Хануко бен Шолума. Отряд состоял из трех батальонов пехоты, шести орудий, одного регулярного эскадрона казачьей команды, 400 казаков и 500 калмыков. Владетелям Дагестана было предложено собрать ополчения и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов, на что все они изъявили готовность. Предусмотрительная императрица через главнокомандующего Гудовича дала указание выдать на содержание этих ополчений уцмию Кайтага 2 тыс. руб., кадиям Табасаранскому и Акушинскому – по 500 руб. Только один Ших-Али-хан на предложение Савельева прислать своего уполномоченного для заключения договора о совместных действиях против Ага-Мухаммед-хана отозвался письмом, что будет противиться вступлению русских в его владения.

Подобная выходка Ших-Али-хана совершенно не удивила владетелей Дагестана, а русское командование

не замедлило усилить отряд Савельева двумя новыми батальонами и приказало ему двигаться к Дербенту и занять его, если Ших-Али-хан сам ворот города не откроет. Однако по прибытии отряда к Дербенту стало ясно, что Савельев своими силами не сможет занять сильно укрепленную крепость.

Тогда русское правительство, во исполнение особой программы императрицы, снарядило экспедицию, войско которой насчитывало более 30 тысяч бойцов и 100 орудий, а в Астрахани были созданы огромные склады с продовольствием, запасы которого должны были обеспечить нужды этой армии в течение 3 месяцев. Командование этим экспедиционным корпусом было поручено генерал-поручику Валерьяну Александровичу Зубову, которому были подчинены русские войска, находящиеся в Грузии, отряд Савельева и русский флот на Каспийском море. Начать движение решено было с двух сторон: со стороны Грузии и берегом Каспийского моря.

Екатерина Великая предписывала Валерьяну Зубову, чтобы войско русское при продвижении через Дагестан никаких притеснений жителям не чинило, было безукоризненно справедливым и внимательным к ним, к их просьбам. Указывалось любыми способами привлекать владетелей к решению общей задачи, ограждать их личную и имущественную безопасность, не стеснять свободное отправление ими веры и, по мере их усердия и верности, награждать их деньгами и подарками. Кроме того, дабы предотвратить междоусобные конфликты самих владетелей, генерал-поручику дано было особое указание стараться примирить их, помочь четко определить границы их владений и обязать их перед властью Ее Величества, «под опасение потери получаемой помощи и довольствия», не нападать и не захватывать собственность другого, справедливым посредничеством стараться решать их разногласия.

А в тех землях, которые будут освобождаться русской армией от ига Ага-Мухаммед-хана, свергнутых

владельцев возвращать к власти и всячески помогать им в установлении порядка. С освобожденных же городов, упорно не желавших стать под скипетр России, командующему разрешалось брать военную дань, но обязательно с учетом возможностей освобожденных.

Указ этот имел огромное политическое значение и сыграл немалую роль в расположении народов Кавказа к России.

В конце марта 1796 г. В.А. Зубов прибыл в Кизляр, где сосредоточивались основные силы экспедиционного корпуса, однако назначенные в поход части прибывали с большим опозданием. Поэтому, опасаясь упустить время, В. Зубов через две недели, не ожидая окончательного сбора, с отрядом численностью около 12 тыс. человек при 21 орудии выступил на юг. И надо сказать, что горцы Дагестана встречали русские войска с радушием и оказывали их продвижению посильную помощь: за свой счет чинили и строили заново мосты, своими силами привозили провиант. Тогда же к отряду Зубова присоединились и ополчения дагестанских владельцев: шамхала Тарковского Магомед-хана, Кайтагского уцмья Рустам-хана и Табасаранского Рустам-кади. Вскоре, всюду встречая только помощь и содействие, русские подошли к Дербенту.

Переметнувшись до этого на сторону Ирана, владелец Дербента Ших-Али-хан, несмотря на то, что жители города были благосклонно настроены к русским и требовали сдачи им города, решил, надеясь на помощь Персии, оказать русскому войску сопротивление. А трусливый Ага-Мухаммед-хан, не осмелившись вступить с русскими войсками в открытую борьбу, снял лагерь в Мугани и ушел в Иран, предварительно отправив к владельцам Азербайджана и Дагестана посланников с требованием быть готовыми по первому его зову подняться на борьбу против России, уверяя при этом, что ни одного русского воина живым обратно не выпустит.

Верный данному слову, генерал-майор Савельев в тот же день, когда эта весть дошла до него, сообщил

своему другу в Аба-Сово, что Ага-Мухаммед-хан не только не выступил против русских войск, в поддержку Дербента, а наоборот, позорно бежал к себе домой, в Иран. Естественно, Хануко бен Шолум был очень рад, что черные тучи, которые долгое время висели над его соплеменниками, наконец, рассеялись, что теперь, да благословен Бог Израиля, им ничего не грозит, и собрался в дорогу. С помощью сыновей покойного Авшалума Давида, Юсуфа и Ихиила он загрузил мареной свой караван и вместе со своими помощниками решил вначале через Кайтаг направиться в Астрахань на ярмарку, а затем, оптом продав этот товар, поехать за сыном и женой и привезти их домой.

Однако какое-то предчувствие, какая-то тень тревоги постоянно преследовала и не давала ему покоя.

– Знаешь, отец, – прощаясь, признался он раби Шолуму, – что-то не по себе мне нынче, что-то тревожит, будьте осторожны...

– Что ты, сынок, – успокоил его старик, – теперь уже, когда этот изверг иранский от нас далеко, что нам может угрожать... Успокойся и отправляйся в путь, нам не впервой, все будет хорошо. Да будет вам помощь от Господа нашего! Езжайте.

Хануко бен Шолум особенно тепло обнял отца и сына, нехотя поднялся на коня, и караван его тронулся в путь. Хотя предчувствие и предупредило его, но не ведал Хануко бен Шолум, какие ужасные события последуют за его отъездом и кто будет их подстрекателем и виновником, как отголоски давних событий сыграют трагическую роль в судьбе его близких. Как говорят, человек предполагает, а Бог располагает...

Русскому командованию стало известно, что одновременно с посланниками иранского шаха к владельцам Кавказа были отправлены и эмиссары турецкого султана, на щедрые посулы которых «клюнули» Сурхай-хан Казикумухский и Ума-хан Аварский, последний вскоре отказался помогать туркам. Когда об этом стало известно во дворе Екатерины II, даже те, которые

уговаривали ее отказаться от новой войны против Турции, вынуждены были согласиться, что императрица права и Порту надо еще раз и основательно «побить».

Зная, что в Дербенте происходит «борьба партий», генерал В. Зубов отправил к Ших-Али-хану парламентариев с предложением сдаться, но это не имело успеха. Мало того, подошедшие к Дербенту передовые отряды русских войск были встречены огнем. Тогда было решено овладеть городом силой, хотя последовавший за этим штурм тоже не удался. Известный читателю Фархад, по указанию владельца Рустам-кади, повел десяти-тысячное войско генерала Булгакова в обход, по Дарвагскому ущелью, через леса и по перевальной дороге к южным воротам Дербента, и там оно одновременно с северными войсками приступило к штурму города. В городе началась паника, партия, добивавшаяся сдачи Дербента, стала численно увеличиваться и, наконец, под ее давлением Ших-Али-хан вынужден был отправить к В. Зубову депутатов с просьбой о пощаде.

10 мая Дербент пал – командующему русскими войсками генералу В. Зубову преподнесли ключи от городских ворот, причем в числе передававших ключи был 120-летний старец, который 74 года тому назад преподносил их Петру Великому. В лагерь русских войск добровольно явилась сестра Ших-Али-Хана Периджаханум, известная сторонница русской ориентации, которая долго уговаривала брата сдать Дербент и не раз присылала к В. Зубову своих посланников с изъявлением верности России. К удивлению жителей, русские войска не разграбили город и обращались с населением так, словно им и не пришлось штурмовать Дербент. На следующий же день в городе восстановилась нормальная жизнь, открылись ремесленные заведения и лавки, оживилась торговля. Правительницей Дербента была назначена Периджаханум, в помощь ей – наиб Надирхан, а Ших-Али-хан был взят под стражу.

Штурм Дербента стоил русским одиннадцати офицеров и ста семи нижних чинов, а взято было в крепо-

сти двадцать восемь орудий, пять знамен и одиннадцать тысяч разного оружия. В тот же день комендантом Дербентской крепости назначен был генерал-майор Савельев, и четыре батальона вступили в цитадель с распущенными знаменами, музыкой и барабанным боем. Окруженный блестящей свитой (генерал-майор Сергей Булгаков, Иван Савельев, Александр Римский-Корсаков, Гавриил Рахманов, князь Павел Цицианов, барон фон-Бенингсен, Матвей Платов и бригадир граф Федор Апраксин), главнокомандующий – двадцатичетырехлетний Валерьян Зубов – проехал через богато украшенный персидскими коврами и флагами город и направился к ставке Савельева.

За покорение Дербента императрица пожаловала Зубову Георгия 2-й степени, бриллиантовое перо на шапку и алмазные знаки ордена св. Андрея Первозванного, а генералы, фактически покорившие Ключград, получили лишь по Анненской ленте.

Прекрасна в мае природа юга Дагестана: тысячи роз и маков, подобно заре, отбрасывают свой румянец на все окружающее, воздух наполнен их ароматом и не умолкают соловьи в серебре миндалевых и абрикосовых садов.

Тут и там пасутся игривые стада баранов. Статные кони аскеров наиба Надир-хана и других владельцев, разбросав на ветру свои гривы, гордой рысью бегают от одного всадника к другому.

Главнокомандующий В.А. Зубов доволен и горд... Несмотря на уговоры новой правительницы Периджи-ханум занять шахские покои в цитадели, он решительно отказался от них. Генерал приказал недалеко от петровской гауптвахты, у южной стены Нарын-калы, на зеленой поляне разбить шатер и походную церковь, которые уже через час были сооружены умелыми солдатами его армии. Здесь, в большом шелковом шатре, главнокомандующий решил одного за другим вознаграждать за верную службу владельцев Дагестана – вы-

дать им денежные подарки. А плененного Ших-Али-хана и изменника Сурхай-хана Казикумухского он принародно решил обойти, поскольку те с самого начала выразили не только двуличие, но и непокорность трону российскому...

...В царствование императрицы Екатерины II случались удивительные метаморфозы, когда вчера еще ничем не примечательный молодой человек, принадлежавший к среднему классу общества, вдруг, за день, благодаря счастливому жребию, поднимался на немыслимые высоты, отчего у него тут же кружилась голова и он не только забывал свое вчерашнее окружение, но даже начинал относиться к нему с презрением.

Именно такими молодыми людьми и оказались братья Зубовы: Платон и Валерьян. Платону было 22 года, и он служил поручиком в одном из гвардейских полков, когда попался на глаза императрице. Хитрый и весьма изворотливый, он стал разыгрывать сентиментального юношу и нашел себе полезных помощников из окружения императрицы: всегдашних ее наперсниц Анну Нарышкину, Протасову и Перекусихину, которых Платон Зубов сумел так обвести вокруг пальца, что они стали его посредницами. Конечно, не прочь была внять их голосам и Екатерина, поскольку те твердили ей о возрасте вечной весны... Это в шестьдесят лет! Платон Зубов вошел в историю как последний фаворит Великой Екатерины.

До возвышения Платона Валерьяну было 19 лет, и служил он прапорщиком в конной гвардии. На следующий же день был командирован в караул в Царское Село, где и понравился императрице, которая после этого почти ежедневно допускала его в свое общество. Невысокого роста, но чрезвычайно красивый молодой человек, с живыми глазами хорька, пришелся по вкусу государыне, и она стала оказывать ему столько же внимания, как и его брату. Чтобы придать его возвышению какое-то правдоподобие, Валерьян в чине майора гвардии был послан в армию князя Потемкина.

Недовольный возвышением Zubовых, Потемкин всячески публично высмеивал Валерьяна и окружал его презрением. Но так как Потемкину намекнули из Петербурга, чтобы он после какой-либо очередной победы послал Валерьяна обратно, то князь уступил требованию этой политической интриги и послал его в Петербург с известием о взятии крепости Измаил. Когда Валерьян перед отъездом из лагеря явился в последний раз к князю, чтобы получить очередное приказание, произошел разговор, который вошел в историю екатерининских времен как анекдот.

– Если императрица спросит тебя, – дружески сказал князь Валерьяну, – как я себя чувствую, скажи ей, что зубы причиняют мне боль, но когда я приеду в Петербург, то вырву их.

Но этого не случилось. Потемкину в Петербурге мастерства «зубного врача» не хватило.

Едва Валерьян прибыл ко двору, его повысили в чине, сделали флигель-адъютантом императрицы и, кроме других подарков, он получил орден св. Георгия 4-й степени. Теперь он жил в Петербурге, ежедневно бывал у императрицы и был осыпан знаками милости. Уже в 1791 году его доход составил более 22 тысяч рублей. Довольно ограниченному уму Валерьяна такая жизнь казалась пределом мечтаний, однако тщеславие постоянно нашептывало ему, что при сложившейся ситуации он может добиться большего – стремительного полета по пути военной славы. И случай не заставил себя долго ждать.

После бурно проведенного часа Екатерина прошла с Валерьяном в Арабскую комнату дворца, села за свой письменный стол и, усадив его напротив, стала тонкими пальцами маленькой ручки раскладывать и рассматривать бумаги. За запертыми высокими, тяжелыми, в бронзе дверями был слышен сдержанный гул голосов собравшихся гостей, пиликали скрипки, невучую ружу пропела флейта, хрипел фагот – музыканты настраивали инструменты.

– Да, милый, сейчас я объявлю, что войска наши, отправляемые на усмирение Польши, возглавишь ты...

Валерьян, в знак благодарности, осыпал ее маленькую ручку поцелуями. Его мечты и желания сбывались.

Императрица Екатерина Алексеевна встала и уже одна, без сопровождения Валерьяна Зубова, вошла в душное тепло ярко освещенного громадного зала Петергофского дворца. С уложенными буклями седых волос в серебристо-сером, тяжелом парчовом платье, в тесном, как кираса, длинном и узком корсаже, перетянутом наискось широкой орденой лентой со звездой, в тяжелой и блестящей арматуре драгоценных камней государыня казалась выше ростом. Глаза ее блистали счастьем обладания и победы, довольная улыбка витала у ее прелестных губ.

И судьба Польши была решена. Дело в том, что по второму разделу Польши в 1793 г. к России отошли земли Белоруссии и Правобережной Украины. Это усилило национально-революционный подъем и весной 1794 г. в Польше началось восстание под руководством Тадеуша Костюшко. На подавление этого бунта и было направлено русское войско во главе с генерал-майором Валерьяном Зубовым, ставшим к тому времени и кавалером ордена св. Александра Невского.

Свое пребывание в Польше В. Зубов отметил следами безрассудства и жестокости. Крайне низкое, бесстыдное и возмутительное обхождение его с некоторыми польскими панами и их женами снискали ему, кроме всего прочего, и славу распутника. Восстание было подавлено, однако в самом конце этой поистине кровавой операции произошло событие, словно наказание Божье, которое оставило в жизни и на теле Валерьяна Зубова неизгладимый след.

Командованию стало известно, что близ польской деревни Поповки поляки, переправившись через Буг, разбирают и ломают мосты, а по другой стороне реки

засели их егеря с пушкой, которые не дают русским солдатам подойти ближе и препятствовать этому разбою. Будучи вместе со своей многочисленной свитой недалеко от этого места с целью рекогносцировки, главнокомандующий В. Зубов, не придавший этому факту особого значения, оказался в крайне опасной ситуации. Узнав об этом, полковник Рарок, посадив гренадеров своего полка на лошадей из фрунтового обоза, прискакал к графу Валерьяну Александровичу и уже издалека крикнул:

– Господа, разъезжайтесь, неприятель, увидя генерала, окруженного столь многочисленной свитой, будет по нему стрелять!

Но не успел он сделать и нескольких шагов к графу, как вдруг выпущенное польскими егерями роковое ядро взорвалось в самом центре свиты командующего, в результате чего у него оторвало левую ногу. Истекающего кровью графа тут же положили на плащ и отнесли в деревню, в господский дом, где медики занялись отнятием ноги.

Это был последний выстрел в этой бесславной войне.

Егерей тех польских почти всех уничтожили, а одного, раненого, по приказу графа привели к нему.

– Кто стрелял? – тихо спросил у него бледный, как смерть, граф.

– Не, пане, не я, – испугался хитрый поляк и, чтобы отвести от себя подозрение, добавил: – Еврей один, их у нас много, пане...

«Еврей» – это слово на всю жизнь запало не только в мозг Валерьяна, но и в его душу. С этого дня он будет мстить евреям любыми средствами, используя для этого любую возможность.

Да, в войсках славного генерала Костюшко, боровшихся за независимость Польши, было много евреев, но в числе стрелявших егерей их не было ни одного. А вот слово, неосторожное слово попало в цель и в судьбе российских евреев тогда сыграло роковую роль.

После трех разделов Польши, когда уже и государства этого не стало, в Россию потекли польские беженцы-евреи. Наименее склонная принимать евреев, Россия стала теперь управлять большей частью еврейского народа, которая по численности равнялась, а то и превосходила еврейское население всех остальных стран вместе взятых. И если во всех странах Европы уже не вводилось гетто, забыли о черте оседлости для евреев, в России же она, эта пресловутая «черта», не только сохранялась, но еще больше стимулировалась в течение многих десятилетий, поскольку по иронии судьбы Синодский комитет по рассмотрению еврейских вопросов возглавлял тогда же не кто иной, как екатерининский «герой» Валерьян Зубов, а после него такие же, как он, «евреелюбцы».

Так вот, весть о тяжелом ранении главнокомандующего графа Валерьяна Александровича Зубова привела екатерининский двор в ужас. Императрица не только написала своему любимцу возвратиться в Петербург, но послала ему очень удобную английскую дорожную карету и 10 тысяч дукатов на дорожные расходы. А по приезду вручила ему 300 тысяч рублей на уплату долгов и орден св. Андрея Первозванного, вследствие чего он стал генерал-лейтенантом.

«Великая во всем и в своих чувствованиях, – писал современник, – государыня не могла удержать слез при виде Валерьяна. Она хотела подарками выразить свое участие и облегчить его судьбу». Мало того, В. Зубов был отправлен на лечение за границу и вернулся назад с искусственной ногой, так хорошо сделанной, что мог ездить верхом и оставаться на коне в течение нескольких часов. Впоследствии, когда он уже возглавлял Персидский поход, горцы прозвали его «Гызыл аяг», то есть «человек с золотой ногой».

Тогда же В. Зубов был назначен в качестве генерал-аншефа инфантерии, директором кадетского артиллерийского и инженерного корпуса, а также важным представителем Синодского комитета. Иными слова-

ми, Екатерина II своего фаворита не забывала. Однако властолюбивого Валерьяна подобная доля не удовлетворяла, он не мог примириться с ролью калеки, его деятельная натура требовала действий. И он уговаривает брата Платона и государыню дать ему возглавить отправляемый на войну с Персией экспедиционный корпус.

...Итак, главнокомандующий Валерьян Зубов приказал адъютанту вызвать к себе владельцев Дагестана для выдачи подарков...

ГЛАВА 10

Будучи в хорошем расположении духа, Валерьян Зубов приказал вызвать к себе в шатер толмача. И когда толмач был ему представлен, командующий был весьма удивлен, узнав, что тот владеет, кроме тюркского, ещё несколькими языками дагестанских народов. С похвалой отозвавшись о его способностях и слегка пошутив вообще о мужских достоинствах, генерал, неожиданно прервал смех и велел адъютанту пригласить ожидавшего в приемной шамхала Тарковского Магомед-хана, к которому за короткое время знакомства он проникся особой симпатией. После недолгих, но теплых приветствий, В. Зубов, с трудом передвигая протезом, прошелся к столу и вежливым жестом предложил шамхалу место рядом с собой. От предложенной выпивки Магомед-хан с улыбкой отказался, сославшись на привычку при деле не пить.

Памятуя, что впереди у него еще немало встреч, Валерьян Александрович не стал откладывать суть разговора в долгий ящик, а сразу поблагодарил шамхала за активную помощь в передвижении русских войск по территории его владений и в обеспечении их продовольствием. При этом не забыл упомянуть, что императрица высоко ценит его усердие и просила передать ему слова ее особой благодарности и подарок. Коман-

дующий взял с края стола конверт, в котором лежали 200 рублей – щедрый подарок государыни, – и преподнес его Магомед-хану. Тот, в свою очередь, тоже поблагодарил императрицу за заботу и внимание, выразил теплые чувства жителей своих владений русскому командованию за защиту их интересов. После официальных церемоний Магомед-хан поблагодарил и генерала и пригласил его погостить в его владениях, заметив, что наслышан об охотничьих успехах генерала, а в таркинских лесах, мол, очень много кабанов и туров.

После того, как толмач перевел ему приглашение шамхала, В. Зубов улыбнулся и, подмигнув ему, весело заметил:

– А я думал, что владетель приглашает меня на другую охоту.

Поняв шутку генерала, не менее молодой Магомед-хан, тоже улыбнувшись, в тон ему ответил:

– За этим тоже дело не станет...

– Что ж, ловлю на слове! – весело заключил генерал и добавил, что непременно воспользуется его приглашением.

Провожая шамхала к выходу, генерал вдруг остановился и спросил:

– Скажи, Магомед-хан, может быть, у тебя есть пожелания или вопросы?

– Нет, уважаемый Валерьян Александрович, – произнес он по-русски, – благодарю вас! А я, как всегда, к вашим услугам...

Они пожали друг другу руки.

Следующим был приглашен уцмий Кайтага Рустам-хан. В. Зубов и сам не мог себе объяснить почему, но к этим двум владетелям он питал чувство особого расположения. Может быть, это было связано еще и с тем, что они тоже были молодыми, легко понимали друг друга.

– Как дела, Рустам-хан? – как доброго приятеля спросил его командующий.

– Благодарю, господин генерал! – молодцевато бойко ответил Рустам-хан. – Вы, я вижу, тоже в добром расположении духа?

– Да, друг мой, но борьба еще предстоит долгая, – ответил В. Зубов и весело добавил: – Хвост мы Ага-Мухаммед-хану придавили, а вот змеиную голову он спрятал...

– Мне кажется, эту голову там свои же и отрубят, – заметил Рустам-хан.

– Дай-то Бог, – в задумчивости ответил генерал.

Затем церемония повторилась. Последовали поздравления, взаимные благодарности и добрые пожелания. Сумма вознаграждения государыни была такой же щедрой.

– Скажи, пожалуйста, Рустам-хан, – спросил его генерал, – почему Ума-хан Аварский вначале продан туркам?

Уцмий задумался. Он знал, что командующий располагает всеми необходимыми сведениями об Ума-хане, и догадывался, что смущает генерала: в случае непредвиденной опасности Ума-хан, думал он, так же может изменить и России. Рустам-хан не торопился с ответом. Мужественный горец никогда за глаза никого не станет охаивать, а тем более такого же владельца, как он сам, с которым не раз делил кусок хлеба. «А может, это проверка меня самого?» – мелькнула вдруг подозрительная мысль, однако, взглянув на простодушное лицо генерала, успокоился.

– Что сказать, генерал, – взвешивая каждое слово, отвечал он, – после трагических событий в Тифлисе, сомнения в помощи от России охватили многих... Сами понимаете, никому не хочется быть растоптанным, ограбленным и униженным. А тут, как раз подоспели льстивые, многообещающие эмиссары султана Порты и их щедрые посулы... Однако Ума-хан не лицемер, не двурушник, а настоящий джигит. Узнав, что обещания турков и персов – обман, что настоящая помощь горцам идет от братской России, он разорвал эти отноше-

ния и вернул с гонцом все, что те ему дали. Кстати, гонцу этому лживые турки отрубили голову...

– Весьма честная и правдивая характеристика, друг мой, – поблагодарил Рустам-хана генерал, – твой рассказ снимает с Ума-хана многие подозрения, но, согласись, что со времен Петра Великого Россия не оставляла Дагестан без внимания...

«Э-э, не скажи, не скажи, друг мой, – вспомнив недавнее прошлое своих предков, подумал Рустам-хан, – при нападении Надир-шаха Дагестану никто не помог, кроме Аллаха...». А вслух, опустив голову, с улыбкой заметил:

– Я историю плохо знаю, генерал, но не смею вам возражать...

– Ну, да ладно, оставим эту неинтересную тему, – улыбнулся в свою очередь Зубов. – Скажи лучше, есть ли у тебя просьбы или пожелания?

– Нет, уважаемый, благодарю вас! – искренне поблагодарил генерала Рустам-хан и, пожав протянутую ему руку, покинул шатер.

День шел к концу. Рустам-кади Табасаранского командующий пригласил не одного, а вместе с наибом Мухтаром и его заместителем Фархадом, ставшим в русской армии всеобщим любимцем и чуть ли не героем.

Командующий приветствовал каждого рукопожатием. Вошедший в этот момент генерал-майор Сергей Булгаков, чье войско Фархад так мастерски и незаметно провел по горным и лесным тропам к южным воротам крепости, тоже сердечно приветствовал их и, не вмешиваясь в беседу командующего, сел рядом с толмачом.

– Ну, молодец! – обращаясь к Фархаду, сказал Зубов и, хромая, подошел к нему ближе. – Во-первых, выражаю тебе благодарность русского командования за великую помощь в проведении важной операции. Во-вторых, вот тебе ценный подарок в 100 рублей от самой государыни Екатерины Великой! – Генерал вручил Фархаду конверт. – В-третьих, от меня лично дарю

тебе этот дорогой инкрустированный золотом пистолет, чтобы в любое время иметь право служить офицером в российской армии!

– Благодарю вас, уважаемый генерал! – зардевшись от смущения, произнес Фархад.

– Молодец, что так краток! – похвалил его командующий. – Не люблю многословных и многообещающих.

– Вас благодарю, наиб, за хорошего и умного помощника! – еще раз, пожав ему руку, произнес генерал.

– Уважаемый Рустам-кади, – театрально повернулся командующий к владельцу Табасарана, – я решил начать нашу встречу с младших чинов, чтобы показать, что великая императрица весьма благосклонна ко всем, кто оказывает России свою помощь и усердие. Я рад также передать, что ее императорское величество весьма довольна вами, вашей помощью и поддержкой русской армии в борьбе против ненавистного нам общего врага, выражает вам благодарность, а я от ее имени вручаю вам этот ценный подарок. – И Зубов вручил Рустам-кади конверт с 200 рублями.

– Благодарю вас, господин генерал, – приняв конверт, произнес Рустам-кади, – прошу передать Великой императрице, что не только я, но и мои предки, всегда были с Россией. Кроме того, прошу вас, пользуясь пребыванием в наших краях, посетить мой дом и побывать в живописных местах моих владений!

– Спасибо, уважаемый Рустам-кади, за гостеприимство, если бы не дела службы, непременно воспользовался вашим приглашением...

Ни адъютант и толмач, ни генерал С. Булгаков, ни даже наиб с Фархадом не могли понять той метаморфозы, которая вдруг произошла в командующем. Сухость и официальность, прозвучавшая в его обращении к Рустам-кади, после теплоты и сердечности к Фархаду, была настолько разительна, что невольно насторожила всех, а тем более самого владельца.

Неожиданно генерал подошел к своему столу, взял с нее какую-то бумагу и, бегло просмотрев ее, спросил:

– Скажите, Рустам-кади, вам знаком купец Хануко Шолум-оглы?

Наиб и Фархад насторожились.

– Да, он живет в селении Аба-Сово, в трех верстах отсюда, – ответил Рустам-кади и невольно подумал, что купец снова пожаловался на него. – Он что, еврей? – неожиданно спросил В. Зубов.

– Да, генерал, – ничего не понимая, ответил Рустам-кади.

– Говорят, это еврейское село зажиточное, благополучное, что жители его, во главе с этим Хануко Шолум-оглы, под самым вашим носом нагло грабят ваших же мусульман? – продолжал задавать непонятные и неприятные вопросы командующий. – И как вы все это терпите?

Ситуация менялась от вопроса к вопросу. «О... о..., а ведь все складывается не в пользу купца, – подумал Рустам-кади и взглянул на наиба. Тот злорадно ухмылялся. – Интересно, чем он попал в немилость?».

– Селение еврейское, это верно, но мы владеем ситуацией и никому не позволим грабить и обирать, господин командующий, – уже успокоившись, более уверенно отвечал Рустам-кади. – Может быть, вы, уважаемый господин генерал, объясните, в чем дело?

– Этот еврейский купец, не довольствуясь тем, что имеет огромное богатство, набрался нахальства и просит, чтобы его, вопреки нашему позволению, приняли в купеческую гильдию и дали звание купца I гильдии, ишь чего захотел!..

«Так вот, оказывается, в чем дело?! Купец, всегда такой предусмотрительный, на этот раз попался... Но его шишки опять летят в мою сторону, – думал Рустам-кади. – Нет, поведение этой семьи становится нетерпимым, не поддается контролю...».

– Если господину генералу угодно, я объясню некоторые детали? – спросил Рустам-кади, решившись на хитрый ход.

– Извольте, – дал согласие В. Зубов.

– Дело в том, уважаемый генерал, что это селение перешло в мои владения чуть больше двух лет назад, – начал Рустам-кади издалека.

– Как? – не понял В. Зубов.

– Произошло это следующим образом, – продолжал владетель, – небезызвестный Ших-Али-хан, этот транжира и распутник, во владениях которого было оно раньше и жителям которого покровительствовали не только он сам, а и его отец Фет-Али-хан, в свое время закрепивший за этими евреями землю на вечное пользование, задолжал мне огромную сумму и в счет долга передал его мне. Теперь жители этого селения дань платят мне, кстати, исправно...

– И что, это дает им право, чтобы и вы им покровительствовали? – с хитринкой спросил В. Зубов. – Кстати, я все хотел спросить, вы, уважаемый Рустам-кади, – мусульманин?

– Да, хвала Аллаху, мусульманин, – гордо заявил Рустам-кади.

– А мне один ученый рассказывал, – я, правда, этому не поверил, что табасаранцы в прошлом были евреи, может, потому вы и потворствуете этим евреям? – не то в шутку, не то всерьез, спросил генерал.

Трудно себе представить, как легко взбунтовать горца. Самые нелепые слухи, самые невероятные домыслы, самые абсурдные высказывания могут вызвать в них пожар негодования.

И Рустам-кади, который почти всегда умел сдерживать свои эмоции, а пытливый и рассудительный ум его в самых запутанных случаях находил в шелухе фактов драгоценное зерно, стал не похожим на самого себя, вспыхнул таким пламенем, как сухой августовский стог от маленькой искорки.

– Нет, господин генерал, я не еврей и никогда им не был! И в доказательство этому я завтра утром это селение вместе с этим купцом-занозой вырву и уничтожу!

Наиб торжествовал, провокация генерала, как говорится, словно семя, легла на удобренную почву. Наконец, пришел час расплаты, он теперь вдоволь поиздевается и над этим зловредным ковром, и особенно над этим ненавистным купцом, который в последнее время не давал ему житья, даже владельца чуть было не настроил против. В глазах наива появился блеск удовлетворения и злорадства.

Обещание владельца ввергло Фархада в шок. Это было настолько неожиданно, неправдоподобно, что он почти минуту стоял в замешательстве. Потом все же, осознав размеры того несчастья, которое могло скоро обрушиться на головы близких ему людей, на ни в чем не повинных жителей селения, ни сном ни духом не ведавших об этом, его пытливый ум стал лихорадочно искать выхода. Отбрасывая одно решение за другим, он вдруг вспомнил, что утром говорил наиву о болезни матери и под этим предлогом мог попросить у того разрешения на полчаса уехать прямо сейчас. «Слава Аллаху, Хануко бен Шолума и братьев Истир в селении нет, – мелькнуло у него в голове, – может, пронесет, но все равно, надо немедленно сообщить старосте о надвигающейся беде...».

– Знаете, господин генерал, вы сейчас помогли мне скинуть с плеч тяжелую ношу, – неожиданно улыбнувшись, заметил Рустам-кади. – Благодарю вас. Если не возражаете, мы можем уйти?

– Да, пожалуйста, но не забудьте, нас ждет банкет, – ответил Зубов.

Когда представители Табасарана спешно покинули шатер, ушел и толмач, к главнокомандующему обратился удрученный только что услышанным старый генерал Булгаков.

– Извините, Валерьян Александрович, но вы невольно спровоцировали этого невыдержанного владе-

теля на большую резню... Пострадают ни в чем не повинные люди...

– Да, что вы, генерал, мало ли что эти люди могут наобещать?! Не волнуйтесь, выкиньте из головы, – желая превратить этот инцидент в шутку, ответил Зубов.

– Не скажите, Валерьян Александрович, эти азиаты – народ необузданный, – прощаясь, заметил Булгаков.

Из дальнейшего разговора владельца и наиба Фархад понял, что их намерения – крайне жестокие. В полночь, не дождавшись конца банкета, он напомнил наибу о болезни матери и отпросился до утра, пообещав дожждаться их у въезда в Аба-Сово, сам же вихрем умчался не к себе в Джалган, к действительно больной матери, а на помощь к друзьям.

Раби Шолума он нашел дома, старик уже лег спать. «Хорошо, что дом их на самом краю села, у дороги, – подумал Фархад, – надо, чтобы меня здесь не видели...».

– Что случилось, сынок, на тебе лица нет? – спросил раби Шолум, встав со своего ложа.

– Беда надвигается, дедушка Шолум! – не стал тянуть время Фархад, поскольку его оставалось все меньше и меньше, и рассказал старику обо всем, чему был свидетелем.

– Что же делать? – задумался ковхо и решился: – Надо немедленно поднимать людей, чтобы до утра успеть отправить их в город. Периджа-ханум моей просьбе не откажет, примет людей... А я, конечно, останусь встречать наиба, может, удастся...

– Да, дедушка, – согласился Фархад, – но по дороге нельзя, вдруг им навстречу выедут аскеры наиба, тогда беды не миновать...

– Верно, Фархад, ты прав, сынок, тогда как же?

– Я думаю, здоровые и сильные мужчины сами спустятся на веревках с отвесной скалы на краю села, – предложил Фархад, – а детей, женщин и стариков в корзинах – севёрах надо будет спустить тем, кто здесь останется с вами...

– Молодец, сынок, у тебя голова умная, – заметил ковхо, – оттуда и до ворот Орта-капы рукой подать...

– Именно туда, дедушка, – сказал Фархад, – иначе могут напороться на наиба, он, я думаю, со своей сотней будет выезжать сюда или от западных ворот, или от Баят-капы...

– Да, верно, – согласился раби Шолум, – а тебе надо немедленно уходить, чтобы никто не увидел.

– Спасибо, дедушка, вы мне облегчили задачу, – ответил Фархад, – я сам хотел вас об этом попросить... Да, чуть не забыл, знаю, что моих друзей, братьев Истир дома нет, пусть Сави передаст ей, чтобы она взяла с собой мой посох, она знает о нем...

Это был тайный намек, что он остается в шалаше.

– Хорошо, сынок, обязательно и сейчас же передам, – пообещал Фархаду старик. – Спасибо тебе, да благословит тебя Бог!

Фархад незаметно покинул село, обогнул его и, оставив коня в урочище джалгаңского пира-родника, спустился по ущелью Дерей-мар, затем поднялся на вершину дуба-шалаша и стал наблюдать за селом. Он увидел, как люди, словно муравьи, передвигались с места на место, тащили узлы и заходили за невидимую ему полосу.

После того, как людей спешно эвакуировали, на защиту селения остались тридцать человек. Десять из них, умевшие метко стрелять, получили от предусмотрительного ковхо пистолеты и ружья, а остальные взяли свои или от эвакуированных соседей кинжалы, сабли и даже охотничьи луки со стрелами. Все они искусно попрятались в ловко сооруженных тайниках вокруг майдана, в центре которого должен был встретить непрошенных гостей сам раби Шолум.

Просьбу Фархада Сави передал Истир и она, конечно, догадалась, что Фархад ждет ее в укромном шалаше, однако пойти туда не поторопилась. В категоричной форме отказался покинуть село и Сави, вопреки просьбам и заклинаниям дедушки, не пожелавший оставить старика одного. У него был свой пистолет, полученный им в подарок от купца Исаака Мейлина.

Все защитники селения были строго-настрого предупреждены раби Шолумом, особенно молодые и горячие Илье и Эсеф, о том, что без его команды не стрелять, своего тайника не покидать, а ждать... ибо любой, даже неожиданный выстрел может спровоцировать кровопролитие.

Итак, последние шестеро стариков, женщин, и детей были спущены вниз в ловко связанных веревками корзинах – северах, и защитники собирались бросить вниз концы веревок.

«Главное сделано, – думал тем временем раби Шолум. – Теперь надо любой ценой задержать непрошенных гостей как можно дольше, если они действительно придут, чтобы эвакуированные успели дойти до городских ворот незамеченными. Каков бы ни был исход дальнейших событий, они, спасибо Фархаду, – наше продолжение... «Раби Шолум вспомнил вдруг удивительно похожую историю одного из старожилов Абасово о том, как несколько веков назад, они так же, как сегодня, бежали, оставляя за собой все нажитое и обжитое.

– Вы поняли, о чем я вам толкую, братья и дети мои? – спрашивал ковхо каждого защитника, еще и еще раз напоминая, что без его команды шума не поднимать. – И еще я вас должен предупредить вот о чем, – раби Шолум умолк, чтобы, подумав, сказать о самом главном. – Может случиться, да не допустит Творец этого, и самое страшное – в нас будут стрелять и убить нас могут, чего я, с благоволения Всевышнего, постараюсь избежать, но такое вполне возможно. Если среди вас есть, кто не хочет остаться здесь, скажите лучше сейчас, и мы поможем ему, пока не поздно, спуститься вниз... Есть такие?

– Нет, ковхо, мы с вами!

– Нет, раби Шолум! – ответил Мататья, сторож си-нагоги.

Концы веревок были брошены вниз.

Первым появление всадника на окраине селения заметил из своего укрытия внук старосты Сави и тут же выкриком предупредил деда:

– Дедушка, смотри на дорогу!

Раби Шолум вышел на середину майдана и стал ждать приближения всадника, видимо, наиба Мухтара. А тот, взглянув в сторону села, поднял руку и командным взмахом приказал своей сотне следовать за ним. И аскеры наиба в черкесках из черного сукна, на которых выделялись белые газыри, в легких сапогах под цвет серых каракулевых папах, галопом помчались с поднятыми вверх саблями за своим кровожадным командиром. Все они были заранее предупреждены наибом о том, что должны сегодня совершить угодное Аллаху дело – уничтожить евреев всех до одного, а селение сжечь и снести с лица земли.

Конь наиба, статный гнедой великан, мчался на стоявшего в центре майдана старосту и на всем скаку, резко остановился, обдав его пылью. Раби Шолум даже не шелохнулся.

– Где твой мерзкий сын, старик? – вложив в эти слова всю свою ненависть, выкрикнул наиб.

– У меня нет подобного сына, наиб, ты ошибся адресом! – чеканя каждое слово, ответил раби Шолум, а про себя подумал: «Вот, кажется, и конец пришел! Надо было все же отправить внука со всеми... Что ж, придется выдержать все унижения, чтобы предотвратить катастрофу...».

– Так где же он? – вскипел наиб и поднял кнут. – И где остальной народ, я что-то никого не вижу?

Раби Шолум не удостоил его ответом, но продолжал смело смотреть ему в глаза.

Тяжелая плеть наиба, взметнувшись, с силой опустилась на голову старика, отчего кипа отлетела, а на открытой части осталась красная полоса.

– Отвечай! Где твой сын? – орал взбешенный наиб.

Раби Шолум, преодолевая боль, условленным движением руки дал знак укрывшимся защитникам не стрелять, набраться терпения и ждать его сигнала.

– Отвечай, старик! До каких пор этот твой собачий сын, этот ублюдок, будет идти нам наперекор? – гарцуя на своем скакуне, орал наиб.

Раби Шолум решил ничего не отвечать, пока весь пыл взбесившегося наиба не иссякнет. «Значит Рустам-кади сам не решился приехать, – думал тем временем старик, – а послал этого выродка, кровожадного “бижа”, ярого ненавистника евреев...». И в этот момент на голову раби Шолума снова обрушился кнут, оставив еще один кровавый след. Однако старик все еще надеялся, что наиб не возьмет на себя тяжкий грех, не решится его убить и кровопролития удастся избежать.

– Отвечай! Где твой сын? Пусть выйдет сюда, а не прячется, как трус! Я дам ему купца I гильдии, о чем он просит русского генерала! Ах, снова молчишь?! – и снова, не получив ответа, наиб еще раз ударил старика кнутом, отчего тот пошатнулся, но удержался на ногах.

– Зачем ему были нужны эти гильдии? – допытывался наиб. – Чтобы стать выше нашего правителя? – сойдя со своего скакуна и взяв смотревшего прямо ему в глаза старика за шиворот, спрашивал разъяренный Мухтар. – Отвечай, ковхо, где твой сын? Ах, не отвечаешь, считаешь ниже своего достоинства? Вот тебе, вот тебе...

И удары кнутом посыпались на голову, плечи и спину старика.

– А помнишь, ковхо, однажды владетель сказал тебе, что у нас шакалов нет, он оказался прав, ха- ха-ха, – стал смеяться наиб, нанося ему новые удары.

– Ты опять ошибаешься, наиб! – прервал его дикий смех раби Шолум. – Они есть, их немало и первый среди них ты и твой владетель, сукин сын!

Однако, как только наиб приготовился к следующему удару, старик неожиданно сильно схватил его за руку, удержал ее на несколько секунд и, взглянув ему в лицо, произнес:

– Кто ты такой, ублюдок, чтобы я, Шолум сын Гаврила, отвечал тебе?! Не дожدهшься, нас не раз убивали,

харамзаде, тех убийц и след простыл, а мы живем и будет жить! – и отпустил руку наиба.

Тот сперва опешил, отошел на шаг от неустрашимого старика и, вскочив снова на коня, крикнул:

– Убейте его! Жгите дома, всех убивайте!

И на голову ковхо обрушился удар кнута Ахмеда-богатыря, отчего из нанесенной раны потекла кровь. Тогда уже Сави не выдержал, он прицелился из своего укрытия в этого безжалостного убийцу и выстрелил. Ахмед-богатырь охнул от неожиданности, на секунду замер с поднятым кнутом для нового удара и, схватившись за сердце, кулем упал с лошади. За первым выстрелом с разных сторон последовали другие, убивая одного за другим аскеров.

– Нас предали! Они нас ждали! – трусливо крикнул наиб и полоснул раби Шолума своей острой саблей, отчего старик согнулся, упал сперва на колени и затем медленно сполз на землю.

Отбросив пистолет, Сави выбежал из своего укрытия и бросился к деду, однако добежать до него мальчику не удалось, наиб выхватил свой пистолет и выстрелил в него. Смертельно раненый Сави упал лицом на землю.

– Сжигайте, убивайте всех! – кричал взбешенный наиб. – Всех, до единого! – с саблей в одной руке, с пистолетом в другой, призывал он своих головорезов. – Всех уничтожить!

Убив двоих аскеров, пал неустрашимый Илье. Истратив патроны, уже саблей отбивался Эсеф. Однако, убив одного, он не заметил напавшего на него сзади всадника-аскера, который вонзил ему в спину острие своего клинка и сразил мужественного парня. Топот лошадиных копыт смешался с криками раненых и поверженных людей. Загорелись дома, рушились крыши.

Неожиданно из горевшего дома старика Шумина с криком выбежали его маленькие внуки и ничего не понимавшие дети стали убегать в разные стороны. Вслед за ними выбежали и старики, однако не успели крик-

нуть обезумевшим от страха, огня и крови детям, как подскочивший к Шумину аскер на всем скаку зарубил его саблей. Затем была заколота больная и старая Неспет. Трое аскеров преследовали бежавших маленьких детей.

Увидев убитую бабушку, старший восьмилетний внук кинулся к ней, с трудом повернул к себе отяжелевшее тело и ужаснулся. Он поднял маленькую голову и на надвигавшегося на него аскера глянули обезумевшие от страха детские глаза. Однако мальчик не успел даже понять, что такая же участь уготована и ему, когда острая сабля безжалостного аскера прошла по его телу, окрасив кровью этого невинного существа копыта коня и землю под ними.

Шестилетнего мальчика закололи вслед за старшим братом, а четырехлетний бежал от догонявшего его всадника-аскера, не ведая, что его хотят убить, он убегал, унося свои быстрые ножки, думая, что с ним играют в догонялки. На какую-то секунду ребенок остановился, повернул улыбающееся личико к тому, кто его нагонял, но, увидев поднятую на него руку с уже окровавленной саблей, в страхе поднял ручки, словно хотел ими защититься, и испуганно заплакал. Однако аскер-изувер, что гнался за ребенком, со всего размаху полоснул его саблей и поскакал за другими жертвами.

Почему они остались в селе, каким образом забыли их в спешке уходившие жители, было неизвестно. Может быть, старик Шумин сам решил не уходить, подумал, что их не тронут, что надо быть человеко-навистником, чтобы убить стариков и детей. Видно, забыл старик, что в истории его народа таких случаев было немало!

Сперва грабили, а потом поджигали дома, не жалели никого: ни малых, ни больших. Убивали даже немощных и больных женщин и стариков, видно, не пожелавших или не сумевших по состоянию здоровья покинуть селение и понадеявшихся, что их-то, по-существу, и не живых уже, не тронут, оставят умирать

своей смертью. Повсюду валялись трупы. Конечно, силы защитников были значительно слабее носившейся, как ураган, сотни наиба, хотя ей тоже был нанесен значительный урон.

Неожиданно у одного из домов трое защитников, вооружившись трофейными саблями, заняв круговую оборону, стали отбиваться от наседавших на них пеших аскеров. Вокруг них уже валялись несколько трупов неприятеля, когда к ним подскочил наиб.

– Остановитесь! – крикнул он аскерам. – Где ваши кони? Почему деретесь пешими?

Пристыженные аскеры прекратили бой и отошли на пару шагов от оборонявшихся, а те, правильно считая себя обреченными, кинулись на аскеров и вонзили в них клинки своих сабель. Увидев это, наиб выхватил пистолет и убил вначале одного защитника, затем, вытащив из-за спины второй пистолет, убил второго защитника, а третьего приказал пятерым аскерам догнать и прикончить. Что те и сделали так же холодно-кровно, как и их наиб.

Нескольких аскеров догнали метко выпущенные в них стрелы, и они замертво упали со своих скакунов. Правда, судьба не пощадила и самих лучников.

Неожиданно к дому Авшалума прискакал с большим факелом в руках аскер и стал поджигать – сперва стог прошлогоднего сухого сена, затем сарай и вслед за этим, сойдя с лошади, открыл двери в дом и бросил туда зловещий факел. Разгневанная Истир, забыв об опасности, схватила висевший на стене отцовский кинжал, незаметно подобралась сзади к поджигателю и убийце и с криком вонзила его в спину ненавистного врага.

Поскольку оставаться дольше в горевшем доме было опасно, Истир бросилась к ущелью Дерей-мар, где ее должен был ждать Фархад.

Подбежавших к синагоге с факелами аскеров встретил старик Мататья. Он вышел им навстречу с саблей в руках и сказал:

— Конечно, набросившись на меня все вместе, вы можете меня, старика, убить. Но если вы не трусы, давайте сразимся с каждым в отдельности...

Один из аскеров, здоровый, почти двухметрового роста, богатырь, жестом остановил своих товарищей, выхватил из ножен саблю и набросился на тщедушного старика. Однако тот проявил чудеса такой виртуозности, что аскер из нападающего постепенно перешел в позицию оборонявшегося и неожиданно, молниеносным ударом старика, был смертельно ранен и уже в состоянии агонии напоролся на острие клинка Мататьи.

Оттащив убитого в сторону, в бой вступил второй аскер, осторожный и хитрый, но мастерски владевший своим оружием. Мататья часто отступал, уходил от острых атак, боялся или делал вид, что боится противника, вызывая того на необдуманный шаг, и, когда тот, приняв отход Мататьи за защиту, за боязнь, бросился на старика нахрапом, неожиданным приемом убил и второго тоже.

Мало кто знал, даже из своих, что старик Мататья когда-то давным-давно, под русским именем Матвей, оказавшись в Крыму, принимал на стороне России участие в русско-турецкой войне и в одном из боев попал к туркам в плен. А там, воспользовавшись своей внешностью и знанием тюркского языка, подружился с мастерски владевшим саблей начальником охраны тюрьмы в бухте Чешме, 5 лет учился у него этому мастерству и по окончании войны тот помог Мататье уехать домой.

Когда же в бой вступил третий аскер и также был за минуту убит, остальные всполошились и, посоветовавшись, кинулись на старика вчетвером, окружив его со всех сторон. Мататья понимал, что силы неравны и что его сейчас тоже убьют, однако радовался, что ему удалось такой ценой отдать свою жизнь. Удача не сразу покинула старика, в тот момент, когда он отправил к праотцам еще одного аскера, три клинка вонзились в него и смерть пришла к нему моментально.

Как раз в тот момент, когда оставшиеся в живых аскеры поджигали синагогу, к этому месту, преследуя убегавшую в ущелье Дерей-мар Истир, прискакал наиб. Оставив коня и позвав за собой одного из аскеров, он кинулся туда, куда убежала девушка.

Увидел девушку и Фархад. Он видел и слышал, какую кровавую бойню учинили его собратья по сотне, ему было стыдно за своих единоверцев. Воспитанный в лучших традициях добра и справедливости, он отказывался понимать эту жестокость. В нем за все это время росла ненависть к наibu, этому разбойнику, подлинному гачагу. Фархад решился сразиться с ним, убить его, не дать ему издеваться, глумиться над своей любовью.

Фархад не видел, как наиб, оставив коня, подозвал к себе еще одного аскера, как они с двух сторон кинулись к его шалашу, куда устремилась Истир.

Он вышел навстречу наibu и тот оторопел от неожиданности.

– Фархад, как ты здесь оказался? – и вдруг его осенила догадка. – Так это ты нас предал, своих единоверцев, своих братьев? – закричал наиб на своего заместителя.

– Мне стыдно быть тебе братом и единоверцем! – ответил Фархад мужественно. – Ты всегда был предателем, я давно знаю об этом.

– Ах, вот как? Значит, ты из-за еврейки, что спряталась за тобой, предал свою веру? Значит, я змею грел за пазухой? Нет тебе пощады! – с этими словами наиб кинулся на Фархада и их сабли скрестились. Мощный тридцатипятилетний мужчина – и не менее крепкий молодой человек; грязный в делах и в помыслах наиб – и чистый, как вода родника, юноша; один – дьявол в человеческом обличье, другой – божеский человек, сцепились друг с другом не на жизнь, а на смерть.

И в тот момент, когда Фархад уже одолевал наibu, в шалаш неожиданно ворвался аскер, которого наиб предусмотрительно повел за собой. Не увидев Истир, которая с кинжалом в руке готова была кинуться на помощь Фархаду, аскер стал спиной к ней, поднял пи-

стоlet и, выстрелив в Фархада, убил его. Обезумевшая от этого Истир, сзади вонзила аскеру под левую лопатку кинжал, отчего тот сразу скончался, и кинулась с этим же окровавленным кинжалом на наиба. Но ловкий и сильный наиб перехватил ее руку, вырвал кинжал и сильным ударом свалил ее на землю.

Истир, на грани безумия, схватила с земли горсть песка и листьев и, бросив все это наибу в глаза, хотела убежать, однако тот ловко увернулся и схватил ее за косу.

– Э-нет, сучка, теперь ты от меня не убежишь, я узнал тебя – защитницу, теперь я должен тобой насладиться, – оскалив свои шакальи зубы, усмехнулся наиб.

– Нет, лучше убей, злодей! – наполненный ужасом крик Истир раздался на дне ущелья, однако его никто не слышал.

Наиб скрутил ей руки, повалил на землю и стал быстро срывать с нее сперва платье, а затем шальвары. Но когда Истир попыталась помешать насильнику и, нагнувшись, укусила ему руку, наиб вскрикнул от боли и так сильно ударил ее по лицу, что девушка лишилась чувств. И в таком состоянии он совершил надругательство над ней.

Очнувшись от боли, Истир увидела его обезумевшие от страсти глаза, налитое кровью лицо и, ничего не соображая от страшной боли во всем теле, нащупала рукоятку его позвякивавшего от движений кинжала, неожиданно вынула его из ножен и, собрав остатки своих сил, вонзила его в левый бок наиба, прямо меж ребер. Наиб охнул, остановил свои эротические движения и, схватившись за сердце, успел произнести:

– Ты же уби...ла ме...ня... су... .

И замертво упал на нее всем телом.

Истир некоторое время лежала под наибом, не имея сил отодвинуть его в сторону. Потом уже, задыхаясь от этой ненавистной тяжести, она каким-то невероятным образом, оставляя кровавый след, отползла в сторону, увидела распростертого на земле Фархада и,

скуля, как раненая собака, подползла к нему, ласково прикоснулась к его холодеющему лицу, прижала его голову к своей груди и тихо хихикнула:

– Хи-хи... Ну что же ты лежишь, Фархад? Вставай, пойдем к нам домой, наверное, и мои братья уже пришли, хи- хи...

Неожиданно Истир удивленно уставилась на Фархада, словно в ней проснулось сознание, и замерла в ужасе. Потом неуклюже, судорожными, можно сказать даже, порхающими движениями собрала разорванную одежду, примерила к себе часть платья, улыбнулась кому-то и, схватив убитого аскера за ногу, оттащила его к наibu и уложила его так, что рука его оказалась рядом с рукояткой торчащего из тела наiba кинжала... Обессилев от этой операции, точнее, от потери крови, которая все еще продолжала течь из нее, Истир прилегла рядом с Фархадом и снова загадочно улыбнулась...

Вдруг где-то рядом прозвучали чьи-то голоса и Истир инстинктивно собралась, забралась в дупло дуба внутри шалаша и с трудом, из последних сил, взобралась на незаметный лежак и здесь потеряла помутневшее сознание.

Оставшиеся в живых аскеры собирали трупы своих собратьев. Увидев распростертые тела убитых наiba, Фархада и аскера, который почему-то вонзил в сердце наiba кинжал, они были крайне удивлены. Подсчитав потери, они вынуждены были признать, что на тридцать два взрослых и четыре детских трупа евреев они имеют пятьдесят своих трупов и двоих тяжелораненых. Мало того, сотня потеряла всех своих руководителей.

Положив убитых аскеров на их же коней, остальные, уже ближе к вечеру, покинули разоренное, сожженное ими селение с разбросанными повсюду трупами его жителей и взяли курс к дому владельца Рустам-кади. Понурые, убитые горем, они не заметили, как праведная кровь ни в чем не повинных жителей Аба-Сово и посеченных детей их, превратившись в яркую багровую зарю, словно маковый след, уходила за горизонт,

в который уже раз за длинную историю этого народа став кровавым закатом их жизни...

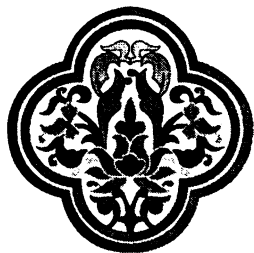
ЭПИЛОГ

Периджа-ханум и оставленный в городе комендантом генерал Савельев приняли беженцев из Абасово, и заселение Дербента евреями началось именно с этого времени. О том, кто похоронил убитых героев уничтоженного селения, ничего неизвестно. Но то, что они нашли покой на своем кладбище, сомневаться не приходится, ибо похоронены они в одни и те же дни мая 1796 г., о чем ведают записи на могильных камнях. Есть предположение, что это сделали бывшие жители этого селения, спасенные генералом Савельевым, другом Хануко бен Шолума. А может быть, это дело рук самого... вернувшегося вскоре Хануко бен Шолума, которого предчувствие все же не обмануло.

Неизвестно также, мучили ли Валерьяна Зубова угрызения совести по поводу его обернувшейся трагедией провокации. Но, словно в наказание за содеянное, через 8 лет Бог отнял у него никчемную жизнь. И умирал он в страшных муках.

Обезумевшую и уже никем не узнаваемую Истир, поседевшую молодую женщину, всегда босоногую, часто видели на пыльных дорогах от села к селу. Некогда красивое лицо ее уродовали постоянно меняющиеся гримасы. Она то улыбалась, то плакала, неизвестно отчего, но упорно искала кого-то или что-то. Может быть, она искала потерянное колено Бенъяминово?..

РАССКАЗЫ

ТАЙНА ТЕТРАДИ № 6

На небосклоне журналистского олимпа неожиданно, словно только что открытая звезда, заблестало вдруг доселе неизвестное широкому кругу читателей имя репортера популярной газеты «Нью-Йорк дейли ньюс» Роберта Прогнози. Его информации в газете о совершенно свежих, можно сказать, всего лишь часовой давности событиях, лаконичные и выверенные до ювелирной точности, ошеломляли своей оперативностью, невольно выделяя его среди множества известнейших репортеров не менее именитых газет. Основатели общественно-политических еженедельников, издатели популярных газет, обещая ему самые высокие гонорары, пытались любой ценой заманить его к себе, но Роберт Прогнози оставался верен своей газете, хозяин которой, в свою очередь, выплачивал ему все большие и большие вознаграждения, ибо тираж его детища рос в геометрической прогрессии.

Многие коллеги пытались узнать секреты его методов, ходили за ним чуть ли не по пятам, тайно заглядывали в окна его рабочего и домашнего кабинетов в то время, когда он работал за письменным столом, с помощью нанятых детективов пытались залезть в его шкафы, украсть блокнотные записи, но разузнать что-либо существенное им так и не удавалось. Однако они вынудили Роберта, ставшего к тому времени не только известным, но и очень богатым человеком, усилить свою охрану таким образом, что теперь проникнуть к нему, без опасения потерять голову, было невозможно.

Феномен Роберта Прогнози так и остался бы непознанным, тайна его была бы не раскрытой и он унес бы ее с собой в могилу, если бы в одной из его много-

численных тетрадей не оказалась присущая только ему одному, лаконичная запись: «Договор с дьяволом» и рядом цифра «6». После его смерти биографу Роберта Прогнози пришлось немало попотеть: основательно порыться в его архивах, простучать все стены кабинета, снять с полок шкафов тайник, где преспокойненько лежала толстая, похожая на амбарную книгу, тетрадь, на которой была выведена цифра «6». В этой таинственной тетради хранился десятилетний секрет успехов знаменитого репортера, его скрупулезный отчет за каждый прожитый день с момента заключения им договора с дьяволом до последних часов жизни...

Двадцатисемилетнему Роберту постоянно не везло. Журналист из обоймы средних, он, за отсутствием средств, а значит и транспорта, всегда и везде не успевал: не успевал вовремя прибыть на происшествие и его информация приходила в редакцию после того, как она ушла в набор за другой подписью, не успевал попасть на ярмарки, выставки, в музеи, где вывешивались редчайшие картины или экспонаты, опаздывал на презентации или вручения наград высоко одаренным особам. И хотя его информации отличались иногда оригинальностью мышления, все равно они выбрасывались в корзину редактора, так как подавались им с опозданием, после того как поезд уже ушел. Коллеги подшучивали над его неудачами, а иногда они становились предметом их открытых насмешек. Однако главное было в другом, наиболее важном, они, эти неудачи, нещадно били по его и без того пустому карману, доводя бедного журналиста до отчаяния, до нервных срывов, которые в последнее время преследовали его даже дома. Недаром говорят: где тонко, там и рвется. Неудачи, бедность, бег за недостижимой мечтой привели к тому, что однажды его покинула жена...

Бывали минуты, когда он, с тайной ненавистью разглядывая своих довольных жизнью коллег, жалел себя, считая, что он, Роберт Прогнози, – среди них самый одаренный, талантливый репортер, однако по

иронии судьбы он же и самый невезучий. Просто над ним, считал он, постоянно висит злой рок, который не дает ему жить.

Вот в таком состоянии безысходной тоски и полной беспросветности Роберт Прогнози оказался ранним осенним утром в своем редакционном кабинете, поскольку хозяин квартиры выгнал его за неуплату, и после мрачных раздумий решил свести счеты с жизнью – повеситься на крючке от снятой когда-то большой люстры. Написав на листке газетной бумаги, чтобы в его смерти никого не обвиняли, он нашел кусок веревки, смастерил петлю, поставил на стол полумягкий стул, на котором всегда сидел, и хотел было подняться на него, как вдруг услышал незнакомый голос.

– Что, решил покончить с жизнью, дружок?..

– А что мне остается делать? – испуганно воскликнул самоубийца, оглядываясь по сторонам, однако не найдя говорившего, удивленно спросил: – Ты кто?

– Я... – твоя судьба, – ответил голос, – хочу тебе помочь...

– А где ты была раньше? – возмутился Роберт. – Отвечай, черт тебя возьми, а не то, дай мне умереть спокойно!

– Ишь чего захотел! Нет, дружок, ты умрешь тогда, когда велю я, запомни это, – уверенно ответил голос, – а пока я пришла тебе помочь. Ведь жить лучше, чем умереть, не правда ли? Так, хочешь ты меня выслушать?

Роберт слез со стола, выбросил веревку, поставил стул на место и сел.

– Если ты не дьявол, говори, – все еще с сомнением произнес он, еще раз, оглядываясь по сторонам, а потом решительно добавил: – Если даже дьявол, я выслушаю, мне теперь все равно...

– Называй меня, как хочешь, суть не в этом, – снова заговорил голос, – я предлагаю тебе заключить со мной договор...

– Что за договор? – все еще не веря своим ушам, с сомнением спросил репортер.

– Если ты выполнишь его условия, станешь великим репортером, к тебе придут слава и богатство.

– Каким образом? Ты что, волшебник? – удивился Роберт.

Оставив последний вопрос репортера без внимания, голос ответил:

– Каждое утро я буду оставлять на твоём рабочем столе информацию о том, что произойдет сегодня в нашей стране. Короче, сегодня рано утром тебе станет известно по часам и минутам обо всех важнейших сенсационных событиях и происшествиях, которые произойдут позднее. Ты даешь их в газету под своим именем, поскольку ты узнал о них еще до того, как они произошли, но обязательно произойдут сегодня. Понял?

– Как это? – не сразу дошло до него. – Как ты об этом будешь знать, если они еще не произошли?

– Это уже мои проблемы... – недовольно пробурчал голос.

– И как долго это будет продолжаться? – поинтересовался репортер, все еще не представляя себе подобной перспективы.

– Год, может, десять лет, а может, и дольше, – ответил голос.

– Какое же это условие? – снова задал вопрос Роберт. – Может, я его не сумею исполнить?

– Оно тебе вполне под силу...

– В таком случае, я согласен, – ответил репортер.

– Вот и хорошо, – обрадовался голос, – а условие таково: ты беспрекословно даешь в газету все, что я тебе предоставляю, можно с небольшими авторскими вариациями, но никогда ничего не пропускаешь и не прекращаешь исполнение договора без моего согласия, иначе тебя ждет смерть, договорились?

– Это же так просто, – удивился Роберт. – Я принимаю эти условия...

– Прекрасно. Считаем, что договор заключен, – торжественно произнес голос и незаметно положил на стол репортера обещанную информацию.

– Скажи, пожалуйста, – успокоившись, обратился Роберт к голосу с последним вопросом, – зачем тебе это нужно?

– Я провожу эксперимент! – ответил голос и более сухо добавил: – Все, аудиенция окончена, впереди тебя ждет легкий путь к вершине и нелегкое испытание...

Так Роберт Прогнози, благодаря случаю, свернув с трагического пути неудачника и готового к самоубийству человека, вышел на доселе неизведанную стезю репортера-волшебника, о невероятных способностях которого в скором времени заговорила вся страна.

В это раннее, наполненное волшебством утро на его столе лежала редчайшая информация о сенсационном пожаре, который произошел всего час назад в Нью-Йоркском офисе крупнейшей корпорации «Моторс», унесший жизнь всемирно известного главы компании. Не менее интересной оказалась информация и о двух других событиях.

Наскоро переписав их на свой манер, но с сохранением всех данных первоначальной подачи, – так же он будет поступать и в дальнейшем, – Роберт с волнением отнес их дежурному редактору, который немало удивился его оперативности, но похвалил и сразу же отправил в срочный номер.

Сенсационное сообщение репортера о происшествии потрясло всех, ибо подобные события держали в строжайшей тайне и до поры не разглашали.

Первым Роберта Прогнози поздравил хозяин и преподнес ему конверт с вознаграждением. Такой чести за последние пять лет был удостоен лишь один сотрудник. Затем последовали похвалы и поздравления других. Теперь его репортажи с места событий следовали один за другим, вызывая всеобщее восхищение. Редакторы давали их, как говорят, с листа без всяких дополнительных проверок и сомнений, ибо их точность могла служить эталоном.

Слава о его вездесущности, пронырливости и связях в самых недоступных кругах стала притчей во языцах, однако сам репортер о них не распространялся. Это и понятно: не мог же он говорить о том, что продал душу дьяволу. Для всех он оставался тайной за семью печатями. Вместе с тем росло и его богатство. В скором времени он купил роскошный дом из восемнадцати комнат, огромным бассейном, с великолепной зеленой поляной для игры в гольф. Для вечерних прогулок приобрел породистых лошадей, за два последних года сменил уже третью машину на новенький блестящий «шевроле» с всевозможными удобствами.

Произошли изменения и в его личной жизни. Уже через три года, после описанных вначале событий, Роберт Прогнози удачно женился на единственной дочери владельца крупной автомобильной компании, получив, таким образом, доступ к огромному состоянию тестя и жены. Несмотря на щедроты, сыпавшиеся на него, словно манна с небес, репортер оставался всегда стройным, подтянутым и подвижным, став кумиром многочисленных поклонниц.

При этом он добрее не стал, никогда не забывал недавних насмешек и унижений коллег, при случае старался им навредить, сделать больно, но делал это исподтишка, как бы чужими руками. Молодым собратьям по перу не мешал, но и не помогал, правда, насмешек и унижений за неудачи над ними не чинил, оставаясь для них холодной статуей на недостижимом пьедестале почета.

Иногда, сверх получаемых каждое утро потрясающих сведений, он не чурался и поступающей к нему самому информацией и просьб высокопоставленных особ, о которых он за немалые вознаграждения писал репортажи, интервью или развернутые аналитические размышления, обещавшие им определенную известность. Хотя материалы эти особой ценности не имели, все же теперь все, что выходило из-под его пера, становилось сенсацией. Имя Роберта Прогнози стало легендарным.

Действительно, информации и статьи, которые он готовил по собственной инициативе, тускнели перед блеском и великолепием тех, которые каждое утро оказывались на его столе, однако Роберт Прогнози считал «свои» – шедевром, образцом журналистского мастерства. А в последнее время вообще все чаще приходил к мнению, что он и в самом деле непревзойденный репортер, можно сказать, колосс, титан, что равных ему нет и таковым он стал вовсе не потому, что ему помогает дьявол, нет, а благодаря лишь собственным способностям, своему таланту.

Однажды утром, по обыкновению просматривая сенсационную информацию дьявола, Роберт Прогнози пренебрежительно вслух произнес:

– Ха... ничего особенного, такие вещи и мне под силу, – затем подумав недолго, решительно добавил: – Да хватит ходить на привязи, пора подумать о расторжении этого пресловутого договора.

В связи с женитьбой у него, естественно, появились новые друзья: подруги жены с их мужьями, сыновья крупных банкиров и промышленников, с которыми он на равных проводил время на всевозможных банкетах, балах и других веселых вечеринках. В качестве официального гостя и известнейшего репортера его часто приглашали на дипломатические встречи к президенту и в правительство, без него не обходились сколько-нибудь известные события в стране. Он постоянно был в гуще всего, что происходило в стране и за рубежом. О некоторых из них он узнавал раньше всех, еще до того, как они намечались, – каждое утро на столе теперь уже нового роскошного кабинета оказывалась информация обо всем, что должно было произойти позднее. Если раньше он принимал это как должное, теперь же все чаще задумывался над тем, как, каким образом дьяволу удастся быть столь осведомленным, старался открыть его секрет, чтобы использовать себе на пользу.

Дело дошло до того, что однажды в шесть часов утра Роберт засомневался, не поверил тому, о чем сообщалось в очередной информации дьявола.

«Сегодня на рассвете, в 5 часов 30 минут, в своем загородном доме убит известный глава сицилийской мафии в Нью-Йорке Винченцо Риголетти. Сведущие источники считают, что убийство произошло из-за раздела сфер влияния. Полиция, как всегда, прибыла с опозданием».

Боже мой, подумал Роберт, прочитав это сообщение, наверное, убийцы еще находятся в доме Винченцо, не успели скрыться... Но опубликовать эту информацию следовало обязательно, поскольку не было еще случая, чтобы дьявол ошибся, дал неточные сведения. Так быть не могло. И Роберт Прогнози, вопреки своим сомнениям, отнес редактору уже готовую информацию с кое-какими добавлениями из жизни убитого.

И действительно, работники судебно-медицинской экспертизы, осмотрев труп, пришли к заключению, что убийство Винченцо Риголетти произошло точно в 5 часов 30 минут утра. А если учесть, что информация для Роберта Прогнози готовилась заранее, с учетом доставки ее до места назначения, то невольно напрашивался вывод, что об убийстве мафиозного лидера дьяволу было известно еще до исполнения! Этот вывод ошеломил репортера и он долго не мог прийти в себя.

«Если это так, – рассуждал Роберт, – получается, что дьявол или сам принимал участие в этом спланированном убийстве, или же это делают с его непосредственного ведома. Выходит, что и в том, и в другом случае, это дело его рук. Тогда, – продолжал свои рассуждения репортер, – такая же участь может ожидать любого, кто связан с ним каким-либо образом». Страх обуял Роберта Прогнози. Нет, надо немедленно, пока не поздно, расторгнуть этот нелепый договор, теперь он ему не нужен, он, слава богу, может обойтись и без него. Но он вдруг вспомнил об условиях договора и

горько усмехнулся. Дьявол все тогда предусмотрел и предупредил, что любой отход от договора без его согласия повлечет за собою смерть. А свои обязательства дьявол выполнял исправно.

«Ну, чего расклеился, нюни распустил, – успокаивал он себя, – ничего страшного не произошло. До сего времени условия договора ты не нарушал, а дьявол говорил, что он будет продолжаться 10 лет, а может, и дольше. Так что причин для беспокойства нет, надо взять себя в руки и успокоиться».

Через два года, вспоминая о своих страхах и переживаниях по поводу убийства Винченцо Риголетти, Роберт Прогнози, улыбаясь, отнесет их к минутной слабости. Тем более, что дела его продолжали идти в гору, слава же росла прямо пропорционально богатству. К этому времени у него родилась дочь, вылитая красавица-жена.

Беспечная и полная удовольствия жизнь – несколько месяцев в году путешествия на лазурные берега лучших курортов, круизы на собственном корабле по морям и океанам в компании пресыщенных сынков известных богачей с соблазнительными красотками, – все это уводило его в мир блаженства и неги, унося от дурных предчувствий и мыслей.

Однажды в разгар неудержимого веселья на каком-то балу к нему вприпрыжку, словно клоун, подбежал какой-то незнакомый человек с бесцветным лицом и лукаво спросил:

– Что, наслаждаешься, дружок?.. – И тут же скрылся. Это прозвучало как предупреждение.

Вначале этот нелепый человек и его каверзный вопрос застали Роберта врасплох, вызвали неясную тревогу. Затем он попытался вспомнить этот, как ему казалось, знакомый голос и обстоятельства, при которых к нему обращались со словом «дружок», но, нагруженные выпивкой и впечатлениями, его мозги так никоим образом не выдали. А бал тем временем продолжался, приглашенные красотки развлекали гостей эротическими

танцами, и мир блаженства снова окутал его, и этот мимолетный, бесцветный образ исчез из его памяти, словно его и не было.

Однако в конце следующего дня, уже под вечер, Роберта Прогнози опять охватило предчувствие какой-то беды, как это бывает у зверей накануне природных катаклизмов. Состояние дискомфорта, магнетического давления не покидало его до тех пор, пока неожиданно не прозвучал телефонный звонок из штаб-квартиры ООН и мелодичный женский голос передал ему, что завтра, в 17 часов, он приглашается на очередное заседание Всемирной Ассамблеи. И все, обычный звонок, каких в его жизни были сотни. Поэтому напряжение, вначале охватившее его, спало и Роберт Прогнози успокоился.

На следующее утро, он, как обычно, просматривал очередные послания своего информатора для завтрашней газеты и на одной из страниц прочитал:

«Вчера, в 16 часов 20 минут, на углу между шестой авеню и Вашингтон-стрит, по дороге в Штаб-квартиру ООН, в результате автомобильной катастрофы, в возрасте 37 лет погиб известный репортер Роберт Прогнози. О времени похорон будет сообщено дополнительно».

Он машинально хотел отложить в сторону лист с этой информацией, как вдруг, поняв смысл прочитанного, замер с золотой авторучкой в руке. «Роберт Прогнози?» Это что, о нем идет речь? Значит сегодня, по дороге на ассамблею, он должен погибнуть? Вот вам! – и он показал невидимому врагу кукиш. Не дожидаться им этого удовольствия, не такой Роберт Прогнози дурачок, простофиля, чтобы самому, зная, лезть в эту аварию. На ассамблею он, конечно, поедет, это дело его чести, а вот к этой шестой авеню и Вашингтон-стрит его силком никто не затащит, ни черт, ни дьявол, ни судьба... Никакой информации о его гибели тоже не будет ни в «Нью-Йорк дейли ньюс», ни в какой другой газете! Не дождетесь!

Почти весь день до 15 часов пополудни Роберт Прогнози из своего кабинета не выходил, на звонки не отвечал, секретаря не вызывал, привычного кофе не просил, он усиленно думал. Мысли его были заняты лишь тем, как перехитрить дьявола, который так коварно и подло, подняв на вершину славы и богатства, теперь, в расцвете сил, решил его убить, устроив ему автомобильную аварию. Не бывать этому, не на того нарвался!

Он усиленно изучал карту города, намечал маршруты своей поездки и, потирая от удовольствия руки, радовался, что сумеет обмануть своего лютого врага, поедет на ассамблею совершенно другой дорогой, пусть намного миль длиннее, но зато подальше от устроенной дьяволом ловушки.

В половине четвертого он сел за руль своего любимого «шевроле» и поехал к намеченной цели. Карту города положил рядом с собой на сидение. Однако уже через несколько минут дорогу ему преградили ремонтные щиты – впереди шли земляные работы и Роберту Прогнози пришлось свернуть на улицу, которая не входила в его планы. Проехав еще минут пятнадцать, он увидел огромный каток, который раскатывал свежий асфальт, шел прямо на него. Пришлось направить машину градусов на 20 левее, к дороге, которую ранее решил категорически обойти. Однако, когда он, избрав запасной маршрут повел машину подальше от шестой авеню, его ожидало полное разочарование – как назло, перед самым его носом свалилось огромное дерево и он снова поменял курс...

Вопреки всем его стараниям, всевозможным ухищрениям и попыткам обойти этот роковой перекресток, уйти от возмездия, причину которого он так и не понял, все же неведомая сила, а лучше сказать – сам дьявол, лукаво улыбаясь, устраивал ему разнообразные козни и вел его блестящую машину к намеченной цели. Всем своим разумом и волей препятствуя приближению катастрофы, он в то же время сердцем чувствовал,

что предотвратить ее, остановить это движение к бездне не может, у него не хватало сил для сопротивления. Видно, в устроенном дьяволом эксперименте репортер не оправдал его надежд.

И тогда с Робертом Прогнози, считавшим себя гордым и бесстрашным человеком, перед лицом смертельной опасности произошла неожиданная метаморфоза: он вдруг стал хныкать, тихо слезливо жаловаться, бессвязно выражая свою полную беспомощность. Теперь он превратился в несчастного хлюпика, потерявшего человеческое достоинство.

– Нет, я не хочу умирать! – твердил некогда могучий репортер, обливаясь слезами. Судорожно хватая руль, он все еще надеялся, что избежит трагического конца, произойдет чудо и оно сохранит ему жизнь...

На углу шестой авеню и Вашингтон-стрит в 16 часов 20 минут, как и предсказывалось, произошла авария, которая унесла жизнь Роберта Прогнози.

Обо всем этом, за исключением рокового момента, писал он в своей тайной тетради № 6, так до конца не поверив в предсказание судьбы...

ПОЛОНЕЗ ЛЮБВИ

Эту историю поведал мне Юсуф, мой бывший сосед-иудей, некогда комсомольский вожак большого района, человек весьма мужественный и в то же время сентиментальный, с ранимой душой, уехавший несколько лет назад в Израиль на постоянное жительство. А доверился мне, видно, с тайной надеждой, что к его повествованию я равнодушным не останусь, что оно меня заинтересует хотя бы профессионально, и наверное, подобным образом хотел воскресить, не предать забвению прекрасный эпизод из своей жизни, оставивший неизгладимый след в его судьбе, и дать понять своей милой горянке, что увозит ее образ с собой навсегда.

* * *

Даже на пороге восьмидесятых годов комсомольские свадьбы на селе были редкостью, тем более в горном ауле, где законы шариата все еще довлели над мусульманами. В этом же ауле, с диковинным названием Кулокдере, Юсуф впервые организовал подобную свадьбу молодому активисту, сыну местного учителя. Вопреки устоявшимся традициям, когда столы для гостей расставляются отдельно для мужчин и женщин, что лишает свадьбу общности и азарта, здесь молодых – жениха, в нарядном черном костюме, и невесту, в красивом белом платье, – посадили вместе во главе стола, непривычно рядышком, а сами столы расставили в длинные ряды, буквой П, застелили белыми скатертя-

ми, украсили полевыми цветами и накрыли всевозможными местными яствами. Здесь было искрящееся сухое вино, разлитое в большие бутылки – четверти, ароматный свежее испеченный тандырный чурек, разнообразны закуски: дулма из виноградных листьев с простоквашной подливой, овощные салаты, зелень и нарезанный тонкими ломтиками овечий сыр. Тут же рядом готовился традиционный плов и манящий своим вкусным ароматом шашлык из баранины.

Если прежде аксакалов привычно сажали рядом с музыкантами, что невольно сковывало молодежь, особенно женщин, ибо при старших подобает вести себя сдержанно, то на этой свадьбе их усадили в сторонке, за отдельным столом, как говорится, почетно и подальше от шума. Зато на остальной территории господствовала молодежь, бурлило веселье, зажигательно играли музыканты, приглашенные в круг аульскими джигитами, беспрерывно шли в пляс девушки и женщины. Смех и радость как нельзя лучше соответствовали яркому майскому солнцу.

Многое было непривычно ново на этой свадьбе, лишь на одном настояли родители жениха – уговорили Юсуфа не только не нарушать извечный обычай предков, а и самому стать участником в исполнении этого обычая: стать енге со стороны жениха. Вдвоем вместе женщиной-енге со стороны невесты они должны были принять у жениха платок невинности после того, как молодые уйдут ночью в предназначенную им брачную комнату и станут мужем и женой. Что же касается их, енге, то им предназначалась комната рядом с брачной, разделенной лишь единственной дверью, куда никому не разрешалось входить до особого разрешения и откуда жених должен был передать им этот пресловутый платок.

Хотя Юсуф в душе был против подобного обычая, все же решил согласиться. Он еще накануне, в беседе со знающими людьми, выяснил, что на роль женщины-енге, как правило, назначается замужняя, более или

менее искушенная в подобных делах женщина. «А, бог с этим, – подумал тогда Юсуф, – поручу ей свои функции, она вполне справится».

Но каково же было его удивление, когда войдя в предназначенное помещение, он увидел ту самую очаровательную женщину, которой издали любовался весь день свадьбы. Помогая хозяевам, она с удивительной легкостью и быстротой накрывала столы, подавала гостям горячие блюда, а затем так же стремительно убирала использованную посуду и тут же рядом мыла и вытирала ее насухо. При этом она успевала принимать и приглашения на танцы, пускалась в пляс плавно и нежно, словно лебедь крыльями, поводя руками. Движения ее гибкого стана были так чарующе красивы, что Юсуф не мог отвести глаз.

Не раз и не два замечал и он на себе ее заинтересованный взгляд. Правда, делала она это так незаметно, быстро, словно невзначай, чтобы, не дай Аллах, никто не увидел, ибо проявление прилюдной заинтересованности к чужому мужчине вызовет такие пересуды, что покроют женщину-горянку несмываемым позором. Однако, несмотря на это, когда в очередной раз Юсуф снова стал танцевать, она, опустив голову, как это принято в горах, тоже вышла в круг, так как танцевать с гостем в подобных случаях женщинам адатом не возбранялось.

Несколько раз, случайно оказавшись наедине, Юсуф по взгляду ее удивительно ярких голубых глаз видел, что она хочет ему что-то сказать или о чем-то спросить, однако вдруг, неожиданно появлялся кто-то третий и она, отвернувшись, отходила в сторону.

Да, ей нравился этот высокий молодой мужчина с правильными, немного жесткими, но необычайно привлекательными чертами лица и наружности, высокий лоб которого обрамляли волнистые каштановые волосы. Но ее потрясла не столько его внешность, сколько ощущение исходящей от него силы и уверенности.

По какой-то необъяснимой причине она сразу, с первых же минут их встречи, почувствовала притяжение к нему и такое сильное, что справиться с собой уже не могла.

– Вы?! – невольно вырвалось у Юсуфа, когда он оказался с ней в предбрачной комнате. – Вы не ошиблись?..

Юсуф никак не ожидал оказаться в подобной ситуации именно с этой совсем еще молодой и не искушенной, как он думал, женщиной. И хотя он был не робкого десятка, здесь он немного растерялся и смущенно уставился в окно, хотя за ним была уже ночь и не было ничего видно.

В комнате горела лишь 15-ваттная лампочка, и ее тусклый свет создавал полумрак неведомых ожиданий.

– Нет, не ошиблись, – тихо, не поднимая головы, наконец, ответила она. – Мне поручили родители невесты, я их родственница...

Хотя лица ее было не видать, но Юсуфу показалось, нет, он готов был биться об заклад, что при этом она слегка улыбнулась. Он отошел от окна, сел напротив нее на свободный стул, посмотрел на свою судьбой предназначенную «коллегу» и испугался ее призывного взгляда. На него смотрели влажные, наполненные жизненным светом, два сводящих с ума голубых глаза, на него смотрела божественной красоты женщина.

«Боже мой, что она со мной делает», – подумал Юсуф и его ищущие карие глаза двинулись по ее шелковому бирюзовому платью вниз, к кромке подола, который до самых икроножных мышц закрывал ее длинные загорелые ноги.

– А вы, молодец, – тихо, оценивающе сказала она, – все получилось здорово: весело, необычно, красиво... У нас раньше таких свадеб не было. Теперь, с вашей легкой руки, может, и другие последуют... Кстати, меня зовут Гюльсеном, я работаю здесь медсестрой...

– Очень приятно, красивое у вас имя – «Нежный цветок», – любуясь ею, ответил Юсуф, а потом, улыбнувшись, добавил: – Вам спасибо, все старались...

– А где вы учились? – невольно вырвался у нее вопрос. – Говорят, где-то в Москве?..

– Да нет, – улыбнулся Юсуф в ответ, – окончил наш Дагестанский сельхозинститут, два года агрономом работал, а теперь... как видите...

– Что это мы все на «вы» да на «вы», – с улыбкой заметила Гюльсеном. – Не старики, небось?

– Я с удовольствием, – также улыбнувшись, ответил Юсуф и с восхищением взглянул на нее.

Но кроме веселого блеска в его глазах, она уловила что-то еще, отчего сердце ее забилося в радостном предчувствии. Ей казалось, словно мощный ураган самых счастливых эмоций внезапно налетел на нее и закружил с сумасшедшей силой, будоража и волнуя кровь.

«Мое сердце тоже тянется к тебе, нежный цветочек, – тем временем мысленно разговаривал с ней Юсуф, – я не могу отвести взгляда от твоего красивого лица, голубых, как небо, глаз и нежного стана...»

И, забывшись на мгновение, Юсуф протянул руку к лежащей на столе изящной руке Гюльсеном, чтобы прижать ее к своим губам. Однако, опомнившись, вдруг стыдливо опустил голову и остановился на полпути. «Нет, нет, я не должен идти на этот шаг, не имею право дать волю своим чувствам, – пронеслось у него в голове, – я – иудей, а она – мусульманка, это противоречит соблюдаемым здесь религиозным законам и может вызвать бурю гнева и возмущения ее родных, они никогда не простят ее, да и меня тоже... Нет!» – Юсуф судорожно глотнул, встал и отошел в сторону. Однако через минуту, забывшись, снова вернулся к столу и остановился как вкопанный.

«Трус! Чего испугался? – осуждало его сердце, а разум хладнокровно диктовал: – Остепенись, нельзя подвергать девушку опасности...»

«Ну, что же ты, милый? Что остановился? – говорил тем временем нежный взгляд Гюльсеном. – Разве ты не видишь, что я хочу твоего прикосновения?..»

Гюльсеном была потрясена, когда осознала, что она, всегда считавшая себя сдержанной и умеющей владеть собой, вдруг оказалась неспособной противостоять этому охватившему все ее существо сильному чувству. Она сделала усилие над собой и, глубоко вздохнув, спросила совсем о другом:

– Ты обратил внимание, что наши старики вначале были вроде недовольны своим уединением, но потом, когда уходили со свадьбы, были радостные и улыбались?... Им, по-моему, ты понравился.

Этот ее отвлеченный разговор о прошедшей свадьбе несколько снял его напряжение и увел от мучивших его сомнений.

– Да... мы старались все время оказывать им знаки внимания. Вначале каждому из аксакалов дали слово, а в конце свадьбы один из них даже в пляс пустился.

– О, это было так весело, когда он, отложив свой посох и подкрутив усы, пошел танцевать, как молодой, – вспомнив этот эпизод, Гюльсеном улыбнулась.

– Да, хорошо, когда люди радуются, улыбаются, – с грустью произнес Юсуф и, опустив голову, добавил: – Скоро должна была состояться свадьба и моего друга, да вот... его не стало...

– Как... – не поняла Гюльсеном, – умер?

– Погиб в Афганистане... месяц назад получили известие, – с горечью ответил Юсуф, – а накануне я получил от него письмо...

– Да-а, печально, когда гибнут молодые, – тихо, с какой-то тайной болью произнесла Гюльсеном. – Мне это ведомо... Одни погибают, другие же возвращаются порой... живыми трупами.

«Но я не об этом, милый, – снова, устремив на Юсуфа взгляд, говорили грустные и нежные, зовущие глаза Гюльсеном. – Забудь об этом, прошу тебя, у нас нет времени...»

«А ты думаешь, я не вижу, – отвечали ей полные нежности и любви глаза Юсуфа. – Можем ли мы сейчас позволить себе это?»

В следующую минуту Юсуф оторвал от нее взгляд, широкими шагами направился к окну, устремив свой взор в ночную темень, будто там искал ответа на мучивший его вопрос, потом вплотную подошел к ней сзади, положил руки на ее изящные округлые плечи и нагнул к ней голову...

Ощутив на затылке его теплое дыхание, Гюльсенем замерла в ожидании, сердце ее затрепетало в груди, как пойманная в силки птица, и в следующую секунду его тонкие губы, едва касаясь, двинулись по ее щеке, задержались на уголке ее рта. И ей показалось, что кроме этого мгновенья на свете не существует ничего. Вся дрожа от разгоревшегося в ней желания, она ждала, представляя, каким будет его поцелуй!

«О, Аллах, что со мной творится? Я сошла с ума. Если сейчас, сию минуту, сюда кто-нибудь войдет, не смыть этого позора никогда...»

Но несмотря ни на что она ждала...

И вдруг волшебная тишина этой ночи была нарушена – раздался тихий стук, дверь новобрачных приоткрылась и протянутая рука жениха предложила платок...

Юсуф, отпрянув от Гюльсенем, отчего та испытала разочарование, взял у жениха платок и, раскрыв окно во двор, негромко позвал:

– Ребята, где вы там?..

– Мы здесь, – тут же отозвался молодой голос, – давай, мы мигом... – и Юсуф протянул руку.

Закрыв окно, виновато взглянул на Гюльсенем и тихо, с хрипотцой, произнес:

– Прости, дорогая, мне пора... – и вышел из комнаты...

Потом были веселый шум, смех, стрельба в темную синеву неба и мчавшиеся к дому родителей неве-

сты молодые вестники. В обмен на платок и радостную весть они получают от благодарных родителей подарки и в придачу к ним вино, пашлыки на шампурах, чуреки и другую закуску, чтобы продолжать до утра веселье...

Юсуф возвращался в город уже за полночь. В небе мерцали звезды. На яркие фары его машины удивленно уставилась сова, потом спохватилась и, взмахнув крыльями, слетела с дороги. Он был уверен, что от переполнивших его дум и воспоминаний ему до утра не заснуть...

Через полгода, в середине осени, по зову истосковавшегося сердца, словно предчувствуя, что впереди его ждут еще большие испытания, Юсуф заправил свой издававший виды «виллис» и поехал в Кулокдере...

К этому времени он был уже не тот одухотворенный юноша, коммунист, беззаветно веривший в идеалы партии. Ему открылось вдруг, что война в Афганистане была бессмысленной и ничего хорошего не принесла, кроме тяжелой обузы и многочисленных жертв, что его лучшего друга, как тысячи других, убил в этой бойне не тот, кто в него стрелял, а наоборот, кто послал его в это пекло.

«Ты знаешь, Юсуф, – писал ему друг в последнем письме, – на этой выжженной докрасна земле, среди хмурых гор, все время идут бои. Недавно мне пришлось смертельно ранить одного из главарей душманов. Приставив к его голове дуло автомата, я хотел было прикончить уже его, как вдруг он открыл уже угасавшие глаза и тихо, на ломаном русском языке произнес: – «Не надо... – И, облизнув высохшие, безжизненные губы, добавил: – Я сейчас и так умру... я бывал в твоей стране, учился там... – по его бледно-желтому, как спелая айва, лицу промелькнула тень улыбки, – пойми... мы не бандиты... – Он вдруг устало закрыл глаза, и я подумал, что он умер, но через несколько секунд, словно придя в себя, продолжил: – Ты же видишь, что мы... нас много, мы... народ, скоро вы и сами поймете,

что революция Бабрака – обман, ваши воюют против большинства... Это ничего не даст, людей жалко, молодые гибнут...» – и он вздрогнул, откинул голову набок и умер.

Как ни странно, в правоте его слов я убеждаюсь здесь постоянно, и знаешь, Юсуф, о чем я думаю в эти дни? Может, прав этот «душман», ведь на самом деле их тысячи и тысячи... с кем же мы воюем, с народом? За что же гибнут наши парни? Ты напиши в наши верхи, может, они не знают правды?..»

Юсуф знал и верил, что, написав эти строки, другом двигала не трусость, не страх за собственную жизнь, а нечто большее. И потому решил разобраться в этом сам, приложив немало усилий на поиски тех, кто в первые два года возвращался оттуда, в основном, увечными инвалидами. С горечью вспоминал он потом о юноше, родители которого полгода не имели от сына вестей, а тот вдруг неожиданно, с костылем, без одной ноги и огромным багровым шрамом на всю щеку, появился у порога своей квартиры. Ошеломленный отец, увидев его, лишился дара речи и упал, потеряв сознание.

Большинство из возвратившихся старались вообще не говорить о войне, а при разговоре о ней оглядывались – нет ли кого рядом: видно, не раз предупреждались о пресловутой «бдительности и излишней болтливости». Однако беседа с каждым новым «свидетелем из Афгана» приводила его к выводу, что друг писал ему правду. И потому, забыв об опасности, грозившей ему самому, Юсуф ринулся исполнять его последнюю волю.

В ЦК и в партийные газеты шли его наполненные убедительными фактами письма о бессмысленности этой войны, он верил и надеялся, что открывшаяся его другу и ему самому правда дойдет, наконец, до «верхов». Святая наивность! Ему было неизвестно, что «верхи» не хотели знать и слышать об этой правде, не хотели,

чтобы о ней узнали и другие. А человека, посмеявшегося сказать о ней другим, решили проучить, вправить ему мозги. «Заблудшего» Юсуфа вызвали в большой кабинет, где партийные боссы старались «открыть» ему глаза, советовали неразумному отказаться от «бредовой» идеи. Однако Юсуф оставался непреклонным, наивно полагая, что его не поняли. Тогда его сняли сперва с работы, устроив шумный пленум-балаган, обвинив чуть ли не в предательстве, а потом исключили из партии. Из некогда всеми почитаемого человека он превратился в отверженного, изгоя.

Вначале Юсуф думал, что это нелепая ошибка, что группа его недругов решила сыграть с ним злую шутку, что очернили его не те, кто «наверху» (он надеялся, что истина до них так и не дошла), а все это дело рук чиновников «пониже». И поехал в столицу, однако, побывав и на самом-самом верху, понял, наконец, что все бесполезно – в стране действует некая отлаженная система, которая и затеяла эту нелепую войну... И тогда он впервые подумал об эмиграции.

Все эти полгода Юсуф с благоговением вспоминал о той свадебной ночи и чудесной девушке из сказки, с яркими голубыми глазами, дивным станом и нежным доверчивым взглядом. Она запала ему в душу навсегда, заняла в его сердце особое место. Он не мог простить себе позорного бегства, и это чувство вины не давало ему ни минуты покоя. Много раз Юсуф убеждал себя, что был тогда не прав, что именно поэтому поедет просить у нее прощения и скажет ей самые сокровенные слова любви, которые не говорил еще никому: что не мыслит жизни без нее, что от выпавших на его долю болей и обид его спасало все эти месяцы лишь его всепоглощающее чувство и что, несмотря на все трудности на пути их брака, он женится на ней и увезет с собой.

И вот, окрыленный этими мыслями, Юсуф, накануне своей эмиграции, ехал в Кулокдере.

Машина, натужно урча, медленно, с трудом одолевала подъем и шквальный встречный ветер. Справа осталась Гъэрэ-тепе – местность, где в раскорячку росли неуклюжие дубки с сухими бежевыми листьями и навязчивые колючки – гъэрэтикан, где горная полынь даже сейчас, в конце осени, источала свой приторно-дурманный запах. Слева же, чуть впереди, в ущелье, где раньше был лесной массив, от которого сохранилось лишь название Гурал-меше, где до большой войны и после нее прятались разбойники – гачаги, а теперь местные жители собирали боярышник да дикий кизил с мушмулой, а беспомощные – вдобавок еще и дрова – беш для растопки, Юсуф вдруг увидел укутанную в чадру старую женщину, которая, еле передвигая ноги, с трудом поднималась по склону вверх, к дороге, неся на спине большую вязанку дров. Не раздумывая, он остановил машину, вышел и бросился к ней на помощь, при этом неожиданно поскользнулся, упал и вымазался в придорожной грязи. Однако, не обращая на это внимания, подал ей руку, чтобы той легче было преодолеть подъем, а потом, сняв с ее хрупких плеч тяжелую ношу, усадил рядом с собой в машину, а дрова уложил в багажник.

Лица женщины за чадрой было не видеть.

– Что же вы, бабушка, в такую погоду за дровами пошли? – с сочувствием спросил ее Юсуф. – Неужто помощников нет?

– Нет... – как-то отрешенно ответила она.

– Как? – не понял Юсуф. – А дети?

– И детей нет, – бойко, удивительно молодым голосом ответила старушка и неожиданно добавила: – И в этом виноват ты...

Сперва Юсуф не понял ее слов, потом же, осознав их смысл, остановил машину, повернулся к ней всем корпусом и неожиданно спросил:

– Как?..

– На этот вопрос я отвечу позднее, – из-под чадры на Юсуфа глянули до боли знакомые милые голубые глаза.

– Боже мой, Гюльсеном, ты?.. – Юсуф, не веря своим глазам, зачарованно разглядывал ее, будто видел впервые. – В такой ветер... ты же заболеть можешь...

– Со мной ничего не будет, я привычная... а вот тебе нужна помощь, ты весь в грязи, – заявила она решительно и тут же добавила: – Видишь, вон там справа, небольшая постройка, подъезжай к ней с задней стороны, – она указала рукой, – там машину совсем не будет видно с дороги...

– Что это за постройка? – невольно вырвалось у него, когда он подъехал к указанному месту. – Небось, здесь и воды нет?..

– Вода есть, да еще какая, лечебная, – успокоила его Гюльсеном. – Вон погляди, в ста метрах от нас родник бьет, Исты-булагом зовется, летом сюда стекается много народу принимать ванны... А постройка – так это маленький теплый дачный домик. Он из рваного горного камня и глины. В свое время, когда был жив, отец построил его для укрытия от здешних ветров, он часто приходил сюда отдыхать. Теперь, как видишь, я хожу... и дрова несла сюда. Вот мы и доехали, – добавила она и подошла к двери. – Заходи смелее, там никого нет, – весело пошутила хозяйка и пропустила его вперед.

Опустив голову, Юсуф и Гюльсеном зашли в побеленную известью чистую прихожую. Справа топилась встроенная в стену и сложенная из кирпичей печь, на которой грелись ведро с водой и чайник. В центре же, на низкой деревянной подставке стояла на ведер десять-пятнадцать, уже наполовину заполненная водой дубовая лохань, из которой струился пар. Слева – стол с двумя табуретками и старый шкаф с замысловатой посудой. Напротив была занавешенная дверь в другую комнату.

– Так, – остановилась она в центре прихожей, – прежде всего сними, пожалуйста, куртку и ботинки, а я их почищу.

И когда Юсуф передал ей куртку и обувь, Гюльсеном ахнула:

– Да они сплошь в липкой грязи! Ничего не выйдет, вначале их надо высушить... – и она повесила куртку на гвоздь у печи.

– А дальше? – улыбнувшись, спросил Юсуф.

– А дальше... садись за стол, я тебя чаем угощу, – однако заметив нерешительность Юсуфа, разглядывающего свои брюки, подошла ближе. – Придется и брюки снять, они тоже заляпаны глиной, у нас тут кругом глина... – Она вытащила откуда-то ношенные брюки от спортивного костюма и протянула их Юсуфу: – На, переоденься, они чистые, отцовские...

При этом случайное прикосновение рук обожгло обоих и их взгляды встретились.

«Любимый мой, как я рада, что ты здесь, – говорили ее милые, нежные, полные откровенного желания глаза. – Тебя всевышний послал...»

«Да, так и есть, любимая, – будто читая ее мысли, отвечал ей молчаливый взгляд Юсуфа, – меня привела сюда судьба...»

– После твоего... бегства, в ночь свадьбы, – не скрывая свой радости, разливая чай, говорила, улыбаясь, Гюльсеном, – я несколько раз была в городе, была и у тебя, в райкоме комсомола, искала встречи... Однажды даже увидела невдалеке, но подойти не решилась, что-то сковывало, думала, может, ты не захочешь...

– Да что ты... – любуясь ею, ответил Юсуф, – я был бы рад и счастлив... Я не раз вспоминал тебя...

– А что творилось со мной... Я не находила себе места, все думала, почему ты так стремительно уехал тогда, что я сделала или сказала не так?.. Ты часто снился мне. Стыдно признаться, ночью просыпалась вся

в поту. Да, Юсуф, мои мысли и душа истомились без тебя, – запинаясь, словно на исповеди, говорила Гюльсенем.

– Я бы давно приехал, дорогая... Я должен был во всем тебе признаться... да у меня такое началось, ты, наверное, не знаешь... – Юсуф опустил голову.

– Знаю, Юсуф, все знаю... – с грустью ответила Гюльсенем, – так мог поступить только мужественный человек, поверь, я горжусь тобой. – Она ненадолго задумалась и продолжила: – У нас правды боятся, как заразы, и на этом пленуме подонки так все преподнесли, я читала в газете, будто ты диссидент, чуть ли не предатель... А я знала, что правда на твоей стороне...

– Почему?... – Юсуф с удивлением взглянул на нее. – Я что-то ничего не пойму...

– Я ведь знаю обо всем этом не понаслышке... – Она в задумчивости опустила голову. – Помнишь, в ту ночь свадьбы ты рассказал мне о своем друге, который погиб в Афганистане? Забыл, что я тебе тогда ответила?..

– Не помню, прости... – искренне ответил Юсуф.

– Я тогда ответила, что мне это ведомо, мол, кто-то погибает, а кто-то возвращается живым трупом.

– Да, я вспомнил...

– Так вот, живым трупом с войны в Афганистане вернулся мой муж.

– Боже мой, Гюльсенем... – удивленный Юсуф вскочил со своего места и схватил ее за руку. – Прости меня, я не знал... Как же это случилось?

– Вернулся он с этой войны, чуть больше года назад с ранением в позвоночник. Как оказалось, пуля чудом застряла между двумя позвонками, готовая в любой момент лишить его не только движения, но и самой жизни. Видно, еще в госпитале врачи, вскрыв рану, не решились лезть дальше и, чтобы не навредить еще больше, отправили его домой в надежде, что он не будет делать резких движений, а значит, будет жить. Его

об этом строго-настрого предупредили. Но он, к сожалению, серьезности своего положения не понял, или не придал должного значения, никому из домашних ничего не сказал. – Она ненадолго задумалась, а потом продолжила: – Видно, надеялся на свой организм. Я тогда после окончания медучилища вернулась домой, и мои родители сразу выдали меня за него замуж... А через неделю после нашей свадьбы, поднявшись рано утром, он пошел нарубить дрова и с криком, будто в него выстрелили, упал на землю. И все это время лежит без движения, исхудал, кожа да кости...

– Значит, до нашей встречи на свадьбе ты уже полгода была замужем? – удивился Юсуф. – А я считал тебя незамужней...

– О моих страданиях я никому не рассказывала, чего говорить, если никто помочь не может. Вот так, через неделю после свадьбы я стала и не замужней и не вдовой... Правда, в последнее время, когда, по моему настоянию, из города стали часто приезжать врачи, людям стало известно, в маленьком ауле ничего не скроешь... – с печалью в голосе говорила Гюльсеном.

– И что теперь говорят врачи? – с участием спросил Юсуф. – Неужто ничего нельзя сделать?..

– Куда там... в последний раз комиссия в составе лучших врачей республики заявила мне без утайки, как медработнику, что дни его сочтены, максимум два-три месяца... Сейчас он у своих родителей, они попросили взять его к себе... – печально заключила она.

Услышав такой ответ и этот печальный рассказ, Юсуф поразился ее мужеству, выпавшим на ее долю испытаниям.

– Да-а... – в раздумье протянул Юсуф и с горькой иронией добавил: – Выходит, от прикосновения с этой войной пострадал не только я, но и ты...

– Выходит... хотя нам легче, мы живы, – ответила она и, спохватившись, добавила: – Теперь, когда ты, до-

рогой мой человек, все обо мне знаешь, нам прятаться друг от друга незачем. Прошу тебя, пойдя раздаться и можешь, искупаться, а то вода остынет. Я же почищу твою одежду..

– Мой «Нежный цветочек», – смущенно ответил Юсуф и, взяв ее ласково за плечи, добавил: – Я так не могу, родная...

Гюльсеном нежно обняла его за шею, придвинулась к нему ближе, раскрыла губы навстречу его губам, всем своим переболевшим сердцем почувствовала, что никогда еще никого так не любила, никогда ни в ком так отчаянно не нуждалась, как в нем. Ее страсть удивила Юсуфа. Он еще раз убедился, что огонь между ними не гас все эти полгода их разлуки. Настойчивость ее мягких губ, прикасающихся к его рту и лицу, наполняла его таким жаром, что он не чувствовал в себе силы оттолкнуть ее. Он лишний раз убедился, что это его судьба.

Без колебания он разделся и залез в воду...

– Потом и я искупаюсь, – ласково сказала она, забрала его одежду и отошла.

Через несколько минут, услышав его зов, она подала ему чистую простыню и отослала в другую комнату.

– Иди, милый, я сейчас...

В комнату она вошла совсем нагая и в нерешительности остановилась у застланного чистым бельем топчана. Юсуф, зачарованный ее красотой, тут же поднялся. Взял ее на руки и, когда она обвила его шею ласковыми руками, весь затрепетал, мягко положил ее на постель и стал целовать ее сладкие губы, нежную шею и, не в силах больше сдерживать своей страсти, крепко сжал ее в объятиях.

– Мой «Нежный цветочек»... – застонал он. – Ты же видишь, что я не сумею остановиться...

– А я и не хочу, любимый... – пробормотала она, отвечая на его ласки.

При виде ее чарующей наготы в тусклом свете лампы у него перехватило дыхание.

– Ты еще красивее, чем мне казалось вначале, – проговорил он, опуская голову, чтобы поцеловать шелковистую кожу на ее груди. – Ты должна уехать со мной, слышишь, ты мне нужна... – прошептал он ей на ухо.

Оставив его просьбу без ответа, Гюльсеном запустила пальцы в его густые каштановые волосы и нежно промолвила:

– Знаешь, милый, я так мечтала быть с тобой... как сейчас... оставь себя во мне...

– И я... – хрипло произнес он, придавливая ее своим весом и снова ища ее губы...

В полночь, покидая ее, Юсуф в который раз с мольбой произнес:

– Прошу тебя, любимая, поедem со мной, я подожду столько, сколько надо...

– Нет, милый, это невозможно... – непреклонно ответила она. – Я очень люблю тебя, прости, на это я пойти не могу...

В следующий миг, словно по волшебству, в маленькое окошко этой комнаты неожиданно заглянула истосковавшаяся по любви бледнолицая луна и осветила влюбленных, нежно прижавшихся друг к другу.

И в этой звенящей тишине Юсуфу показалось вдруг, что где-то рядом, совсем близко, звучит музыка.

«Что это? – пронеслось в его затуманенной голове. – Может, это ветер воет в ночи? Или это песня их ноющих в прощании сердец? А может, это полонез любви?...»

* * *

Четыре месяца спустя, как и предсказывали врачи, муж Гюльсеном умер – афганский Молох унес очередную жертву. Оставив аул, Гюльсеном устроилась на работу в городской больнице. Я видел ее недавно, державшую за руку четырехлетнего мальчугана с такими

же, как у матери, голубыми глазами, высоким, не по возрасту, лбом и волнистыми каштановыми волосами, невольно вернувшими меня к истории пятилетней давности.

И верится, что, несмотря на все удары судьбы, эта мужественная женщина не согнется, выстоит, вырастит своего первенца настоящим человеком и свое счастье в жизни непременно найдет...

ВЫСОХШИЙ КОЛОДЕЦ

Единственное, что оставил нам в наследство дед, был колодец – гордость всей нашей семьи. Рассказывали, что строил он его целый год и построил на славу – глубокий, чистый, с лесенкой вниз. Случайный прохожий или гость, испив из него воды, долго потом говорил, что не пил такой ни разу в жизни.

Действительно, вода в колодце была холодная, будто стекала в него с ледяных вершин, зеркально-чистая, с еле заметным привкусом горного пырея. Долго служил нам колодец, став предметом заботливого ухода, пока однажды к нам не провели водопровод.

С этого дня колодцу не везло. Наши домашние перестали брать из него воду, ссылаясь на то, что это отнимает много времени, кто-то уронил в него старое ведро, дети стали бросать камешки, а потом все, что попадало им в руки, забавляясь звуками булькающей на дне воды.

Шло время, а оно многое стирает. Забыли и о колодце.

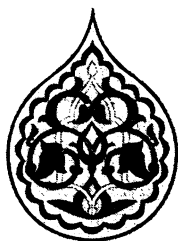
Но совсем недавно (по случаю ремонта водопровода) мы остались без воды. Вот тогда и напомнил о себе забытый колодец. С сожалением и грустью смотрели мы на него: со дна колодца несло чем-то неживым.

И сегодня, когда уже нет того чудесного колодца, которому мы прежде не знали цены, пришло понимание, что в свое время мы не уберегли плодов добрых рук человеческих.

Не ценим друга, пока он с нами, не бережем матерей, пока они живы.

...Мы не ценим воду, пока не высохнет колодец.

ПРИТЧИ

СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ

Трудно было поверить в то, что в доме Соломона произошёл скандал. Не верили в это многие, ибо, известный всей округе виноградарь и чрезвычайно искусный винодел, он пользовался еще славой человека весьма мудрого и терпеливого. Трое его сыновей, следуя традициям семьи, не только создавали новые сорта великолепных вин, но и приумножали свои и без того немалые богатства.

В небольшом провинциальном городке жители знают друг о друге почти все, а в этой семье, как было известно всем, царила удивительная дружба и нежная любовь. И в радости, и в горе братья Соломона и их дети всегда оказывались вместе, будто были связаны священным обетом. Вот почему событие, имевшее место несколько дней назад и непонятно, каким образом ставшее достоянием жителей городка, было воспринято всеми с недоверием, словно произошло что-то невероятное, неправдоподобное, такое, что произойти вообще не могло.

Дело в том, что совсем еще не старый, но смертельно больной Соломон, потеряв надежду на свое выздоровление, решил в присутствии своих сыновей и внуков высказать последнюю волю и сделать заявление о разделе своего состояния.

Как известно, природа не терпит однообразия: на смену урагану приходит покой, чрезмерно жаркое лето непременно сменяется холодной зимой, из глубоких, казалось бы, спящих недр земли вдруг с оглушительным грохотом вырывается огненный вулкан. Да, такова жизнь. Бывает, что рядом с добром ходит зло, из

одного куска железа куют и меч, и соху, в ядре согласия исподволь растет раздор. Мудрость потому и называется мудростью, что позволяет вовремя найти грань между двумя противоположностями.

Так вот, скандал в доме умирающего Соломона произошел именно из-за несогласия младшего сына, посчитавшего решение отца о разделе недвижимости несправедливым, унижающим его честь и достоинство. Зная вспыльчивый характер своего «мизинца», кстати поразительно похожего на него самого, Соломон не раз замечал в нем ростки эгоизма и несдержанности, иногда даже вспышки гнева в его глазах, но каждый такой случай затухал, не вызвав пожара, как блеснувшая и погасшая искра. Мудрый Соломон понимал, что так долго продолжаться не может, что этому опасному чувству надо дать выход, так сказать, разрядить его, чтобы, не дай бог, оно не внесло разлад в сложный и слаженный механизм его семьи, в гармонию взаимоотношений, которую он пестовал всю жизнь, и, чтобы разрядка эта стала не холодным разрушительным градом в весеннюю цветущую пору, а живительным дождем после изнуряющего знойного дня.

Вот почему Соломон, заведомо зная, что эгоистичный, избалованный им самим младший сын сгоряча, не подумав, может посчитать его решение в отношении себя несправедливым, все же заявил о нем внятно и во всеуслышание.

Как и ожидалось, «мизинец» взорвался на этот раз всерьез и по-настоящему, принял заявление родителя, что называется, в штыки, с раздражением, бросился с обвинениями на братьев, якобы склонивших отца к этому несправедливому, на его взгляд, решению. Не давая никому высказаться, он швырял братьям незаслуженные оскорбления, а когда один из них стал призывать его к благоразумию, сперва накинулся на того с кулаками, а потом с обидой заявил, что все они сговорились против него, что, мол, теперь ему уже ничего не надо, что он, де, отказывается и от всего остального

тоже и покидает семью навсегда. Вот тогда Соломон решил, что откладывать разговор нельзя, наступил тот единственный случай, когда другого выбора нет и не будет.

– погоди, сын, наберись терпения... Я хочу рассказать вам одну старую историю, которая стала для меня незабываемой... – Он ненадолго умолк, тяжело вздохнул, видно, разговор этот давался ему нелегко. – Вы когда-нибудь видели, чтобы я и ваши дяди ругались или говорили друг другу обидные слова? – И сам же ответил: – Нет, конечно, такого не было. И вот почему... Мне нелегко будет рассказать обо всем этом, но не сказать тоже не могу... Много лет назад, когда каждому из нас – четверых братьев – было не больше восьми-четырнадцати лет, произошел такой случай...

– Как – четверых, отец? – с недоумением спросил Соломона старший сын. – Вас же трое?

– Да, сын, потерпи и слушай дальше... – Соломон с трудом перевел дыхание, поднял с подушки уставшее тело и, облокотившись на правую руку, обратился к младшему: – Я был тогда самым младшим, как и ты, сын, но крепким, бодливым, с норовом... Однажды под старым ковром в доме я нашел кучу монет, которые, надо думать, каждый раз оставляли друзья отца, когда в очередной раз бывали у нас в гостях. Видно, обычай был такой... Собрал я эти красивые искрящиеся серебром монеты и стал хвастаться. Братья справедливо потребовали, чтобы я разделил их с ними, однако я категорически отказался, заявив, что нашел их сам и потому они принадлежат мне. Сегодня, с высоты своего жизненного опыта, я понимаю, что был не прав, но тогда... я оттолкнул одного из братьев, потом второго, который сделал попытку взять одну из монет. Тогда двое старших братьев обиделись и, не сказав ни слова, покинули дом и пошли на улицу играть с друзьями, а тот, который родился за год до моего появления на свет, накинулся на меня с требованиями справедливого раздела. Короче, мы подрались, исцарапали друг

друга и дело дошло до того, что я, разозлившись, схватил металлический кувшинчик для омовения и бросил его в своего десятилетнего брата... и... убил... – От горьких воспоминаний по бледному лицу Соломона прошла еле заметная судорога и он, закрыв запавшие глаза, ненадолго умолк. – Я не сразу понял о случившейся трагедии... Мой любимый брат с проломленным черепом лежал на полу, будто лег от...дох...нуть... – Соломон судорожно вздохнул и закашлялся. – Потом я, забыв о ссоре, бросился к нему, стал плакать и звать на помощь... Пришло, наконец, понимание, что брат умер и что убил его я, я... убил своего родного брата.

Услышав мои стенания, прибежала мать и, увидев распростертого сына, бросилась к нему, сразу все поняла, завывала от горя и вся в слезах побежала звать отца. Что она сказала отцу, какими словами объяснила случившееся, не знаю до сих пор, эта тайна ушла с ними вместе. Но отец не бил меня и не кричал, а как-то сторбившись, словно взял на свои могучие плечи тяжкий грех, непосильную тяжесть, обнял меня за хрупкие трепещущие от плача плечи, отвел от трупа в сторону и строго сказал:

– Запомни, сын! Твой брат случайно упал с лестницы, ударился головой и умер... – И, заметив мой молчаливый недоуменный вопрос, продолжил: – Ты понял, сын? Именно так случилось! Тебя тоже не было дома, первым его увидела мать. Только так! Обо всем остальном забудь! Навсегда!

Об истинной причине нашего горя родители решили никому не говорить, даже моим братьям. Было сказано лишь о том, что мальчик неосторожно упал с лестницы и разбился. Так сказать, несчастный случай... Для других – да, это было так, но не для меня, я-то знал, кто убийца, кто злодей, меня преследовали кошмары... И по сей день эти страшные видения не дают мне покоя... Да, дети мои, зло возвращается, тот, кто совершил злодеяние, страдает порой не меньше того, на кого оно было направлено. Возмездие за злодеяние – неми-

нуемо, сколько бы ты в жизни потом ни сделал добра и благодеяний, стараясь искупить свой тяжкий грех. На весах судьбы зло всегда тяжелее, ибо оно есть зло! Сознание однажды совершенного убийства все эти годы, как рок, преследовало меня, истощая мозг и разрушая сердце. Вот почему я, не справившись с этой тяжелой ношей, ухожу из жизни, не испытав старости...

– Прости, отец, мне стыдно! – младший сын опустился к изголовью больного.

– Да, верно, за деньги можно многое купить: и дома, и украшения, и удовольствия... – Соломон оглядел своих притихших детей и внуков и, словно подводя итог сказанному, добавил: – Главное предназначение человека – это достойно прожить до старости, все остальное – суета сует... – Соломон снова бессильно упал на подушку, чтобы, набравшись последних сил, закончить начатый разговор. – А теперь подойди ко мне, сын, – попросил он младшего сына. – Я хочу попросить тебя об одолжении... можешь ты дать слово, что исполнишь его?

– Да, отец! – твердо ответил сын, подойдя ближе к его изголовью.

– Никогда не обижай другого, не делай ему больно! Любите друг друга, дети мои, ибо любовь к ближнему – великая земная сила!..

– Обещаю, отец, ты только не волнуйся! – снова заговорил младший.

– Да... теперь я спо...ко...ен... – Соломон устало закрыл глаза и ушел в иной мир, оставив заветную эстафету своим детям.

УРОК У ПЕРЕКЛАДИНЫ

У богатого купца рос единственный сын Бахши. В постоянных поездках из одной страны в другую он и не заметил, как сын вырос и превратился в красивого юношу. Но в последние два года, каждый раз возвращаясь домой, он находил Бахши в компании подгулявших друзей, хмельного и беспечного.

Отец, конечно, любил сына и ему не было жалко денег, которые тот тратил, не зная счета. Умудренный жизнью, он видел далеко вперед и понимал, что, в конечном счете, все его состояние так или иначе останется единственному наследнику. Отца тревожило и смущало другое – то, что сын, лихо растрачивая накопленное им богатство, все еще не осознал, что оно не безгранично и что создавалось оно тяжким трудом, ценой многих лишений и опасностей, потерей здоровья, наконец. Зная о своей тяжелой болезни, отец беспокоился о том, что эта легкость, бесшабашность в тратах, может привести сына к иллюзии, что жизнь состоит из одних лишь радостей, и первая серьезная трудность, даже небольшое испытание, может его сломить, а, может быть, и погубить. Вот почему он, щадя самолюбие и гордость сына, старался ненавязчиво, мягко привести его к благоразумию.

Однако сын, становясь взрослым и приобретая новых и новых друзей, не только не слышал и не понимал больного отца, а становился еще более раздражительным и непослушным. Его кутежи, постоянные попойки не прекращались, а, наоборот, приобретали новые, все возрастающие масштабы.

Поведение сына не меньше, чем отца, тревожило и опечаленную, больную мать.

– Что ты с собой делаешь, сынок, – не раз и не два с горечью в глазах спрашивала она его, – ты что, хочешь убить нас?

– Оставьте меня в покое! – отвечал Бахши возмущенно. – Я никому не мешаю! Вам что, денег жалко?

– Да разве в деньгах дело, сынок? Ты себя губишь! Ты посмотри, на кого стал похож, чтобы ослепнуть мне! – в сердцах взывала она к его разуму.

Однако сын не менялся, и тревога за него, словно черная грозовая туча, нависла над их домом. И надо ли удивляться, если под тяжестью этой беды, так немилосердно свалившейся на семью, больная женщина не выдержала и в скором времени угасла, как свеча.

У Бахши был друг, которого звали Мизандаром, он один из всей его компании не поддакивал ему, а прямо, не за глаза, говорил, что путь, на который он встал, может привести его в конце концов не только к печальному исходу, но, возможно, и к гибели.

Однако Бахши, рассердившись, обозвал друга выскочкой и под улюлюканье остальных прогнал из своей компании.

Поскольку из родника Зюм-Зюм еще никому не удавалось испить животворной воды, то и для купца настал его смертный час, тем более что дала о себе знать неизлечимая болезнь, да и безвременный уход жены и горькие раздумья о сыне тоже ускорили его конец. Для такого тонкого, чувствительного, легко ранимого человека, как он, достаточно было и одной из этих причин.

И вот, лежа на смертном одре, он подозвал к себе сына и тихо, из последних сил, произнес:

– Знаю, что в своей беготне по жизни я непростительно многое упустил, да и тебя тоже... Прости, сын... Хочу попросить тебя об одной милости, – от волнения он глухо, с надрывом закашлялся, долго не мог вздохнуть, отчего губы и лицо его неожиданно посинели, на бледном лбу выступили капельки пота и, казалось, что вот уже и наступил конец. Но жизнь будто дала ему еще один, последний шанс высказаться, и дыхание его

с трудом восстановилось. – Пока есть деньги, сын, к любовнице ходи рано утром, на рассвете; компанию друзей посещай, когда застолье идет к концу; а когда увидишь, что деньги кончились и друзья от тебя отвернулись... – Заметив сомнение в лице сына, продолжил: – Поверь мне, так оно и будет... Когда к тебе придет понимание никчемности, бессмысленности жизни, – вот тогда повесься на этой пере...кла...ди...не... – И остывающим взглядом указал сыну на дверную перекладину.

Сорок дней после похорон отца сын не выходил из дома, не выпивал в компании друзей, не поддавался блуду. Но как только прошел установленный адатом срок, он снова окунулся в свой привычный омут, словно не было отцовских заветов... Снова были дорогие любовницы, шумные пьяные оргии и веселая, беспечная жизнь.

Но подобно тому, как полные винные бочки постепенно иссякают и пустеют, так же стало иссякать и его богатство. Наступил день, когда продолжать вести прежний образ жизни стало невозможно – денег уже не хватало, а потом вообще не осталось даже на хлеб насущный. Неделью-другую он гулял за счет друзей, но таких бесечно щедрых, как он сам, оказалось среди них немного. Теперь уже бывшие друзья вообще перестали его приглашать. Недаром говорят, что застольные друзья – недолговечны.

«А как поведет себя та, которая в последнее время давала мне усладу?» – подумал он и на рассвете пошел к своей любовнице. Дверь открыла совсем не та, которую он знал, – краснощекая и белолицая с пышной грудью молодая красавица. Перед ним стояла женщина лет сорока, с жидкими растрепанными волосами, с бледным и уже морщинистым лицом, на котором все еще оставались следы сползающего макияжа. «Да она же безобразна! – с ужасом подумал он. – Как же я не видел этого раньше?!»

От нее он не уходил, а убегал, как мальчишка от первого греха.

О том, что бывшие друзья собираются сегодня вечером в ресторане на очередной кутеж, он узнал от того же Мизандара, который, несмотря на нанесенную ему горькую обиду, все же старался быть рядом с Бахши. Сделав вид, что ни сам Мизандар, ни его информация его не интересуют, Бахши где-то в полночь, в самое время, как он считал, когда «гулянье» идет к завершению, направился в ресторан. Он впервые оказался в этом заведении трезвым.

И войдя в зал, он ужаснулся увиденному: один из его друзей полулежал прямо на столе, уронив голову на тарелку с холодцом, другой – свалился на пол, намочив от недержания новые дорогие брюки, третий – со спущенными штанами навалился на размалеванную подругу, да так и заснул на ней. В таких же неприглядных позах были и остальные. Стоял такой смрад, кругом было столько грязи и мусора, что ему стало не по себе. «Неужели и я бываю такой же? – удивился Бахши про себя. – Да, прав был отец, я действительно слепец и глупец!»

Разочарование в себе было столь велико, что он пришел к самому печальному заключению о бессмысленности подобной жизни. Он чувствовал полную безысходность. «Эх, если бы можно было все начать заново, – думал он, – жить так больше незачем, да и не на что!»

Вспомнив о последнем наставлении отца, он вернулся домой, подошел к той самой дверной перекладине, связал из веревки петлю и, оплакивая свою жалкую жизнь, повесился...

Однако перекладина не выдержала тяжести тела и неожиданно обломалась. Вдруг откуда-то сверху на голову незадачливого самоубийцы свалилась шкатулка работы искусного мастера. В шоке от случившегося, придя в себя, он протянул руку и взял шкатулку, открыл ее и ахнул от изумления – она была полна драгоценностей.

СОДЕРЖАНИЕ

В плену Апаты. Документально-художественная повесть.....	5
Маковый след. Роман	227
Рассказы	425
Притчи	457

Михаил Борисович Дадашев

В ПЛЕНУ АПАТЫ

Редактор *Н.Рагимова*

Художник *Р.Джамамедов*

Художественный редактор *М.Левченко*

Корректор *И.Селиванова*

Технический редактор *В.Гаджиева*

Лицензия ИД 05334 от 10.07.2001

Сдано в набор 07.04.2008. Подписано в печать 28.08.2008.

Формат 84х108^{1/32}. Бумага офсетная.

Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная.

Усл.п.л. 24,8. Уч.-изд.л. 23,0.

Тираж 500 экз. Заказ № 108. Цена свободная.

**ГУ «Дагестанское книжное издательство»
Министерства по национальной политике,
информации и внешним связям РД
367000, РД, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6**

ООО «Издательство «Лотос»
367000, РД, г. Махачкала, ул. Пушкина, 6

